

ISSN 0236-2481

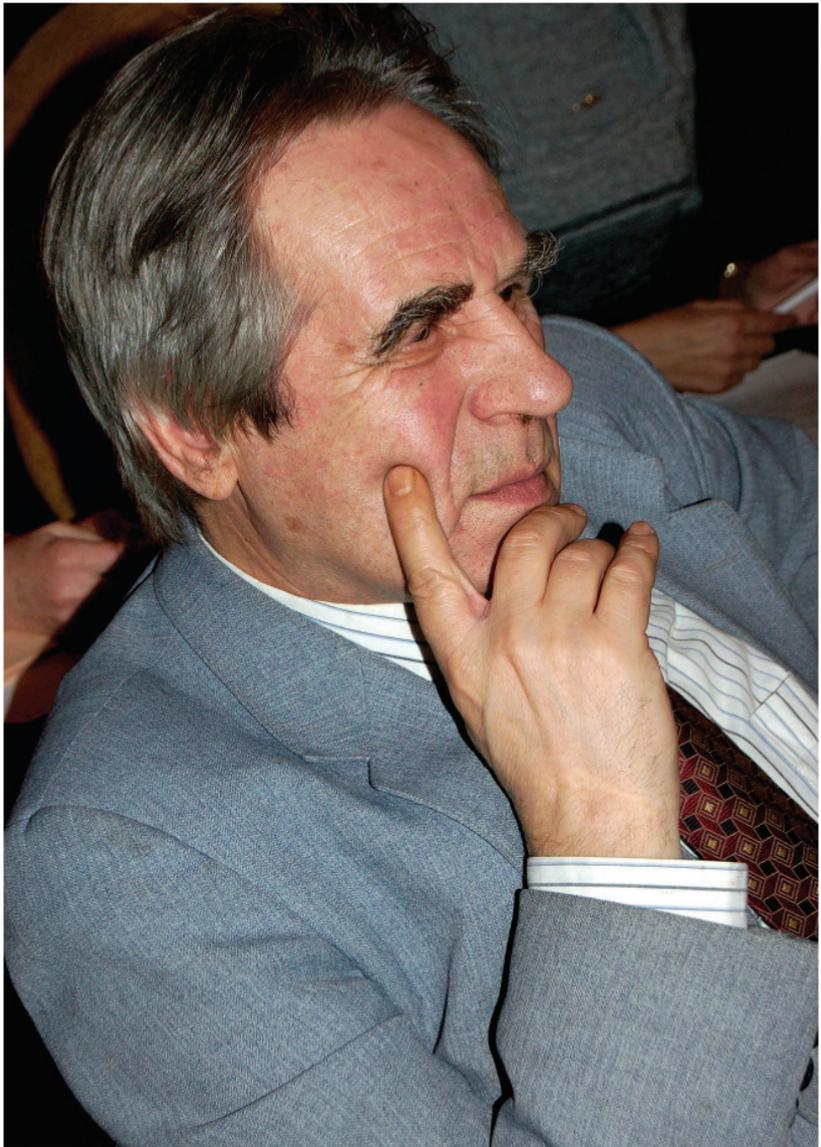
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВРЕМЕНИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 40

Памяти
Сергея Александровича
ФОМИЧЕВА

Handwritten signature

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 40

Санкт-Петербург
2026

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Ответственный редактор
А. Ю. БАЛАКИН

© Авторы статей, 2026
© Пушкинская комиссия РАН, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда работа над этим выпуском уже подходила к концу, пришло горестное известие: 2 октября 2025 года ушел из жизни Сергей Александрович Фомичев, занимавший одно из самых заметных мест в пушкинистике конца XX — начала XXI века. Его памяти мы посвящаем 40-й выпуск «Временника Пушкинской комиссии» Российской академии наук.

Почти четверть века, с 1980 по 2004 год, С. А. Фомичев был ученым секретарем Пушкинской комиссии. В то время ее возглавляли академик М. П. Алексеев и сменивший его академик Д. С. Лихачев. С безграничным доверием они относились к своему младшему коллеге — компетентному, инициативному, энергичному. В качестве ученого секретаря С. А. Фомичев подготовил десять выпусков «Временника». В круг важных направлений деятельности комиссии входило широкое сотрудничество с пушкинскими музеями страны. Сергей Александрович был многолетним председателем и членом Ученых советов пушкинских музеев в С.-Петербурге, Москве, Пушкинском заповеднике в Михайловском, вел обширную переписку с музейными сотрудниками, поддерживал местных краеведов, не жалел своего времени и для пушкинистов-любителей. Хроникальный отдел «Временников» всегда был насыщен информацией о жизни различных пушкинских учреждений. Сформированные нашими предшественниками традиции и структура «Временника Пушкинской комиссии» определили облик этого издания, который нынешняя редколлегия стремится бережно сохранять. Некролог Сергея Александровича Фомичева и библиография его публикаций за последние годы помещены в разделе «In memoriam».

* * *

Раздел «Материалы и сообщения» открывается статьей хранителей Пушкинского фонда Т. И. Краснобородько и В. В. Турчаненко, в которой рассказывается о новых поступлениях в фонд: это автограф Пушкина и две книги из его библиотеки. С. Б. Федотова предлагает уточнения датировок стихотворений, написанных в Ми-

хайловском летом и осенью 1827 года. В статье М. Н. Виролайнен ставится вопрос о текстологическом статусе пушкинских заглавий и подзаголовков в контексте эдиционных практик.

В «Обзорах» помещен реферат новой книги венгерской исследовательницы Жофии Калавски «Тотальный Пушкин: Популярные жанры в формировании культа Пушкина».

В разделе «Статьи и заметки» публикуются работы, посвященные различным аспектам изучения биографии и творчества Пушкина, — проблеме выбора основного источника текста стихотворения «Моя родословная» (Т. А. Китанина), комментированию устойчивых поэтических формул (Е. В. Кардаш) и галлицизмов (А. А. Добрицын), роли Е. М. Хитрово в дуэльной истории Пушкина (А. В. Курочкин), бытованию «псевдопушкинианы» (И. Ю. Виницкий), раскрытию псевдонимов Ж. К. и Д. Р. К. (А. И. Рейтблат).

Раздел «Из истории пушкиноведения» в основном состоит из публикаций неизвестных архивных материалов. Это переписка Л. П. Гроссмана и П. П. Перцова, свидетельства о работе А. А. Ахматовой над комментариями к фототипическому изданию одной из рабочих тетрадей Пушкина, докладная записка В. Д. Бонч-Бруевича к Президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову, проясняющая сложную историю академического Полного собрания сочинений Пушкина, документы о чтении Пушкина в 1920-х годах рабочими одного из заводов.

«Хроника» повествует об онлайн-семинаре «Пушкин и его эпоха» и работе над словарем французского языка Пушкина.

Цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не указано особо, приводятся либо по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16; 1959. Т. [17]: Справочный том) со ссылками в скобках (римские цифры обозначают том, арабские — страницу), либо по новому академическому Полному собранию сочинений (СПб.: Наука, 1999—2025. Т. 1—3, 7, 9; издание продолжается) с сокращением в скобках АПСС и указанием тома, книги и страницы. Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и в случае необходимости — лист рукописи.

Указатель имен составлен А. С. Лашевой, А. К. Михайловой и А. И. Роговой, указатель произведений Пушкина — Н. Е. Косьяненко. В редактировании выпуска принимали участие Е. И. Вожик и Эмма Джордж.

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. И. КРАСНОБОРОДЬКО, В. В. ТУРЧАНЕНКО

НОВОЕ О БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНА Дополнения к каталогу Б. Л. Модзалевского

Личная библиотека Пушкина, как известно, положила начало книжным и рукописным собраниям Пушкинского Дома, решение о создании которого было принято 15 декабря 1905 года академической Комиссией по постройке памятника Пушкину в Санкт-Петербурге. К этому времени по договоренности с наследниками библиотека уже находилась на временном хранении в Императорской Академии наук: в сентябре 1900 года Б. Л. Модзалевский, состоявший тогда в должности младшего письмоводителя канцелярии академической Конференции, перевез пушкинские книги в Петербург из подмосковного имения внука поэта А. А. Пушкина в селе Ивановское Бронницкого уезда и приступил к составлению каталога библиотеки. Последовавшая за этим череда, казалось бы, случайных событий привела к тому, что уже в апреле 1906 года пушкинское книжное собрание было приобретено у А. А. Пушкина на средства государственной казны — именно для будущего академического института.¹ «Главное, мы можем с Модзалевским себя поздравить: положен очень серьезный фундамент в основание “Дома Пушкина”»,² — записал в своем дневнике после удачного завершения покупки делопроизводитель Комиссии В. А. Рышков.

¹ Эту почти детективную историю зафиксировал в своем дневнике В. А. Рышков (см.: В. А. Рышков и его дневник / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 136—138). См. также: *Сидяков Л. С.* Библиотека Пушкина и ее описание // Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. Приложение к репринтному изданию. М., 1988. С. 76—80, 114—115; *Краснобородько Т. И.* По следам Б. Л. Модзалевского: Неизвестные пушкинские записи на закладках в книге Джона Кука из личной библиотеки поэта // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 8—13.

² В. А. Рышков и его «Дневник». С. 138.

Подготовленное Б. Л. Модзалевским библиографическое описание личной библиотеки Пушкина вышло в 1910 году в академическом серийном издании «Пушкин и его современники»³ и до настоящего времени сохраняет значение главного источника в изучении дошедшей до нас части книжного собрания поэта.

Б. Л. Модзалевский учел в описании 1524 названия,⁴ объединяющих 3565 томов. С момента выхода в свет каталог стал одновременно и «охранной» (теперь — архивной) описью книжного собрания поэта: в настоящее время экземпляр каталога (с позднейшими дополнениями и уточнениями) зарегистрирован как опись 38 в составе фонда 244 (А. С. Пушкина), хранящегося в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Важным дополнением к фундаментальному труду Б. Л. Модзалевского стало исследование его сына Л. Б. Модзалевского, основанное на материалах обнаруженной им опекунской описи библиотеки 1837 года и напечатанное в «пушкинском» томе «Литературного наследства».⁵

Оба исследования содержат разделы «Книги библиотеки Пушкина, сохранившиеся в других библиотеках». В них представлены сведения об экземплярах, в разное время отколовшихся от книжного собрания Пушкина и осевших в различных библиотеках и у частных лиц.

У Б. Л. Модзалевского в этом разделе учтено шесть изданий, три из которых впоследствии были присоединены к Пушкинскому фонду в ИРЛИ РАН: первое издание «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (СПб., 1790) с владельческими записями Пушкина (современный шифр: ПД 1608), «La Pucelle d'Orléans» Вольтера (Paris, 1801) с дарительной надписью Пушкина Н. И. Кривцову (современный шифр: ПД 876) и «Московский вестник» (1829. Ч. 3) с пушкинскими маргиналиями на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» (современный шифр: ПД 1075). Местонахождение остальных (п. 3, 4, 6) до сих пор остается неизвестным.⁶

³ См.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание.* СПб., 1910. (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9—10; отд. оттиск).

⁴ В это число входят литерные номера (№ 675а, 904а, 1220а); № 1348 исключен как ошибочно присвоенный одной из ссылок.

⁵ См.: *Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Литературное наследство.* М., 1934. Т. 16—18. С. 985—1024.

⁶ См.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание.* С. XVII—XVIII.

Аналогичный раздел в работе Л. Б. Модзалевского состоит из одиннадцати позиций, в числе которых и три описанных выше издания, так как в 1934 году они еще находились вне Пушкинского Дома. Два указанных Л. Б. Модзалевским издания возвратились непосредственно в библиотеку Пушкина: «Стихотворения» В. А. Жуковского (3-е изд. СПб., 1824) и «Чернец, киевская повесть» И. И. Козлова (СПб., 1825) с дарительными авторскими инскриптами (современные шифры: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 38, № 1524 и № 1525). Пять книг в разное время были присоединены к описи 1 («Автографы А. С. Пушкина»): «Заседание, бывшее в Императорской Российской Академии 18 января 1836» (СПб., 1836) (современный шифр: ПД 705) с пушкинскими маргиналиями, «Руслан и Людмила» (СПб., 1820) с авторскими вариантами, вошедшими во 2-е издание поэмы (современный шифр: ПД № 97), «*Bucolica, Georgica et Aeneis*» Вергилия (Parisius, 1814) (современный шифр: ПД 694) и первый том «*Poesies sur la constitution unigenitus*» (Villefranche, 1724) (современный шифр: ПД 757).⁷

До настоящего времени оставались нефондированными два издания, поступившие в Пушкинский Дом в составе книжных фондов московского Государственного музея А. С. Пушкина (1938—1948), созданного на основе Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года.⁸

Первые известия об этих книгах как принадлежавших Пушкину появились в печати в середине 1930-х годов.

Одно из изданий сразу было учтено в перечне Л. Б. Модзалевского под № 6. Приведем полностью его описание:

Российский атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империи разделяющий. Издан при Географическом Департаменте. 1800.

⁷ См.: *Модзалевский Л. Б.* Библиотека Пушкина: Новые материалы. С. 1020—1022. У Б. Л. и Л. Б. Модзалевских отсутствует указание на первую часть «Баллад и повестей В. А. Жуковского» с дарительной надписью автора Пушкину. Книга, безусловно принадлежавшая поэту, оказалась в поле зрения специалистов только в 1958 году, когда поступила в московский Государственный музей А. С. Пушкина, созданный годом ранее (см.: Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А. С. Пушкина: Аннотированный каталог / Сост. О. В. Асина, Ю. Ю. Гречихова, С. Н. Тихомирова. М., 1988. С. 113, 114. № 139).

⁸ Подробно о создании и судьбе довоенного московского Музея А. С. Пушкина см.: *Красноборождко Т. И., Турчаненко В. В.* От Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года к Государственному музею А. С. Пушкина (1938—1948): Директивная концентрация пушкинского рукописного наследия // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху: (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025. С. 151—211.

f°; в переплете из цельной кожи; экземпляр сильно попорчен. На корешке вытиснено «Российский Атлас». В начале издания надпись синим карандашом: «От Александра Николаевича Орлова, по свидетельству которого атлас принадлежал А. С. Пушкину, 13 Июля 1899 г.». Находится в отделе истории книги Госуд<арственного> Исторического Музея в Москве (инв. № 37517—1899 г.).⁹

Автором-составителем этого «Атласа», который признан шедевром русской картографии и в настоящее время представляет библиографическую редкость,¹⁰ был математик, астроном и картограф А. М. Вильбрехт (1757—1823). В основе «Атласа» 1800 года лежит составленный им же генеральный «Атлас Российской Империи» 1792 года; в новом издании А. М. Вильбрехт отразил административные реформы, проведенные Павлом I после его вступления на престол.

Первое сообщение об экземпляре «Атласа», подаренном А. Н. Орловым в Исторический музей, принадлежало И. Н. Розанову (1874—1959) — известному историку русской поэзии, библиофилу и книговеду, который с 1919 года служил в Историческом музее и в 1921 году организовал там Отдел истории книги, куда и был определен впоследствии «Российский атлас».¹¹ В краткой информационной заметке «Атлас Пушкина?» И. Н. Розанов отмечал, что раритетный экземпляр в собрании Государственной исторической библиотеки¹² заслуживает внимания пушкинистов.¹³

Предельно скупую информацию о провенансе издания дает и книга поступлений Исторического музея за 1899 год: «Российский Географический Атлас, изд. 1800 г., некогда принадлежавший А. С. Пушкину. Дар А. Н. Орлова. Принял для хранения библиотекарь Музея, Колл<ежский> Сов<етник> А. И. Станкевич».¹⁴

⁹ Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы. С. 1021.

¹⁰ Цифровая копия «Атласа Российской Империи» 1800 года представлена на сайте Русского Географического общества. Факсимильное издание «Атласа» 1800 года, сопровождаемое научным аппаратом, который подготовил В. Э. Булатов, осуществлено московской фирмой «Актеон» в 2008 году.

¹¹ На переднем форзаце «Атласа» проставлен шифр, который присвоили книге в этом Отделе: «О. И. К. 8 02/11» (ниже рукой неустановленного лица оставлена библиографическая помета: «См. Лит<ературное> Насл<едство> 16—18. С. 1021», отсылающая к работе Л. Б. Модзалевского).

¹² В 1922 году библиотека Исторического музея была преобразована в Государственную историческую библиотеку при ГИМ, а в 1934 году получила статус самостоятельного учреждения.

¹³ Известия. 1935. № 7. 8 янв. С. 4 (рубрика «Заметки книжника»).

¹⁴ А. И. Станкевич (1856—1922) служил в библиотеке Исторического музея с 1887 по 1914 год.

Этих сведений очевидно недостаточно для более или менее уверенной идентификации личности дарителя. «Памятная книжка Московской губернии на 1899 год» содержит сведения о дворянине Александре Николаевиче Орлове, имевшем земельные угодья в Перхушковской волости Звенигородского уезда.¹⁵ В Российском государственном историческом архиве хранится дело 1863 года о «перемещении помощника инспектора студентов Московского университета Орлова на службу по Министерству народного просвещения с причислением к нему и о командировании его за границу с ученой целью».¹⁶ Кандидат Александр Николаевич Орлов, бывший помощник инспектора студентов, «состоящий в VIII классе», проходит и в «Списке лицам, служащим в Министерстве народного просвещения» на 1868 год.¹⁷ Не исключено, что в этих источниках идет речь об одном человеке и что именно он может рассматриваться как владелец одной из книг библиотеки Пушкина. Полагаем, что возможности поиска еще не исчерпаны и история бытования «Российского атласа», переданного в Исторический музей в год 100-летнего юбилея Пушкина, в конце концов будет выяснена.

На Всесоюзной Пушкинской выставке 1937 года, которая проходила в залах Исторического музея, «Российский атлас» не экспонировался, но в соответствии с Постановлением № 256 Совета народных комиссаров СССР от 4 марта 1938 года был передан по акту № 661/82 от 25 мая 1938 года в организованный на базе выставки Государственный музей А. С. Пушкина.¹⁸ Это перемещение книги документируют и два штампа на обороте титульного листа «Атласа»: погашенный — библиотеки Государственного исторического музея (инв. № 8580) (был поставлен в 1932 году)¹⁹ и заменивший его штамп Музея А. С. Пушкина (инв. № 4903).

¹⁵ См.: Памятная книжка Московской губернии на 1899 год / Сост. под ред. помощника правителя Канцелярии московского губернатора А. В. Аврорина. М., 1899. С. 240.

¹⁶ См.: РГИА, ф. 733, оп. 141, № 20.

¹⁷ См.: Список лицам, служащим в Министерстве народного просвещения. 1868 г. [СПб., 1868]. С. 58.

¹⁸ В настоящее время все акты передачи материалов из других учреждений в ГМП хранятся в Отделе учета музейных предметов Всероссийского музея А. С. Пушкина (С.-Петербург). За возможность ознакомиться с ними и подробные консультации выражаем нашу глубокую признательность заведующей отделом Е. В. Пролет.

¹⁹ «Российский атлас» был снят с учета в ГИМ значительно позже — «Постановлением» Упр<авления> Муз<еев> № 12/835ф от 24/IV <19>54 г., как свидетельствует отметка в книге поступлений. За предоставленные сведения искренне благодарим главного научного сотрудника Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея Е. М. Юхименко.

Кроме Л. Б. Модзалевского, считал этот «Атлас» принадлежавшим Пушкину и М. А. Цявловский. Тогда же, в начале 1935 года, в поле зрения пушкинистов оказался еще один атлас, безусловно принадлежавший Пушкину. Государственный литературный музей приобрел тогда у профессора Московского университета, историка географии и картографа М. С. Боднарского (1870—1953)²⁰ первый отечественный генеральный «Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями...» (СПб., 1745). Описывая новонайденный «Атлас» с владельческой надписью поэта (современный шифр: ПД 1612), М. А. Цявловский отметил, что «для практических целей при частых поездках Пушкина атлас XVIII в. как сильно устаревший не годился, и поэт пользовался другим, весьма вероятно, тем, который теперь хранится в библиотеке Государственного Исторического Музея в Москве».²¹

Экземпляр «Российского атласа», последним владельцем которого был А. Н. Орлов, содержит ряд существенных, хотя и косвенных, аргументов в пользу его принадлежности Пушкину: так, сильнее других повреждены карты Петербургской, Псковской, Московской и Нижегородской губерний, отсутствует половина карты Тверской губернии, по которым пролегли основные маршруты пушкинских путешествий. На карте Псковской губернии подчеркнуто синим карандашом название родового села Михайловское, что было отмечено в свое время И. Н. Розановым, но эта помета по определению не может принадлежать Пушкину: тем же синим карандашом, судя по всему, сделана запись на переднем свободном форзаце «Атласа», фиксирующая легенду, с которой он поступил в Исторический музей: «От Александра Николаевича Орлова, по свидетельству которого Атлас принадлежал А. С. Пушкину. 13 июля 1899 г.».

Важное наблюдение в связи с интересующим нас атласом сделано в недавнее время А. С. Бодровой. Она обратила внимание на то, что единственным источником карты Украины, зарисованной Пушкиным в Третьей кишиневской тетради (ПД 833, л. 36 об.), могла послужить карта Новороссийской губернии из «Атласа» 1800 года, что дает дополнительное веское основание считать этот экземпляр восходящим к библиотеке Пушкина.

Обратимся ко второму изданию, также вошедшему в книжный фонд Государственного музея А. С. Пушкина в 1938 году.

²⁰ См.: Дарский Д. Географический атлас из библиотеки Пушкина // Правда. 1935. № 38 (6284). 8 февр. С. 6.

²¹ Летописи Государственного литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин / Под ред. М. А. Цявловского. С. 360.

Подшивка «Санкт-Петербургских ведомостей» за первую половину 1769 года, о которой пойдет речь далее, в отличие от «Российского атласа» 1800 года, не отмечена Л. Б. Модзалевским в разделе «Книги библиотеки Пушкина, сохранившиеся в других библиотеках».

Годовые комплекты «Санкт-Петербургских ведомостей» из Научной библиотеки Московского университета возникли в поле зрения пушкинистов неожиданно и многообещающе в январе 1935 года, когда только закончилась работа над «пушкинским» томом «Литературного наследства», завершалась работа над книгой «Рукою Пушкина» и готовился первый, «пушкинский», выпуск «Летописей Государственного литературного музея».

Приведем несколько фрагментов из переписки М. А. Цявловского и Л. Б. Модзалевского в начале 1935 года. Письмо к своему младшему коллеге от 19 января Цявловский завершил интригующей припиской:

Внимание!

Интереснейшая новость.

Только что (2 часа дня) 19. I. (1935) позвонили из библиотеки Московского университета.

Среди книг С. Д. Полторацкого обнаружен комплект газеты «С.-Петербургские ведомости» за 1769—1771 гг., на которых рукой С. Д. Полторацкого написано: «Получено от Пушкина <какого-то> апреля 1836 г.». На полях заметки о Вольтере рукой Пушкина (?) сделана поправка в год смерти Вольтера и ряд отметок. Сейчас Татьяна Григорьевна²² идет смотреть все это. Завтра пишу тебе подробности.²³

Ожидания не оправдались. 21 января письмо Цявловского Модзалевскому начиналось уточненной информацией о находке, которой не суждено было стать открытием исключительной важности:

Увы! Разочарование. «С.-Петербургские ведомости» XVIII в. действительно были подарены Пушкиным С. Д. Полторацкому 29 апреля 1836 г. (новая биографическая дата), в день выезда Пушкина из Петербурга в Москву. Но пометы и отчеркивания на полях газеты безусловно не Пушкина, а Полторацкого, занимавшегося, как известно, Вольтером.²⁴

²² Т. Г. Зенгер-Цявловская.

²³ РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 3, № 345, л. 202 об.

²⁴ Там же, л. 203.

Л. Б. Модзалевскому оставалось только резюмировать несостоявшийся московский сюжет:

Ошеломлен <...> новой датой в связи с Полторацким. Жаль, что не Пушкина пометы оказались. Что ж делать?²⁵

Вскоре первое сообщение о годовых комплектах «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1769—1773 годы, подаренных Пушкиным С. Д. Полторацкому (1803—1884), появилось и в массовой печати: оно было сделано сотрудником университетской библиотеки В. В. Сорокиным.²⁶ Позднее он же подготовил и более подробную статью «Собрание “Ведомостей” С. Д. Полторацкого».²⁷

За прошедшее время провенанс томов «Санкт-Петербургских ведомостей», восходящих к библиотекам Пушкина и С. Д. Полторацкого, обстоятельно изучен.

Не подлежит сомнению, что годовые комплекты «Ведомостей» были отобраны Пушкиным во время первого приезда в имение Ярополец, которое последовательно принадлежало родственникам его жены — Дорошенко, Загряжским, Гончаровым.²⁸ Об этом идет речь в пушкинском письме к Наталье Николаевне от 26 августа 1833 года: «Я нашел в доме старую библиотеку, и Нат<алья> Ив<ановна> <Гончарова> позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с варением и наливками. Таким образом набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен» (XV, 74). Почти половину из этих трех десятков составили «Санкт-Петербургские ведомости» 1750—1760-х годов: на заглавной странице большей части номеров обозначена фамилия подписчика газеты — генерал-поручика Александра Артемьевича Загряжского, прадеда Н. Н. Пушкиной.²⁹

Значительную часть переплетов «Санкт-Петербургских ведомостей» Пушкин подарил С. Д. Полторацкому 29 апреля 1836 го-

²⁵ Там же, ф. 387, № 241, л. 10 (письмо от 24 января 1935 года).

²⁶ См.: Сорокин В. «От А. Пушкина» // Известия. 1935. № 50. 26 февр. С. 4.

²⁷ См.: Книжные новости. 1937. № 23—24. С. 67.

²⁸ Подробно об этом см.: Пушкин А. С. Письма. 1831—1833 / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 604—607; Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 279—288; Ободовская И. М., Дементьев М. А. Пушкин в Яропольце. М., 1982. С. 22—27.

²⁹ В каталоге Б. Л. Модзалевского ошибочно указан Иван Алексеевич Загряжский (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. С. 131).

да.³⁰ Основным документом, который позволяет судить о размерах пушкинского подарка приятелю-библиофилу, стал опубликованный В. В. Крамером список, составленный Полторацким в мае 1854 года (он сохранился в архиве С. Д. Полторацкого в Российской государственной библиотеке). В списке значатся (с отметками о полноте каждого комплекта) подшивки «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1757, 1759—1761, 1764—1769 годы и «Московских ведомостей» за 1757 год.³¹

Известно, что в 1860-е годы С. Д. Полторацкий, оказавшийся в трудных финансовых обстоятельствах, был вынужден расстаться со своей библиотекой. Значительная ее часть была приобретена Московским Публичным и Румянцевским музеями (ныне — Российская государственная библиотека). Комплект «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1703—1726 годы (592 номера) Полторацкий передал в Императорскую Публичную библиотеку (ныне — Российская национальная библиотека). Значительную часть собрания «Ведомостей» купил профессор Московского университета И. К. Бабст (1823—1881) и в 1877 году пожертвовал их в университетскую библиотеку.³² Один том «Ведомостей» за 1761 год обнаружился впоследствии в библиотеке Российского государственного архива древних актов.³³

Первая часть годового комплекта за 1769 год (№ 1—52) из библиотеки Московского университета, ставшая предметом переписки М. А. Цявловского и Л. Б. Модзалевского, была представлена на Всесоюзной Пушкинской выставке.³⁴ По ее завершении этот экземпляр (в числе 18 книжных изданий) был передан на постоянное хранение в Государственный музей А. С. Пушкина по акту № 622/43 от 11 мая 1938 г.,³⁵ а в 1948 году в составе книжных фондов музея поступил в ИРЛИ.

³⁰ В библиотеке Пушкина осталось не менее четырех комплектов «Санкт-Петербургских ведомостей» — за 1755, 1756, 1758, 1766 годы (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 38, № 502—505).

³¹ См.: Крамер В. В. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970. С. 62—63.

³² См.: Университетская Пушкиниана: Прижизненные публикации и издания А. С. Пушкина: Каталог / Сост. И. Л. Великодная. М., 1999. С. 8—9; Великодная И. Л. Пушкиниана библиотеки Московского университета // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2004. С. 291.

³³ См.: Долгова С. Р. Экземпляр из библиотеки Пушкина // В мире книг. 1972. № 11. С. 47.

³⁴ Об этом свидетельствуют отметки на обороте свободного листа заднего форзаца: «1 МГУ—8517 д / П. В.—4—321».

³⁵ См. примеч. 18.

На лицевой стороне переднего свободного форзаца рукой С. Д. Полторацкого сделана документирующая запись: «От А. Пушкина / С. П. б. / 29 апр<еля> 1836». Эта информация продублирована и на корешке белой бумажной обложки, в которую новый владелец «одел» пушкинскую книгу: «Петербур<гские> Ведомости / 1769 / года / (1) / № 1—52 / 2-й экз<емпляр> / от Алек<сандра> / Пушкина / не полн<ый>». На «спинке» этой самодельной суперобложки Полторацкий сделал отметки об отсутствующих номерах: «Не доставало 17 Прибавлений. / Пополнил из Этингер<овских>³⁶ 13 Приб<авлений>. / Осталось пополнить: 4³⁷ / (12 окт<ября> 1840)».

Цельнокожаный переплет «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1769 год полностью идентичен переплету «Ведомостей» за 1766 год (№ 61—104), оставшемуся у Пушкина (современный шифр: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 38, № 505): обрезы книжных блоков выкрашены киноварью; форзацы выполнены из декоративной «мраморной» бумаги (узор — волнистый с использованием длинного гребня); на заглавной странице каждого номера — уже упомянутые выше пометы пером: «Загряцкому», «генералу поручику Загряскому», «генералу Загрязскому», «Его Прев<осходительству> генералу поручику Загряскому», подавляющая часть которых оказалась обрезанной в процессе переплета. На заднем форзаце переплета «Ведомостей» 1769 года запись: «За каждой том 40 / Яков Добрынин».³⁸

На полях № 4—7, 10—20, 22, 23, 26, 27, 29, 35, 41, 42, 46 многочисленные пометы пером (отчеркивания на полях и в тексте), которые, по атрибуции М. А. Цявловского, принадлежат руке С. Д. Полторацкого.

На заглавной странице № 1 (2 января 1769 года), кроме пометы вдоль линии переплета: «8517 д» (шифр библиотеки Московского государственного университета), обращает на себя внимание нечеткий красный оттиск сюжетного книжного знака. Это штемпельный оттиск специального знака (фактически — первой торго-

³⁶ Речь идет о писателе и переводчике Ф. А. фон Этингере (около 1777—1853), от которого Полторацкий также получил экземпляры «Санкт-Петербургских ведомостей» (см.: Толстяков А. П. Из библиотеки Пушкина // Книжное обозрение. 1967. № 11 (45). 10 марта. С. 24).

³⁷ Полторацкий так и не восполнил недостающие № 1—4 «Прибавлений».

³⁸ Прочитано А. И. Поповичем. Не исключено, что в этой записи обозначена стоимость переплетных работ двух частей «Ведомостей» 1769 года в книжной лавке московского купца Якова Афанасьевича Добрынина, которая находилась на Спасском мосту (см. о нем статью А. Б. Шишкина в изд.: Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 279).

вой марки) Типографии Императорской Академии наук, который проставлялся вручную на академических изданиях 1768—1781 годов.³⁹

Подробное изучение пяти комплектов «Санкт-Петербургских ведомостей»: четырех, оставшихся у Пушкина, и одного, который был отдан им С. Д. Полторацкому, — подарило непредвиденный результат, свидетельствующий о не исчерпанном до сих пор потенциале личной библиотеки Пушкина. В подшивке «Ведомостей» за 1758 год перед № 64 (11 августа) во время полистного просмотра была обнаружена закладка с остатками цифровых записей, не учтенная Б. Л. Модзалевским в описании библиотеки (№ 504 по каталогу).

Это клочок бумаги фабрики Гончаровых, большого почтового формата с остатками «нарядной» филиграни — угловым фрагментом орнаментальной растительной рамки (размер закладки — 9 × 4 см). Такая почтовая бумага, отнесенная Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским к сортам № 130 и 131, была в активном употреблении Пушкина в 1833—1835 годах — как раз в то время, когда яропольские подшивки «Санкт-Петербургских ведомостей» пополнили домашнюю библиотеку Пушкина.⁴⁰

По верхнему краю закладки, более 190 лет пролежавшей нетронутой в старинном переплете, — по всей вероятности, остатки каких-то подсчетов. Они представляют безусловный интерес как неизвестные записи, которые, как писал Пушкин в статье «Вольтер», «мы с любопытством рассматриваем <...> хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа» (XII, 75). Несмотря на ограниченный графический материал, оставшийся на обрывке «гончаровской» бумаги, большая репрезентативная выборка числовых записей Пушкина, которая была сделана в процессе изучения закладки, в совокупности

³⁹ См.: Кондакова Т. И. Типографские и издательские марки в русских книгах XVIII века // Книга: Исследования и материалы. М., 1979. Сб. 39. С. 74 (примеч. 5); Васильев В. И. Издательская деятельность Академии наук в ее историческом развитии (от зарождения до наших дней). М., 1998. Кн. 1. С. 31—32. За помощь в атрибуции оттиска благодарим П. А. Дружинина и А. Е. Родионову.

⁴⁰ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 322; Описание бумаги А. С. Пушкина в автографах его, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Л., 1936 (машинопись; хранится в РО ИРЛИ; доступна по электронному адресу: <http://lib.pushkinskij-dom.ru/Default.aspx?tabid=10359>).

с другими палеографическими и биографическими данными, наглядно подтверждает принадлежность вычислений руке Пушкина:

$$\begin{array}{r} 4 \\ 7,000 \\ <5>000 \\ 00 \end{array}$$

Отметим также, что среди пушкинских автографов сохранились четыре фрагмента на бумаге № 130 и № 131 (ПД 247, ПД 372, ПД 1697), три из которых Пушкин использовал в качестве книжных закладок (ПД 247, ПД 1697). В свое время они были извлечены из пушкинских книг и присоединены к корпусу пушкинских автографов. К сожалению, сопоставление этих фрагментов и вновь выявленной закладки из «Санкт-Петербургских ведомостей» по линиям обрыва не дало ожидаемого результата.

В заседании Экспертно-проверочной комиссии Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН было принято решение присоединить обе книги к личной библиотеке Пушкина, входящей в состав Пушкинского фонда (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 38), а закладку с цифровой записью — в опись 1 («Автографы Пушкина»).

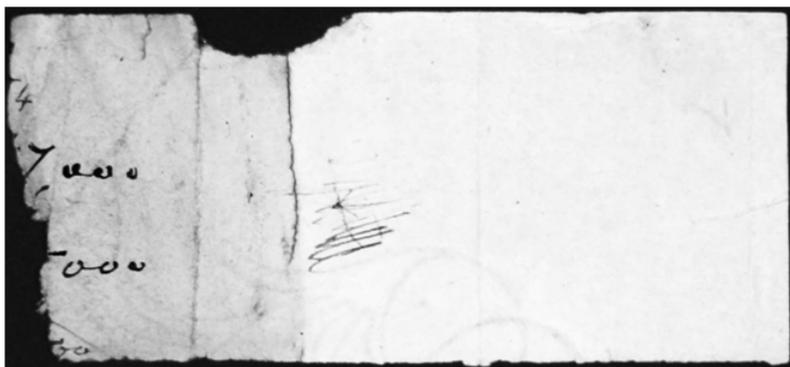
ДОПОЛНЕНИЯ К ОПИСАНИЮ БИБЛИОТЕКИ ПУШКИНА,
ХРАНЯЩЕЙСЯ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ
(ф. 244, оп. 38)

1526. Российский атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий. Издан при Географическом Департаменте. 1800.

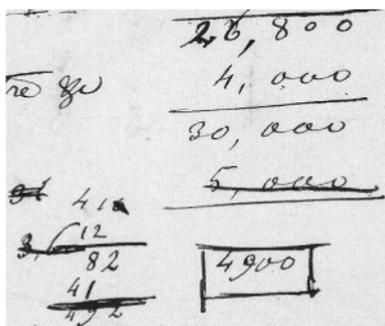
Г^о; в цельнокожаном переплете; на корешке вытиснено: «Ро<с-сийс>кой Атлас».

На свободном листе переднего форзаца запись: «От Александра Николаевича Орлова, по свидетельству которого Атлас принадлежал А. С. Пушкину. 13 июля 1899 г.» и номер в книге поступлений ГИМ: «37517/1899 г.». На переднем форзаце шифр Отдела истории книги ГИМ: «О. И. К. 8 02/11»; на об. титульного листа погашенный штамп библиотеки ГИМ (инв. № 8580); ниже штамп ГМП (инв. № 4903).

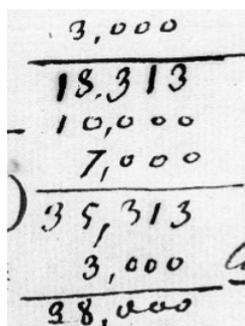
Экземпляр сильно попорчен; повреждены карты С.-Петербургской, Псковской, Московской, Смоленской, Литовской, Ни-

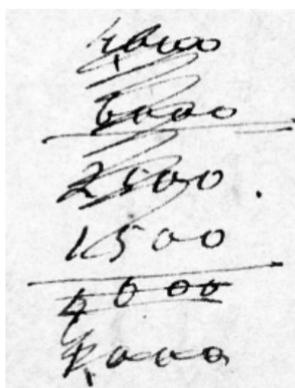
Закладка из тома «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1758 год

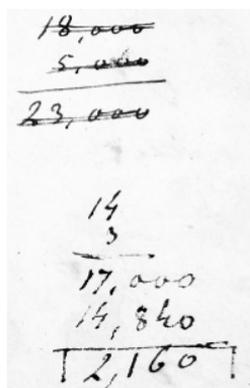
ПД 207, л. 1

ПД 232, л. 1 об.

ПД 347, л. 1 об.

ПД 1704, л. 2 об.

Фрагменты рукописей Пушкина с вычислениями

жегородской губ.; отсутствуют карты Минской, Орловской губ. и половины карт Курляндской, Белорусской, Тверской, Иркутской губ.

В 1948 г. из Государственного музея А. С. Пушкина (Москва; 1938—1948) (ранее — в ГИМ).

1527. Санкт-Петербургские ведомости за 1769 год. № 1—52.

4°; в цельнокожаном переплете; на заднем форзаце запись: «За каждой том 40 Яков Добрынин».

В ветхой бумажной обложке с записями С. Д. Полторацкого о происхождении экземпляра и его полноте.

На заглавной странице каждого номера надписи: «Генералу Загрядскому» (в разных вариантах; значительно обрезаны при переплете). На лицевой стороне свободного листа переднего форзаца запись рукой С. Д. Полторацкого: «От А. Пушкина С. П. б. 29 апр<еля> 1836». В № 4—7, 10—20, 22, 23, 26, 27, 29, 35, 41, 42, 46 отчеркивания чернилами рукой С. Д. Полторацкого.

На об. свободного листа переднего форзаца штамп библиотеки ГМП (инв. № 353); на об. свободного листа заднего форзаца шифры библиотеки Московского государственного университета и Всесоюзной Пушкинской выставки: «Жур-С / 1» и «1 МГУ-8517 д / П. В.—321».

В 1948 г. из Государственного музея А. С. Пушкина (Москва; 1938—1948) (ранее — в Научной библиотеке МГУ).

ДОПОЛНЕНИЕ К ОПИСАНИЮ АВТОГРАФОВ ПУШКИНА, ХРАНЯЩИХСЯ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

(ф. 244, оп. 1)

1778. Цифровые записи на закладке из тома «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1758 год.

<1833—1835 гг.> 1 л. (клочок; л. 1 об. чист.)

Библиотека Пушкина, № 504 (была вложена перед № 64).

С. Б. ФЕДОТОВА

**«МИХАЙЛОВСКИЕ» ТЕКСТЫ ЛЕТА—ОСЕНИ
1827 ГОДА В РАБОЧИХ ТЕТРАДЯХ ПУШКИНА
ПД 833 И ПД 836**

Пушкин приехал в Михайловское около 29 июля и пробыл здесь до 13 октября 1827 года.¹ С собой он привез две рабочие тетради — ПД 833 (так называемую Третью кишиневскую) и ПД 836 (Третью масонскую).² Попытаемся определить, какие именно записанные в них тексты относятся к «михайловскому» периоду 1827 года, поскольку из-за небольшого количества авторских дат в обозначенный временной отрезок (их всего шесть в обеих тетрадях) мнения исследователей по этому поводу разделились.

Остановимся подробнее на том, как заполнялись обе тетради до приезда Пушкина в Михайловское в 1827 году. В тетради ПД 836 работа велась с обеих ее сторон — с начала и с конца, что было обычной практикой для поэта. Первые листы заняты беловым автографом поэмы «Цыганы» (л. 3 об. — 15), завершённой к середине октября 1824 г.³ Далее следует черновик монолога Алеко над колыбелью сына (л. 15 об. — 16 об.), написанный в конце декабря 1824 — начале 1825 года⁴ и не вошедший в печатный текст поэ-

¹ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*: В 5 т. СПб., 2024. Т. 2: 1825—1828. С. 295, 316.

² Истории заполнения этих тетрадей см.: *Иезуитова Р. В.* 1) Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 235—264; 2) Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836: (История заполнения) // Там же. Л., 1991. Т. 14. С. 121—162.

³ Помета на л. 12 об.: «1824 / Михайловское / [8] окт<ября> 10» и дата на л. 13 об.: «[10] 12 <октябрь>».

⁴ В «большом» академическом собрании Пушкина Г. О. Винокур датирует монолог Алеко над колыбелью сына «январем 1825 г.» (IV, 472). Такой же точки зрения придерживалась Т. Г. Цявловская (см.: *Цявловская Т. Г.* «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 53). По мнению Р. В. Иезуитовой, монолог был написан в конце декабря 1824 г. (см.: *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836. С. 134—135).

мы.⁵ Запись бледными чернилами на л. 17 стихотворения «Едва уста красноречивы...» (часть листа с его текстом вырезана после смерти Пушкина и не сохранилась) относится уже к 1826 году.⁶

Параллельно тетрадь ПД 836 (л. 58 об. — 37 об.) заполнялась последовательно с ее противоположного конца в перевернутом (верхом вниз) положении. Записи семи народных сказок (л. 58 об. — 51 об.)⁷ и четырех песен (л. 51 об. — 49 об.)⁸ появились в ней, вероятно, тогда же, когда Пушкин занимался перебелкой «Цыган», то есть в октябре—ноябре 1824 года.⁹ Далее следуют ноябрьские тексты 1826 года (л. 49—37 об.), написанные после возвращения поэта из Москвы в Михайловское,¹⁰ — черновые строфы пятой главы «Евгения Онегина»¹¹ и черновик отдельных набросков записки «О народном воспитании».¹²

Следующие далее в тетради ПД 836 автографы, несмотря на то что находятся в противоположных ее концах, написаны, по-видимому, почти одновременно — тонким пером и темными чернилами.¹³ Это стихотворение «Какая ночь! мороз трескучий...» (л. 18—19) и набросок «Весна, весна, пора любви...» (л. 19 об.) в той части тетради, которая заполнялась от ее начала, и две строчки на л. 37 (в том же положении, как велись записи от конца тетради) «И я бы мог, как [шут ви<сеть>]» (ниже повторено: «И я бы мог»), распо-

⁵ См.: Цыганы (Писано в 1824 году). М., 1827 (без имени автора); выход в свет — 23 апреля 1827 г. (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 265).

⁶ В новом академическом собрании Пушкина стихотворение датируется «предположительно 1826 г., не ранее конца июня, по реалиям текста, которые, вероятнее всего, связаны с пребыванием в Тригорском Н. М. Языкова» (АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 1029 (примеч. С. В. Березкиной)).

⁷ См.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. М., 1997. С. 362—369 (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 17 (доп.)); далее: Рукою Пушкина 1997.

⁸ См.: Там же. С. 409—413.

⁹ Из письма Пушкина к брату в первой половине ноября 1824 года известно, что в Михайловском по вечерам он слушал сказки няни Арины Родионовны (см.: XIII, 121).

¹⁰ Пушкин вернулся в Михайловское 8 ноября 1826 года (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 202).

¹¹ Черновик первых двадцати строф пятой главы «Евгения Онегина» начат 4 января 1826 г. в тетради ПД 835 (дата на л. 79 об.: «4 генв<аря>»); работа над этой главой возобновилась в тетради ПД 836 в ноябре 1826 г.; перебелена она (вместе с четвертой главой) 22 ноября (дата в беловом автографе ПД 935, л. 51 об.: «[21] 22 ноябр<я>»).

¹² Завершена и переписана набело 15 ноября 1826 г. (помета в беловом автографе ПД 1734, л. 12 об.: «Михайловское / 1826 ноябр<я> 15»).

¹³ См. также: Китанина Т. А. Пушкин и виселицы: «И я бы мог...» // Прекраснейшей: Сборник памяти Елены Душечкиной. СПб., 2022. С. 68—69.

ложенные среди многочисленных рисунков (виселица с казненными пятью декабристами, мужские портреты).¹⁴ Такими же чернилами Пушкин пользовался во время пребывания в Москве зимой—весной 1827 года¹⁵ (см., например, черновик статьи «<Об альманахе “Северная лира”>» (ПД 1074),¹⁶ автограф стихотворения «Есть роза дивная: она...» (ПД 901),¹⁷ вставку в поэму «Цыганы» (ПД 902, л. 25),¹⁸ а также автографы пушкинских писем московского периода — к А. Х. Бенкендорфу от 22 марта (ПД 480) и от 24 апреля (ПД 481), к А. А. Дельвигу от 2 марта (ПД 479)). Похожими чернилами Пушкин начал работать в тетради ПД 836 (л. 20—28 об.) в Михайловском и пользовался ими, как будет показано ниже, до конца августа 1827 года. Таким образом, можно предположить, что стихотворение «Какая ночь! мороз трескучий...» и набросок «Весна, весна, пора любви...», а также строчка «И я бы мог, как [шут ви<сеть>]» на листе с рисунками появились в тетради в январе—мае 1827 года в Москве или в конце июля — августе в Михайловском. (Петербургский период (с 23 мая по 27 июля)¹⁹ не принимается во внимание, поскольку в эти месяцы Пушкин пользовался другими, светло-коричневыми, чернилами.²⁰) Однако в тетради ПД 836 после л. 19, где расположено окончание белого автографа «Какая ночь! мороз трескучий...», а на обороте — черновик наброска «Весна, весна, пора любви...»,²¹ вырваны четыре ли-

¹⁴ Подробнее об атрибуции рисунков см.: *Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд. М., 1980. С. 178—186.*

¹⁵ В Москве Пушкин пробыл с 19 декабря 1826-го по 19 мая 1827 года (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 219, 273*). Вторая половина 1826 года, после казни 13 июля пятерых руководителей восстания декабристов, выводится за пределы датировки, поскольку в этот период Пушкин пользовался другими чернилами (см. примеч. 71).

¹⁶ В «большом» академическом собрании сочинений Пушкина этот черновик датируется «1827 г., до 21 февраля» (XI, 534). Однако, судя по чернилам автографа, статья, скорее всего, написана в феврале (см. примеч. 23).

¹⁷ На обороте пушкинского автографа помета рукой С. А. Соболевского: «1 апреля 1827 / Москва» (ПД 901, л. 1 об.).

¹⁸ Лист вшит в конце принадлежавшего П. А. Вяземскому экземпляра поэмы «Цыганы».

¹⁹ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 274, 295.*

²⁰ См., например, письмо к А. Х. Бенкендорфу от 29 июня (ПД 483) и написанные в тот же день показания по делу об отрывке из элегии «Андрей Шенье» (ПД 720), письма к С. А. Соболевскому от 15 июля (ПД 1351) и Е. М. Хитрово от 18 июля (ПД 484), адресованную Бенкендорфу записку от 20 июля об истории публикации в 1824 году Е. И. Ольдекопом (без ведома Пушкина) «Кавказского пленника» (ПД 486) и др.

²¹ Большая часть л. 19 об. с текстом наброска «Весна, весна, пора любви...» (позднее он был использован Пушкиным в седьмой главе «Евгения Онегина» —

ста. На корешке первого из них (л. 19а — 19а об.) сохранились обрывки отдельных слов, одно из которых уверенно читается как «Эду». Важно, что этот прозаический текст написан светлыми коричневыми чернилами, похожими на те, которые поэт использовал в Петербурге. Как справедливо заметил С. М. Бонди, «на остатках вырванных листов видны следы какой-то статьи <...> по-видимому, о Баратынском: уцелели слова: “Эду”, “оценить”... По положению в тетради эту уничтоженную статью следует отнести к лету 1827 года. <...> (На эти обрывки обратил мое внимание Б. В. Томашевский)». ²² В этой части тетрадь ПД 836 заполнялась последовательно, поэтому стихотворение «Какая ночь! мороз трескучий...» и набросок «Весна, весна, пора любви...» не могли появиться в ней позднее предполагаемой статьи о Баратынском на вырванном листе, а значит, они написаны в Москве до отъезда Пушкина в Петербург, то есть в феврале ²³ — мае (до 19-го) 1827 года. ²⁴ Следовательно, и строчка «И я бы мог, как [шут ви<сеть>]» на л. 37, и расположенные на нем рисунки относятся к этому же времени.

Значительно проще определяются границы «михайловских» текстов лета—осени 1827 года в тетради ПД 833. Начало ее (л. 1—35) занято беловыми автографами стихотворений 1820—1824 годов; следующие далее листы (развороты л. 35 об. — 36 и 36 об. — 37) какое-то время оставались незаполненными. Работа в тетради возобновилась летом 1826 года в Михайловском, когда на л. 37 об. — 38 в конце августа были записаны карандашом черновики письма к В. В. Измайлову и послания «К Яз<ыкову>» («Яз<ыков>, кто тебе внушил...»). ²⁵ Месяцем ранее в другом конце тетради, развернув ее верхом вниз, Пушкин начал конспектировать фрагмент из

см.: VI, 139—140) вырезана уже после смерти Пушкина. Воспроизведение этого листа см.: *Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т. Факсим. изд.]. СПб.; Лондон; Болонья, 1996. Т. 4.*

²² Бонди С. М. Статьи Пушкина о Баратынском // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 118, примеч.

²³ В январе Пушкин пользовался другими чернилами — см., например, письма к А. Х. Бенкендорфу от 3 января (ПД 478) и В. И. Туманскому от 26 января (ПД 1344).

²⁴ Р. В. Иезуитова относит стихотворение «Какая ночь! мороз трескучий...» «либо к самому концу 1826 г. <...> либо к началу 1827 г. (не позднее конца февраля 1827 г., когда <...> возник замысел лирического стихотворения “Весна, весна”)» (*Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836. С. 143*). См. также: *Иезуитова Р. В. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 104—106.*

²⁵ Под текстом послания дата: «28 авг<уста>» (л. 38). О его датировке см.: АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 861 (примеч. С. В. Березкиной, И. В. Немировского).

книги «Beralde, Prince de Savoie» («Беральд, принц Савойский») (л. 87 об. — 84);²⁶ тогда же на л. 88 появилась помета, вызвавшая в пушкиноведческой среде дискуссию из-за трудно читающихся начатых букв последнего слова, следовавшего за датой: «14 juillet 1826» («14 июля 1826»)²⁷ К работе в тетради ПД 833 Пушкин вернулся лишь спустя год в Петербурге: на л. 37, который ранее был оставлен чистым, он записал белой автограф стихотворения «Орион» с датой: «16 июля / <182>7»; его первоначальное заглавие «Орион» вписано позднее карандашом, возможно, когда на смежном листе (л. 36 об.) поэт перерисовывал (чернилами и карандашом) карту Украины.²⁸ Это могло произойти в Петербурге (до отъезда в Михайловское) или в родовом поместье в 1827 году.²⁹

Теперь обратимся к «михайловским» текстам Пушкина лета — осени 1827 года в тетрадях ПД 836 и ПД 833. Следует отметить, что в этот временной отрезок тетрадь ПД 836 заполнялась с одной стороны первоначально последовательно (кроме одного текста, записанного в другом ее конце на л. 33 об., — «(Из Alfieri)»), а тетрадь ПД 833 — с обеих сторон: от начала к концу и в перевернутом (верхом вниз) положении от конца к началу. Еще одна важная деталь для датировки «михайловских» текстов: в последних числах августа изменился цвет чернил, которыми пользовался Пушкин при заполнении тетрадей,³⁰ — их коричневый оттенок стал более светлым, что хорошо заметно только в рукописном оригинале, и особенно на голубой бумаге тетради ПД 833. Время, когда произошла эта смена чернил, определяется по автографам пушкинских писем к М. П. Погодину от конца августа (ПД 1353 и ПД 1354; под текстом последнего из них помета: «31 авг<уста> Михайловское») и к А. Х. Бенкендорфу от 10 сентября (ПД 490), а также по беловому автографу стихотворения «Близ мест, где царствует Венеция

²⁶ См.: Рукою Пушкина 1997. С. 472—473.

²⁷ Подробнее см.: Там же. С. 246—248.

²⁸ Об «Атласе», с которого могла быть перерисована карта, см. в статье Т. И. Краснобородько и В. В. Турчаненко «Новое о библиотеке Пушкина: Дополнения к каталогу Б. Л. Модзалевского» (наст. изд., с. 7—10, 16—18). Возможно, пушкинская перерисовка связана с изучением исторических материалов, имеющих отношение к замыслу поэмы «Полтава», работа над которой началась 5 апреля 1828 года в тетради ПД 838. Эта гипотеза впервые была предложена Т. Г. Цявловской (см.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати, коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 401).

²⁹ Р. В. Иезуитова относил перерисовку карты к периоду работы Пушкина над «Борисом Годуновым» и датировала ее «концом 1824 — осенью 1825 г.» (Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833. С. 253).

³⁰ Наблюдение Т. И. Краснобородько.

златая...» в тетради ПД 833 (л. 37 об. — 38), с датой: «17 сент<ября> / 1827».³¹

Сразу же по приезде в Михайловское Пушкин начал интенсивно работать над историческим романом «<Арап Петра Великого>», о чем 31 июля он сообщил А. А. Дельвигу, посылая для «Северных цветов» на 1828 год написанную ранее элегию «Под небом голубым...» (1826): «Вот тебе обещанная “Элегия”, душа моя. Теперь у тебя отрывок из “Онегина”, отр<ывок> из “Бориса” да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на руках “Моск<овский> вестник” и что я не могу его оставить на произвол судьбы и Погодина. Если кончу послание к тебе о черепе твоего деда, то мы и его тиснем.³² Я в деревне и надеюсь много писать <...>; вдохновенья еще нет, покаместь принялся я за прозу» (XIII, 334).

Работа над «<Арапом Петра Великого>» велась в двух тетрадях: основной его черновик находится в тетради ПД 836, за исключением второй главы, большая часть которой записана в тетради ПД 833.³³ Значительная часть листов с текстом романа была вырвана,³⁴ когда Пушкин переписывал его набело. В тетрадях же сохранились только те листы, на которых записаны (как правило, после отчеркивания какой-либо завершенной части «<Арапа>»)³⁵ наброски стихотворений или строф шестой и седьмой глав «Евгения Онегина», возникавшие в немногочисленных перерывах в работе над историческим романом, а также вписанные позднее, после завершения его черновика, поверх рисунков или на свободном месте листа, оставшемся незаполненным.

В интересующей нас части тетради ПД 836 — всего две пушкинские даты. Помета («31 июля 1827 Мих<айловское>») по-

³¹ При дальнейшем заполнении обеих тетрадей в сентябре — первой половине октября (до отъезда Пушкина из Михайловского), по мере разбавления чернил водой, их цветовой оттенок несколько менялся, что хорошо заметно только в рукописном оригинале.

³² Речь идет о «Послании Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...»), которое под заглавием «Череп (Послание к Д<ельвигу>)» в конце года было опубликовано в альманахе «Северные цветы» на 1828 г. (СПб., 1827. Отдел «Поэзия». С. 100—107; подпись: «Я»).

³³ Это исключение, возможно, объясняется тем, что Пушкин отправился в Тригорское навестить семейство Осиповых—Вульфов, захватив с собой меньшую по формату и более легкую тетрадь ПД 833.

³⁴ В тетради ПД 836 вырваны четыре листа между л. 19 и 20 (на их корешках остались следы прозаического текста и штрихи конечных букв), один между л. 20 и 21, один между л. 22 и 23, один между л. 23 и 24, три между л. 24 и 25 и двадцать между л. 27 и 28; в тетради ПД 833 вырваны девять листов между л. 83 и л. 82.

³⁵ В черновике главы еще не были обозначены.

явилась на л. 20 под карандашным черновиком стихотворения «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной»³⁶ в период работы над первой главой «<Арапа>». В верхней части листа от предшествующего несохранившегося текста этой главы остались два слова: «одними догадками»; начало ее находилось на вырванных между л. 19 и 20 трех листах, а на л. 20 об. — заключительный фрагмент. Вторая дата — «10 авг<уста>» — расположена под черновым наброском строфы XLV шестой главы «Евгения Онегина» (л. 23 об.); к этому времени вчерне была завершена вторая глава «<Арапа>» и на л. 22 об. начата третья.

Первые две «михайловские» пометы в тетради ПД 833 (в той ее части, которая заполнялась от конца к началу в перевернутом (верхом вниз) положении) появились на оставленном ранее незаполненным л. 88:³⁷ «2 août 1827 j<ournée> h<eureuse>» («2 августа 1827 д<ень> с<частливый>») и «4 août R<yleeff> J<anno> P<estel> Jich<areff> un songe» («4 августа Р<ылеев> Ж<анно> П<естель> Жих<арев> во сне»). Связаны они с каким-то личным событием и с декабристами.³⁸

Черновой автограф стихотворения «<Баратынскому>» («О ты, который сочетал...») на л. 83 об. — самый ранний «михайловский» текст в этой части тетради ПД 833, написанный в начале августа (до 10-го), так как на другой стороне л. 83 Пушкин продолжил работу над второй главой «<Арапа>» (письмо Ибрагима графине), завершённой, как было сказано выше, не позднее 10 августа.³⁹ От черновика этой главы в тетради ПД 833 сохранился еще один, заключительный, фрагмент на л. 82 об.; 9 листов с ее текстом между л. 83 и 82 об. были вырваны. Над остальными главами исторического романа Пушкин работал уже в Третьей масонской тетради (ПД 836, л. 22 об., 24, 24 об., 25—26, 27 об., 28—28 об.).⁴⁰

³⁶ Пушкин, несомненно, в какой-то момент перебелил «Акафист» (автограф нам неизвестен), поскольку ниже чернилами и выше по его тексту он набросал несколько стихов из строфы VI седьмой главы «Евгения Онегина»; возможно, это произошло во время работы над этой строфой на л. 36 и 37 (см.: VI, 417—418).

³⁷ Смежный лист (л. 87 об.) был уже занят началом конспекта из «Беральда Савойского».

³⁸ Подробнее см.: Рукою Пушкина 1997. С. 252—253. Указанные пометы, а также мужской портрет под ними (предположительно И. И. Пущина, имевшего лицейское прозвище «Жанно» — см.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 395. № 903), возможно, появились в Тригорском.

³⁹ Глава была начата в тетради ПД 836 на л. 21—21 об.

⁴⁰ Скорее всего, беловую рукопись «<Арапа>» в середине сентября в Михайловском видел А. Н. Вульф: 16 сентября 1827 года в своем дневнике он сде-

Среди «михайловских» текстов в тетради ПД 836 находятся черновики «Евгения Онегина»: строфы XLIII—XLV шестой главы (л. 23—23 об.; дата на л. 23 об.: «10 авг<уста>»), строфы VI (л. 20, 35, 36), XXXVI—XXXVIII (л. 21 об. — 22, 26),⁴¹ XLIV, XLVI—XLVII, XLIX, L, La, LIII седьмой (л. 29 об., 30 об. — 31 об., 34) и строфа <30> «Путешествия Онегина» (л. 29).⁴² Все они, за исключением строф шестой главы, по цвету чернил датируются сентябрем—октябрем (до 13-го). Скорее всего, сначала в тетради на л. 29 об., 30 об. — 31 об. появились строфы XLIV, XLVI, XLIX, XLVII, L, La седьмой главы, а уже потом поверх карандашных рисунков на л. 21 об., 22 и 26 вписывались строфы XXXVI—XXXVIII. Тогда же под текстом ст. 5—14 строфы XXXVIII (л. 26) мелким почерком и в два столбца был начат черновик стихотворения «Сводня грустно за столом...», продолженный на л. 26 об.

Работа в тетради ПД 836 над заключительными строфами шестой и седьмой глав «Евгения Онегина», возможно, связана с выбором фрагментов для публикации в «Московском вестнике». Во второй половине августа Пушкин уже отправлял М. П. Погодину «Отрывок из “Онегина”» (см.: XIII, 337—339) — начальные строфы четвертой главы, напечатанные в журнале в конце 1827 года под заглавием «Женщины».⁴³ Строфы же XXXVI—XXXVIII, XLIV—LIII седьмой главы, находящиеся в этой тетради, были опубликованы в первом номере «Московского вестника» за 1828 год.⁴⁴ Не исключено, что в Михайловском поэт мог начать работу над

лал запись о том, что накануне Пушкин показал ему «только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын Абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 416). Беловой автограф романа находится в тетради ПД 837; по-видимому, она была заведена в Михайловском. Подробнее о ходе работы Пушкина над «<Арапом Петра Великого>» см.: АПСС. Т. 9. Кн. 2. С. 783—785 (примеч. В. Д. Рака).

⁴¹ Наброски строф XXXVI—XXXVIII седьмой главы записаны в тетради позднее, чем строфы XLIII—XLV шестой.

⁴² По первоначальному замыслу Пушкина «Путешествие Онегина» должно было стать восьмой главой (см.: VI, 491, 661). Черновик этой строфы вписан позднее под текстом заметок для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний».

⁴³ См.: Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 20. С. 365—367. Эти строфы не были включены Пушкиным в печатный текст четвертой главы (см.: Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина: Глава четыре и пять. СПб., 1828. С. 11).

⁴⁴ См.: Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 1. С. 5—12; под заглавием: «Москва (Из “Евгения Онегина”)». Отрывок был послан Погодину около (не позднее) 17 декабря 1827 г. (см.: XIII, 350).

всей седьмой главой, в том числе над ее заключительными строфами. В любом случае к этому времени, по-видимому, у него был уже черновик ее остального текста, хотя нам он неизвестен. После завершения «Евгения Онегина» в Болдине в 1830 году Пушкин обозначил хронологию его создания (ПД 129), указав, что шестая песнь — «Поединок» — написана в Михайловском в 1826 году, а седьмая — «Москва» — в Михайловском, Петербурге и Малинниках в 1827—1828 годах.⁴⁵ По предположению Т. И. Краснобородько, заглавие седьмой главы могло обозначать и место, где появились ее первые черновики. В связи с этим возникает вопрос по поводу трактовки стихотворного отрывка «Весна, весна, пора любви...», о датировке которого шла речь выше. И. А. Шляпкин, первый публикатор наброска, не сомневался, что «это <...> материал для II строфы к VII главе «Евгения Онегина»». ⁴⁶ Такого же мнения придерживались редакторы последующих собраний сочинений Пушкина, включая Б. В. Томашевского, в 1937 году подготовившего том «Евгения Онегина» в составе «большого» академического собрания (см.: VI, 413—414). В вышедшем в 1948—1949 годах третьем томе лирики отрывок «Весна, весна, пора любви...» впервые был опубликован Т. Г. Цвяловской как самостоятельное стихотворение (см.: III, 62, 595, 1145—1146). Впоследствии это решение поддержали Томашевский⁴⁷ и другие редакторы собраний сочинений Пушкина. Однако оно не кажется безусловным, если учесть, что набросок был написан в Москве, когда поэт уже мог работать над седьмой главой «Евгения Онегина».

В другом конце тетради ПД 833 (от ее начала к концу), по-видимому, сразу же по приезде в Михайловское Пушкин приступил к работе над посланием к Дельвигу, выполняя данное в письме от 31 июля 1827 года обещание закончить его и «тиснуть» в «Северных цветах». Черновик начала стихотворения (ст. 1—18) находится в тетради ПД 835 (л. 75), которую поэт не брал с собой в Михайловское. Вероятно, тогда же, в Петербурге, он набросал вчерне продолжение (ст. 19—108),⁴⁸ а листы с переписанным текстом ст. 1—108 взял с собой в поместье.⁴⁹ По крайней мере, в Михай-

⁴⁵ См.: А. С. Пушкин: Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. СПб., 2013. Т. 2. С. 181.

⁴⁶ См.: Шляпкин И. А. Берлинские материалы для истории новой русской литературы // Русская старина. 1893. № 1. С. 223.

⁴⁷ См., например: Пушкин А. С. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1955. Т. 3. С. 407 («Б-ка поэта». Большая сер.); Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1957. Т. 3. С. 39.

⁴⁸ См.: Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833. С. 259.

⁴⁹ Автограф этих стихов нам неизвестен.

ловском Пушкин уже заканчивал послание: в тетради ПД 833 на л. 38 об. записан фрагмент ст. 109—125, на л. 81 об. — не вошедшие в основной текст стихи между ст. 125 и прозаическим фрагментом, на л. 78 об. — прозаическая часть послания, в тетради ПД 836 на л. 35 об. — заключительные строки (ст. 128—142). По воспоминаниям А. И. Дельвига, поэт читал послание на следующий день после возвращения в Петербург:⁵⁰ «17 октября праздновали день моих именин; Пушкин привез с собой подаренный его приятелем Вульфом череп от скелета одного из моих предков, погребенных в Риге, похищенного поэтом Языковым, в то время дерптским студентом, и вместе с ним превосходное стихотворение свое: “Череп”, посвященное А. А. Дельвигу...»⁵¹ Таким образом, послание было начато летом в Петербурге и завершено в Михайловском. Попробуем уточнить датировку его фрагментов. Запись ст. 109—125 на л. 38 об. в тетради ПД 833 появилась до 15 августа: это определяется по помете («15 авг<уста> 1827 / Мих<айловское>») под перебеленным с какого-то черновика автографом стихотворения «Поэт» («Пока не требует поэта...») (л. 40—40 об.). Стихи, не вошедшие в основной текст, в другом конце той же тетради, на л. 81 об., датируются второй половиной августа, так как написаны темно-коричневыми чернилами. Записи же прозаической части стихотворения (ПД 833, л. 78 об.) и его заключительных строк (ПД 836, л. 35 об.) сделаны более светлыми чернилами, которые Пушкин использовал в сентябре—октябре (до 13-го).

В тетради ПД 833 после ст. 109—125 «Послания Дельвигу» около 15 августа появилась статья «<Стихотворения Евгения Баратынского>» (л. 39—39 об., 40 об. — 41); работа над ней прерывается автографом стихотворения «Поэт». Закончив статью на л. 41, Пушкин сразу же после отчерка набросал заметку «Un sonnet sans défaut...» и вписал начало еще одной — «Tout les genres sont bons...», к продолжению которой вернулся через несколько листов (л. 43). Эти заметки связаны с подготовкой публикации, вышедшей в «Северных цветах» на 1828 год под заглавием «Отрывки из писем, мысли и замечания».⁵² Их можно датировать так же, как статью о Баратынском, — около 15 августа.

⁵⁰ Из Михайловского в Петербург Пушкин приехал 16 октября (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 318).

⁵¹ Дельвиг А. И. Из «Моих воспоминаний» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 116.

⁵² См.: Северные цветы на 1828 год, собранные бароном Дельвигом, изданы Иваном Слениным. Отдел «Проза». С. 208—226. В составе «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» были напечатаны заметки «Истинный вкус состо-

Следующие листы (л. 41 об. — 48 об.) в этой части тетради ПД 833 заполнялись последовательно и заняты в основном критическими статьями или заметками для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний». Среди них находится первоначальный набросок стихотворения «Поэт и толпа» («Толпа холодная поэта окруж<ала>...»), перебивающий работу над статьей «<О драмах Байрона>». По палеографическим признакам тексты, запись которых сделана темно-коричневыми чернилами, датируются второй половиной августа (после 15-го): это статья «<О драмах Байрона>» (л. 41 об. — 42 об., 43 об.), набросок «Толпа холодная поэта окруж<ала>...» (л. 43 об.), заметка «Ученый без дарования...» (л. 43 об.) и статья «Если звание любителя отечественной литературы...» (л. 44—45 об.). Работа над остальными материалами для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» была продолжена уже более светлыми чернилами, по-видимому, в середине сентября, когда в тетради появились заметки «Есть различная смелость...» (л. 46—47) и «Чем более мы холодны...» (л. 47—47 об.). Вероятно, не желая прерывать работу над ними, Пушкин на л. 37 об. — 38 поверх потерявших актуальность карандашных автографов 1826 года (черновиков письма к В. В. Измайлову и послания «К Яз<ыкову>» («Яз<ыков>, кто тебе внушил...»)) набросал черновик стихотворения «Близ мест, где царствует Венеция златая...» и поставил под его текстом дату: «17 сент<ября> / 1827». Соответственно, остальные заметки для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» — «Браните мужчин вообще...» (л. 47 об.), «Одна из причин жадности...» (л. 48) и «Мне пришла в голову мысль...» (л. 48 об.) — можно датировать сентябрем (после 17-го) — октябрём (до 13-го).⁵³ Далее в этой части тетради ПД 833 следуют более поздние тексты 1828 года: вписанный на л. 48 об. белой автограф поздней редакции стихотворения «Гл<инке>» и черновик второй редакции (ст. 21—36, 49—73) «Клеопатры» (л. 49—50).⁵⁴

Несколько заметок для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» находятся среди черновиков седьмой главы «Евгения Онеги-

ит...» и «Никто более Баратынского...», первоначально относившиеся к статье «<Стихотворения Евгения Баратынского>» (л. 39) — см.: XI, 320.

⁵³ 30 ноября 1827 года О. М. Сомов доставил цензору К. С. Сербиновичу анонимную статью «Мысли» (первоначальное название пушкинских «Отрывков из писем, мыслей и замечаний») с просьбой как можно скорее пропустить ее (см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978. С. 125).

⁵⁴ Подробнее о датировке этих стихотворений см.: АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 694 (примеч. С. Б. Федотовой); Т. 3. Кн. 1. С. 541—542 (примеч. Е. О. Ларионовой).

на» в тетради ПД 836: на л. 29 — «М<илостивый> г<осударь> N N, вы не знаете правописания...», «Кс. [доказывающая глупость]...» и «Проза кн<язя> В<яземского>...»; на л. 30 — «Prude, coquette...» и «Повторенное острое слово...». Все эти записи выполнены более светлыми коричневыми чернилами, поэтому их можно датировать сентябрем—октябрем (до 13-го).

Работа над заметками велась и в другой части тетради ПД 833 (от ее конца к началу): «С таковыми глубок<ими> суждениями...» (л. 82),⁵⁵ «Гордиться славою своих предков...» (л. 81 об., 81), «Иностранцы, утверждающие...» (л. 80 об.), «Байрон говорил...» (л. 78—77 об.). Поскольку первые три заметки написаны темно-коричневыми чернилами, они датируются предположительно августом. Запись последней — «Байрон говорил...» — сделана уже более светлыми чернилами, следовательно, она могла появиться в тетради в сентябре—октябре (до 13-го).

Перед заметкой «Байрон говорил...» на л. 80—79 об. находится белой автограф стихотворения «<Мордвинову>» («Под хладом старости угрюмо угасал...»), а на л. 79 — карандашный черновик стихотворения «<Кипренскому>» («Любимец моды легкокрылой...»); оба они не были опубликованы при жизни поэта. Причина появления последнего наброска вполне понятна. В июне—июле 1827 г. в Петербурге Пушкин позировал художнику О. А. Кипренскому для портрета по заказу А. А. Дельвига, который был закончен к отъезду поэта в Михайловское.⁵⁶ 1 сентября в Академии художеств открылась выставка картин, где среди других работ Кипренского демонстрировался и пушкинский портрет,⁵⁷ восторженно принятый публикой. Так, в «Северной пчеле» «от имени всех ценителей дарования Пушкина» Ф. В. Булгарин благодарил художника за то, что он «сохранил драгоценные для потомства черты любимца муз», и восклицал: «Не распространяясь в исчислении красот сего произведения г. Кипренского, мы скажем только, что это живой Пушкин».⁵⁸

Гораздо сложнее найти объяснение появлению среди «михайловских» текстов стихотворения, посвященного государственному

⁵⁵ В «большом» академическом собрании сочинений Пушкина заметка напечатана в составе «<Замечаний на “Анналы” Тацита>», написанных Пушкиным в 1825 году (см.: XII, 194). Данное решение представляется спорным, поскольку в тетради ПД 833 заметка расположена среди материалов, предполагавшихся для включения в «Отрывки из писем, мысли и замечания».

⁵⁶ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 287, 290—291, 296.

⁵⁷ См.: Там же. С. 305.

⁵⁸ Северная пчела. 1827. № 110. 13 сент.

деятелю Н. С. Мордвинову. Конечно, Пушкин не мог не знать о его либеральных взглядах, о множестве предпринятых им инициатив по преодолению экономической отсталости России и о том, что декабристы в случае успешного исхода восстания намеревались ввести его в состав временного правительства. Не исключено, что деятельность Мордвинова поэт обсуждал с Вяземским⁵⁹ и Плетневым⁶⁰, которые были лично с ним знакомы. В марте 1826 года Мордвинов подал записку о необходимости усиления добычи золота и руд в Сибири. Именно с этим событием связывал Б. В. Томашевский слова «дань сиб<ирских> руд» (III, 46) в предпоследней строчке стихотворения.⁶¹ 27 июля 1827 г. Николай I издал указ «Об обнародовании учреждения Страхового от огня общества»⁶² («Первого Российского страхового общества, учрежденного в 1827 году»), созданного бароном Л. И. Штиглицем и Мордвиновым.⁶³ Возможно, эта новость, а также сложившаяся репутация Мордвинова⁶⁴ и подтолкну-

⁵⁹ В начале апреля 1824 года Пушкин писал Вяземскому: «Повторяю тебе перед эвангелием и святым причастием — что Дмитриев, несмотря на все старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя В<асилий> Львович. Разве он один представляет в себе классическую нашу словесность, как Мордвинов заключает в себе одним всю русскую оппозицию?» (XIII, 91).

⁶⁰ В 1824 году в «Соревнователе просвещения и благотворения» (Ч. 25. № 3. С. 265—284) была напечатана статья Плетнева «Разбор оды Петрова Его Высокочредоводительству Николаю Семеновичу Мордвинову, писанной 1796 года». Возможно, летом 1827 года вернувшийся из ссылки в Петербург Пушкин узнал от Плетнева о сочиненной им в 1823 году оде «Н. С. Мордвинову», которую он так и не опубликовал при жизни (о ее датировке см.: *Плетнев П. А.* Полн. собр. стихотворений. Минск, 2014. С. 238—239; примеч. М. В. Строганова).

⁶¹ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. Т. 3. С. 483.

⁶² Полн. собр. законов Российской империи: Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 2. С. 634 (№ 1268).

⁶³ Об интересе Пушкина к акциям Второй страховой компании известно из письма М. П. Бутурлина от 23 мая 1835 года, который писал поэту: «Имею честь известить, что по изъявленному Вами, милостивый государь, желанию взять акции второго Страхового от огня Общества, — я назначить Вам оных несколько не могу, потому что все сии акции, как отозвался ко мне управляющий губерниею вице-губернатор, уже им розданы» (XVI, 27).

⁶⁴ Либеральные взгляды Н. С. Мордвинова волновали правительство Николая I и в 1827 году. Так, в «Кратком обзоре общественного мнения в 1827 году» М. Я. фон Фок сообщал: «Недовольные разделяются на две группы. Первая состоит из так называемых *русских патриотов*, столпом коих является *Мордвинов*. <...> Партия *русских патриотов* очень сильна числом своих приверженцев. Центр их находится в Москве. Все старые сановники, праздная знать и полубразованная молодежь следуют направлению, которое указывается им их клубом (*cercle*) через Петербург. Там они критикуют все шаги правительства, выбор всех лиц, там раздается ропот на немцев, там с пафосом принимаются предложения Мордвинова, его речи и слова их кумира — Ермолова. Это самая опасная часть общества,

ли Пушкина обратиться к масштабной личности государственного деятеля. Беловой автограф стихотворения записан светлыми коричневыми чернилами, поэтому его и набросок черновика «<Кипренскому>» можно датировать сентябрем—октябрем (до 13-го).⁶⁵

Одновременно с автографом «<Мордвинову>», через четыре листа, пропущенных после него, появилась выписка из биографии пушкинского предка — «О Гавр<иле> Григ<орьевиче> Пушк<ине>» (л. 74 об.). Предшествующие ей листы с текстами прозаической части стихотворения «Послания Дельвигу» (л. 78 об.) и за-

за которой надлежит иметь постоянное и, возможно, более тщательное наблюдение. В Москве нет элементов, могущих составить противовес этим тенденциям. <...> Партия Мордвинова опасна тем, что ее пароль — спасение России. <...> ...фрондирующие <...> кричат против немцев и желали бы видеть Мордвинова руководителем административных дел, а Ермолова и Раевского во главе обеих армий» (цит. по: Россия под надзором: Отчеты III отделения. 1827—1869. М., 2006. С. 19—20; ориг. по-франц.).

⁶⁵ Редакторы собраний сочинений Пушкина, начиная с П. В. Анненкова (см.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 355), без аргументации датировали послание «<Мордвинову>» 1825 г. (см., например: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. Г. Н. Геннады. СПб., 1859. Т. 1. С. 586; Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 2. С. 35; Пушкин А. С. Соч. / Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым; Под ред., с примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 1. С. 364—365; Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 577—578 (примеч. П. О. Морозова); Пушкин А. С. Соч. / Изд. Имп. Академии наук. Пг., 1916. Т. 4. Примечания. С. 248—251 (примеч. П. О. Морозова); Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 305 (Прилож. к журн. «Красная нива» на 1930 г.); Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 219—220, 510; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под. ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 748 (примеч. М. А. Цявловского) и др.). В «большом» академическом собрании сочинений Пушкина Т. Г. Цявловская, также без обоснования, предложила другую датировку — «предположительно 1826 г.» (III, 1136), — которая была принята редакторами всех последующих пушкинских изданий, за исключением Б. В. Томашевского, датировавшего стихотворение «июлем 1827 г.» (Пушкин А. С. Стихотворения. Т. 3. С. 820; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. Т. 3. С. 483). Р. В. Иезуитова считала, что послание написано в «последних числах декабря 1826 г.» (Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833. С. 258). Однако по положению в тетради ПД 833 беловой автограф стихотворения «<Мордвинову>» не может быть отнесен ни к 1825-му, ни к 1826-му, ни к июлю 1827 года. Черновик стихотворения «<Кипренскому>» датирован Т. Г. Цявловской «июнем—июлем 1827 г.» (III, 1146), вероятно, по времени работы художника над пушкинским портретом. По мнению Р. В. Иезуитовой, черновик появился в тетради во второй половине июля (после 16-го), когда на л. 37 было вписано карандашом заглавие «Орион» (см.: Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833. С. 258).

метки «Байрон говорил...» (л. 78—77 об.) были заполнены уже позднее этой биографической записи.

Наконец, обратимся к группе «михайловских» текстов в тетради ПД 836, расположенных на л. 32 об. — 36. Первыми в этой ее части, на л. 35—34, появились пейзажные зарисовки карандашом, занимающие три листа целиком; перед ними разворот л. 36 и 35 об. сначала был оставлен чистым. Такие же объемные карандашные рисунки, прерывающие работу над черновиком «<Арапа>», занимают л. 26—27. Скорее всего, именно тогда Пушкин решил перейти в другой конец тетради, где и продолжил зарисовки карандашом на л. 35—34, после чего на л. 33 об. тонким пером и темно-коричневыми чернилами был записан беловой автограф стихотворения «(Из Alfieri)» («Сомненье, страх, порочную надежду...»)⁶⁶ Это могло произойти в августе (после 10-го).⁶⁷

Следующие записи в этой части тетради ПД 836, выполненные более светлыми коричневыми чернилами, появились в сентябре—октябре (до 13-го). Сначала на л. 33—32 об., в том же направлении, что и беловой автограф «(Из Alfieri)», написаны черновик «Всем красны боярские конюшни...» и первоначальный набросок стихотворения «Рифма, звучная подруга...»; затем на л. 35 об. — заключительный фрагмент «Послания Дельвигу». Поскольку в тетради оставалось мало места, последние «михайловские» записи сделаны поверх карандашных рисунков: черновики стихотворений «Блажен в златом кругу вельмож...» (л. 34) и «В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера...» (л. 35), а также строфы LIII (л. 34) и VI (л. 20, 35, 36) седьмой главы «Евгения Онегина».

Остановимся еще на одном стихотворении в тетради ПД 836, вписанном на пробельном л. 1, — «С португальского» («Там звезда зари взошла...»). Все редакторы собраний сочинений Пушкина, начиная с П. А. Ефремова,⁶⁸ традиционно датировали стихотворение 1825 годом. Чернила, похожие на те, которыми сделана его запись, поэт использовал во время работы над поэмой «Цыганы», а также в 1827 году в Москве и в Михайловском. Логичнее было бы пред-

⁶⁶ Заглавие вписано несколько позднее.

⁶⁷ Месяц устанавливается по цвету чернил, число — по дате «10 авг<у>ста» на л. 23 об. В середине сентября томик В. Альфьери видел на рабочем столе Пушкина А. Н. Вульф (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 415).

⁶⁸ См.: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. Т. 2. С. 32—33. В двух вышедших ранее изданиях Г. Н. Геннади печатал стихотворение «С португальского» в составе отрывков неизвестных годов (см.: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. Т. 1. С. 590—591; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. 2-е изд. СПб., 1870. Т. 1. С. 530—531).

положить, что «С португальского» Пушкин вписал на л. 1, когда эту часть тетради оставлял для беловика «Цыган». Однако, судя по его предполагаемому источнику⁶⁹ — французскому прозаическому переводу стихотворного сборника португальского поэта Т. А. Гонзаги «Марилия, элегические песни» (*Marilie, chants élegiaques de Gonzaga / Trad. du portugais par E. De Monglave et P. Chalas. Paris, 1825*), вышедшему в свет 30 июля 1825 года,⁷⁰ — стихотворение могло появиться в тетради не ранее осени этого года. Если же обратиться к пушкинским автографам, написанным в промежутке между сентябрем 1825 и концом 1826 года, становится очевидным, что все их записи сделаны совершенно другими, хотя и разными, чернилами,⁷¹ поэтому указанный временной период нужно исключить из датировки. Вряд ли стихотворение было написано в Москве в 1827 году, так как большое количество листов в тетради ПД 836 оставались еще не заполненными. Скорее всего, это произошло в Михайловском, когда в тетради было уже не так много места. В пользу этого предположения свидетельствуют и зачеркнутые

⁶⁹ Этот источник с неточным названием впервые указан П. О. Морозовым (см.: *Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 575*).

⁷⁰ *Bibliographie de la France, ou Journal général de l'Imprimerie et de la Librairie... 1825. № 31. 30 juillet. P. 516* (см.: *Виролойнен М. Н., Дмитриева Н. Л. Португальский Андрей Шенье // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 223, примеч. 8*).

⁷¹ См., например, автографы второй половины 1825 года: письма к А. Н. Вульфю от конца августа (ПД 1312) и от 10 октября (ПД 1316), П. А. Вяземскому от 13 и 15 сентября (ПД 1313), от конца сентября (ПД 1314), от начала ноября (ПД 1318) и от второй половины ноября (ПД 1319), В. А. Жуковскому от 6 октября (ПД 1315), А. А. Бестужеву от 30 ноября (ПД 463), П. А. Катенину от 4 декабря (ПД 464), беловой автограф «Графа Нулина» с датой «1825 дек<абр> / 13» (ПД 74); автографы 1826 г.: письма к П. А. Плетневу от второй половины января (ПД 1323), Жуковскому от конца января (ПД 1324) и от 7 марта (ПД 1327), А. А. Дельвигу от начала февраля (ПД 467) и от 20 февраля (ПД 468), Вяземскому от конца апреля — начала мая (ПД 1328), от 27 мая (ПД 1332), от 10 июля (ПД 1333), от 14 августа (ПД 1334) и от 1 декабря (ПД 1342), И. Е. Великопольскому от 3 июня (ПД 470), С. А. Соболевскому от 9 ноября (ПД 1339), М. П. Погодину от 29 ноября (ПД 1341), беловые автографы стихотворения «Под небом голубым...» с датой: «29 июля 1826» (ПД 895, л. 1), записки «О народном воспитании» с пометой: «Михайловское / 1826 Ноябрь<я> 15» (ПД 1734) и четвертой — пятой глав «Евгения Онегина» с датой: «22 ноябр<я>» (ПД 935). Пушкин не брал с собой тетрадь ПД 836 в Москву, куда он спешно выехал в сопровождении офицера рано утром 4 сентября и где пробыл до 2 ноября (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 169, 200*); в Михайловское поэт вернулся 8 ноября (см.: *Там же. С. 202*). См. также «петербургские» автографы лета 1827 года, перечисленные в примеч. 20.

строчки на л. 1 об. («Когда б ты родилась» и «Когда б родилась ты»), относящиеся к первоначальному наброску стихотворения «Рифма, звучная подруга...» (л. 32 об.); записи строчек и автографа «Рифмы» сделаны в одном направлении — в перевернутом (верхом вниз) положении тетради. Таким образом, стихотворение «С португальского»,⁷² написанное более светлыми коричневыми чернилами, следует датировать сентябрем—октябрем (до 13-го) 1827 года.⁷³

Резюмируя вышесказанное, можно предположить, что тексты, находящиеся на л. 1—1 об., 20—36 в тетради ПД 836 и на л. 37 об. — 48 об., 83 об. — 74 об. в тетради ПД 833, написаны в Михайловском летом—осенью 1827 года.

В заключение приведем предположительные⁷⁴ датировки «михайловских» автографов 1827 года.

ТЕТРАДЬ ПД 836

К о н е ц и ю л я — а в г у с т

«<Арап Петра Великого>» (черновой автограф) — 30 июля — август.

«Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» — 31 июля.

«Евгений Онегин» (строфы XLIII—XLV шестой главы) — 10 августа.

«(Из Alfieri)» («Сомненье, страх, порочную надежду...») — август (после 10-го).

С е н т я б р ь — о к т я б р ь (д о 13-г о)

«Евгений Онегин» (строфы VI, XXXVI—XXXVIII, XLIV, XLVI—XLVII, XLIX, L, La, LIII седьмой главы и строфа <30> «Путешествия Онегина»);

«Сводня грустно за столом...»;

Заметки для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний»: «М<илостивый> г<осударь> N N, вы не знаете правописания...»,

«Кс. [доказывая глупость]...», «Проза кн<язя> В<яземского>...», «Prude, coquette...» и «Повторенное острое слово...»;

«Всем красны боярские конюшни...»;

⁷² В 1827 году французский перевод сборника Гонзаги мог уже находиться в библиотеке Осиповых—Вульфов в Тригорском, или Пушкин, возможно, привез его с собой.

⁷³ Р. В. Иезуитова считала, что стихотворение написано в январе 1825 года (см.: *Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836. С. 135—137*).

⁷⁴ В тех случаях, когда дата не указана самим Пушкиным.

- «Рифма, звучная подруга...» (первоначальный набросок) и зачеркнутые строчки на л. 1 об. («Когда б ты родилась» и «Когда б родилась ты»);
- «Послание Дельвигу» (заключительный фрагмент ст. 128—142);
- «Блажен в золотом кругу вельмож...»;
- «В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера...»;
- «С португальского» («Там звезда зари взошла...»).

ТЕТРАДЬ ПД 833

А в г у с т

- «<Баратынскому>» («О ты, который сочетал...») — август (до 10-го).
- «<Арап Петра Великого>» (вторая глава) — август (до 10-го).
- «Послание Дельвигу»:
ст. 109—125 — август (до 15-го);
стихи между ст. 125 и прозаическим фрагментом, не вошедшие в основной текст, — вторая половина августа (после 15-го).
- «<Стихотворения Евгения Баратынского>» — около 15 августа.
- Заметки «Un sonnet sans défaut...» и «Tout les genres sont bons...» — около 15 августа.
- «Поэт» («Пока не требует поэта...») — 15 августа.
- «<О драмах Байрона>» — вторая половина августа (после 15-го).
- «Толпа холодная поэта окруж<ала>...» (первоначальный набросок стихотворения «Поэт и толпа») — вторая половина августа (после 15-го).
- «Ученый без дарования...» — вторая половина августа (после 15-го).
- «Если звание любителя отечественной литературы...» — вторая половина августа (после 15-го).
- Заметки «С таковыми глубоко<ими> суждениями...», «Гордиться славою своих предков...» и «Иностранцы, утверждающие...» — август.

С е н т я б р ь — о к т я б р ь (д о 13-го)

- «Есть различная смелость...» — около 17 сентября.
- «Чем более мы холодны...» — около 17 сентября.
- «Близ мест, где царствует Венеция золотая...» — 17 сентября.
- Заметки «Браните мужчин вообще...», «Одна из причин жадности...» и «Мне пришла в голову мысль...» — сентябрь (после 17-го) — октябрь (до 13-го).

- «<Мордвинову>» («Под хладом старости угрюмо угасал...») — сентябрь—октябрь (до 13-го).
- «О Гавр<иле> Григ<орьевиче> Пушк<ине>» — сентябрь—октябрь (до 13-го).
- «<Кипренскому>» («Любимец моды легкокрылой...») — сентябрь—октябрь (до 13-го).
- «Послание Дельвигу» (прозаическая часть) — сентябрь—октябрь (до 13-го).
- «Байрон говорил...» — сентябрь—октябрь (до 13-го).

М. Н. ВИРОЛАЙНЕН

ПУШКИНСКИЕ ЗАГЛАВИЯ КАК ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В корпусе текстов «Стихотворений Александра Пушкина» 1826, 1829 и 1832 годов¹ произведения не имеют подзаголовков, так как все они перенесены в оглавление и фигурируют исключительно там. Кроме того, со страниц с поэтическими текстами исчез целый ряд заглавий, имевшихся в более ранних публикациях, но теперь превратившихся в обозначенные в оглавлении подзаголовки.² Таково было композиционное решение П. А. Плетнева, готовившего эти сборники к печати. Сохранилась Цензурная рукопись издания Ст 1832,³ по которой видно, что он методично вычеркивал все подзаголовки и некоторые заглавия, включая их при этом в им же составляемое оглавление.⁴

¹ Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826 (далее: Ст 1826); Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1829. Ч. 1 (далее: Ст 1829-1); Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1829. Ч. 2 (далее: Ст 1829-2); Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1832. Ч. 3 (далее: Ст 1832). В первые две части «Стихотворений» вошли многие произведения, опубликованные в Ст 1826. Композиция этого сборника была организована по жанровому принципу, композиция «Стихотворений» 1829—1832 гг. — по хронологическому. Четвертую часть (Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1835. Ч. 4; далее: Ст 1835) составили произведения, напечатанные в «Библиотеке для чтения» в 1834—1835 гг., и «Разговор Книгопродавца с Поэтом», до этого публиковавшийся в первом (1825) и втором (1829) изданиях первой главы «Евгения Онегина» как пролог к роману. Основной объем сборника составили сказки и «Песни западных славян», к которым добавлено всего 8 стихотворений.

² В таких случаях вместо заглавия в оглавлении использовалась первая строка стихотворения, например: «(На холмах Грузии лежит ночная мгла). *Отрывок*»; «(Не пленяйся бранной славой). *Из Гафиза*» (Ст 1832. С. 207).

³ Полстное описание Цензурной рукописи (ПД 420) см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2019. Т. 3, кн. 1. С. 448—453.

⁴ В рукописи оно занимает л. 94—94 об.; в книгу вошло без изменений. Вычеркивания на листах с текстами стихотворений сделаны теми же чернилами характерного оттенка, какими записано оглавление, по почерку однозначно атрибутируемое Плетневу.

Степень участия Пушкина в принятии такого решения неизвестна. Когда готовилось издание 1826 года, он находился в михайловской ссылке, ряд издательских проблем обсуждался по ходу его переписки с Плетневым и Л. С. Пушкиным, но об оформлении подзаголовков в сохранившихся письмах речь не идет. Можно думать, что поэта вполне удовлетворил принцип их подачи, поскольку он соблюдался и в следующих изданиях.

Издательское оформление «Стихотворений Александра Пушкина» было вполне обычным для эпохи, хотя иногда ему следовали без особого педантизма. Так, например, в подготовленном П. А. Плетневым издании стихотворений В. А. Жуковского⁵ почти все подзаголовки, размещенные в оглавлении, отсутствуют в основном корпусе текстов, но в нескольких случаях в нем появляются.⁶ Та же непоследовательность — в «Стихотворениях Н. Гнедича» (СПб., 1832), где подзаголовки таких стихотворений, как «Арфа Давида (из Байрона)», «Тарентинская дева (Из Анд. Шенье)», «Мелодия (из Байрона)», фигурируют только в оглавлении, а подзаголовки стихотворений «Кузнечик (из Анакреона)», «Тантал и Сизиф в Аде (Из Одиссеи Гомеровој)» — и в тексте,⁷ и в оглавлении. В «Стихотворениях Михаила Дмитриева» (М., 1830) подзаголовки приведены только в оглавлении. Тот же принцип выдержан в «Сочинениях и переводах в стихах Павла Катенина» (СПб., 1832). В изданиях стихотворений Пушкина Плетнев соблюдал строгое единообразие, от которого почти нигде не отступил.

С тех пор книжная культура сильно изменилась, и ни традиционность оформления прижизненных пушкинских сборников, ни тот факт, что Пушкина оно явно удовлетворяло, не снимает вопроса о том, в каком виде должны быть напечатаны те же материалы в современном научном издании.⁸ Оглавление в нем точно соответствует

⁵ Стихотворения В. Жуковского. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824. Т. 1—3.

⁶ См., например, в корпусе текстов: «Уединение. (Отрывок)» (Там же. Т. 2. С. 230); «Замок Смальгольм. Шотландская сказка» (Там же. Т. 3. С. 321; ср. в оглавлении: «Замок Смальгольм. Шотландская сказка, Вальтера Скотта»); «Цейкс и Гальциона. Отрывок из Овидиевых превращений» (Там же. Т. 3. С. 335; ср. в оглавлении: «Цейкс и Гальциона. Из Овидиевых превращений»); «Разрушение Трои. Опыт перевода Энеиды. Книга II» (Там же. С. 361; ср. в оглавлении: «Разрушение Трои. Вторая песнь Виргилиевой Энеиды»).

⁷ Стихотворения Н. Гнедича. СПб., 1832. С. 140, 145. В тех случаях, когда заглавия и подзаголовки приводятся по тому или иному прижизненному изданию или автографу, заглавные и строчные буквы воспроизводятся здесь и далее в соответствии с источником.

⁸ Вопрос о неправомерности исключения из основного корпуса критически подготовленных пушкинских текстов тех заглавий и подзаголовков, которые

заглавиям и подзаголовкам, представленным в основном корпусе произведений, оно стало частью справочного аппарата и больше не служит местом, куда могут быть перенесены какие-либо значимые элементы пушкинского текста. В академическом Полном собрании сочинений Пушкина 1937—1949 годов и в вышедших томах нового академического издания, начатого в 1999 году, часть заглавий и большинство подзаголовков помещены в раздел «Другие редакции и варианты», где они фигурируют как «Печатные варианты заглавия», «Отличия печатных текстов» или помещаются в число других вариантов основного текста, хотя вполне очевидно, что вариантами они не являются и само отнесение их к данному разделу искажает картину. Следует ли из этого, что при публикации стихотворений по одному из прижизненных сборников все заглавия и подзаголовки должны быть возвращены в основной корпус? Ответ не может быть однозначным: у каждого текста своя творческая история, свой набор сохранившихся автографов, своя история публикаций.

При положительном ответе на поставленный вопрос возникает серьезная дополнительная проблема. Место подзаголовка — под заглавием. На это место и могут быть перенесены подзаголовки, оказавшиеся в оглавлении. Но как быть с заглавиями, получившими в плетневских сборниках вид подзаголовка?⁹ Если мы сохраним за ними этот статус, получится, что многие тексты имеют подзаголовки, не имея заглавий. В таком случае само слово «подзаголовок» окажется неуместным, поскольку оно означает то, что стоит «под заглавием». При подготовке научного издания обозначенная проблема получает не теоретическое, а практическое значение, так как заглавия и подзаголовки, как правило, печатаются разными шрифтами (например, заглавие — более крупным и жирным шрифтом, подзаголовок — более мелким, иногда курсивом).

Чтобы приблизиться к решению очерченного круга вопросов, необходимо прежде всего определить, что, собственно, Плетнев квалифицировал как подзаголовки. При ближайшем рассмотрении его логика становится абсолютно понятной и последовательной — к подзаголовкам он относил следующее:

1) указания на источник перевода или подражания, иногда мнимый («К Лицинию. С латинского»; «(Погасло дневное светило). Подражание Байрону»; «Черная шаль. Молдавская песня»; «(О дева-роза). Подражание турецкой песне»; «Земля и море.

Плетнев перенес в оглавление, еще в 2013 году был выдвинут А. Ю. Балакиным в докладе, прочитанном на ХLI «Болдинских чтениях» (см.: *Sadzińska E. ХLI Международная научная конференция «Болдинские чтения» // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica. 2013. № 6. С. 120).*

⁹ Примеры оформления таких случаев см. выше в примеч. 2.

Идиллия Мосха»; «(Ты вянешь и молчишь). Подражание А. Шенье»; «(Ночной зефир). Испанский романс»;¹⁰ «(Близ мест, где царствует Венеция златая). Перевод неизданных стихов Андрея Шенье»; «(Сто лет минуло как Тевтон). Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод»; «(Кобылица молодая). Подражание Анакреону»; «(Ворон к ворону летит). Шотландская песня»; «Старик. Из Маро»;¹¹ «(Не пленяйся бранной славой). Из Гафиза»; «Пир во время чумы. Из Вильсоновой трагедии: *The city of the plague*»; «Цыганы. С английского»; «(Каков я прежде был). Отрывок из Андрея Шенье»);¹²

2) указания на конкретные обстоятельства написания стихотворения («Жуковскому. На издание книжек его: *Для немногих*»; «Ч***ву. С морского берега Тавриды»; «Д***у. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма»;¹³ «Козлову. По получении от него Чернеца»; «Н. Н. При посылке ей Невского Альманаха»; «Княгине Э. А. Волконской. При посылке ей поэмы: *Цыганы*»);¹⁴

3) указания на жанровую природу произведения («Жених. Простонародная сказка»; «Череп. Послание к Д***»; «Утопленник. Простонародная сказка»; «Е. Н. У***вой. В альбом»;¹⁵ «(На холмах Грузии лежит ночная мгла). Отрывок»; «(Поедем, я готов). Элегический отрывок»; «(Как сатирой безымянной). Эпиграмма»; «(Что в имени тебе моем). В альбом»; «(Кто на снегах возрастил). Загадка»; «(Брожу ли я вдоль улиц). Станцы»; «(В часы забав иль праздной скуки). Станцы»; «Поэту. Сонет»; «(Пью за здоровье Мери). Песня»; «Сонет. Сонет»; «Мадонна. Сонет»; «К Языкову. Отрывок из послания»);¹⁶

Весь приведенный материал взят из оглавлений трех частей «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 и 1832 годов. В двух первых имелись небольшие отличия от издания Ст 1826, и их следует отметить.

¹⁰ Ст 1829-1. С. 221—223.

¹¹ Ст 1829-2. С. 174—175.

¹² Ст 1832. С. 207—208. Для сравнения укажем типы подзаголовков в 3-м издании «Стихотворений Василия Жуковского»: «Подражание Томпсону», «Подражание», «С Французского», «Соч. Гете», «Из Грея»; см. также примеч. 6. Все подзаголовки в «Сочинениях и переводах в стихах Павла Катенина» и в «Стихотворениях Михаила Дмитриева», а также почти все подзаголовки в «Стихотворениях Н. Гнедича» построены по модели «Из такого-то автора».

¹³ Ст 1829-1. С. 221—223.

¹⁴ Ст 1829-2. С. 173—174.

¹⁵ Там же. С. 173—175.

¹⁶ Ст 1832. С. 207—208.

Четыре стихотворения были напечатаны с подзаголовками в оглавлении Ст 1826, а затем без них в первой и второй частях Ст 1829. Описанной типологии они не нарушали. Одно из них относится к первому типу¹⁷ и три — к третьему.¹⁸ Далее эти четыре стихотворения будут выведены из поля рассмотрения, так как никакой текстологической проблемы они перед исследователем не ставят: их подзаголовки, имевшиеся в Ст 1826, действительно относятся к разряду вариантов, а основные тексты печатаются по более поздним изданиям.

В трех случаях заглавия или подзаголовки стихотворений были несколько изменены в Ст 1829-1 и 1829-2 по сравнению со Ст 1826: «Лицинию. С латинского» заменено в оглавлении на «К Лицинию. С латинского»,¹⁹ «(Ты вянешь и молчишь). Подражание Ан. Шенье» — на «(Ты вянешь и молчишь). Подражание А. Шенье», «Старик. Из Марота» — на «Старик. Из Маро». Заглавия или подзаголовки этих трех стихотворений в Ст 1826 тоже являются вариантами.²⁰ Наиболее существенным изменением стал перенос заглавия «Подражание турецкой песне» в оглавление, где оно получило вид подзаголовка: «(О дева-роза). Подражание турецкой песне». Других интересующих нас различий между оглавлениями Ст 1826 и двух частей Ст 1829 не имеется. Поэтому далее мы лишь в исключительных случаях будем обращаться к изданию Ст 1826.

В подготовке четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина» (Ст 1835) Плетнев не участвовал. С подзаголовком, помещенным как в тексте, так и в оглавлении, здесь напечатано только стихотворение «Красавица (В альбом Г****)». Поскольку предметом данной статьи является проблема, вызванная издательскими решениями Плетнева, сборник Ст 1835 можно было бы оставить за пределами рассмотрения, тем более что история его подготовки требует дополнительного изучения. Однако произведения, вошедшие в это издание, все-таки связаны с вопросом о заглавиях и подзаголовках. В 1836 году, после того как состоялись последние прижизненные публикации текстов, включенных в четыре части «Стихотворений» 1829—1835 годов, Пушкин задумал еще одно

¹⁷ «Юноша. Сафо» (Ст 1826. С. VIII); в Ст 1829-2 стихотворение напечатано под заглавием: «Сафо».

¹⁸ «(Ненастный день потух). Отрывок»; «Русалка. Баллада»; «Амур и Ги-меней. Сказка» (Ст 1826. С. V, VI).

¹⁹ В тексте осталось заглавие «Лицинию» (Ст 1829-1. С. 7).

²⁰ О заглавиях «Сон. (Отрывок из Новгородской повести: Вадим)» и «Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году)», под которыми это произведение печаталось в 1827 году в «Памятнике отечественных муз» и «Московском вестнике» (в Ст 1826 оно не вошло, а в Ст 1829-1 было напечатано без заглавия и подзаголовка), см. ниже, примеч. 78.

издание, которое так и не успел осуществить. Оно осталось в рукописи (далее обозначаемой как «Собрание 1836») и представляет собой авторизованную копию, в которую вошли произведения из всех четырех частей «Стихотворений Александра Пушкина». В изготовленную копию Пушкин внес довольно много поправок, касающихся заглавий и подзаголовков — в том числе и тех текстов, которые были напечатаны в Ст 1835. Более подробно о рукописи Собрания 1836 будет сказано ниже.

Сведения об изменениях в заглавиях и подзаголовках произведений, происшедших в ходе их создания и публикаций, а также при подготовке несостоявшегося Собрания 1836 представлены в Приложении к статье (см. с. 65). В Приложении, оформленном в виде таблицы, указаны архивные шифры автографов и выходные данные печатных источников, которые в тексте статьи не приводятся.

Рассмотрим прежде всего «Стихотворения Александра Пушкина» 1829—1832 годов, подготовленные Плетневым. 39 произведений имеют здесь подзаголовки, помещенные в оглавлениях. В двенадцати из них подзаголовки, имевшиеся при первых публикациях в периодических изданиях (где они были расположены под заглавиями на страницах с текстом произведений), были перенесены в оглавления без изменений:

К Лицинию. *С латинского*²¹

Черная шаль. *Молдавская песня*²²

Д***у. *На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма*

Н. Н. *При посылке ей Невского Альманаха*

Жених. *Простонародная сказка*

Череп. *Послание к Д****²³

²¹ Стихотворение не имеет прямого источника, хотя и написано с ориентацией на древнеримские сатиры, прежде всего на сатиры Ювенала.

²² История текста «Черной шали» несколько сложнее, чем истории других текстов этой группы. Как видно из Приложения, в черновом автографе стихотворение не было озаглавлено, а в беловом получило заглавие «Молдавская песня». В двух журнальных публикациях 1821 года оно подавалось по-разному: в «Сыне отечества» стихотворение называлось «Черная шаль. (Молдавская песня)», в «Благонамеренном» — «Молдавская песня». Известно, что Пушкин был недоволен публикацией «Сына отечества», содержавшей ошибки, и потому перепечатал стихотворение в «Благонамеренном». Но в Ст 1826 оно вошло под заглавием «Черная шаль», с подзаголовком «Молдавская песня» в оглавлении, и в том же виде было опубликовано в Ст 1829-1. Надо полагать, что такое решение устраивало Пушкина, а потому «Черную шаль» можно отнести к той же группе, что и остальные перечисляемые здесь тексты.

²³ В «Северных цветах» на 1828 год имелось незначительное отличие в графическом оформлении подзаголовка: «(Послание к Д.)».

Утопленник. *Простонародная сказка*.²⁴

Сонет. *Сонет*²⁵

Поэту. *Сонет*

Мадонна. *Сонет*

Пир во время чумы. *Из Вильсоновой трагедии: The city of the plague*

Цыганы. *С английского*.²⁶

Данные имеющихся автографов (см. Приложение) не противоречат тому, что эти 12 произведений можно печатать в основном корпусе научного издания с подзаголовками. Однако окончательное решение — как в этих, так и во всех остальных случаях — может быть принято только с учетом правки, внесенной Пушкиным в рукописное Собрание 1836, куда вошли многие из перечисленных текстов.

Особый случай представляет собой публикация перевода из «Вступления» («Wstep») к поэме А. Мицкевича: в «Московском вестнике» его первая строка была оформлена как заглавие, под которым стоял подзаголовок: «(Сто лет минуло как Тевтон). *Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод*». Точно в таком же виде произведение значилось в оглавлении Ст 1829-2.

Следующую группу составляют 12 стихотворений, заглавия которых, имевшиеся в более ранних публикациях, исчезли со страниц «Стихотворений» 1829—1832 годов, превратившись в подзаголовки, помещенные в оглавлении. Все эти изменения соответствуют описанной выше логике Плетнева: жанровые определения и указания на источник перевода или подражания он трактовал как подзаголовки,²⁷ в результате чего стихотворение лишалось заглавия. Это

²⁴ Приведенный подзаголовок дан в оглавлении «Московского вестника»; в тексте фигурирует другой подзаголовок: «*Простонародная песня*» (1829. Ч. 1. С. 80). Вероятно, вариант оглавления перешел в Ст 1829-2 в соответствии с желанием Пушкина.

²⁵ Подзаголовок, имевшийся также и в автографе, не является тавтологией по отношению к заглавию. Заглавие указывает на содержание стихотворения, подзаголовок — на его жанр. Вместе они подчеркивают автореферентность произведения: о сонете в форме сонета. Исключение подзаголовка из основного текста искажает пушкинский замысел.

²⁶ Вероятным, но не единственным английским источником произведения является стихотворение У. Л. Боулза «Цыганский шатер» («The Gypsy's Tent»), известное Пушкину по книге «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Bary Cornwall» (Paris, 1829). См.: Яковлев Н. В. К вопросу об английских источниках стихотворения Пушкина «Цыганы» («Над лесистыми берегами») // Пушкин и его современники. Пб., 1923. Вып. 36. С. 63—70.

²⁷ Стихотворения, подзаголовки которых указывают на обстоятельства их написания, в эту группу не входят, так как все они имеют заглавия, называющие их адресатов.

решение стало более радикальным, чем то, которое касалось предыдущей группы, и менее поддержанным традицией. В пушкинскую эпоху жанровые определения нередко использовались в качестве заглавий при публикациях как в периодике, так и в авторских сборниках.²⁸ Если стихотворение не имело другого названия, кроме указания на источник, оно не уходило в подзаголовок, а печаталось именно как заглавие, в котором могли быть использованы типовые для подзаголовков формулы (например, «Из такого-то автора», «Подражание такому-то автору»²⁹). Перечислим произведения Пушкина, относящиеся к данной группе, обозначая их так, как они печатались в периодических изданиях, и указывая их первые строчки:

Испанский романс («Ночной зефир...»)³⁰

Перевод неизданных стихов Андрея Шенье («Близ мест, где царствует Венеция златая...»)³¹

Подражание Анакреону («Кобылица молодая...»)³²

²⁸ См., например, заглавие «Идиллия» в «Стихотворениях Василия Жуковского» (Т. 2. С. 246) или пять идущих подряд заглавий «Песня» (Там же. Т. 1. С. 328, 330, 332, 334, 336), заглавия «В альбом» и «Надпись» в «Стихотворениях Евгения Баратынского» (М., 1827. С. 32, 100). Мы говорим уже о привычных для нас заглавиях «Элегия» или «Эпиграмма». Пушкинские заглавия «Элегический отрывок» или «Отрывок» акцентировали на этом фоне обновление жанровой традиции и имели отнюдь не второстепенное значение. Показательно, что жанровый акцент, отмеченный этими заглавиями, с их исчезновением перестал восприниматься исследователями.

²⁹ См., например, заглавия «Подражание Лафару», «Из А. Шенье» в «Стихотворениях Евгения Баратынского» (М., 1835. Ч. 1. С. 155, 172) или заглавие «Из Шолье» в «Стихотворениях Михаила Дмитриева» (М., 1830. Ч. 1. С. 118).

³⁰ Стихотворение было дважды напечатано в «Литературном музее» на 1827 год: на с. 320 под заглавием «Испанская песня» и в нотном приложении под заглавием «Гишпанская песня». Пушкин был недоволен ошибками этой публикации и в том же 1827 году перепечатал стихотворение в «Московском вестнике» под заглавием «Испанский романс».

³¹ Пушкинский текст является переводом стихотворения А. Шенье «Près des bords où Venise est reine de la mer...», впервые опубликованного А. де Латушем с его редакторской правкой под заглавием «Неизданные стихи Андре Шенье» («Vers inédits d'André Chénier») в журнале «Le Mercure du XIX-e siècle» (1826. Т. 12. P. 241) (см.: Гречаная Е. П. Пушкин и А. Шенье: (Две заметки к теме) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22. С. 102; см. также примеч. Н. Л. Дмитриевой к стихотворению: АПСС. Т. 3. Кн. 2 (в печати)). Пушкин написал стихотворение в имевшийся в его библиотеке первый сборник произведений Шенье (Chénier A. Œuvres complètes. Paris, 1819; Модзалевский Б. А. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9—10; Отд. отд.). С. 192. № 736), сопроводив текст французской пометой: «Vers inédits d'André Chénier», повторяющей заглавие первой публикации во французском журнале, которая, очевидно, и послужила источником его записи.

³² Стихотворение представляет собой подражание LX оде Анакреона «К фракийской кобылице».

(Из Гафиза) («Не пленяйся бранной славой...»)³³

Эпиграмма («Как сатирой безымянной...»)

Загадка («Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...»)

Элегический отрывок («Поедем, я готов. Куда бы вы, друзья...»)³⁴

Станцы («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)

Отрывок («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»)³⁵

В альбом («Что в имени тебе моем...»)³⁶

Станцы («В часы забав иль праздной скуки...»)

Песня («Пью за здоровье Мери...»)³⁷

В журнальных и альманашных публикациях этих произведений приведенные заглавия графически оформлены так же, как заглавия любых других текстов. Исключение составляет («Из Гафиза»), взятое в скобки, которыми оно отличается от заглавий стихотворений Пушкина «Зимнее утро» и «Загадка», напечатанных в том же альманаше «Царское село» на 1830 год.

К этой группе примыкают еще три стихотворения, впервые напечатанные в сборниках, подготовленных Плетневым. Одно из них в так называемой Тетради Капниста, подготовленной Пушкиным для издания Ст 1826 и пересланной Плетневу, имело заглавие: «Подражание Андрею Шенье»,³⁸ в оглавлении Ст 1826 ставшее

³³ Заглавие имеет мистифицирующий характер: в стихотворении стилизованная ориентальная поэтика, указанием на которую служит имя Гафиза.

³⁴ Ближайшим образцом стихотворения послужила элегия А. Шенье «Partons, la voile est prête, et Byzance m'appelle...» (1786), напечатанная Латушем в указанном выше сборнике 1819 года (см. примеч. 31) в разделе элегических фрагментов, — отсюда заглавие «Элегический отрывок».

³⁵ Стихотворение первоначально создавалось как классическая элегия с характерными для этого жанра мотивами быстротечности времени, бренности бытия, воспоминания как воскрешения прошлого. Но затем Пушкин принял иное жанровое решение и придал стихотворному тексту поэтическую форму, воспринятую под впечатлением творчества Андре Шенье, — форму элегического отрывка, или фрагмента, как она называлась в посмертном издании Шенье, подготовленном Латушем. Главная особенность этой формы заключалась в том, что она сближалась с антологической лирикой, с античной эпиграммой. Подробнее см.: *Виролайн М. Н.* «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»: (От автографа к поэтике) // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 2022. Вып. 36. С. 122—133.

³⁶ Стихотворение было записано в альбом К. А. Собаньской.

³⁷ Вольное переложение стихотворения Барри Корнуолла «Песня» («Song»). В качестве английского эпиграфа Пушкин взял начальную строку из него. В сохранившейся Цензурной рукописи Ст 1832, куда вошли последние девять произведений, их заглавия вычеркнуты Плетневым.

³⁸ См.: *Томашевский Б. В.* Капнистовская тетрадь // *АПСС.* Т. 2. Кн. 1. С. 345. Это заглавие было намечено еще в беловом автографе: «Из André Ch<énier>».

подзаголовком: «(Ты вянешь и молчишь). *Подражание Ан. Шенье*»; то же с небольшим изменением (см. выше) повторено в оглавлении Ст 1829-1. Другое стихотворение было опубликовано в Ст 1826 под заглавием «Подражание турецкой песне»,³⁹ превратившимся в оглавлении Ст 1829-1 в подзаголовок: «(О дева-роза, я в око-вах). *Подражание турецкой песне*». Можно предположить, что в Ст 1826 оно осталось в качестве заглавия просто по недосмотру. Последнее в этой группе стихотворение в оглавлении Ст 1832 обозначено: «(Каков я прежде был). *Отрывок из Андрея Шенье*». В двух беловых автографах оно не имело заглавия, но в третьем беловом, вложенном в Цензурную рукопись сборника, — то есть в автографе, предназначенном для печати, — озаглавлено Пушкиным: «Отрывок из Андрея Шенье»;⁴⁰ и в той же рукописи это заглавие вычеркнуто рукой Плетнева.

Перечисленным произведениям должны быть возвращены их заглавия в тех случаях, когда этому не противоречат поправки, внесенные в Собрание 1836.

Еще одну группу составляют девять стихотворений, заглавия или подзаголовки которых изменились в «Стихотворениях Александра Пушкина» по сравнению с более ранними публикациями. Здесь важно определить, Пушкину или Плетневу принадлежит каждое изменение.

В двух случаях перемена могла быть санкционирована только автором — эти произведения обозначены в оглавлениях первой и второй части Ст 1829 как «Земля и море. *Идиллия Мосха*» и «(Ворон к ворону летит). *Шотландская песня*».

Первое из них в более раннем беловом автографе не имело ни заглавия, ни подзаголовка. Более поздний беловой автограф озаглавлен: «Морской берег. / *Идиллия Мосха*». В 1825 году стихотворение было напечатано в «Новостях литературы» под заглавием «Море и земля», без подзаголовка. Заглавие и подзаголовок, появившиеся в Ст 1826 и перешедшие затем в Ст 1829-1, соответствуют записи в Тетради Капниста: «IX. *Земля и море* (*Идиллия*

³⁹ Так же оно обозначено в оглавлении Цензурной рукописи Ст 1826, составленном Плетневым и присланным им Пушкину в письме от 26 сентября 1825 года: «Подраж<ание> турец<кой> песне» (XIII, 232–234; АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 354).

⁴⁰ Из А. Шенье взят только эпиграф, точным переводом которого является первая строка стихотворения. Однако жанровая форма элегического отрывка восходит именно к Шенье. Одним из его художественных открытий, впечатливших Пушкина, было совмещение поэтики антологического фрагмента с элегическим содержанием. Заглавие, таким образом, лишь отчасти мистифицирует читателя, направляя его внимание на жанровый образец, которому следует Пушкин.

Москва)». ⁴¹ Это и послужило источником публикации в сборнике 1826-го, а затем 1829 года.

Второе стихотворение в черновом автографе называлось «Шотл<андская> песня», но в 1828 году было напечатано в «Северных цветах» на 1829 год под заглавием «Два ворона» и в том же году — в изданном М. И. Глинкой и Н. И. Павлицевым «Лирическом альбоме на 1829 год» под заглавием «Ворон к ворону летит. Песня». Ни один из этих печатных вариантов не соответствовал тому, который появился в Ст 1829-2, несомненно, по указанию Пушкина: он вернул стихотворению то заглавие, под которым оно фигурировало в черновом автографе. При оформлении сборника заглавие превратилось в подзаголовок.

Вероятнее всего, Пушкиным, а не Плетневым был изменен подзаголовок стихотворения «Жуковскому. На издание книжек его: Для немногих». Называвшееся при первой публикации в «Сыне отечества» в 1821 году несколько иначе («К Ж***. По прочтении изданных им книжек: Для немногих»), стихотворение несколько раз перерабатывалось Пушкиным (см.: АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 511—512; примеч. В. Э. Вацуро), по-видимому, его заглавие и подзаголовок изменились в ходе переработок.

В других трех случаях поправки в заглавие и/или подзаголовок могли быть внесены Плетневым. Скорее всего, именно он изменил написание фамилии Клемана Маро (Marot) в подзаголовке стихотворения «Старик. Из Маро». При первой публикации в «Российском музее» в 1815 году, а затем и в Ст 1826 подзаголовок читался: «Из Марота». У самого Пушкина написание «Марот» оставалось устойчивым. ⁴²

Стихотворение, обозначенное в оглавлениях Ст 1826 и Ст 1829-1 как «Ч***ву. С морского берега Тавриды», публиковалось в «Северной пчеле» в 1825 году под заглавием «К Ч.», с пометой при заглавии: «1820. Морской берег Тавриды». Это была именно помета (как в письме), напечатанная не по центру, а справа под заглавием. В оглавлении Ст 1826 Плетнев выставлял даты после названий и подзаголовков. Перестановка даты «1820» потребовала и изменения пометы, которая превратилась в подзаголовок, указывающий на контекст создания стихотворения, — по аналогии с приведенным выше подзаголовком послания «Жуковскому». Возражений Пуш-

⁴¹ Томашевский Б. В. Капнистовская тетрадь. С. 344.

⁴² См., например, в черновиках статей «О поэзии классической и романтической» (1825) (XI, 306) и «О ничтожестве литературы русской» (1833—1835) (XI, 503, 509, 511, 515, 516) или «<Путешествия из Москвы в Петербург>» (1833—1835) (XI, 462).

кина это не вызвало, в том же оформлении название фигурирует в Ст 1829-1.

Плетневым могло быть сделано и небольшое изменение в подзаголовке стихотворения «Княгине З. А. Волконской. *При посылке ей поэмы: Цыганы*» по сравнению с первой публикацией 1827 года в «Московском вестнике» (где было напечатано: «...посылая ей поэму: Цыганы»).

Поскольку вмешательство Плетнева в этих трех случаях остается предположительным, их последние печатные версии, вероятно, могут быть приняты как источники критически подготовленного текста. Иначе обстоит дело с названиями еще трех стихотворений, которые уже не предположительно, а наверняка были изменены Плетневым. В составленных им оглавлениях они выглядят следующим образом: «П***ну. *Отрывок*», «Е. Н. У***вой. *В альбом*» и «К Языкову. *Отрывок из послания*». Первое из них было напечатано в «Полярной звезде» на 1824 год под заглавием «Отрывок из послания В. Л. П—ну», второе при публикации 1830 года в «Литературной газете» называлось «Отры<вок>⁴³ из послания к Языкову», третье появилось в «Галатее» в 1829 году под названием «В альбом. (Е. Н. У....вой)». Считая, что части заглавий «В альбом» и «Отрывок из послания» являются указаниями на жанровую природу стихотворений, Плетнев, выдерживая общий принцип издания, превратил их в подзаголовки, сократив к тому же первый из них. Казалось бы, в критически подготовленном издании эти стихотворения должны фигурировать под своими первопечатными заглавиями, но, как и в других случаях, окончательное решение может быть принято лишь с учетом пушкинской правки в Собрании 1836.

Наконец, последнюю группу образуют всего два стихотворения, подзаголовки которых впервые появились в оглавлениях «Стихотворений Александра Пушкина» (т. е. не фигурировали в других изданиях или в автографах).

Послание И. И. Козлову, которое в беловом автографе не имело подзаголовка, впервые было напечатано в Ст 1826 с обозначением в оглавлении, в точности повторенном во второй части Ст 1829: «Козлову. *По получении от него Чернеца*». Подзаголовок, несомненно, имеет авторское происхождение. Другое стихотворение в оглавлениях Ст 1826 и Ст 1829-1 фигурирует как «(Погасло дневное светило). *Подражание Байрону*». В 1820 году оно было опубликовано в «Сыне отчества» под заглавием «Элегия». Для Ст 1826, где предполагался раздел «Элегии», такое заглавие не годилось. В Тетради Капниста стихотворение имеет зачеркнутое и вос-

⁴³ В «Литературной газете» опечатка: «Отрыков».

становленное заглавие: «Черное море».⁴⁴ То же заглавие повторено в оглавлении Цензурной рукописи Ст 1826, составленном Плетневым (см.: АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 353). Подзаголовок, появившийся незадолго до передачи издания Ст 1826 в печать, был, конечно, предложен самим Пушкиным — но, вероятнее всего, в качестве заглавия. Существенно, что оглавление, составленное Плетневым и сохранившее следы работы с ним Пушкина, никаких подзаголовков не имело (см.: Там же. С. 335—355).⁴⁵

Из приведенных фактов с очевидностью следует вывод, что все подзаголовки, помещенные Плетневым в оглавлениях «Стихотворений Александра Пушкина», относятся к двум категориям: это либо действительно подзаголовки имеющих заглавия стихотворений, либо заглавия, которые превратились в подзаголовки лишь в силу того решения по оформлению книги, которое принял Плетнев. Они являются не вариантами текста, а лишь вариантами его печатного представления. Повторим еще раз: тот факт, что Пушкин не возражал против решения, принятого Плетневым, не меняет сути дела, так как оно касалось только формы подачи текста, но не его состава, то есть было не содержательным, а композиционным. В современном научном издании, структура которого не может соответствовать композиции, предложенной Плетневым, заглавия и подзаголовки должны быть возвращены на свое место перед текстом. Они составляют безусловно значимую часть произведения и не должны быть утрачены.

На этом выводе можно было бы остановиться, если бы в 1836 году Пушкин не начал самостоятельную подготовку еще одного издания, которое решил организовать не по хронологическому, как «Стихотворения Александра Пушкина» 1829—1832 годов, а по жанрово-тематическому принципу (к жанровым разделам был до-

⁴⁴ См.: *Томашевский Б. В.* Капнистовская тетрадь. С. 337.

⁴⁵ По наблюдениям В. Д. Рака, в 1820 году, когда создавалась элегия, Пушкин имел лишь самое общее представление о поэзии Байрона и едва ли располагал текстами, которым мог непосредственно подражать (см.: *Рак В. Д.* Заметки к теме «Пушкин и Байрон». I. Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона // *Рак В. Д.* Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. статей. СПб., 2003. С. 69—70). Однако «у современников Пушкина, знакомых с произведениями английского поэта, “байронический” генезис основных мотивов и общего духа элегии не вызывал сомнения» (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 507; примеч. С. А. Фомичева). С точки зрения Б. В. Томашевского, подзаголовок был дан элегии через пять лет после ее написания, для того «чтобы не вызывать упреков критиков, готовых во всем видеть подражания Байрону» (*Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 388).

бавлен раздел «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)».⁴⁶ Задуманное издание осталось в рукописи (обозначенной в данной статье как «Собрание 1836»⁴⁷), которая в целом может быть отнесена к числу авторизованных копий: она представляет собой собрание писарских копий, рукой Пушкина в них внесен ряд поправок. Прежде чем характеризовать те из них, которые касаются заглавий и подзаголовков, необходимо сказать несколько слов о рукописи в целом, так как только с учетом ее общего характера могут быть решены связанные с ней частные вопросы.

Одна из важнейших особенностей Собрания 1836 заключается в том, что авторская работа над ним, начатая в декабре 1836 года, осталась далека от завершения. Очевидно, что интерес Пушкина был главным образом сосредоточен на общей композиционной организации издания. Для распределения произведений по разделам он заготовил сложенные вдвое листы-обложки, надписал на них названия разделов и вложил в соответствующие обложки листы с копиями произведений. Даже этот основной этап работы не был доведен до конца. Несформированным остался раздел элегий, от которого Пушкин едва ли мог сознательно отказаться.⁴⁸ Раздел, в который вошли драматические произведения, не был озаглавлен (позднее его заглавие было вписано Жуковским,⁴⁹ который работал с рукописью при подготовке Посмертного собрания сочинений⁵⁰). В раздел «Подражания древним» вложены только три произведения — он явно не был полностью укомплектован, и нет никакой уверенности в том, что другие разделы содержат все стихотворения, которые Пушкин намеревался в них поместить. В обложку раздела, озаглавленного Пушкиным «Сонеты», вложены, кроме трех пушкинских сонетов («Поэту», «Мадонна», «Сонет»), стихотворения, не имевшие никакого отношения к сонетной форме. Жуковский сделал для этого раздела другую обложку, написав на ней: «Песни / Стансы / Сонеты», и это вызывает вопрос о том, не им ли был дополнен раздел. Было бы очень соблазнительно осуществить последний пушкинский замысел и опубликовать задуманную им книгу — но Собрание 1836 не содержит достаточного и надежного материала для выполнения такой задачи.

⁴⁶ Подробнее об этом замысле Пушкина см.: *Ларионова Е. О.* Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 271—288.

⁴⁷ Полистное описание рукописи см.: АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 363—370.

⁴⁸ См.: *Ларионова Е. О.* Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года. С. 276.

⁴⁹ Жуковский вписал два варианта заглавия: «Раз<?> Ст<?>» и «Разговоры».

⁵⁰ *Пушкин А. С.* Соч. СПб., 1838—1841. Т. 1—11.

Продолжая описание рукописи, необходимо отметить, что многие ошибки переписчиков остались неисправленными, и, хотя какие-то тексты Пушкин явно просматривал и внес в них несколько исправлений, его правка не носила регулярного характера. Во многих копиях над заглавиями произведений стоял обозначенный римской цифрой порядковый номер, под которым оно фигурировало в «Стихотворениях Александра Пушкина». При новой композиции издания эти номера ничему не соответствовали и придавали рукописи хаотический вид. Пушкин обратил на это внимание, но вычеркнул только три таких цифры. В двух случаях он зачеркнул пометы у заглавия,⁵¹ в двух других перенес такие пометы под текст.⁵² Бóльшая часть его исправлений коснулась заглавий и подзаголовков, причем некоторые поправки лишь намечают планируемое изменение (см. ниже, с. 55—56).

Таким образом, состояние, в котором осталась рукопись Собрания 1836, отражает лишь начальный этап работы, ни в одном направлении не доведенной до конца. Тем не менее те поправки, которые Пушкин успел внести, выражают его последнюю авторскую волю и должны быть учтены в научном издании.⁵³ Вернемся теперь к основной теме статьи.

Выходя из-под пера переписчиков, копии не содержали ни подзаголовков, ни тех заглавий, которые Плетнев перенес в оглавление, — копии снимались с текстов «Стихотворений Александра Пушкина» 1829—1835 годов.⁵⁴ Рассмотрим поправки, внесенные Пушкиным в заглавия и подзаголовки произведений, вошедших в сборники, подготовленные Плетневым. Таких случаев 12 (не считая вписанного заглавия «*Ex ungue leonem*», просто пропущенного при копировании).

Пяти стихотворениям Пушкин дал новые заглавия. Вместо «Соловей» появилось «Соловей и роза»,⁵⁵ вместо «Череп» — «По-

⁵¹ Вычеркнуты пометы «(Москва)» у заглавия стихотворения «К вельможе» и «19 января» перед текстом «В часы забав иль праздной скуки...».

⁵² Под текст перенесены пометы «Михайловское 1824» в послании к Языкову («Издравле сладостный союз...») и «Лагерь при Евфрате» в стихотворении «Не пленяйся бранной славой...». В последнем случае к помете была добавлена дата: «1829», избыточная в разделе, озаглавленном: «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)». Возможно, дата была добавлена до того, как Пушкин принял решение сформировать этот раздел, но тот факт, что она осталась невычеркнутой, лишний раз указывает на незавершенный характер работы над рукописью.

⁵³ Частично это уже сделано — см. ниже примеч. 98.

⁵⁴ См.: Ларионова Е. О. Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года. С. 275.

⁵⁵ Вероятнее всего, изменение вызвано тем, что в отдел «Песни западных славян» тоже входило стихотворение «Соловей».

слание Дельвигу»,⁵⁶ вместо «И. В. С***» — «В альбом», вместо «Чернь» — «Поэт и толпа». Новым стало и заглавие «Из Barry Cornwall».⁵⁷

К заглавиям трех произведений Пушкин добавил отсутствовавшие в рукописи подзаголовки: «П***ну. Орывок» (это соответствует обозначению в Ст 1829-1, которое, следовательно, возражений Пушкина не вызывало⁵⁸); «Прозерпина (подражание)» (такой подзаголовок имелся только в Тетради Капниста⁵⁹); «Пир во время чумы (из Вильсона)».⁶⁰

Наконец, над текстами еще четырех произведений Пушкин вписал отсутствовавшие в рукописи заглавия. Одно из них — «из Гафиза» — совпадало с заглавием в первой публикации и подзаголовком плетневского оглавления, три другие — «Орывок»,⁶¹ «(из Валленрода)» и «(из Анакреона)» варьировали печатные версии.⁶²

Теперь уместно произвести некоторые подсчеты. В сборниках 1829—1832 годов, подготовленных Плетневым, в оглавления были перенесены заглавия или подзаголовки 39 произведений. Из их числа в рукопись 1836 года вошло 30, и лишь в 12 из них Пушкин ис-

⁵⁶ В результате на месте заглавия оказалось то, что в предыдущих публикациях фигурировало как подзаголовок.

⁵⁷ При первой публикации пушкинское стихотворение называлось так же, как его английский оригинал, — «Песня» (см. выше примеч. 37); это заглавие стало подзаголовком в оглавлении Ст 1832.

⁵⁸ Как было показано выше (см. с. 49), изменение этого заглавия по сравнению с первой публикацией было сделано Плетневым, который аналогичным образом изменил обозначения стихотворений, фигурирующих в оглавлениях Ст 1829-2 и Ст 1832 как «К Языкову. Орывок из послания» и «Е. Н. У***вой. В альбом». В последний текст Пушкин не внес никаких поправок — вероятно, его название следует печатать в том виде, в каком оно было опубликовано в «Галатее»: «В альбом (Е. Н. У<шако>вой)». Заглавие (а не подзаголовок) «В альбом» повторяется у Пушкина аналогично тому, как повторяются заглавия «Элегия» или «Эпиграмма». Что же касается послания к Языкову, то к нему в рукописи Собрания 1836 Пушкин отнесся внимательно — он вычеркнул помету: «Михайловское 1824» у заглавия и вписал ее под текстом стихотворения, однако никакого подзаголовка не добавил. Допустимо считать, что в данном случае Пушкин не видел в нем необходимости.

⁵⁹ Ср. варианты заглавия в беловом автографе:

а. Подражание Парни

б. Прозерпина. Подражание Парни

⁶⁰ Ср. с подзаголовком, имевшимся в публикациях: «Из Вильсоновой трагедии The city of the plague».

⁶¹ Это обозначение в Собрании 1836 получил фрагмент «Свод неба мраком обложился...», который в 1827 году был дважды напечатан под разными заглавиями (см. примеч. 20).

⁶² О том, как фигурировали в печати перевод из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» и подражание LX оде Анакреона, см. выше, с. 44 и 45.

правил или добавил заглавия или подзаголовки.⁶³ Значит ли это, что в 1836 году Пушкин принял решение исключить заглавия или подзаголовки остальных 18 стихотворений? Учитывая незавершенный характер работы над рукописью Собрания 1836, положительный ответ на этот вопрос дать невозможно.

Следует, конечно, оговорить, что при новой композиции, избранной в 1836 году, некоторые подзаголовки оказались бы неуместными, поскольку они или дублировали названия разделов, или не соответствовали им. Так, в разделе «Сонеты» лишним выглядел подзаголовок «Сонет», который имели стихотворения «Поэту», «Мадонна» и «Сонет». Заглавие «Загадка» вступало в некоторое противоречие с названием раздела «Эпиграммы, надписи и проч.». Не годился и подзаголовок «Простонародная сказка», с которым печатались «Жених» и «Утопленник»,⁶⁴ так как в Собрании 1836 они были помещены в раздел «Баллады и песни», а определение

⁶³ Для полноты картины укажем внесенные Пушкиным изменения заглавий и подзаголовков тех произведений, которые вошли в Ст 1835, готовившиеся без участия Плетнева. В рукописи Собрания 1836 было вычеркнуто заглавие «Подражание древним», объединявшее при публикации в «Библиотеке для чтения» и в Ст 1835 два стихотворения: «(Из Ксенофана Колофонского)» и «(Из Афенея)», которые по плану нового издания помещались в общий ряд произведений отдела «Эпиграммы. Надписи и проч.». Соответственно, были вычеркнуты цифры «1» и «2», стоявшие перед их заглавиями. В беловых автографах оба стихотворения не имели заглавий. В автографах первого из них под текстом стоит одна и та же помета: «(из Ксенофана Колофонского)». Второе стихотворение в одном беловом автографе не имело не только заглавия, но и пометы под текстом, в другом под текстом стоит помета: «(из Афенея)». В публикации «Библиотеки для чтения» те же пометы так же располагались под текстом, и только в Ст 1835 они были напечатаны как заглавия; в том же качестве они фигурируют в Собрании 1836.

Под заглавиями стихотворений «Будрыс и его сыновья» и «Воевода» вписаны одинаковые подзаголовки: «Из Мицкевича». В «Библиотеке для чтения» первое из них (довольно точный перевод баллады Мицкевича) печаталось с подзаголовком «Литовская баллада», второе (вольный перевод баллады Мицкевича) — с подзаголовком «Польская баллада»; в оглавлении журнала к обоим подзаголовкам было добавлено: «Из М—а». В Ст 1835 оба стихотворения вошли без подзаголовков в тексте и оглавлении.

Подзаголовок «(В альбом Г****)» стихотворения «Красавица» («Все в ней гармония, все диво...») был сначала исправлен на: «(В альбом Графине ****)», а затем вычеркнут.

⁶⁴ Другой вариант подзаголовка «Утопленника» — «Простонародная песня» (см. выше, с. 44). Оба определения — и «песня», и «сказка» применялись к стихотворениям, написанном в жанре баллады. В. А. Жуковский трижды печатал «Замок Смальгольм» с подзаголовком «Шотландская сказка» (см.: Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. № 2. С. 131; Новости литературы. 1824. № 7. С. 106; Стихотворения Василия Жуковского. 3-е изд. Т. 3. С. 321). В словаре Н. Ф. Остолопова итальянская баллада характеризовалась как «плясовая песня» (Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым. СПб., 1821. Ч. 1. С. 58).

«Простонародные сказки» было дано разделу, в котором Пушкин собирался поместить «сказки» о рыбаке и рыбке, о мертвой царевне, о золотом петушке и, по-видимому, о царе Салтане. Но эти соображения касаются лишь публикации в сборнике, построенном в соответствии с композицией, намеченной Пушкиным в 1836 году, с разделами, озаглавленными так, как в обсуждаемой рукописи. При ином композиционном решении эти соображения нерелевантны — за исключением двух случаев, относящихся к «Жениху» и «Утопленнику». Подзаголовки, с которыми они печатались, должны быть исключены из критически подготовленных изданий на основании той жанровой дифференциации, которая зафиксирована рукописью 1836 года. Группа произведений, помещенных здесь в раздел «Простонародные сказки», обладает очевидной общностью поэтики, которой не соответствует ни «Утопленник», ни «Жених». Хотя сюжет последнего действительно восходит к фольклорной сказке⁶⁵ и еще в 1834 году Пушкин включал «Жениха» в план издания, озаглавленный «Простонародные сказки»,⁶⁶ произведение написано балладной Бюргеровой строфой, и в 1836 году Пушкин принял вполне определенное жанровое решение, распределив баллады и сказки по разным разделам.⁶⁷

И еще одна оговорка. Мы не знаем, собирался ли Пушкин следовать примеру Плетнева и при окончательном оформлении сборника поместить соответствующие заглавия и подзаголовки только в оглавлении. Но для критической подготовки текста стихотворений это не имеет значения по той же (указанной на с. 39—40) причине, по которой композиционный принцип, избранный Плетневым, не имеет значения для принятия текстологических решений.

Некоторые пушкинские поправки ставят перед текстологом задачу, не имеющую однозначного решения, поскольку, вероятнее всего, фиксируют не окончательное авторское решение, а лишь намечают его. Едва ли Пушкин имел в виду, что подзаголовок: «(из Вильсона)» в таком виде и должен пойти в печать вместо «Из Вильсоновой трагедии: The city of the plague», фигурировавшего в обеих преды-

⁶⁵ Сюжет № 955 по классификации Аарне—Томпсона. В 1927 г. В. И. Чернышев записал вблизи Михайловского несколько вариантов сказки о женихе-разбойнике (см.: Сказки и легенды пушкинских мест / Записи на местах, наблюдения и исследования чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышева. М.; Л., 1950. № 1, 6, 9, 65 («Лит. памятники»). Пушкинская версия сюжета ближе всего к № 9 и 65 (см.: АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 749—750; примеч. С. В. Березкиной).

⁶⁶ См.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. М., 1997. С. 203 (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 17 (доп.)).

⁶⁷ См.: Ларионова Е. О. Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года. С. 280—281.

дущих публикациях. Подзаголовок «Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод» в Собрании 1836 превратился в заглавие: «Из Валенрода». Как и в случае с «Пиром во время чумы», это скорее похоже на помету, сделанную для себя, чем на окончательное решение: даже название поэмы Мицкевича записано сокращенно. Но являются ли такими же предварительными пометами подзаголовки «из Мицкевича», вписанные под заглавиями «Будрыс и его сыновья» и «Воевода»? Указывают ли они на намерение полностью восстановить подзаголовки, с которыми эти стихотворения печатались в «Библиотеке для чтения» или же служат последней пушкинской версией подзаголовков этих баллад? Заглавие «Подражание Анакреону» («Кобылица молодая...»), под которым стихотворение было опубликовано в «Северных цветах», оформленное как подзаголовок в Ст 1829-2, получило другую форму: «(Из Анакреона)». В данном случае нельзя исключить, что изменение было связано с тем, что стихотворение вошло в раздел «Подр<ажания> древним», и Пушкин не хотел дублировать его название. Но заглавие, оформленное по модели «Из ...», не редкость у Пушкина — ср. в Собрании 1836: «(Из Гафиза)», «Из Barry Cornwall»,⁶⁸ «(Из Ксенофана Клолофонского)», «(Из Афенея)». Добавим к этому «Из Alfieri» («Сомненье, страх, порочную надежду...»),⁶⁹ «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...»),⁷⁰ «(Из Анакреона). Отрывок» («Узнают коней ретивых...»),⁷¹ «(Из Пиндемонта)» («Не дорого ценю я громкие права...»).⁷² Следовательно, заглавия типа «(Из Анакреона)», «Из Barry Cornwall» или «из Мицкевича» не выбиваются из общего ряда.

⁶⁸ Можно было бы думать, что заглавие (в версии Ст 1832 — подзаголовок) этого стихотворения — «Песня» — было изменено потому, что оно было помещено в раздел «Песни / Стансы / Сонеты», но, как было уже указано (см. выше, с. 51), так озаглавил его Жуковский, работавший с рукописью; рукой Пушкина раздел был озаглавлен: «Сонеты».

⁶⁹ Перевод монолога из трагедии В. Альфьери (Alfieri) «Филипп» («Filippo»), не публиковавшийся при жизни Пушкина. В единственном источнике текста — белом автографе (ПД 836, л. 33 об.) — над текстом вписано: «(из Alfieri)».

⁷⁰ Вольный перевод стихотворения Шенье «*C'est, mont ennoblé par cette nuit ardente...*». В черновом автографе (ПД 76, л. 1) без заглавия; в белом автографе, переходящем в черновой (ПД 206, л. 1), под заглавием: «(из А. Шенье)»; в «Современнике» (1836. Т. 1. С. 191) под заглавием: «Из А. Шенье».

⁷¹ Перевод оды LV из сборника стихотворений, приписываемых Анакреону, не публиковавшийся при жизни Пушкина. В единственном источнике текста — белом автографе (ПД 204, л. 1) — под заглавием: «(из Анакреона)», с подзаголовком: «отрывок».

⁷² Стихотворение не публиковалось при жизни Пушкина. В черновом автографе (ПД 237, л. 1) без заглавия; в белом автографе (ПД 236, л. 1) под исправленным мистифицирующим заглавием: «(из [Alfred Musset] Пиндемонта)».

Встает вопрос о графическом оформлении такого рода заглавий, особенно тех, которые впервые появились в рукописи 1836 года (или фигурируют в автографах произведений, не имеющих прижизненных публикаций). У Пушкина оно вариативно: иногда они заключаются в скобки, но могут появляться и без скобок. Та же вариативность наблюдается и в прижизненных публикациях. По наблюдениям хранителя пушкинских рукописей Т. И. Краснородько, в автографах поэта разное назначение могут иметь круглые и косые скобки. Последними часто обозначены фрагменты, подлежащие графическому выделению, — например, ремарки. Но в интересующих нас случаях закономерности, как кажется, нет. В Собрании 1836 в косые скобки заключены записи: «(Из Вильсона)», «(из Валенрода)», «(отрывок)» (подзаголовок послания «П***ну»), «(Из Анакреона)». В подзаголовке стихотворения «Прозерпина» «(подражание)» скобки не косые, а прямые вертикальные. Без скобок вписано: «из Мицкевича» (дважды), «Отрывок» (над текстом «Свод неба мраком обложился...»), «из Гафиза», «Из Barry Cornwall». В белых автографах некоторые заглавия и подзаголовки заключены в круглые скобки, например, «(из Alfieri)»; дважды — подзаголовок «(сонет)», относящийся к стихотворениям «Сонет» и «Мадонна»; в косые скобки заключены записи «(из А. Шенье)», «(из Анакреона)». Запись «(Из Пиндемонта)» открывает косая скобка, а закрывает круглая. Некоторые (далеко не все) из приведенных записей подчеркнуты. Косых скобок как будто больше, но в целом наблюдается разнობой.

Пушкин явно не был педантом в оформлении этой части своих текстов, по-видимому вполне доверяя издателям. Однако перед современным научным изданием встает вопрос: следует ли передавать это разнообразие пушкинской графики в тех случаях, когда источником основного текста служит автограф? Думается, что ответ скорее принадлежит к числу эдиционных, а не текстологических решений. С учетом того, что Пушкину вполне нравились издания, подготовленные Плетневым, унифицировавшим подачу текстов, можно избрать этот принцип и, например, набирать все подзаголовки курсивом и либо в скобках, либо без скобок. Сложнее решить, как быть со шрифтом и скобками в заглавиях типа «(Из Анакреона)» или «(из Alfieri)». Если сохранять пушкинские написания, разница между такими заглавиями, как «Из Barry Cornwall» и «(Из Пиндемонта)», останется необъяснимой для читателя, и комментатор вряд ли сможет ему помочь. Возможно, автору данной статьи только кажется, что такой разницы не существует (мистифицирующий характер последнего заглавия — не объяснение, так как заглавие «(Из Анакреона)», также помещенное в скобки, действительно указывает на ис-

точник стихотворения). Если же исходить из того, что наличие или отсутствие скобок не является маркирующим признаком, то лучше, наверное, в решении этого вопроса тоже пойти по линии унификации и либо добавить скобки во всех аналогичных случаях, либо везде их снять. Последнее кажется предпочтительным.

Подытоживая сказанное, приведем список заглавий и подзаголовков обсуждавшихся здесь произведений в том виде, в каком он представляется правильным исходя из приведенных выше текстологических рассуждений. Разумеется, предлагаемые решения могут быть скорректированы в результате более подробного изучения каждого поэтического текста.

Старик. *Из Маро* («Уж я не тот любовник страстный...»)⁷³

Лицинию. *С латинского* («Лициний, зришь ли ты? На быстрой колеснице...»)⁷⁴

<В. Л.> П<ушки>ну. *Отрывок* («Что восхитительней, живеи...»)⁷⁵

Жуковскому. *На издание книжек его: «Для немногих»* («Когда, к мечтательному миру...»)⁷⁶

Подражание Байрону («Погасло дневное светило...»)⁷⁷

Черная шаль. *Молдавская песня* («Гляжу как безумный на черную шаль...»)

Земля и море. *Идиллия Мосха* («Когда по синеве морей...»)

Отрывок из неоконченной поэмы (*писано в 1822 году*) («Свод неба мраком обложился...»)⁷⁸

Ч<аадае>ву. *С морского берега Тавриды* («К чему холодные сомненья?...»)

Д<авыдов>у. *На приглашение ехать с ним морем на полуостровый берег Крыма* («Нельзя, мой толстый Аристип...»)

Прозерпина. *Подражание* («Плещут волны Флегетона...»)

К Языкову («Издравле сладостный союз...»)⁷⁹

⁷³ Поздняя редакция.

⁷⁴ Поздняя редакция. С предлогом «к» («К Лицинию») заглавие фигурирует только в оглавлении Ст 1829-1.

⁷⁵ Поздняя редакция.

⁷⁶ Поздняя редакция.

⁷⁷ Это решение представляется наиболее проблематичным. Основные аргументы, с опорой на которые оно может быть оспорено, см. выше в примеч. 45.

⁷⁸ Предлагаемое решение спорно. Возможно, в данном случае имеет смысл сохранить традиционное редакторское заглавие «<Вадим>», добавив к нему приведенное выше заглавие в качестве подзаголовка. Однако такой подзаголовок может быть принят только исходя из того, что заглавие «Отрывок», вписанное в Собрании 1836, является предварительной пометой, а это представляется наиболее вероятным, но не однозначным.

⁷⁹ Поздняя редакция. Причина, по которой в данном случае подзаголовок можно не добавлять, указана выше в примеч. 58.

Испанский романс («Ночной зефир...»)

Подражание А. Шенье («Ты вынешь и молчишь; печаль тебя сдает...»)

Н. Н. При посылке ей «Невского альманаха» («Примите “Невский альманах”...»)⁸⁰

Козлову. По получении от него «Чернеца» («Певец, когда перед тобой...»)

Жених («Три дня купеческая дочь...»)

Подражание турецкой песне («О дева-роза, я в оковах...»)

Отрывок из Андрея Шенье («Каков я прежде был, таков и ныне я...»)

Соловей и роза («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей...»)

Княгине Э. А. Волконской. При посылке ей поэмы «Дыганы» («Среди рассеянной Москвы...»)

Перевод неизданных стихов Андрея Шенье («Близ мест, где царствует Венеция златая...»)

Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг, он...»)

Из Alfieri («Сомненье, страх, порочную надежду...»)

Из «<Конрада> Валленрода»⁸¹ («Сто лет минуло, как тевтон...»)

Из Анакреона («Кобылица молодая...»)

В альбом («Я не люблю альбомов модных...»)

Утопленник («Прибежали в избу дети...»)

Шотландская песня («Ворон к ворону летит...»)

Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной...»)

В альбом (Е. Н. У<шако>вой) («Вы избалованы природой...»)

Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой...»)

Эпиграмма («Как сатирой безымянной...»)

Загадка («Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...»)

Элегический отрывок («Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...»)

Станцы⁸² («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)

⁸⁰ Обе редакции стихотворения.

⁸¹ Поскольку запись заглавия в Собрании 1836 можно трактовать как предварительную помету, допустимо и другое решение — в критический текст может быть взят вариант оглавления Ст 1829-2: «Отрывок из поэмы Мицкевича: “Конрад Валленрод”».

⁸² Проблематичным остается написание слова *стансы*, которое у Пушкина колеблется (в большинстве случаев — *стансы*, но встречается и *станцы* (см.: Словарь языка А. С. Пушкина. М., 2000. Т. 4. С. 358—359)). Стихотворение впервые было напечатано в «Литературной газете» (1830. Т. 1. № 2, 6 янв. С. 10) под заглавием «Станцы». В том же написании там же (№ 12, 25 февр. С. 94) напечатано стихотворение «Станцы» («В часы забав иль праздной скуки...»). Пушкин деятельно занимался «Литературной газетой» в январе и феврале 1830 года, но нет уверенности в том, что он следил за орфографическим

- Отрывок («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»)
 В альбом («Что в имени тебе моем...»)
 Станцы («В часы забав иль праздной скуки...»)⁸³
 Сонет. *Сонет* («Суровый Дант не презирал сонета...»)
 Поэту. *Сонет* («Поэт! не дорожи любовью народной...»)
 Мадонна. *Сонет* («Не множеством картин старинных масте-
 ров...»)
 Пир во время чумы. *Из Вильсоновой трагедии: «The city of
 the plague»*
 Из *Barry Cornwall* («Пью за здоровье Мери...»)
 Цыганы. *С английского* («Над лесистыми берегами...»)
 Красавица («Все в ней гармония, все диво...»)
 Из Афедея («Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводи-
 теля хоров...»)
 Из Ксенофана Клолофонского («Чистый лоснится пол...»)
 Будрыс и его сыновья. *Из Мицкевича*⁸⁴
 Воевода. *Из Мицкевича*⁸⁵
 Из Анакреона. *Отрывок* («Узнают коней ретивых...»)
 Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью...»)
 Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права...»)

В нашу задачу не входит подробный анализ того, как решалась очерченная проблема в изданиях XIX—XX веков, начиная с Посмертного собрания сочинений Пушкина 1838—1841 годов и заканчивая новым академическим Полным собранием его сочинений в 20 томах. Но самые общие тенденции наметить все же нужно, чтобы понять, как сформировалась традиция, которую кажется необходимым нарушить.

оформлением даже собственных текстов. В писарской копии в составе Цензурной рукописи Ст 1832 в обоих случаях первоначальное написание «Стансы» было исправлено на «Станцы» (до того, как заглавие было вычеркнуто). Обе поправки сделаны чернилами, которыми правил Цензурную рукопись Плетнев, но в одном случае («В часы забав иль праздной скуки...» — ПД 420, л. 25) чернилами вероятнее всего обведена карандашная поправка, а карандашом в этой рукописи работал Пушкин. Совокупность имеющихся сведений позволяет отдать предпочтение написанию «Станцы».

⁸³ Внимание Пушкина явно задержалось на копии этого стихотворения: он вычеркнул в ней помету над текстом (см. выше примеч. 51), однако заглавие не вписал. Вполне возможно, что в данном случае он счел заглавие ненужным.

⁸⁴ Такое решение представляется не бесспорным, но наиболее осторожным. Как было отмечено выше, не исключено, что помета «из Мицкевича» указывала на намерение восстановить подзаголовок, с которым баллада печаталась в «Библиотеке для чтения».

⁸⁵ Этот случай аналогичен оговоренному в предыдущем примечании.

Редакторы Посмертного издания при подготовке корпуса текстов не пересматривали решений, принятых Плетневым, хотя имелись и редкие отступления от них: «Сон (*Отрывок из новгородской повести: Вадим*)», «Загадка (*При посылке бронзового сфинкса*)», «Из Анакреона. *Отрывок*». В оглавления Посмертного издания интересующие нас заглавия и подзаголовки по вполне понятным причинам тоже не вошли: оглавления составлялись на основе текстов, представленных в заново составленных томах.

П. В. Анненков в важном для нас аспекте явно придерживался принципов Посмертного собрания сочинений.⁸⁶ Показательно, что почти все перечисленные произведения оформлены им так же, как и в нем. Однако издание Анненкова имело существенное отличие от Посмертного: оно было комментированным, и в подавляющем большинстве случаев имевшиеся в прижизненных публикациях заглавия и подзаголовки были обозначены в примечаниях к стихотворениям. Именно Анненковым была заложена традиция, актуализированная в XX и XXI веках: заглавия и подзаголовки, исключенные Плетневым из основного корпуса, так и остались исключенными из него, но переместились из оглавления в научные разделы — сначала в комментарии, позднее — в раздел «Другие редакции и варианты».

Традиция эта, впрочем, утвердилась не сразу. В следующих за анненковским изданиях XIX века, готовившихся Г. Н. Геннади, П. А. Ефремовым, П. О. Морозовым, заглавия и подзаголовки стали возвращаться в корпус текстов.⁸⁷ Как кажется, это происходи-

⁸⁶ См.: *Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 2, 3; 1857. Т. 7.*

⁸⁷ См.: *Пушкин А. С. Соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб., 1859. Т. 1; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб., 1869. Т. 1; Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 1, 2, 3; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1887. Т. 1, 2, 3; Пушкин А. С. Соч. / Под ред., с примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 1—2; Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 1—2; Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. 1—2. Приведем неполный, но достаточно показательный для общей тенденции список заглавий и подзаголовков, напечатанных в основном корпусе текстов в изданиях, вышедших под редакцией Геннади и Ефремова: «Испанский романс» («Ночной зефир...»); «Подражание А. Шенье» («Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...»); «Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод» («Сто лет минуло, как тевтон...»); «Подражание Анакреону» («Кобылица молодая...»); «Шотландская песня» («Ворон к ворону летит...»); «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...»); «Загадка (При посылке Дельвигу бронзового сфинкса)»; «Элегический отрывок» («Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...»); «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»); «Отрывок» («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»); «Стансы» («В часы забав иль праздной скуки...»); «Старик. (Из Марота)»; «Жуковскому. (На издание книжек его: “Для немногих”); «Черная шаль. (Мол-*

ло без соблюдения каких-либо строго выдержанных принципов — далеко не всегда можно определить, почему те или иные заглавия или подзаголовки все-таки не попали в основной текст.⁸⁸

Ситуация изменилась с выходом трех первых томов издания Императорской Академии наук,⁸⁹ редакторы которых предпочли вернуться к модели Анненкова: заглавия и подзаголовки отсутствуют в тексте и оглавлении, но указание на них, как правило, содержится в примечаниях. П. О. Морозов, готовивший третий том этого издания совместно с В. Е. Якушкиным, скончавшимся в 1912 году, четвертый том редактировал уже один — и возобновил в нем практику своих более ранних изданий, в которых заглавия и подзаголовки в большинстве случаев помещались в корпусе текстов.⁹⁰

Иные решения были предложены в так называемом венгеро-вском издании.⁹¹ В первом его томе сохранялся принцип Анненкова и первых томов издания Академии наук, но начиная со второго тома подзаголовки стали помещаться в основном корпусе. Судьба большинства заглавий, исключенных Плетневым из текста, была решена иначе: они поданы как подзаголовки стихотворений, что оказалось возможным потому, что на место заглавия таких текстов выносилась их первая строка (с первой строкой в качестве заглавия печатались в венгеро-вском издании все незаглавленные тексты⁹²). Результатом такого решения оказалось переведение целого ряда пушкинских заглавий в статус подзаголовков, что, несомненно, искажало их природу.

Ближе всего к модели Плетнева вернулось издание «Красной нивы».⁹³ В подавляющем большинстве случаев интересующие нас подзаголовки и заглавия отсутствуют в тексте, но указываются в оглавлении (в первом томе они, как правило, стоят на первом месте

давская песня)»; «Н. Н. (При посылке ей “Невского альманаха”)»; «Козлову. (По получении от него “Чернеца”)»; «Поэту. (Сонет)»; «Будрыс и его сыновья. (Из Мицкевича)»; «Воевода. (Из Мицкевича)».

⁸⁸ Не исключено, что при более подробном изучении эдичионных принципов того или иного издателя, — принципов, касающихся не только поставленной в этой статье проблемы, — такое недоумение может быть снято.

⁸⁹ *Пушкин А. С.* Соч. 2-е изд. СПб., 1900. Т. 1 / Под ред. Л. Н. Майкова; 1905. Т. 2 / Под ред. В. Е. Якушкина; 1912. Т. 3 / Под ред. В. Е. Якушкина и П. О. Морозова.

⁹⁰ См.: *Пушкин А. С.* Соч. Пг., 1916. Т. 4 / Под ред. П. О. Морозова.

⁹¹ *Пушкин А. С.* [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1; 1908. Т. 2; 1909. Т. 3; 1910. Т. 4.

⁹² Использование первой строки в качестве заглавия стихотворения иногда практиковалось еще в начале XIX века.

⁹³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1 / Ред. М. А. Цявловский; Т. 2 / Ред. М. А. Цявловский (Прилож. к журн. «Красная нива» на 1930 г.).

и выделяются курсивом,⁹⁴ во втором томе они стоят, также выделенные курсивом, после первого стиха, который, как и в венгерском издании, становится здесь названием стихотворения⁹⁵). Сходное решение было принято в девятитомном Полном собрании сочинений Пушкина издательства «Academia».⁹⁶ Почти все обсуждаемые заглавия и подзаголовки отсутствуют в основном корпусе текстов, но фигурируют они не в оглавлениях томов, а в алфавитном указателе стихотворений, напечатанных в томах 1—3.

В вышедших в 1937—1949 годах трех первых томах так называемого «большого» академического Полного собрания сочинений Пушкина⁹⁷ был сформирован новый принцип подачи исключенных Плетневым заглавий и подзаголовков: они более не помещались ни в корпусе текстов, ни в оглавлениях, их место было определено в разделе «Другие редакции и варианты», хотя, как уже было сказано, ни к редакциям, ни к вариантам стихотворений они отношения не имеют. На сей раз принцип был проведен систематически, хотя исключение было почему-то сделано для заглавия «Из Гафиза».⁹⁸

В первом издании «малого» академического собрания сочинений, подготовленного Б. В. Томашевским,⁹⁹ интересующих нас заглавий и подзаголовков в корпусе текстов не было — так же, как и в «большом» академическом.¹⁰⁰ Указания на наличие заглавий или подзаголовков в прижизненных публикациях приводились в примечаниях, правда, в силу их вынужденной краткости, далеко не всегда. Однако уже во втором издании «малого» собрания сочинений¹⁰¹ То-

⁹⁴ Например: «Подражание турецкой песне. («О дева-роза, я в оковах»)» (Там же. Т. 1. С. 394).

⁹⁵ Например: ««Близ мест, где царствует Венеция златая». Перевод неизданных стихов Андрея Шенье» (Там же. Т. 2. С. 285).

⁹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. М.; Л., 1935. Т. 1—3.

⁹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1937. Т. 1 / Ред. М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер; 1947—1949. Т. 2 / Общ. ред. Т. Г. Цявловская-Зенгер, М. А. Цявловский; 1948—1949. Т. 3 / Общ. ред. М. А. Цявловский.

⁹⁸ Возможно, была принята во внимание пушкинская поправка в Собрании 1836. Из числа внесенных в эту рукопись поправок поэта учтены также следующие: заглавие «Соловей» заменено на «Соловей и роза», заглавие «Череп» — на «Послание Дельвигу», заглавие «Чернь» — на «Поэт и толпа»; введено вписанное в данную рукопись заглавие «Из Barry Cornwall», исключен, как и в ней, подзаголовок стихотворения «Красавица», напечатаны в качестве заглавий «(Из Афенея)» и «(Из Ксенофана Колофонского)».

⁹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950. Т. 1—3.

¹⁰⁰ Так же, как там, исключение составило стихотворение «Из Гафиза»; так же, как там, были напечатаны заглавия стихотворений, указанных в примеч. 98.

¹⁰¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 1—2; 1957. Т. 3.

машевский возвратил большую часть подзаголовков в основной текст. А вот заглавия возвращены не были — возможно, потому что это слишком резко нарушило бы образ текстов, сложившийся в «большом» академическом издании. Второму изданию «малого» собрания сочинений предшествовал выход также подготовленного Томашевским трехтомника поэтических текстов Пушкина в Большой серии «Библиотеки поэта».¹⁰² Интересующие нас решения в двух последних изданиях почти не отличаются друг от друга.

Несмотря на допущенные Томашевским отступления от принципов «большого» академического издания именно заданная в нем модель была признана канонической, когда началась работа над новым академическим собранием сочинений. В вышедших в его рамках томах стихотворений¹⁰³ эта модель воспроизведена с очень небольшими вариациями, как правило возникшими в тех случаях, когда в основном корпусе помещались две редакции того или иного стихотворения. Тогда ранняя редакция печаталась с подзаголовком, имевшимся в первой публикации («К Лицинию. (С латинского)»; «Старик. (Из Марота)»; «К Ж<уковскому>». По прочтении изданных им книжек «Для немногих»; «Н. Н. При посылке ей “Невского альманаха”»), а поздняя, источником которой служило плетневское издание, все так же оставалась без подзаголовка или заглавия — они помещались только в разделе «Другие редакции и варианты».

Проблема возвращения заглавий и подзаголовков на их законные, как кажется, места в основном корпусе текстов является не только текстологической. Она, кроме всего прочего, связана с трудностями психологическими. Авторитет «большого» академического издания не мешает нам при новой подготовке текстов пересматривать в ряде случаев принятые три четверти века назад решения. Но сам сформированный тогда облик пушкинских текстов твердо закрепился в сознании, и это прежде всего касается таких значимых их элементов, как заглавия. Между тем традиция, которой мы сегодня подвластны, на поверку оказывается не слишком устойчивой и однозначной. Редакторские решения, принимавшиеся начиная с издания Анненкова, свидетельствуют о самых разных способах справиться с обозначенной в этой статье проблемой, которая на самом деле снимается очень просто: стоит всего лишь избавиться от оптики, заданной оформлением плетневских сборников.

¹⁰² Пушкин А. С. Стихотворения. Л., 1955. Т. 3 / Подгот. текстов и примеч. Б. В. Томашевского («Б-ка поэта». Большая сер.).

¹⁰³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1 / Под ред. В. Э. Вацуру; 2004. Т. 2. Кн. 1 / Под ред. В. Э. Вацуру и Е. О. Ларионовой; 2016. Т. 2. Кн. 2 / Под ред. Е. О. Ларионовой; 2019. Т. 3. Кн. 1 / Под ред. С. В. Березкиной и М. Н. Виролайнен.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Черновые автографы	Беловые автографы и авторизованные копии	Публикации в периодике	Цензурная рукопись Ст 1832	«Стихотворения А. Пушкина» 1829—1832 (в тексте)	«Стихотворения А. Пушкина» 1829—1835 (в оглавлениях)	Собрание 1836
—	ПД 829, л. 53 об.: Без заглавия (2-я редакция) ПД 847, л. 10 (Тетр. Всеволожского): Старик (Из Марота) (2-я редакция)	РМ. 1815. Ч. 2. № 5. С. 142: Старик (Из Марота) (1-я редакция)	—	Ст 1829-2. С. 153: Старик (2-я редакция)	Старик. Из <i>Маро</i> (2-я редакция)	ПД 851, л. 47: Старик (2-я редакция)
—	ПД 868, л. 1: К Лицинио (без подзаголовка) (ранняя редакция) ПД 847, л. 24 об. (Тетр. Всеволожского): а. К Лициниусу (Из латинского) б. К Лицинио (С латинского) (поправка Пушкина) (поздняя редакция)	РМ. 1815. Ч. 2. № 5. С. 129: К Лицинио. С латинского (ранняя редакция)	—	Ст 1829-1. С. 7: Лицинио (поздняя редакция)	К Лицинио. С латинского (поздняя редакция)	ПД 850, л. 20: Лицинио (поздняя редакция)

—	—	ПЗ на 1824 год. СПб., 1824. С. 234: Отрывок из послания В. А. П — ну (2-я редакция)	—	Ст 1829-1. С. 38: П***ну (2-я редакция)	П***ну. Отрывок (2-я редакция)	ПД 850, л. 2: а. П***ну б. П***ну Отрывок (поправка Пушкина) (2-я редак- ция)
—	—	СО. 1821. Ч. 74, № 52. С. 276: К Ж***. По прочтении изданных им книжек: Для немногих (1-я редакция)	—	Ст 1829-1. С. 51: Жуковскому. (2-я редакция)	Жуковскому. На издание книжек его: Для немногих (2-я редакция)	ПД 850, л. 3: Жуковскому (2-я редак- ция)
—	ПД 34, л. 1: Без заглавия Тетрадь Капниста: Черное море (за- черкнуто и восстано- лено)	СО. 1820. Ч. 65, № 46. С. 271: Элегия	—	Ст 1829-1. С. 83: Без заглавия	(Погасло дневное светило). Под- ражание Байро- ну	—
ПД 830, л. 28 об.: Без заглавия	ПД 885, л. 1: Молдавская песня	СО. 1821. Ч. 69, № 15. С. 34: Черная шаль.	—	Ст 1829-1. С. 86: Черная шаль	Черная шаль. Молдавская песня	ПД 852, л. 8: Черная шаль

	Тетрадь Капниста (в составе перечня): Черная шаль	(Молдавская песня) Благонамерен- ный. 1821. Ч. 14, № 10. С. 142: Молдав- ская песня				(раздел «Баллады и песни»)
—	ПД 36, л. 38: Без заглавия ПД 833, л. 1 об.: Морской берег. Идиллия Мосха	Новости литера- туры. 1825. Ч. 11, № 1. С. 27: Море и земля	—	Ст 1829-1. С. 129: Земля и море	Земля и море. <i>Идиллия Мосха</i>	—
—	Тетрадь Капниста: <i>Земля и море</i> (Идил- лия Мосха)	ПОМ на 1827 год. СПб., 1827. С. 253: Сон. (Отрывок из Новгородской повести: Вадим) МВ. 1827. Ч. 5, № 17. С. 3: Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году)	—	Ст 1829-1. С. 158: Без заглавия	(Свод неба мраком обложил- ся)	ПД 858, л. 18: а. Без заглавия. б. Отрывок (поправка Пушкина)

ПД 835, л. 44 об.: Без заглавия	—	СПч. 1825. № 12, 27 января: К Ч. с пометой над текстом: 1820. Морской берег Тавриды	—	Ст 1829-1. С. 97: Ч***Бу	Ч***ву. С морского берега Тавриды	ПД 850, л. 13: Ч***Бу
—	ПД 894, л. 1: Д*у / на его пригласе- ние ехать с ним морем на полуостровный берег Крыма / 1824	МВ. 1829. Ч. 1. С. 107: Д...у. На пригла- шение ехать с ним морем на полуостровный берег Крыма (1824)	—	Ст 1829-1. С. 198: Д***у	Д***у. На приглашение ехать с ним морем на полу- островный берег Крыма	ПД 850, л. 5: Д***у
ПД 831, л. 29 об.: [Под <ра- жание Парни>]	ПД 833, л. 28: а. Подражание Парни б. Прозерпина. Подражание Парни Тетрадь Капниста (в составе перечня): Прозерпина (1824) (подражание)	СД на 1825 год. СПб., 1824. С. 293: Прозерпина	—	Ст 1829-1. С. 187: Прозерпина	Прозерпина	ПД 858, л. 4: а. Прозерпина б. Прозерпина (подражание) Поправка Пушкина
—	ЛГ. 1830. Т. 1, № 16, 17 марта. С. 125: Отры <вок> из	ЦР ₃ (ПД 420, л. 84): а. Отрывок из послания	—	Ст 1832. С. 187: К Языкову. (2-я редакция)	К Языкову. Отрывок из послания (2-я редакция)	ПД 850, л. 22: К Языкову (2-я редакция)

—	—	послания к Языкову (2-я редакция)	ЛМ на 1827 год. М., 1827. С. 320: Испан- ская песня Там же, в нотном приложении: Гйшпанская песня	—	к Языкову б. К Языкову (поправка Глетнева)	Ст 1829-1. С. 200: Без заглавия	(Ночной зефир). <i>Испанский романс</i>	ПД 853, л. 20: Без заглавия (раздел «Сонеты» ¹)
—	ПД 835, л. 84 об.: Из André Ch<équier> Тетрадь Капниста: Подражание Андрею Шенье	—	МВ. 1827. Ч. 2. № 8. С. 312: Испанский романс	—	—	Ст 1829-1. С. 185: Без заглавия	Ты вянешь и молчишь. <i>Подражание А. Шенье</i>	—
—	—	НА на 1826 год. СПб., 1825. С. 59: Н. Н. При по-	—	—	—	Ст 1829-2. С. 68: Н. Н.	Н. Н. При посылке ей <i>Невского Альманаха</i>	ПД 858, л. 10: Н. Н.

¹ Ручкой Пушкина заглавие записано на л. 1 обложки; на л. 2 рукой В. А. Жуковского записано заглавие, более соответствующее содержанию раздела: «Песни / Стансы / Сонеты».

—	ПД 65, л. 1: И. И. Козлову	—	—	Ст 1829-2. С. 23: Козлову	Козлову. По получении от него Чернеца	ПД 850, л. 10: Козлову
ПД 835, л. 30: Без загла- вия	—	МВ. 1827. Ч. 4, № 13. С. 3: Жених (Просто- народная сказка)	—	Ст 1829-2. С. 44: Жених	Жених. Просто- народная сказка	ПД 852, л. 21: Жених (раздел «Баллады и песни»)
ПД 835, л. 35: Без загла- вия	—	—	—	Ст 1829-1. С. 92: Без заглавия ²	(О дева-роза). Подражание Турецкой песне	ПД 856, л. 8: Без заглавия (раздел «Вольные подражания восточным стихотворени- ям»)
—	ПД 84, л. 1: Без заглавия ПД 840, л. 9 об.: Без заглавия	—	ПД 420, л. 88 (автограф Пушкина): а. Отрывок из Андрея Шенье	Ст 1832. С. 196: Без заглавия	(Каков я прежде был). Отрывок из Андрея Шенье	—

² В Ст 1826 (С. 89) было напечатано под заглавием «Подражание Турецкой песне».

—	—	ЛМ на 1827 год. М., 1827. С. 311: Соловей	б. Вычеркнуто (поправка Плетнева)	—	Ст 1829-2. С. 90: Соловей	Соловей	ПД 856, л. 4: а. Соловей б. Соловей и роза (поправка Пушкина)
—	Гарвардский автограф: Без заглавия	МВ. 1827. Ч. 3. № 10. С. 113: Княгине З. А. Волконской, посылая ей поэму: Цыганы	—	—	Ст 1829-2. С. 103: Княгине З. А. Волконской	Княгине З. А. Волконской. При посылке ей поэмы: Цыганы	ПД 850, л. 12: Княгине З. А. Вол- конской
ПД 833, л. 37 об.: Без загла- вия	ПД 89, л. 1: Без заглавия	НА на 1828 год. СПб., [1828]. Кн. 4. С. 53: Перевод неиз- данных стихов Андрея Шенье	—	—	Ст 1829-2. С. 102: Без заглавия	(Близ мест, где дарствует Венеция злая). Перевод неиз- данных стихов Андрея Шенье	—
—	—	СЦ на 1828 год. СПб., 1827. Отдел «Поэзия». С. 100: Череп (Послание к Д.)	—	—	Ст 1829-2. С. 91: Череп	Череп. Послание к Д***	ПД 850, л. 23: а. Череп б. Послание Дельвигу (поправка Пушкина)

—	—	МВ. 1829. Ч. 1. С. 181: (Сто лет минуло как Тевтон). <i>Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод</i>	—	Ст 1829-2. С. 111: Без заглавия	(Сто лет минуло как Тевтон) <i>Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод</i>	ПД 858, л. 8: а. Без заглавия б. (из Валленрода) (поправка Пушкина)
ПД 838, л. 16 (перелетенный, переходящий в черновой: [Подражание Анакреону])	—	СЦ на 1829 год. СПб., 1828. Отдел «Поэзия». С. 71: Подражание Анакреону	—	Ст 1829-2. С. 121: Без заглавия	(Кобылица молодая). <i>Подражание Анакреону</i>	ПД 849, л. 5: а. Без заглавия. б. (из Анакреона) (поправка Пушкина) (раздел «Подражания древним»)
—	—	СЦ на 1829 год. СПб., 1828. Отдел «Поэзия». С. 131: КИ. В. С. (Там же, в оглавлении: КИ. В. С.)	—	Ст 1829-2. С. 125: И. В. С***	И. В. С***	ПД 851, л. 35: а. И. В. С*** б. В альбом (поправка Пушкина)

—	—	МВ. 1829. Ч. 1. С. 80; Утопленник. <i>Простонародная песня</i> (Там же, в оглавлении: Утопленник. <i>Простонародная сказка</i>)	—	Ст 1829-2. С. 114; Утопленник	Утопленник. <i>Простонародная сказка</i>	ПД 852, л. 10; Утопленник (раздел «Баллады и песни»)
ПД 838, л. 108 об.; Шотландская песня	—	СЦ на 1829 год. СПб., 1828. Отдел «Поэзия». С. 31; Два ворона Лирический альбом на 1829 год. СПб., [1828]; Ворон к ворону летит. Песня	—	Ст 1829-2. С. 129; Без заглавия	(Ворон к ворону летит). <i>Шотландская песня</i>	ПД 853, л. 15; Без заглавия (раздел «Сонеты») ³
ПД 838, л. 101 об.; Без заглавия	ПД 103, л. 1; Ямб	МВ. 1829. Ч. 1. С. 200; Чернь	—	Ст 1829-2. С. 107; Чернь	Чернь	ПД 858, л. 2; а. Чернь б. Поэт и толпа (поправка Пушкина)

³ См. примеч. 1.

—	ПД 910, л. 1: Без заглавия	Галатея. 1829. Ч. 1. № 5. С. 265: В альбом. (Е. Н. У...вой)	—	Ст 1829-2. С. 143: Е. Н. У***вой	Е. Н. У***вой. В альбом	ПД 850, л. 27: Е. Н. У***вой
—	ПД 111, л. 1: Шеер I / Фаргат-Беку	Царское Село. Альманах на 1830 год. СПб., [1830]. С. 233: (Из Гафиза)	ПД 420, л. 8: а. (Из Гафиза) б. Вычеркну- то (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 16: Без заглавия	(Не пленяйся бранной славой). <i>Из Гафиза</i>	ПД 854, л. 8: а. Без заглавия. б. [из] из Гафиза (поправка Пушкина)
—	—	МТ. 1829. Ч. 29. № 18. С. 194: Эпиграмма	ПД 420, л. 19: а. Эпиграмма б. Вычеркну- то (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 33: Без заглавия	(Как сатирой безымянной). <i>Эпиграмма</i>	ПД 851, л. 20: Без заглавия
—	—	Царское Село. Альманах на 1830 год. СПб., [1830]. С. 4: Загадка	ПД 420, л. 23: а. Загадка / (При послыке бронзового Сфинкса) б. (При послы- ке бронзового Сфинкса) (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 41: Без заглавия Справа над текстом: (При послыке бронзового Сфинкса)	(Кто на снегах возрастил). <i>Загадка</i>	ПД 851, л. 4: Без заглавия Справа над текстом: (при послыке бронзового сфинкса)

ПД 841, л. 26: Без заглавия	—	МВ. 1830. Ч. 3, № 11. С. 194: Элегический отрывок	ПД 420, л. 11: а. Элегический отрывок б. <i>Вычеркну-</i> <i>то</i> (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 21: Без заглавия	(Поедем, я готов). Элеги- ческий отрывок	—
ПД 841, л. 27 об.: Без загла- вия	ПД 116, л. 1: Без заглавия	ЛГ. 1830. Т. 1. № 2, 6 янв. С. 10: Станцы	ПД 420, л. 24: а. Стансы б. Станцы (поправка Плетнева) в. <i>Вычеркну-</i> <i>то</i> (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 42: Без заглавия	(Брожу ли я вдоль улиц). Станцы	—
ПД 841, л. 128 об.: Без загла- вия	ПД 1774, л. 1: Без заглавия ПД 113, л. 1 об.: Отрывок Утраченный берлин- ский автограф: Без заглавия Утраченный парижский автограф: Без заглавия	СЦ на 1831 год. СПб., 1830. Отдел «Поэзия». С. 56: Отрывок	ПД 420, л. 7: а. Отрывок б. <i>Вычеркну-</i> <i>то</i> (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 15: Без заглавия	(На холмах Грузии лежит ночная мгла). Отрывок	ПД 854, л. 4: Без заглавия

—	ПД 913, л. 79: Без заглавия	ЛГ. 1830. Т. 1, № 20, 6 апр. С. 158: В альбом	ПД 420, л. 22: а. В альбом б. <i>Вычеркнуто</i> (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 39: Без заглавия	(Что в имени тебе моем). В альбом	—
—	—	ЛГ. 1830. Т. 1. № 12, 25 февр. С. 94: Станцы	ПД 420, л. 25: а. Стансы б. Станцы (поправка Плетнева; возможно, он обвел чернилами сделанную карандашом поправку Пуш-кина) в. <i>Вычеркнуто</i> (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 47: Без заглавия	(В часы забав или праздной скуки). <i>Станцы</i>	ПД 853, л. 5: Без заглавия (раздел «Сонеты»)⁴
—	ПД 120, л. 1: Сонет (<i>сонет</i>)	МВ. 1830. Ч. 2, № 8. С. 315: Сонет (Сонет)	ПД 420, л. 41: а. Сонет (сонет) б. Сонет (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 78: Сонет	Сонет. Сонет	ПД 853, л. 14: Сонет (раздел «Сонеты»)⁵

⁴ См. примеч. 1.

⁵ См. примеч. 1.

—	ПД 123, л. 1: а. Сонет б. Сонет / Хвалы в. Сонет / Награды	СД на 1831 год. СПб., 1830. С. 3: Поэту (Сонет)	ПД 420, л. 30: а. Поэту. (Сонет) б. Поэту	Ст 1832. С. 56: Поэту	Поэту. Сонет	ПД 853, л. 13: Поэту (раздел «Сонеты» ⁶)
—	ПД 123, л. 1 об.: Картина (Сонет) ПД 124, л. 96: Сонет	Сиротка, Литте- ратурный альма- нах на 1831 год... М., 1831. С. 19: Мадона (Сонет) ЛГ. 1831. Т. 3, № 15, 12 марта. С. 122: Мадона. Сонет	ПД 420, л. 57: а. Мадона (Сонет.) б. Мадона (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 112: Мадона	Мадона. Сонет	ПД 853, л. 12: Мадона (раздел «Сонеты» ⁷)
—	ПД 924, л. 1: а. Отсутствует. б. Отрывок из Вильсоновой трагедии: The city of the plague (заглавие «Пир во время чумы», вероятно, но, было записано на несохранившемся титальном листе)	Альциона. Альманах на 1832 год. СПб., 1832. Отдел «Стихотворе- ния». С. 19: Пир во время чумы. (Из Вильсоновой трагедии: The	ПД 420, л. 34: а. Пир во время чумы. (Из Вильсоно- вой трагедии: The city of the plague) б. Пир во время чумы (поправка	Ст 1832. С. 62: Пир во время чумы	Пир во время чумы. Из Вильсоновой трагедии: The city of the plague	ПД 859, л. 12: а. Пир во время чумы б. Пир во время чумы (из Вильсо- на) (поправка Пушкина)

⁶ См. примеч. 1.

⁷ См. примеч. 1.

			Плетнева)						
city of the plague)	Там же, в оглавлении: Пир во время чумы	Плетнева)	ПД 420, л. 32: а. Песня б. Вычеркнуто (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 60: Без заглавия	(Пью за здравие Мери). Песня	ПД 853, л. 1б: а. Без заглавия. б. Из Ваггу Согпwall (поправка Пушкина) (раздел «Сонеты» ⁸)			
Альциона на 1832 год. СПб., 1832. С. 108: Цыганы (с английского)	Цыганы (с английского)	ПД 420, л. 55: а. Цыганы (с английского) б. Цыганы (поправка Плетнева)	Ст 1832. С. 108: Цыганы	Цыганы. С английского					
БдЧ. 1834. Т. 3. № 5. Отд. I. С. 238: Красавица	БдЧ. 1834. Т. 3. № 5. Отд. I. С. 238: Красавица	—	Ст 1835. С. 57—58: Красавица (В альбом Г*****)	Красавица (В альбом Г*****)	ПД 853, л. 9: а. Красавица (В Альбом Г*****)				

⁸ См. примеч. 1.

		(В альбом Г*****)				б. Красавица (В альбом Графине *****) (поправка Пушкина) в. Красавица (поправка Пушкина)
—	ПД 185, л. 1: Без заглавия ПД 971, л. 1 об.: под общим для этого и следующего стихотво- рения заглавием: Подражания древним, под номером: 2 под текстом помета: (Из Афанея)	БдЧ. 1834. Т. 5. № 8. Отд. 1. С. 20: под общим для этого и следую- щего стихотворе- ния заглавием: Подражания древним, под номером: 2. Под текстом помета: (Из Афанея)	—	Ст 1835. С. 103: под общим для этого и следую- щего стихотворе- ния заглавием: Подражания древним, под номером: 2, с подзаголовком: (Из Афанея)	Подражания древним (общее заглавие для этого и следую- щего стихотво- рений)	ПД 851, л. 2: а. 2 / (Из Афанея) б. (Из Афанея) (поправка Пушкина) Раздел «Эпиграммы, надписи и проч.»
—	ПД 187, л. 1: Без заглавия (под текстом помета: (из Ксенофана Колофонского)	БдЧ. 1834. Т. 5. № 8. Отд. 1. С. 20: под общим для этого и предыду- щего стихотво-ре-	—	Ст 1835. С. 101: под общим для этого и предыду- щего стихотво-ре- ния заглавием: Подражания	Подражания древним (общее заглавие для этого и предыдущего стихотворений)	ПД 851, л. 3: а. Подража- ния древним / 1 / (Из Ксенофана Колофонско-

—	<p>ПД 971, л. 1: под общим для этого и предыдущего стихотворения заглавием: Подражания древним, под номером: 1, под текстом помета: (из Ксенофана Колофонского)</p>	<p>ния заглавием: Подражания древним, под номером: 1. Под текстом помета: (из Ксенофана Колофонского)</p>	—	<p>древним, под номером: 1, с подзаголовком: (Из Ксенофана Колофонского.)</p>	<p>го) б. (Из Ксенофана Колофонского) (поправка Пушкина) Раздел «Эпиграммы, надписи и проч.»</p>
—	<p>ПД 193, л. 1: Будрыш (Из Мицкевича)</p>	<p>БдЧ. 1834. Т. 2. № 3. Отд. 1. С. 96: Будрыс и его сыновья. Литовская баллада (Там же, в оглавлении: Будрыс и его сыновья. Литовская баллада (из М—а))</p>	—	<p>Ст 1835. С. 43: Будрыс и его сыновья</p>	<p>ПД 852, л. 17: а. Будрыс и его сыновья. б. Будрыс и его сыновья. из Мицкевича (поправка Пушкина) (раздел «Баллады и песни»)</p>

ПД 842, л. 153 об.: Без заглавия	ПД 192, л. 1: а. <i>Подражание Мицкевичу</i> б. <i>Czaty <Засада — польск.> (Подражание Мицкевичу)</i>	БдЧ. 1834. Т. 2, № 3. Отд. 1. С. 98: Воевода. Польская баллада (Там же, в оглавлении: Воевода, Польская баллада (из М—а))	—	Ст 1835. С. 49: Воевода	ПД 852, л. 27: а. Воевода б. Воевода. из Мицкевича (поправка Пушкина) (раздел «Баллады и песни»)
-------------------------------------	--	--	---	-------------------------	---

В Приложении учтены: черновые автографы; белые автографы и авторизованные копии; публикации в периодических изданиях; цензурная рукопись Ст 1832 (цензурные рукописи Ст 1826, Ст 1829-1, Ст 1829-2 и Ст 1835 не сохранились); публикации в корпусе текстов четырех частей «Стихотворений» 1829—1835 годов; оглавления тех же сборников; правка Пушкина в рукописи Собрания 1836 (в необходимых случаях указываются названия ее разделов). Автографы, содержащие только фрагменты произведений, а также перепечатки, не санкционированные Пушкиным, не учитываются. В тех случаях, когда автографы неизвестны, стихотворение не публиковалось в периодических изданиях, не вошло в Цензурную рукопись Ст 1832 или в Собрание 1836, в соответствующих графах ставятся прочерки. Заглавия и подзаголовки приводятся в соответствии с источником, в котором они содержатся. Стихотворения расположены в хронологическом порядке.

Кроме указанных в тексте статьи, в Приложении использованы следующие сокращения:

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

ЛГ — «Литературная газета».

ЛМВ — альманах «Литературный музей».

МТ — журнал «Московский вестник».

НА — журнал «Московский телеграф».

НА — «Невский альманах».

ПЗ — альманах «Полярная звезда».

ПОМ — альманах «Памятник отечественных муз».

РМ — «Российский музей, или Журнал европейских новостей».

СО — журнал «Сын отечества».

СПЧ — газета «Северная пчела».

СЦ — альманах «Северные цветы».

II. ОБЗОРЫ

ОКСАНА ЯКИМЕНКО

ПУШКИН КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТА

О книге Жофии Калавски «Тотальный Пушкин:
Популярные жанры в формировании культа Пушкина»

Монография Жофии Калавски,¹ научного сотрудника Научно-исследовательского центра гуманитарных наук Института литературоведения Венгерской Академии наук (с 1 августа 2025 года административно относится к Исследовательскому центру гуманитарных наук при Будапештском университете им. Лоранда Этвеша — ELTE НТК), автора множества работ о русской литературе и культуре, и в частности о пушкинских текстах, мотивах и аллюзиях в литературе и, шире, русской и европейской культуре,² посвящена анализу первых ста лет формирования и развития культа Пушкина в России. По словам автора, «исследование осуществляется в рамках соционарратологического подхода, предполагающего рассмотрение культурных и социальных механизмов, обуславливающих нарративное конструирование образа поэта в общественном сознании. В центре внимания — феномен литературного культа в его временном, пространственном и социальном измерении».³

Для своего исследования Калавски собрала обширный материал, связанный с культом Пушкина, который формировался на протяжении ста лет с момента смерти поэта. Культ этот автор рассматривает как многоуровневое (стратифицированное) явление (пользуясь терминологией венгерского литературоведа Мартона Силади) и приме-

¹ *Kalavszky Z. A totális Puskin: Populáris műfajok a Puskin-kultuszban, 1837–1937. Budapest, 2024. 398 s.*

² См., например: *Калавски Ж.* 1) Равнодушная природа как пушкинский мотив в романе Сергея Довлатова «Заповедник» // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.*, Budapest, 2011. Т. 56. № 2. S. 391–408; 2) Главы из пушкинского романа. «Последний текст» и «Шпага щекотливого дворянина» Андрея Битова — культовые механизмы и поэтика текста // *Studia Litterarum.* 2017. Т. 2. № 3. С. 150–165 и т. д.

³ *Kalavszky Z. A totális Puskin. S. 24.*

няет в своем исследовании различные теории анализа литературного культа (Мишель Фуко, Пьер Нора, Петер Давидхази, Юрий Лотман, Борис Дубин и др.). В фокусе исследования оказываются как обстоятельства, причины и специфика возникновения культа Пушкина при его жизни и непосредственно после смерти, так и трансформации культа в первой трети XX века.

Отметим, что вопрос о литературном культе вообще не чужд венгерской культуре. Наличие собственного национального поэта, Шандора Петефи, ставшего объектом сравнимого с пушкинским (хотя и, безусловно, во многом совершенно иного) культа, и исследований этого феномена на венгерском материале (см., к примеру, работы одного из «отцов-основателей исследований в области венгерских литературных культов» Иштвана Маргочи) делает труд Калавски в равной степени важным как для международной пушкинистики, так и конкретно для венгерского литературоведения.

В данном исследовании используются концепции городского фольклора (Александр Белоусов) и литературного быта (Юрий Тынянов). Исходя из них постулируется, что неофициальные (заимствованные из популярной культуры и фольклора) культовые практики в пушкинском культе XIX века превращают в «факт культа», например, *анекдот* (в более широком смысле — анекдотические жанры и способы выражения) и *некролог* (шире говоря — формы и способы выражения, напоминающие жанры агиографии или светского портрета). В исследовании рассматриваются жанры, произведения, адресаты, техники передачи традиции и формы ее воспроизведения. В качестве первичных источников указаны произведения самого Пушкина (главным образом — в венгерских переводах, что немаловажно, с учетом ориентированности монографии не только на узкоспециальную, но и на более широкую читательскую аудиторию), сборники анекдотов, изданные в различные периоды, газетные и журнальные публикации (данный раздел, вероятно, мог бы быть и обширнее, но, с учетом современной ситуации, может считаться достаточно репрезентативным), а также произведения Михаила Зощенко и Даниила Хармса. Библиография работ чрезвычайно богата (если добавить к списку источников «второго порядка» все, так или иначе упомянутые работы, получится внушительный и довольно полный корпус литературы о Пушкине и обо всем, что так или иначе связано с его культом).

Поскольку книга изначально ориентирована не на русскую, но на более широкую, в первую очередь венгерскую, публику, автор в первом разделе «вводит» читателя в курс дела, предлагая в трех главах («Поэт», «Памятник» и «Народ») ознакомиться непосред-

ственно с героем / предметом культа в контексте эпохи, окружения, оценки и восприятия обществом и критиками при жизни и после нее. На наш взгляд, из этих глав можно получить достаточно внятное представление о Пушкине как культурном и историческом явлении, о его месте в русской культуре и, в целом, о ситуации, сложившейся в русской литературе и культурной истории в XIX веке. Одна из целей раздела — показать, что культ Пушкина, начиная с момента смерти в 1837 году, определялся далеко не гомогенным образом поэта, сложившимся еще при его жизни. Автор прослеживает постоянное соперничество и сосуществование двух модальностей в восприятии образа Пушкина. Одна видит в нем, скорее, героя и святого, приближая посвященный ему дискурс к жанрам хвалебного некролога или даже жития, другая тяготеет к анекдоту, выводя поэта скорее в шутовской роли.

В доступной и одновременно научно убедительной форме Кавлавики в этом разделе показывает, какие черты творчества и личности Пушкина — при жизни поэта и особенно после его смерти — способствовали превращению его в поистине культовую фигуру, как поэт, признанный в аристократических кругах, обрел известность и популярность в народе (глава «Народ»). В разделе выделены и проанализированы те произведения Пушкина и те, связанные с ними ситуации, которые впоследствии послужили ключевыми точками интерпретации фигуры поэта и его текстов. К таким точкам отнесены ранние лицейские стихи и вопрос репутации; поэма «Руслан и Людмила», которая была истолкована как социальный, нравственный и эстетический скандал; связь пушкинской переписки и конструируемой поэтом романтической роли; «пропущенная роль», то есть неучастие Пушкина в восстании декабристов, и поэма «Граф Нулин» как возможная поэтическая репрезентация этого неучастия; наконец, излюбленная тема писательских культов — последнее произведение. «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» — предположительно последний законченный текст поэта, который можно прочесть как речь Пушкина в свою защиту. Глава «Памятник» знакомит читателя с историей установки первого памятника Пушкину, а также содержит краткое изложение концепции Маркуса Ч. Левитта о роли этой инициативы в формировании российской интеллигенции как группы.⁴ Глава «Народ» посвящена дискуссии, в рамках которой культ, превращающийся в институт, предстает как конфликтное социальное поле.

⁴ См.: Левитт М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. И. Н. Владимирова, М. Б. Кутеевой, В. Д. Рака. СПб., 1994.

Следующий, второй раздел — «Пушкин в лице: народная поэзия и литературная репутация» — тематически несколько выбивается из общего течения мысли, поскольку, выделяя в творчестве Пушкина три периода, «вызывающих особый интерес с точки зрения исследований народной поэзии»,⁵ — лицейский, петербургский (после Лицея) и период южной ссылки, — автор затем подробно рассматривает только лицейский период и включает в раздел исследование (крайне интересное, однако выполняющее скорее роль «вставки») о бытовании народной украинской песни «Ехав казак за Дунай» в творчестве Пушкина и его современников. Само по себе обращение автора к песенной традиции в рамках исследования литературного культа не вызывает вопросов, более того, в разделе, посвященном фольклоризации памяти, находим упоминания о стихотворениях Пушкина, положенных на музыку и ставших частью популярной музыкальной традиции. Тем не менее данный раздел словно бы обрывает мысль, так и не познакомив читателя с двумя другими обозначенными в его начале периодами. В следующем разделе — «Литературно-исторические анекдоты о Пушкине» — мы как бы «возвращаемся» к магистральной теме монографии.

Указанный раздел посвящен литературным анекдотам — начиная с бытовавших еще при жизни Пушкина и зафиксированных в текстах современников поэта. Автор последовательно обращается к образам Пушкина в стихотворных некрологах и плачах XIX века, останавливаясь на специфике жанра некролога в российской прессе первой половины XIX века и подчеркивая важность этих текстов как свидетельств слияния личного и социального горя, преобразования индивидуальной боли в групповую, «одновременности коллективного и индивидуального траура», что параллельно приближает фигуру поэта и к образу святого, и к образу живого человека.⁶

В разделе «Городские анекдоты о Пушкине в русских, латышских и польских источниках» Калавски анализирует целый спектр анекдотов о Пушкине: от литературных — гоголевских в «Ревизоре» и «Арабесках» — до городского фольклора. Отдельная глава посвящена в этом разделе опубликованному уже в XX веке Белосовым сарапульскому собранию Николая Ончукова.

В разделе «Московские легенды о Пушкине в 1920-е годы» автор исследует жанры и формы трех корпусов текстов локального характера, относящихся к двадцатым годам XX века, а также обстоятельства их возникновения. Этнографическое исследование Евгения Баранова, записавшего московские легенды («Московские

⁵ Kalavszky Z. A totális Puskin. S. 90.

⁶ См.: Ibid. S. 135.

легенды о Пушкине»), этнографический материал, собранный Василием Чернышовым («Пушкинский уголок», его быт и предания»), а также корпус текстов, зафиксированных в ходе педагогического эксперимента, проведенного Адрианом Топоровым в алтайской коммуне («Крестьяне о писателях»), — три эти источника Калавски использует для изучения прямого и косвенного воздействия государственного культа как инструмента «информационного давления» (Александр Панченко), а также для выявления мифологизирующих формул и социально-исторических контекстов в их взаимосвязи.

Следующий, седьмой раздел — «Множественность памяти о Пушкине» — открывается обзором и анализом концепции культурной памяти у Лотмана, которую автор расширяет и дополняет, апеллируя к фигуре Пушкина, в главе «Память, сформированная посредством вариаций, адаптаций и репликаций». Если открытие памятника в 1880 году, торжества 1899 года (проходившие в царской России) или столетняя годовщина смерти Пушкина в сталинском 1937 году легко поддаются интерпретации в силу простоты определения периода изучаемого события, очевидности, доступности и единообразия типов источников (большая их часть представляют собой печатные материалы, предметы и кинохронику, связанные с учреждениями), то изучение вопроса о «Пушкине как объекте культа» в 1910—1920-е годы требует гораздо более тонко настроенной исследовательской оптики, более сложных методов исследования, а также сопоставления и выявления «неочевидных» источников. Именно поэтому здесь предпринята попытка сформулировать точку зрения, которая бы учитывала социальную, политическую и культурную неоднородность и исходила из малых масштабов.

Последние главы монографии посвящены произведениям *беллетристической пушкинианы*, рассматриваемые через призму институционализированного культа, то есть тематической рамкой интерпретации для них является сам культ. Автор постулирует, что семантическая сложность текстов, относящихся к корпусу беллетристической пушкинианы, — в особенности фельетонов о Пушкине Михаила Зощенко, а также анекдотов и рассказов о Пушкине Даниила Хармса, — обнаруживается именно в том, что подходы, предлагаемые в рамках исследования культа, то есть вопросы, считающиеся выходящими за рамки узко понимаемой науки о литературе, в ходе анализа могут смыкаться с вопросами, традиционно относящимися к литературе.

Через произведения Зощенко и Хармса, а также через мероприятия культурной политики по ликвидации сатирических изданий и вытеснению иронии и юмора Калавски показывает, насколько ра-

дикальные изменения привнес сталинский юбилей Пушкина 1937 года в формирование и бытование жанра фельетона. Сравнительный анализ юбилейного пушкинского номера журнала «Бегемот» за 1927 год, где объектом юмора стали невежество, ограниченность и незнание Пушкина со стороны советской мелкой буржуазии, и юбилейного же номера газеты «Крокодил», вышедшего десятью годами позже, позволяет увидеть, до какой степени разговор о культе Пушкина, или же метакульт как высказывание, мог в тридцатые годы превратиться в инструмент цензуры. Впервые в специальной литературе предпринимается попытка проанализировать фельетоны Зощенко «В пушкинские дни» в их изначальном окружении, непосредственно в контексте данного номера журнала.

Предназначенные для детей тексты о Пушкине Даниила Хармса, а также его знаменитые анекдоты содержат многочисленные отсылки к литературным и культурно-историческим предшественникам из XIX века и в то же время глубоко и органично вписаны в советскую культурную, литературную и социальную обстановку 1930-х годов — и в равной степени неотделимы от поэтики, художественной философии и мировоззрения самого Хармса. Жофия Калавски справедливо полагает, что комплексное применение культурно-жанрово-исторического, поэтического, нарратологического и литературно-социологического подходов не только расширяет возможности интерпретации текста Хармса, но и дает шанс поговорить о переходном периоде двадцатых и тридцатых годов, о пушкинском культе в том виде, в каком он существовал в среде научной элиты, о политическом культе Пушкина в советизирующемся обществе, которое уже не является русским, но еще не полностью унифицировано.

«Тотальный Пушкин» Жофии Калавски, на наш взгляд, представляет собой удачное сочетание серьезного научного исследования, демонстрирующего знакомство автора с обширнейшей литературой по теме и оригинальные трактовки явлений культуры с учетом современных тенденций, и увлекательного интеллектуального путешествия, способного расширить представления о Пушкине не только для академического исследователя, но и для широкого читателя, не обязательно «выросшего» на русской литературе. При этом нельзя не признать, что для венгерской публики творчество Пушкина по-прежнему является неотъемлемой и важной составляющей европейской и мировой культуры.

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ЭПИГРАММА ПУШКИНА «НЕ ЗНАЮ ГДЕ, НО НЕ У НАС...» И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ*

В «Северных цветах на 1828 год» в составе пушкинских «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» была напечатана следующая эпиграмма, оформленная самим автором как незавершенная:

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким и пр.

Ей предшествовали такие соображения: «Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением,

* This work was funded by the EU's NextGenerationEU instrument through the National Recovery and Resilience Plan of Romania — Pillar III-C9-I8, managed by the Ministry of Research, Innovation and Digitalization, within the project entitled Networks of (Dis)similarities: The Circulation of Western Romance Literatures in Eastern Europe (NETSIM), contract no. 760075/23.05.2023, code CF 292/30.11.2022.

обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным» (XI, 55—56).¹

Эпиграмма состоит из трех фраз, соответствующих трем частям: история карьеры «лорда Мидаса», его характеристика, поведение его льстецов.

1

Первая часть, где говорится, что герой достиг высокого положения «ползком», — общее место французской эпиграмматики, вошедшее и в русскую сатирическую поэзию. Этот мотив имеется, например, в «Модной жене» И. И. Дмитриева:²

Пролаз в течении полвека
Всё полз, да полз, да бил челом.
И наконец, таким невинным ремеслом
Дополз до степени известна человека...³

Пушкинский стих «Ползком прополз в известный чин» вполне мог быть навеян дмитриевской строкой «Дополз до степени известна человека».

В 1824 году А. П. Глебов опубликовал такую эпиграмму:

Клит место получил, и всем он говорит,
Что он за местом не гонялся.
Охотно верим, Клит!
Гоняться ты не мог; ты — пресмыкался.⁴

Скорее всего, ее источником послужило следующее анонимное французское четверостишие:

Bergo disait un jour: Que l'on m'ôte mon poste,
Si j'ai pour l'obtenir seulement fait un pas.

¹ Подробный комментарий к эпиграмме см.: *Муравьева О. С.* «Не знаю, где, но не у нас...» // *Пушкинская энциклопедия: Произведения.* СПб., 2017. Вып. 3: Л—О. С. 316—319.

² См.: *Добрицын А. А.* О сюжетных истоках четырех сказок И. И. Дмитриева // *Русская литература.* 2007. № 2. С. 4—5.

³ *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 172 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁴ *Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в.* Л., 1975. С. 248 («Б-ка поэта». Большая сер.).

Je le crois, dit quelqu'un habile à la riposte;
Quand on rampe, on ne marche pas.⁵

Этому катрену предшествовали также анонимное пятистишие «Типичный парвеню» («Le parvenu comme tant d'autres»)⁶ и восьмистишие Ж. Васселье (Vasselier; 1735—1798) «Злой ответ» («Méchanteté»)⁷ с той же самой пуантой; во всех трех стихотворениях зарифмован светский анекдот конца XVIII века:

On félicitoit le marquis de *** sur un régiment qu'il venoit d'obtenir. Il étoit en concurrence avec un parent de M. le duc de N<ivernois>. Le Marquis remercioit avec un air de grande modestie. Ce qui me flatte le plus, dit-il, c'est que je n'ai pas fait un pas pour l'obtenir. Je le crois, reprit vivement le duc de N... *Quand on rampe on ne marche pas.*⁸

Мотив слизняка, достигающего вершины ползком, варьируется еще в нескольких французских стихотворениях. Вот, например, окончание басни А. Рише (Richer; 1685—1748) «Петух и Слизняк» («Le Coq & le Limaçon»):

*Sais-tu fendre les airs? Non, mais je sai <sic!> ramper,
Répond le Limaçon. Avec cette industrie,
Est-il sommet si haut qu'on ne puisse attraper.*⁹

⁵ Petite Encyclopédie poétique, ou Choix de Poésies dans tous le Genres. Paris, 1804. Т. 3. Р. 45. Перевод: «Берго сказал как-то: “Пусть у меня отберут мою должность, / Если, чтобы ее получить, я сделал хоть один шаг”. / — “Я верю, — сказал некто, быстрый на возражение, — / Когда ползают, не шагают”. То же с заменой имени *Bergo* на *Nanteuil*: Acanthologie, ou Dictionnaire épigrammatique. [Rec. par J.-F.-M. Fayolle]. Paris, 1817. Р. 213.

⁶ Journal historique et littéraire. 1789. 1 Mars. Р. 349.

⁷ Vasselier J. Poésies. Paris, 1800. Р. 150.

⁸ Imbert G. La chronique scandaleuse, ou Mémoires pour servir à l'histoire des mœurs de la génération présente. Paris, 1784. Р. 16. Перевод: «Маркиза де *** поздравляли с только что полученным полком. Он соперничал с родственником герцога де Н<ивернэ>. Маркиз благодарил с видом крайней скромности. “Что мне больше всего льстит, — говорил он, — это что я не сделал ни шагу, чтобы его получить”. — “Верю, — живо возразил герцог Н..., — *Когда ползают, не шагают*”».

⁹ Richer H. Fables nouvelles mises en vers. Nouv. éd., corr. & augm. Paris, 1748: 214. Басня перепечатывалась в сборнике *Sallentin L. L'Improvisateur Français*. Paris, 1805. Т. 17. Р. 48. Перевод: «“Ты умеешь рассекать воздух?” — “Нет, но я умею ползать”, — / Отвечал Слизняк. С этим мастерством / Есть ли такая вершина, которой было бы невозможно достичь?»

Глагол вполне может быть переведен на русский как 'пресмыкаться'. Словарь Французской Академии дает такое значение:

RAMPANT <...> On dit figurément, qu'*Un homme est rampant...*
pour dire qu'*Il a l'âme basse, vile et méprisable.*¹⁰

Как показывает приведенный выше анекдот, как в эпиграммах, так и в баснях под *rampant* не обязательно подразумевается человек низкого происхождения, пресмыкающийся перед сильными мира сего, чтобы сделать карьеру, — речь может идти о любом льстивом и подобоострастном карьеристе, даже знатном. Пушкинское стихотворение, направленное, как обоснованно считается, против графа Михаила Семеновича Воронцова (1782—1856), укладывается в эту французскую традицию.

Почему поэт называет адресата эпиграммы лордом Мидасом, вполне очевидно: звание лорда объясняется англomанией Воронцова, имя Мидас — тем, что Воронцов оказался неспособен распознать поэтический гений Пушкина, как Мидас был неспособен оценить божественное искусство Аполлона и предпочел ему более приземленное мастерство Марсия.¹¹

Пушкин, хорошо знакомый с поэзией Ж.-Б. Руссо (Rousseau; 1670—1741), мог помнить аллeгорию «Мидас» («Midas»). В ней Мидас оказывается окружен льстецами и наслаждается их неумеренными похвалами (в подобном поведении упрекали и Воронцова¹²).

Environné de Cliens mercenaires,
D'Admirateurs, amis imaginaires,
Qui tout le jour lui baifant le genou,
Surent le rendre enfin tout à fait fou.¹³

¹⁰ Dictionnaire de l'Académie française... 1762. Т. 2: L—Z. P. 533. Перевод: «Ползающий [пресмыкающийся] <...> Говорят фигурально: Человек пресмыкается, чтобы сказать, что он имеет душу низкую, гадкую и презренную».

¹¹ Заметим, что Л. де Клапье де Вовенарг говорит о Мидасе в разделе «Midas, ou le sot qui est glorieux» («Мидас, или Горделивый дурак»): «Le sot qui a de la vanité est ennemi né de talens» («Тщеславный дурак — прирoжденный враг талантов») (*Vauvenargues L. de Clapiers de. Œuvres complètes*. Paris, 1806. Т. 1. P. 222).

¹² См. комментарий О. С. Муравьевой к эпиграмме «Полу-милорд, полу-купец...» в изд.: Пушкинская энциклопедия. Вып. 3. С. 185—186.

¹³ *Rousseau J.-B. Œuvres diverses*. Nouv. éd., rev. & augm. Londres, 1723. Т. 1. P. 411. Перевод: «Окруженный продажными клиентами, / Обожаемыми, ложными друзьями, / Которые, лобызая ему колени целыми днями, / Сумели наконец совсем свести его с ума».

Далее французский поэт описывает своего персонажа как человека низкого и при необходимости подобострастного («*Bas & rampant*», — здесь мы снова встречаем эпитеты ‘низкий’ и ‘пресмыкающийся’), а также высокомерного, что соответствует характеристике, данной Воронцову в пушкинской эпиграмме.

*Bas & rampant quand tout ne va pas bien,
Fier & hardi, dès qu'il ne craint plus rien.
Se retranchant sur ses prééminences...*¹⁴

2

Вторая часть, где скептически говорится о душевных качествах Воронцова и его уме, а затем нейтрально описаны манеры Воронцова, также имеет некоторые (пусть отдаленные) французские аналогии.

Можно сказать, что характеристика Мидаса по своей схеме напоминает портреты из «Мемуаров» Сен-Симона, но доведенные до предельной лаконичности.

Приведем для сравнения фрагменты портрета маршала Юкселя (*Huxelles*; 1652—1730), где говорится о его низости, робком уме, непригодности к войне, но в то же время о его тонкости:

Bas, souple, flatteur, auprès des ministres et des gens dont il croyoit avoir à espérer ou à craindre, dominant sur tout le reste sans nul ménagement <...>

Timide de cœur et d'esprit, corrompu dans le cœur comme dans les mœurs, jaloux, envieux, n'ayant que son but, sans contrainte des moyens, pourvu qu'il pût se conserver une écorce de probité et de vertu feinte <...>.

Avec de l'esprit et quelque lecture, assez peu instruit, et rien moins qu'homme de guerre, sinon quelquefois dans le discours <...>.

*Fin, délié, profondément caché, incapable d'amitié...*¹⁵

¹⁴ *Rousseau J.-B. Œuvres diverses. T. 1. P. 413.* Перевод: «Низкий и подобострастный, когда не все идет хорошо, / Гордый и смелый, когда ничего не нужно бояться, / Цепляющийся за свое первенство...».

¹⁵ *Saint-Simon L. de Rouvroy, duc de. Œuvres complètes <...> Pour servir à l'Histoire des cours de Louis XIV, de la Régence et de Louis XV... Strasbourg; Paris, 1791. T. 11. P. 14—15.* Перевод: «Низкий, гибкий, льстивый с министрами и людьми, на которых он мог надеяться или которых опасался, командуя прочими без всякого сочувствия <...>. Робкий духом и умом, с испорченным сердцем и нравами, ревнивый, завистливый, преследующий лишь свою цель, не стеснясь в средствах, если только удавалось сохранить вид честности и притворной добро-

Добавим еще несколько деталей портрета маршала Вильяма сына (le second Maréchal de Villeroy; 1644—1730). О прекрасных манерах, тщеславии и низости:

Il étoit magnifique en tout, fort noble dans toutes ses manières <...> glorieux à l'excès par nature, et bas aussi à l'excès pour peu qu'il en eût besoin, et à l'égard du Roi et de madame de Maintenon, valet à tout faire.¹⁶

О недостатке ума и неспособности к государственным делам:

C'est que j'ai su longtemps après de Torcy, qui étoit étonné au dernier point de la sottise en affaires d'un homme de cet âge si rompu à la cour; il étoit en effet si rompu qu'il en étoit corrompu. Il se piquoit néanmoins d'être fort honnête homme, mais comme il n'avoit point de sens, il montrait la corde fort aisément, aux occasions mêmes peu délicates, où son peu de cervelle le trahissoit.¹⁷

О неспособности к военному делу и об учтивости:

Il étoit brave de sa personne; mais pour la capacité militaire on en a vu les funestes effets. Sa politesse avoit une hauteur qui repoussoit...¹⁸

О тонкости младшего Вильяма герцог Сен-Симон ничего не говорит, но эта характеристика встречается в других портретах (например, маршалов Тессе и Таллара¹⁹).

детели <...>. Не без ума и некоторой начитанности, не слишком образованный, далеко не муж войны, кроме как иногда в речах <...>. Тонкий, проницательный, глубоко скрытный, неспособный к дружбе...»

¹⁶ Ibid. Т. 12. Р. 156. Перевод: «Он был великолепен во всем, с благороднейшими манерами <...> излишне тщеславный по природе и излишне низкий, чуть только это было выгодно, а по отношению к королю и мадам де Ментенон — лакей для любых поручений».

¹⁷ Ibid. Р. 158. Перевод: «Это я давно знал от де Торси, который был крайне изумлен деловой тупостью человека в таком возрасте и столь долго прозябавшего при дворе, — он там так долго прозябал, что прогнил. Он изображал, однако, весьма порядочного человека, но как ему недоставало ума, он легко обнаруживал свою сущность, даже в простых обстоятельствах, где его выдавал недостаток мозгов».

¹⁸ Ibid. Р. 159. Перевод: «Он обладал личной храбростью, но его неспособность к военному делу имела роковые последствия. В учтивости его было отталкивающее высокомерие».

¹⁹ См.: Elden D. J. H. van. Esprits fins et esprits géométriques dans les portraits de Saint-Simon: Contribution à l'étude du vocabulaire et du style. La Haye, 1975. Р. 100—101.

Разумеется, Пушкину не было надобности списывать своего Мидаса с придворных Короля-Солнца, но если он читал Сен-Симона, то вполне мог усвоить его манеру — она ощущается и в другой эпиграмме на Воронцова.²⁰ Маршал Юксель преследовал «лишь свою цель, не стесняясь в средствах, если только удавалось сохранить вид честности и притворной добродетели»; Пушкин называет Воронцова *полу-подлец*, к чему О. С. Муравьева дает комментарий, неожиданно сходный с Сен-Симоновым портретом Юкселя: «“Полу-подлец” — не брань, а злая, но выразительная характеристика человека, пытающегося одновременно и сохранять репутацию порядочного человека, и (если очень нужно) позволять себе непорядочные поступки».²¹

Сходный тип характеристики встречался и в пушкинское время. Например, в примечаниях, сопровождающих письма маркизы дю Деффан (du Deffant; 1697—1780) в издании 1824 года, о Ш. де Гонто, герцоге де Бирон (Gontaut, duc de Biron; 1562—1602), говорится как о человеке превосходном и добродетельном, но малообразованном и не острого ума, при этом обладавшем прекрасными манерами и подчеркнуто *учтивом*.²² Однако преувеличенная (аффектированная) учтивость могла рассматриваться и как попытка создать ложное впечатление о своих заслугах: «Избыточная учтивость — валюта людей, не имеющих заслуг» («Une politesse excessive, est une monnoie des hommes sans mérite»).²³ Так же могли выглядеть *сухость* и *важность*, отражавшие натянутость манер и горделивость:

Les manières empruntées sont ordinairement produites par la fausseté ou par l'orgueil. Le faux affecte les dehors de la vertu; l'orgueilleux emprunte les dehors des qualités de l'esprit, ou des talens qu'il n'a pas, ou des airs qui conviennent à un rang supérieur au sien.²⁴

²⁰ В библиотеке Пушкина имелось шеститомное издание «Mémoires du duc de Saint-Simon. Nouvelle édition, mise dans un ordre chronologique...» (Paris, 1826), причем разрезаны (и, видимо, прочитаны) были первые три сотни страниц первого тома (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 328. № 1345). Обращался ли Пушкин до того к более ранним изданиям «Мемуаров», вряд ли можно установить.

²¹ *Муравьева О. С.* Политика сквозь призму поэзии // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 16—17. С. 173—174.

²² *Lettres de la Marquise Du Deffant à Horace Walpole, depuis Comte d'Orford...* Nouv. éd. Paris, 1824. Т. 1. P. 144.

²³ *L'Homme de Lettres & l'Homme du monde*, Par Mr. D**** [Simon de Bignicourt]. Orléans, 1774. P. 114.

²⁴ [*Isnard A. N.*] *Catéchisme Social, ou Instructions élémentaires sur la Morale sociale à l'usage de la Jeunesse*, Paris, 1784. P. 319. Перевод: «Натянутые манеры

Наконец, в третьей части эпиграммы сказано, что льстецы Мидаса не знали, как его хвалить, и решили провозгласить его тонким.

Оборот «Не зная, как хвалить его» можно понимать двояко: а) они не знали, как еще (каким еще способом) его хвалить; б) не знали, какие заслуги ему приписать, чтобы похвалить, ибо хвалить его на самом деле было не за что. Скорее всего, верна вторая интерпретация: Мидаса невозможно было всерьез восхвалять ни за ум, ни за отвагу, ни за великие замыслы, осталось петь ему хвалы за «тонкость».

Русскому прилагательному «тонкий» соответствуют несколько французских слов, различающихся по смысловым оттенкам. Первое — *fin*, «тонкость» — *finesse*. Статья Ж.-Ф. Мармонтеля (Marмонтel; 1723—1799) в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера («Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers») так определяет это понятие:

FINESSE (*Philosophie-Morale*) c'est la faculté d'appercevoir dans les rapports superficiels des circonstances & des choses, les facettes presque insensibles qui se répondent, les points indivisibles qui se touchent, les fils déliés qui s'entrelacent & s'unissent.²⁵

Далее Мармонтель объясняет на примерах разные оттенки «тонкости».

Un homme profond est impénétrable à un homme qui n'est que *fin*; car celui-ci ne combine que les superficies : mais l'homme profond est quelquefois surpris par l'homme *fin*; sa vûe hardie, vaste & rapide, dédaigne ou néglige d'appercevoir les petits moyens: c'est Hercule qui court, & qu'un insecte pique au talon.²⁶

происходят обыкновенно от фальшивости или горделивости. Фальшивый показывает видимость добродетели, горделивый изображает, будто обладает умом/остроумием, или талантами, которых на деле не имеет, или принимает вид, более подходящей лицу более высокого ранга».

²⁵ Перевод: «Тонкость (Философия, Мораль) — это способность подмечать в поверхностных связях обстоятельств и вещей почти нечувствительные, но отвечающие одна другой грани, неделимые точки касания, тонкие переплетающиеся и соединяющиеся нити».

²⁶ Перевод: «Человек глубокий непроницаем для человека, который всего лишь *тонок*, ибо последний оперирует лишь с поверхностными чертами. Но человек глубокий может иногда быть застигнут врасплох человеком *тонким*. Его смелый, всеохватывающий и быстрый взгляд пренебрегает замечать мелкие средства: это бегущий Геракл, которого насекомое жалит в пятку».

В «Энциклопедии» можно найти ряд различий понятия *finesse* и его синонимов. Один из них — «*subtile*» — употреблялся и как синоним прилагательного *fin*, но имел скорее отрицательные коннотации. В «Максимах» Ларошфуко слово *finesse* значит «хитрость, ловка (часто злонамеренная)». Например:

L'usage ordinaire de la finesse est la marque d'un petit esprit, et il arrive presque toujours que celui qui s'en sert pour se couvrir en un endroit, se découvre en un autre.²⁷

Заметим, что у Сен-Симона *finesse* употребляется в разных смыслах, как пейоративных, так и позитивных. Большая часть книги Дирка ван Элдена²⁸ посвящена этому понятию в «Мемуарах».

Одно из свидетельств отрицательных коннотаций понятия «тонкий» можно найти в «Альманахе муз на 1785 год», в стихотворении Ж. К. Руайю (Rouyou; 1745—1828) «Моему сыну» («*A mon fils*»: «*Tout honnête homme est franc; qui dit fin dit fripon*» («*Всякий порядочный человек откровенен: кто говорит “тонкий”, говорит “плут”*»)).²⁹

Как утверждает «Всеобщий словарь французского языка вместе с латинским», выражение *qui dit fin dit fripon* вошло в поговорку.³⁰ Но, как всегда при обсуждении тонких семантических оттенков, возникали разногласия, ибо единого и стабильного их понимания не было. Более позднее (шестое) издание того же словаря, вводя синоним «субтильность», утверждало уже иное: «*On peut être fin sans être fripon, on ne peut être fripon sans subtilité*» («*Можно быть тонким, не будучи плутом, [но] нельзя быть плутом без субтильности*»)).³¹

²⁷ Reflexions ou Sentences et Maximes morales de Monsieur de La Rochefoucault. Maximes de Madame la Marquise de Sablé... Amsterdam, 1705. P. 47. № 149. Перевод: «Обыкновение прибегать к [тонкой] хитрости — признак небольшого ума, и почти всегда тот, кто пользуется этим, чтобы прикрыть себя с одной стороны, приоткрывает другую».

²⁸ См.: Elden D. J. H. van. Esprits fins et esprits géométriques dans les portraits de Saint-Simon.

²⁹ Almanach des Muses. 1785. P. 233. Стихотворение неоднократно перепечатывалось и вошло в очень известную антологию: Petite Encyclopédie Poétique. Paris, 1804. T. 4. P. 78. Цитированный стих фигурирует в «Храме морали» — сборнике стихотворных сентенций, составленном Фревилем (Fréville A. F. J. Temple de la morale, ou Pensées gnomiques tirées des poètes français. Paris, [1794]. P. 165).

³⁰ Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue françoise, avec le latin. Paris, 1808. P. 16 [2e pag.].

³¹ Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue françoise, avec le latin et les étymologie. Paris, 1823. P. 16 [2e pag.].

У Фабра д'Эглантина (Fabre d'Églantine; 1750—1794) *fin* и *subtile* не различаются, совпадая именно в пейоративном оттенке, — поэт говорит о двух видах людей: «Les uns qui sont les FORTS, et les autres LES FINs» = «Одни — сильные, другие — тонкие». К этой строке он дает ссылку на старинное словоупотребление у Монтеня: «C'est de la plus subtile sagesse que se fait la plus subtile folie» = «Самое тонкое безумие происходит из самой тонкой мудрости». ³² Но в конце XVIII века *subtile* означает скорее «ловкий»:

SUBTIL, signifie aussi figurément, qui est adroit à faire des tours de main, sans qu'on puisse s'appercevoir de la manière dont il les fait. C'est un *fripou subtil*. Un subtil escamoteur. ³³

Возможно, Пушкин и не хотел сделать своего Мидаса плутом и пройдохой (ибо «можно быть тонким, не будучи плутом»), имея в виду под *тонкостью* скорее *finesse*, чем *subtilité*. Тем не менее это понятие имеет в эпиграмме отчетливо отрицательные коннотации, что ясно уже из соседствующих с ней размышлений Пушкина о тонкости, уме и гении:

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным (XI, 55—56).

Эти соображения заимствованы отчасти у французов. В довольно разработанной форме они имеются у Ш. П. Дюкло (Duclos; 1704—1772):

³² *Fabre d'Églantine Ph. F. N. Œuvres mêlées et posthumes*. Paris, An XI [1802]. Т. 2. Р. 44. На самом деле фраза Монтеня звучит несколько иначе: «Dequoy se fait la plus subtile folie que de la plus subtile sagesse?» («Что создает самое тонкое безумие и самую тонкую мудрость?») [https://fr.wikisource.org/wiki/Page:Montaigne_-_Essais,_Éd_de_Bordeaux,_2.djvu/154].

³³ *Le grand vocabulaire françois...* Paris, 1773. Т. 27. Р. 120. Перевод: «Тонкий означает также фигурально того, кто обладает ловкостью рук, так что невозможно заметить их действия. Это ловкий плут. Ловкий фокусник/шулер». Здесь имеет смысл напомнить также, что метафорические объяснения разницы между оттенками прилагательных, синонимичных *fin*, предлагал один из первых французских славистов, грамматик Габриэль Жирар: *Girard G. Synonymes François, leurs différentes Significations; et le Choix qu'il en faut faire pour parler avec justesse*. 6e éd. Paris, 1742. Р. 159. О Жираре см.: *Mazon A. L'abbé Gabriel Girard, grammairien et russisant // Revue des Études Slaves*. 1958. Т. 35. Fasc. 1. Р. 15—56.

...la candeur est la première marque d'une belle âme. *La naïveté et la candeur peuvent se trouver dans le plus beau génie*, et alors elles en font l'ornement le plus précieux et le plus aimable.

Il n'est pas étonnant que le vulgaire qui n'est pas digne de respecter des avantages si rares, soit l'admirateur de la finesse de caractère, qui n'est souvent que le fruit de l'attention fixe et suivie d'un esprit médiocre que l'intérêt anime. *La finesse peut marquer de l'esprit; mais elle n'est jamais dans un esprit supérieur, à moins qu'il ne se trouve avec un cœur bas. Un esprit supérieur dédaigne les petits ressorts, il n'emploie que les grands, c'est-à-dire les simples.*³⁴

Дюкло совпадает здесь с д'Аламбером:

Il en est du style comme du caractère; la grandeur & la finesse y sont incompatibles...³⁵

Заметим, что пушкинское противопоставление тонкости и откровенности повторяет цитированный выше стих Руайу: «Всякий порядочный человек откровенен, кто говорит “тонкий”, говорит “плут”». Простодушность гения также являлась общим местом французской словесности, о чем свидетельствует «Новый словарь синонимов» аббата Рубо (Roubaud; 1730—1792): «*La naïveté s'accorde avec le génie*» («Простодушие [наивность] в ладу с гением»).³⁶

В этом месте словаря Рубо обсуждает (вслед за цитированным выше пассажем Дюкло) синонимы «наивности»: *ingénuité* (свойственная детям), *candeur* («покров невинности»), *franchise* («откровенность»), *sincérité* («искренность»). Таким образом, пушкинское «простодушие» отвечает французской *naïveté*.

³⁴ *Duclos Ch. P. Considérations sur les mœurs de ce siècle.* Londres, 1784. P. 209. Перевод: «...простодушие — первая черта прекрасной души. *Наивность и простодушие можно найти в самом совершенном гении*, и тогда они составляют его самое драгоценное и любезное украшение. Неудивительно, что чернь, недостойная уважать столь редкие преимущества, восхищается тонкостью характера, часто являющейся лишь плодом пристального и постоянного внимания со стороны посредственного ума, движимого интересом. *Бывает, что тонкость оказывается чертой ума, но она никогда не присутствует в высоком уме, если только не обнаруживается в низком сердце. Высокий ум презирает мелкие средства и употребляет лишь великие, то есть простые.*»

³⁵ *D'Alembert J. le Rond. Esprit, Maximes et Principes.* Genève, 1789. P. 118. Перевод: «Со стилем то же, что и с характером: величие и тонкость в них несовместны».

³⁶ *Roubaud P. J. A., l'abbé. Nouveaux synonymes français.* Paris, 1785. T. 3. P. 235.

В русском словоупотреблении конца XVIII — начала XIX века терминология, относящаяся к светскому поведению, имела семантические оттенки, заимствованные из французской культуры. Такие коннотации, относящиеся к изменчивой, быстро эволюционирующей сфере общественной жизни, зачастую оказывались эфемерными и становились малопонятными следующим поколениям. Поэтому учет французской семантики минувших эпох оказывается полезным, позволяя уточнить смысл пушкинских текстов.

Андрей Добрицын

ОБ ОПРАВДАНОСТИ НАРУШЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭДИЦИОННОЙ ПРАКТИКИ Казус «Моей родословной»

Раздумывая много лет назад о подготовке текста и комментария к «Моей родословной» для академического собрания сочинений Пушкина, Лев Сергеевич Сидяков написал небольшую статью, в которой попытался обрисовать проблемы, возникающие перед текстологом и комментатором, готовящим это стихотворение. Текстологическая часть статьи начинается триумфально: «Установление дефинитивного текста “Моей родословной” не составляет большого труда, поскольку его в основном дает беловая рукопись стихотворения, приложенная Пушкиным к его письму к А. Х. Бенкендорфу 24 ноября 1831 г.»¹. Далее ученый, как и положено, оговаривает единственную поправку, которую следует внести в текст: исправить очевидно самоцензурный вариант ст. 18 «Не ваксил барских сапогов» на чтение первого автографа (ПД 925) и всех копий: «Не ваксил царских сапогов». Собственно, именно так и поступали во всех изданиях, начиная с «Красной нивы» (1930), включая большое и малое академические. Казалось бы, вопрос действительно ясный. Но так ли он ясен?

На сегодняшний день известны два автографа основной части стихотворения. Первый из них, ПД 925, — беловой с поправками автограф стихов 1—64 (без «Post scriptum») с датирующей поме-

¹ Сидяков Л. С. Вокруг «Моей родословной»: Проблемы изучения и комментирования стихотворения А. С. Пушкина // *Philologia: Рижский филол. сб.* Рига, 2002. Вып. 4: Миф. Фольклор. Литература. Быт. С. 85.

той: «3 дек<абря>» (1830 г.). Второй, ПД 139, — из письма Бенкендорфу, чистый беловой, включающий выделенный «Post scriptum», датируемый, как и все письмо, 24 ноября 1831 года. Есть три черновых болдинских автографа «Post scriptum», один из которых датирован 16 октября 1830 года. Плюс имеется авторизованная копия Н. М. Коншина, вероятнее всего относящаяся к лету 1831 года, когда Пушкин тесно общался с Коншиным в Царском Селе. Есть еще описание не дошедшего до нас предполагаемого автографа, который видел и наскоро зафиксировал в виде вариантов П. А. Ефремов.² Этот автограф, по утверждению Ефремова оставшийся у переписчика, которому Пушкин давал перебеливать стихи,³ помечен 16 октября 1830 года, — датой, выставленной, как уже говорилось, под черновой рукописью 1, 2, 3 и 5-й строф «Post scriptum» (ПД 135). К возможной причине появления той же даты под полным текстом стихотворения, которое, судя по декабрьскому автографу, даже в декабре еще не мыслилось как целое, мы вернемся позже. Пока же ситуация выглядит вполне очевидной. В Болдине (в октябре 1830 года) и на обратном пути оттуда (в Платовском карантине 3 декабря 1830 года) поэт создает стихотворение — точнее, две его части, на тот момент существующие порознь: 19 декабря 1830 года один из первых слушателей «Моей родословной», князь Вяземский, заносит в записную книжку: «Он много написал в деревне <...>. Куплеты «Я мещанин, я мещанин», эпиграмму на Булгарина за Арапа, написал несколько <...> полемических статей».⁴ Позже, весной—летом 1831 года, стихотворение, уже ставшее единым целым, расходитя в копиях и появляется опасность,

² Ефремов П. А. Александр Сергеевич Пушкин. Стихотворение «Моя родословная» по подлинной рукописи // Русская старина. 1879. № 12. С. 735—737.

³ Там же. С. 734.

⁴ Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 208 («Лит. памятники»). Как видим, «куплеты» (основная часть «Моей родословной») и «эпиграмма за Арапа» (то есть «Post scriptum») описываются как два разных стихотворения. По всей видимости, к тому же периоду раздельного бытования двух частей стихотворения относится свидетельство «корреспондента» (по предположению М. А. Цявловского, это был С. Д. Полторацкий — см.: III, 1229), на основании которого Н. П. Огарев восемь основных строф стихотворения напечатал под заглавием «Мещанин», а шестнадцать стихов «Post scriptum» (ст. 65—80, без окончания) выделил в самостоятельное стихотворение под заглавием «Моя родословная» с таким примечанием: «Это неоконченное стихотворение многие смешивают с стихотворением «Мещанин» и при переписке соединяют обоих <sic!> в одно. Но я лично от Пушкина знаю, что такое смешение — незаконно. (Прим. корреспондента)» (Русская потаенная литература XIX столетия. London, 1861. С. 31).

что оно дойдет до императора, а Пушкин получит взыскание за самовольное распространение не одобренного высочайшей цензурой стихотворения. Для предотвращения неприятностей в ноябре 1831 года поэт переписывает его набело, что-то подправляет и посылает Бенкендорфу. Очевидно, эта последняя рукопись должна быть признана наиболее авторитетным источником текста.

Однако в этой логике есть одно слабое звено. Дело в том, что «Моя родословная» не просто разошлась в копиях — она исключительно широко разошлась в копиях. На сегодняшний день выявлено более 60 списков этого стихотворения.⁵ Характер их говорит о том, что текст распространялся как путем переписывания, так и записывался по памяти с чтения вслух. Можно уверенно констатировать, что поэт приложил немалые усилия к распространению своего произведения. Разумеется, при многократном переписывании и особенно при записи по памяти в копии вкралось много ошибок, но в целом они дают на удивление стабильный текст, по всей видимости восходящий к тому же источнику, что авторизованная копия Коншина. Возможно, существовало более одного автографа, поскольку некоторые расхождения с копией Коншина повторяются в значительном числе списков, в том числе вышедших из ближайшего пушкинского круга, однако эти разночтения немногочисленны и тоже стабильны.⁶

На этом фоне особенно удивительным выглядит тот факт, что текст, посланный Бенкендорфу и довольно существенно отличающийся от копийного «канона», не воспроизведен ни в одной копии и до публикации письма Ефремовым в 1903 году оставался совершенно неизвестен читателям — даже ближайшему пушкинскому окружению, активно переписывавшему стихотворение и записывавшему его по памяти. Казалось бы, если Пушкин поправил текст и вычистил его, он должен был стремиться к распространению более совершенной редакции, однако этого не произошло. Как кажется, анализ текста автографа ПД 139 дает ключ к пониманию этого феномена.

⁵ Практически полный перечень выявленных копий см.: III, 1225—1228; дополнения к нему и анализ разночтений копий: *Сидяков Л. С.* Распространение «Моей родословной» в списках: Из истории раннего восприятия стихотворения Пушкина // *Русская литература.* 2005. № 4. С. 21—34; еще одно дополнение: *Шур Л.* Списки стихотворений Пушкина в архиве И. С. Гагарина // *Révue des études slaves.* 1987. Т. 59. Fasc. 1—2. P. 351—352, 362—365.

⁶ Так, во многих копиях ст. 83—84 читаются: «Кто ж он в семье своей почтенной? / Он на Мещанской дворянин» вместо «Что ж он, в семье своей почтенной?.. / Он?.. Он в Мещанской дворянин». В тех же копиях ст. 46 звучит «Не любит спора властелин» вместо «Не любит споров властелин». К таким же случаям можно отнести отсутствие выделенного «Post scriptum» и единое строфическое оформление всего текста, о чем речь пойдет ниже.

В автографе, посланном Бенкендорфу, есть ряд мест, явно смягчающих и затемняющих копийный текст. И это отнюдь не только всеми отмеченная и всегда исправляемая в изданиях очевидно самоцензурная поправка ст. 18. По всей видимости, также для исключения явного намека на личность, приближенную к императору, исправлен ст. 5 («Не офицер я, не ассессор» вместо: «Я не лейб-кучер, не ассессор»), где подразумевался Илья Иванович Байков (1768—1838), лейб-кучер Александра I, о близости которого к особе государя ходили легенды и анекдоты. Шутить на эту тему было небезопасно: вице-президент Академии художеств А. Ф. Лабзин оказался в 1822 году в симбирской ссылке (и вскоре умер там от перенесенного потрясения) за то, что на предложение избрать в Академию почетным членом графа В. П. Кочубея — как человека, близкого к государю, — ответил: «О, если так, то надобно выбрать Илью кучера».⁷ «Офицер», заменивший «лейб-кучера», обезличивал стих — после внесения этой поправки перечень: «офицер», «ассессор», дворянин «по кресту», «академик», «профессор» — отражал лишь официальные пути получения дворянства: право на него давал любой офицерский чин, в статской службе для этого требовался чин коллежского ассессора (8-й класс, которому соответствовало также звание экстраординарного профессора), звание академика (6-й класс) или ординарного профессора (7-й класс) либо награждение орденом («по кресту»). Едкий рискованный выпад превращался в привычное пушкинское противопоставление чиновного дворянства родовому.

Возможно, еще более опасными были ст. 13—14: «Родов униженных обломок / И слава Богу не один», замененные в версии для Бенкендорфа на: «Родов дряхлеющих обломок / И по несчастью не один». Если в распространявшемся Пушкиным тексте речь шла о все еще заметной многочисленности и силе потомков старинных родов, хотя и униженных, но гордо хранящих славу предков, то в варианте для шефа жандармов вместо этого было сетование на упадок дряхлеющих родов. Первый вариант был весьма опасен для поэта в случае, если бы он попал на стол Бенкендорфу, давно опасавшемуся родового русского дворянства именно как независимой и оппозиционной политической силы, — эти опасения постоянно подпитывал своими доносами Булгарин.⁸ Во втором варианте, напротив, выка-

⁷ См. об этом в воспоминаниях воспитанницы Лабзиных Софьи Лайкевич (урожд. Мудрова): Лайкевич С. А. Воспоминания // Русская старина. 1905. № 10. С. 188 и далее.

⁸ См. об этом: Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 317—328.

зывалось печальное смирение перед постепенным вымиранием этой опасной и неприятной для шефа жандармов элиты, что не могло не импонировать адресату.

Возможно, к таким же случаям можно отнести замену в ст. 22: «Немецких пудренных дружин», слишком прозрачно намекавших на гатчинский полк Павла I (в первом автографе это было еще очевиднее: «Парадных, гатчинских дружин», «Исправных, гатчинских дружин»), не очень понятными и более нигде не встречающимися «австрийскими». Немецкая тема могла неприятно сдетонировать на фоне описанного О. А. Проскуриным противостояния немецкой чиновной знати и русской родовой аристократии, бывшего неизменным фоном уже запрещенной к 1831 году полемики о литературных аристократах, звеном которой была «Моя родословная».⁹ «Австрийские дружины», видимо, не имели особого смысла, но и не подливали масла в огонь опасной дискуссии.

Уходом от острой темы было и исправление ст. 65 («Решил Фиглярин, сидя дома» вместо: «Видок Фиглярин, сидя дома»). После пушкинской статьи «<О записках Видока>» («В одном из № “Лит<ературной> газеты” упоминали о Записках парижского палача...»),¹⁰ а также эпиграммы «Не то беда, что ты поляк...», заканчивающейся словами: «Беда, что ты Видок Фиглярин» (III, 215), которую Греч и Булгарин опубликовали в искаженном виде (закончив словами «Но то беда, что ты Фаддей Булгарин»¹¹) и после запрета Дельвигу напечатать эпиграмму в ее настоящем виде (XIV, 90—91) упоминания Видока оказались фактически под запретом.¹²

Конечно, в автографе есть и случаи, которые можно отнести к чисто творческой правке. Так, ст. 25, читавшийся в копиях как «Мой предок Радша службой бранной», возможно, изменен на: «Мой предок Рача мышцой бранной» во избежание повтора: «службой <...> служил», — а также, видимо, из-за того, что копиисты большей частью не прочитывали имени Радши и изменяли стих на бессмысленное: «Мой предок ради службы бранной» (этот вариант обнаруживается в подавляющем большинстве копий). Более логично в этом автографе оформлен «Post scriptum», снабженный соб-

⁹ См.: Там же.

¹⁰ Литературная газета. 1830. Т. 1. № 20, 6 апр.; Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. СПб., 2001. С. 229—230.

¹¹ Сын отечества и Северный архив. 1830. № 17. С. 303.

¹² См.: Замков Н. К. Архивные мелочи о Пушкине. IV. К истории пушкинской заметки о «Записках Видока» // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29—30. С. 71—77.

ственным строфическим рисунком.¹³ Однако, если часть поправок и могут быть признаны творческой правкой, все же неоспоримым остается тот факт, что редакцию, посланную Бенкендорфу, Пушкин никак не распространял и не довел до сведения даже ближайшего круга. Есть в тексте и некоторое количество совсем незначительных изменений (например, «Так мне ли быть аристократом» вместо: «Куда ж мне быть аристократом» и ряд подобных). Создается впечатление, что, посылая Бенкендорфу не только смягченный, но и в целом несколько отличающийся (во вполне невинных деталях) текст стихотворения, Пушкин оставлял себе возможность оправдания на случай, если более острая редакция копий попадет на глаза шефу жандармов и привлечет его внимание: при достаточном количестве незначимых отличий можно было бы утверждать, что текст копий искажен при переписываниях.

Теперь обратимся к письму Бенкендорфу, сопровождавшему посылку стихотворения. В нем рассказана история создания «Моей родословной» и «утечки» текста, разошедшегося в копиях: «Я послал свой ответ покойному Дельвигу с просьбой поместить в его газете. Дельвиг посоветовал мне не печатать его, указав на то, что было бы смешно защищаться пером против подобного нападения и выставлять напоказ аристократические чувства, будучи самому, в сущности говоря, если не межданином в дворянстве, то дворянином в межданстве. Я уступил, и тем дело и кончилось; однако несколько списков моего ответа пошло по рукам» (XIV, 242, 442—443; ориг. по-франц.). История, описанная в письме Пушкина Бенкендорфу, — по всей видимости, мистификация. Ничего подобного в переписке Пушкина и Дельвига не обнаруживается: к моменту завершения «Моей родословной» как единого цельного текста, известного нам по копиям, Дельвиг был отстранен от издания «Литературной газеты», и скорее всего, его уже не было в живых. Не исключено, что дата «16 октября 1830 года», встречающаяся в некоторых копиях (в частности, в копии Ефремова), также имеет мистифицирующий характер — совпадая с датой одного из ранних черновых автографов «Post scriptum», она относит момент создания текста ко времени, когда стихотворение могло быть послано Дельвигу — и ко-

¹³ В копии Коншина «Post scriptum» был выделен («PS»), но не делился на строфы, в отличие от основной части, а в подавляющем большинстве копий вообще не выделялся и механически присоединялся к основной части, поделенной на восьмистишия. Это создавало «повисающие» последние четыре стиха, которые либо присоединялись к последней строфе, либо выделялись в отдельную, как бы не законченную, строфу, либо вообще отсекались как отдельная эпиграмма. В автографе, посланном Бенкендорфу, «Post scriptum» поделен на четверостишия изящными отступами.

гда полемика о литературной аристократии еще не была запрещена. Смерть Дельвига при этом снимала вопрос о том, как могла произойти утечка посланного ему текста.

Копия Коншина при первых публикациях была принята за автограф,¹⁴ что неудивительно, поскольку она содержит правку, возникшую непосредственно по ходу письма. Так, ст. 40 был начат: «Но я... я бедный» и тут же исправлен на: «я темный мещанин», ст. 79 начат не известным ни по каким иным источникам вариантом: «Чесма...» — тут же вычеркнутым и в той же строке продолженным: «Громада кораблей вспылала»; также в ходе письма менялись местами ст. 18 и 20. Таким образом, правка выглядит творческой, а не устранением ошибок переписчика, исправление же рукой Пушкина в ст. 19 «с придворными дьячками» на: «на крылосе с дьячками» заменяет один авторский вариант на другой, тоже имеющийся в автографе (в ранней рукописи ПД 925 сделана обратная поправка, а в тексте, виденном Ефремовым, отмечено то же исправление, что в копии Коншина). Все это создает впечатление, что копия создавалась под диктовку поэта с его собственными исправлениями по ходу записи. Тот факт, что почти во всех известных копиях не отмечен «Post scriptum», а запись стабильно сохраняет графически выделенное деление на строфы-восьмистишия, говорит в пользу того, что изначально мог распространяться текст, восходящий к несколько отличающемуся автографу, а затем при непосредственном участии Пушкина была изготовлена и выправлена копия Коншина — и именно ее можно принять за последнюю авторскую версию копийной редакции.

Итак, мы видим, что Пушкин тщательно правил и дорабатывал текст, который он пускал «в мир», — и этот текст разошелся именно в таком виде, с язвительными и острыми выпадами против узнаваемых лиц (которые довольно часто отмечались переписчиками в примечаниях) и против общественных тенденций. Затем поэт проделал достаточно большую работу над текстом, которая должна была по возможности оградить его от неприятностей, грозивших за распространение слишком острого стихотворения, — этот новый, смазанный и максимально затемненный текст был адресован ровно двум читателям — Бенкендорфу и Николаю. Никому больше он показан не был, не сохранился он и в бумагах Пушкина.

Все это ставит публикаторов перед дилеммой, печатать ли стихотворение по несомненному и наиболее позднему автографу, которого автор, очевидно, не желал показывать читателям, или по авто-

¹⁴ См.: Савенко И. Г. «Родословная» Александра Сергеевича Пушкина // Русская старина. 1880. № 6. С. 358.

ризованной копии — тексту, по всей видимости более раннему, но именно тому, который был вынесен Пушкиным на публику. Впервые печатая вновь обнаруженный автограф ПД 139 в издании 1903 года, Ефремов сохранил в том стихотворений текст копии Коншина,¹⁵ а автограф напечатал в составе письма Бенкендорфу в том писем, упомянув «смягчения и изменения», которым подвергся текст для посылки шефу жандармов.¹⁶ Практически все последующие издания печатали в корпусе стихотворений текст по последнему автографу, исправляя ст. 18 по копиям и автографу ПД 925.¹⁷ Однако, как кажется, на основании всего изложенного пришло время вернуться к корректному решению Ефремова, признать источником текста авторизованную копию Коншина ПД 927, а подлинный и наиболее поздний автограф оставить памятником пушкинской самообороны, — самообороны вполне успешной, поскольку никаких серьезных неприятностей за самовольное распространение столь опасного текста не последовало, а на публикацию его, надо полагать, Пушкин в любом случае не рассчитывал.

Т. А. Китанина

¹⁵ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903. Т. 2. С. 256—258 (пояснение выбора источника в примеч. на с. 258).

¹⁶ Там же. Т. 7. С. 447.

¹⁷ Исключение представляет издание под редакцией В. Брюсова (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. со сводом вариантов: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Я. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 330—331*), появившееся между публикацией коншинской копии (1880 г.) и публикацией Щеголева, где было доказано, что это именно копия, а не автограф (*Щеголев П. Е. Неизданное письмо к Пушкину и неизданный автограф Пушкина // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38—39. С. 255—256*). Брюсов, публикуя коншинский текст, был уверен, что печатает стихотворение по автографу, при этом о существовании ПД 139, судя по всему, он просто не знал (этот автограф не указан в числе известных ему рукописей, приведенных в примечании на с. 331).

«ИНТЕРЕСНАЯ БЛЕДНОСТЬ»

О комментировании поэтической фразеологии

Стимулом к написанию этой заметки послужил поиск источников образа «бледного вора» в ст. 22 стихотворения Пушкина «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836): «Там неукрашенным могилам есть простор; / К ним ночью темною не лезет бледный

вор...» (III, 422). Попытка прокомментировать эти строки была в свое время предпринята В. С. Непомнящим, который интерпретировал пушкинские словосочетания с эпитетом «бледный» или его производными как манифестации некой семантической константы:

Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
(«Наполеон на Эльбе», 1815)

И в поздний час ужасный бледный *Страх*
Не хмурится угрюмо в головах.
(«Сон», 1816)

И бледной зависти предмет неколебимый
(«К Жуковскому», 1816)

И грешник бледен, как мертвец.
(«Вечерня отошла давно», 1823)

Вдруг между их свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.
(«Борис Годунов», 1825)

И ненависть, и грезы мести бледной.
(«...Вновь я посетил», 1835, черн.)

К ним ночью темною не лезет бледный вор...
(«Когда за городом, задумчив, я брожу...», 1836).

Интересная бледность. Мятеж, страх, зависть, вор, грешник, злость, предательство, месть — все это «как мертвец», во всем этом нет жизни. Зло как лик — точнее, наличие — небытия в жизни. Прорыв небытия в бытие. У мальчика чуть ли не богословская «ортодоксальность» понимания, притом не головная, от образования, а в интуиции.¹

Этот пассаж прекрасно демонстрирует, как ни в коем случае не надо обращаться с поэтическими клише первой трети XIX века. Ученая полемика, однако, в таких случаях занятие неблагоприятное: перед читателем неловко. Приходится повторять известное и разъяснять очевидное, в данном случае напоминать, что постулирование интуитивной и имманентной природы пушкинского фразеологиче-

¹ Непомнящий В. С. Из дневника пушкиниста // «Литературоведение как литература»: Сб. в честь С. Г. Бочарова. М., 2004. С. 50—58.

ского инструментария попросту нонсенс. Как убедительно показал еще В. В. Виноградов, стихотворные тексты первой трети XIX в. — это плавильный котел для расхожих русско-французских коллокаций, то есть связанных лексических конструкций, которыми поэт распоряжается «как общим <...> достоянием»: заимствует их, калькирует, контаминирует и трансформирует.² По большей части они «основаны не на живом образе, не на поэтическом мифе, а принимаются по традиции».³ Из приведенного выше списка к числу таких явно традиционных блуждающих образов относятся, например, «бледная зависть» и «бледный страх», восходящие к античности и к концу XVIII — началу XIX века функционирующие в европейской и русской поэзии как «готовые слова». «Бледной завистью» европейская, а вслед за ней и русская словесность обязана «Метаморфозам» (II, 760—796) Овидия, который изображал персонифицированную зависть, обитающую в пещерном мраке, изможденной и бледной (см. ст. 775: «pallor in ore sedet, macies in corpore toto» — «Бледность в лице разлита, худоба истощила все тело»)⁴ Этот образ, прочно закрепившийся не только в словесной, но и в иконологической традиции,⁵ уже во второй половине XVIII в. был общим местом, настолько очевидным, что Ф.-Д. Стэнхоуп, 4-й лорд Честерфилд (Stanhope, 4th Earl of Chesterfield; 1694—1773) в письме к сыну, посвященном литературным презентациям страстей, приводил «бледную зависть» — наряду со «слепой любовью» — в пример поэтического клише.⁶ Бледность как атрибут зависти упоминается в стихотворных цитатах из Жана де Лафонтена (La Fontaine; 1621—1695) и Рене-Ришара Кастеля (Castel; 1758—1832) в «Словаре поэтического языка» Л.-Ж.-М. Карпантье,⁷ и, как показывает «На-

² Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 134.

³ Там же.

⁴ Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Пер. С. В. Шервинского. М., 1977. С. 74.

⁵ См., например, описание зависти в словаре эмблем Н. М. Амбодик-Максимовича: «Зависть изображается женою престарелою, престрашною, бледною, сухощавою, беспокойною и печальною...» (Амбодик-Максимович Н. М. Емвлемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и аглицкий языки переложенные... [СПб.], 1788. С. XV). См. также: Лакомб де Презель О. Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч<его>, с описанием, взятым из разных древних и новых стихотворцев / Пер. с франц. И. Акимова. СПб., 1763. С. 118—120.

⁶ Chesterfield Ph. D. Stanhope. Letters written <...> to his son, Philip Stanhope, esq. London, 1777. Т. 1. P. 89.

⁷ Carpentier L. J. M. Le Gradus français, ou Dictionnaire de la langue poétique. Paris, 1822. P. 453.

циональный корпус русского языка», в произведениях Я. Б. Княжнина, В. И. Майкова, П. И. Николева, а также Г. Р. Державина, оказавшего влияние на молодого Пушкина.⁸ Ранний источник формулы «бледный страх» — гомеровский эпос (см.: «Илиада» VII, 479; VIII, 77; X, 376; XIV, 506; XVII, 67; «Одиссея» XI, 43, 633; XII, 243; XXII, 42; XXIV, 450, 533), с которым Пушкин познакомился еще в детстве во французском переводе П.-Ж. Битобе (Bitaubé; 1732—1808).⁹ Последнее, впрочем, не слишком важно: используемая там коллокация «la pâle terreur» к началу XIX в. также широко распространена в литературных текстах. Ее можно встретить во фривольном романе Ж.-Б. Луве де Кувре (*Louvet de Couvray*; 1760—1797),¹⁰ в нравоучительной повести Л.-С. Мерсье (*Mercier*; 1740—1814),¹¹ во французском переводе дидактической поэмы А. Поупа (*Pope*; 1688—1744);¹² список примеров легко поддается продолжению. Образцы формулы имеются и в русской литературе XVIII — начала XIX века — в качестве примеров сошлюсь на «Чесменский бой» (1771) М. М. Хераскова¹³ и «Видение плачущего над Москвою россиянина 1812 года октября 28 дня» (1812) В. В. Капниста.¹⁴ Существенно, что обе «формулы» — и «бледную зависть», и «бледный страх» — Пушкин использует лишь в юности, в процессе активного усвоения и апроприации «чужого» языка, впоследствии отказываясь от них как от износившихся клише. Сравнение «бледен, как мертвец» — тоже «формула», но уже не поэтическая, а языковая, и означает она попросту предель-

⁸ См., например: «Что зависть, от его сиянья / Свой бледный потупляя взор...» («Водопад»; 1791—1794); «И свитых вокруг моей могилы змей гнездом / Прогонишь — бледну зависть — в бездны» («Евгению. Жизнь Званская»; 1807) (*Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 182, 334 («Б-ка поэта». Большая сер.)).

⁹ См.: *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1897. С. 9.

¹⁰ *Louvet de Couvray J.-B.* Vie et amours du chevalier de Faublas. Londres, 1790. Т. 9. Р. 62. О романе в тесной связи с пушкинским творчеством см.: *Вольперт Л. И.* «Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами...»: («Любовные похождения кавалера Фобласа» Луве де Кувре) // *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. Тарту, 2010. С. 118—146.

¹¹ *Mercier L.-S.* Les époux malheureux // *Mercier L.-S.* Fictions morales. Paris, 1792. Т. 3. Р. 175.

¹² *Pope A.* La forêt de Windsor // *Œuvres complètes.* Paris, 1779. Т. 1. Р. 75.

¹³ «Зефир ли зашумит, иль грянут в небе громы, / Бегут, скрываются... пустеют бедных дома; / Везде уныние, повсюду бледный страх...» (*Херасков М. М.* Избр. произведения. Л., 1961. С. 149 («Б-ка поэта». Большая сер.)).

¹⁴ «Пред ним свирепый мраз, страх бледный, тощай глад / На истребление враждебных сил спешат» (*Капнист В. В.* Избр. произведения. Л., 1973. С. 244 («Б-ка поэта». Большая сер.)).

ную степень бледности.¹⁵ Ее французский вариант («*râle comme un mort, comme la mort, comme un trépassé*» — «бледен как мертвец, как смерть, как покойник» — *франц.*) фиксируется в словаре Французской академии,¹⁶ а русский — в «Словаре Академии Российской», с пояснением: «Относительно к лицу, значит, что цвет оного без всякой румяности, живности, наподобие мертвого или долговременно болящего, что бывает или от природы, или от припадка».¹⁷ Эту интерпретацию подтверждает и состав синонимического ряда в двуязычном немецко-французском словаре конца XVIII века: «*râle comme la mort; extrêmement pâle*» («бледный как смерть»; «исключительно бледный» — *франц.*).¹⁸ Уже на этих трех примерах видно, что использовать одну произвольно взятую коллокацию в купе с ее имманентной интерпретацией как ключ к осмыслению других, более или менее сходных, в отрыве от их историко-литературного контекста — явная методологическая ошибка. Поэтому герменевтические экскурсы, подобные цитированному выше, в исследовательской литературе принято вежливо игнорировать.

Я, однако, нарушу это негласное правило, поскольку, независимо от результатов предпринятого В. С. Непомнящим аналитического усилия, поставленный им вопрос, с точки зрения комментатора, далеко не бессмыслен. Дело даже не в том, что коллокации из подборки не поддаются объяснению в рамках объединяющей их идеи. Как раз наоборот, такая идея легко обнаруживается. Почти во всех отмеченных случаях эпитет «бледный» ассоциирован с аффектами, зримой манифестацией которых со времен античности, когда страсть осмыслялась в тесной связи с физиологией, считалось изменение цвета кожных покровов. Римская сатира охотно прибегала к этому языку описания. У Горация (*Serm.* II, 3, 78; *Epist.* I, 1, 61), Персия

¹⁵ Это значение актуализируется в пушкинских текстах, построенных на противопоставлении радикально контрастных состояний или образов, — см., например: «Ты богат, я очень беден; / Ты прозаик, я поэт; / Ты румян, как маков цвет, / Я, как смерть, и тощ и бледен» («Ты и я», 1825); «На небесах печальная луна / Встречается с веселою [зарюю], / Одна горит, другая холодна. / Заря блестит невестой мо<ло>до<ю>, / Луна пред <ней>, как мертвая, бледна» («На небесах печальная луна...», 1825—1826) (АПСС. Т. 3, кн. 1. С. 106, 136).

¹⁶ Dictionnaire de l'Académie française. Paris, 1740. Т. 2. P. 253.

¹⁷ Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794. Т. 1. Стб. 232. Сравнения «б<ледный> как полотно, как мертвец, как мертвый, как смерть» упомянуты и в соответствующей статье «Словаря русского языка XVIII века» (Л., 1985. Вып. 2. С. 60—61). Квалификацию комментируемой русской формулы как галицизма см.: *Smith M.* The Influence of French on Eighteenth-Century Literary Russian: Semantic and Phraseological Calques. 2006. P. 174.

¹⁸ Nouveau Dictionnaire complet François-Allemand et Allemand-François. Augsburg, 1783. Т. 2. P. 615.

(Sat. IV, 47), Ювенала (Sat. IV, 72—75; XIII, 223), Марциала (Epigr. I, 77; II, 24) «бледность» маркирует душевный, эмоциональный и моральный дисбаланс — честолюбие, алчность, страх, вину, нечистую совесть.¹⁹ В позднейшей культурной традиции корреляция между бледностью и сильным душевным переживанием, трактуемым как патологический симптом, сохраняется, закрепляется и благополучно добирается до XIX века. В сентиментальной литературе в перечень «бледных» страстей прочно встраивается любовная меланхолия — именно поэтому цвет лица Бурмина, героя повести Пушкина «Метель», пробуждает «интерес» уездных барышень.²⁰ Впрочем, связь «бледности» с аффектом прекрасно демонстрируют и пушкинские поэтические тексты, в которых появляется столь важная для Непомнящего «формула» «бледен, как мертвец». Это эпизод исповеди в черновых вариантах незавершенного наброска «Вечерня отошла давно...» (1823), которому моральные ассоциации добавляют драматизма («И [\langle нрзб \rangle] шепот их как глас \langle ? \rangle могил \langle ? \rangle / И бледен иннок \langle ? \rangle как мертв \langle ец \rangle » — АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 433), и поэма «Тазит» («Тазит опять коня седлает. / Два дня, две ночи пропадает. / На третий, бледен, как мертвец, / Приходит он домой» — V, 76), где герой принимает решение, сопряженное с мучительным для него этическим выбором. В обоих случаях «смертельная» бледность — признак сильного эмоционального напряжения или смятения чувств. И «страх», и «злость», и «зависть» имеют сходную природу.

Проблема, однако, в другом. Выделение «формул» литературного языка и прояснение их общих культурных оснований важно, когда мы исследуем «большие течения», пытаемся очертить общую картину эпохи. Насколько релевантны и достаточны эти знания, когда речь заходит о комментировании конкретного текста? Мы все прекрасно знаем, что пристальное внимание к генезису и семантике поэтической фразеологии позволяет ставить и решать сложные

¹⁹ Подробнее см., например: *Kivistö S. Medical Analogy in Latin Satire. New York, 2009. P. 20—22, 25—27.*

²⁰ См.: *Пушкин А. С. Сочинения: Комментированное издание. М., 2024. Вып. 2 (5): Метель / Комментар. Е. В. Кардаш; Под ред. Н. Г. Охотина. С. 113—117.* О патологии страсти, физиологии чувствительности и преломлении медицинских теорий в литературных текстах подробнее см. также: *Beecher D. The Lover's Body: The Somatogenesis of Love in Renaissance Medical Treatises // Renaissance and Reformation/Renaissance et Réforme, New Series/Nouvelle Série. 1988. Vol. 12. № 1: Sexuality in the Renaissance/La Sexualité à la Renaissance. P. 1—11; Vila A. C. Enlightenment and Pathology: Sensibility in the Literature and Medicine in Eighteenth-Century France. Baltimore (Md.); London, 1998; Sobol V. Nerves, Brain, or Heart?: The Physiology of Emotions and the Mind-Body Problem in Russian Sentimentalism // The Russian Review. 2006. Vol. 65. № 1. P. 1—14.*

историко-литературные задачи: прояснять неочевидные, на первый взгляд, перипетии творческой истории текста, просматривать траектории взаимодействия и эволюции литературных жанров или сюжетно-композиционных моделей, вычленять продуктивные для литературы определенного периода риторические структуры.²¹ Но когда мы сталкиваемся с «готовыми словами», вроде описанных выше, эти усилия часто кажутся необязательными и даже излишними: сама идея блуждающей «формулы» как будто подразумевает, что последняя в уже сложившемся виде вынимается «из воздуха», из заранее известного поэту «словаря». Так ли это? Представленная ниже серия небольших комментаторских заметок, построенных вокруг нескольких «бледных» коллокаций из подборки В. С. Непомнящего, представляет собой попытку поискать ответ на этот вопрос. В финале я вернусь к словосочетанию «бледный вор», составлявшему мой первоначальный интерес.

1

«И В ПОЗДНИЙ ЧАС УЖАСНЫЙ БЛЕДНЫЙ СТРАХ
НЕ ХМУРИТСЯ УГРЮМО В ГОЛОВАХ»

(«Сон», 1816)

В отрывке «Сон», панегирике эпикурейской лени, формула «бледный страх» появляется в заключительных стихах, где в перечне несчастных, лишенных сна, упомянут мучимый бессонницей преступник:

Я не злодей, с волненьем и тоской
Не зрю во сне кровавых привидений,
Убийственных детей предрассуждений,
И в поздний час ужасный бледный *Страх*
Не хмурится угрюмо в головах.

(АПСС. Т. 1. С. 192)

²¹ Возможности, которые предоставляет в этом отношении ретроспективный генетический анализ языковых клише поэзии конца XVIII — первой трети XIX века, кратко, но весьма репрезентативно очерчены, например, в обзоре И. А. Пильщикова (см.: *Пильщиков И. А. Язык классической элегии: Лексика, фразеология, формулы и клише: (Предварительные замечания) // Славянский стих. VII. Лингвистика и структура стиха. М., 2004. С. 296—306*). Образец успешной работы с поэтической фразеологией той же эпохи как актуализацией топических валентностей представлен в приложении к статье Н. Н. Мазур о стихотворении Пушкина «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...» (1834) (см.: *Мазур Н. Н. «Пора, мой друг, пора!..»: Источники и контексты // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 405—419*).

В комментарии к новому полному академическому собранию сочинений Пушкина (Там же. С. 703—704) справедливо отмечено, что тематически эти стихи отсылают ко второй редакции «Похвального слова сну» (1816) К. Н. Батюшкова, опубликованного незадолго до написания «Отрывка» и, с большой долей вероятности, стимулировавшего его появление:

Но теперь, какие ужасные картины представляются взорам нашим? Преступник, преступник закоренелый в злодеяниях! Глас оскорбленной природы, подобно грому, раздался в его сердце и глас сей был ужасен: *злодей! ты не будешь спать!* Вот приговор тиранам, сластолюбцам, рушителям спокойствия общественного! Повторим сильные слова латинского стихотворца: «Ужели страшен рев быка Фаларидова, ужели меч, прицепленный к золотому крову и висящий над главою венчанного тирана, страшнее, ужаснее грызений совести того несчастного, который, бледнея, говорит — и столь тихо, что жена, лежащая с ним на одном ложе, слышать не может: я бегу, бегу к погибели?»²²

На лексическом уровне два последние стиха «Сна» частично перекликаются с батюшковской цитатой из «латинского стихотворца» — довольно точным прозаическим переложением ст. 39—43 из 3-й сатиры Персия Флакка.²³ В обоих случаях мы видим соседство «страха» и «ужаса» («страшнее, ужаснее» у Батюшкова и «ужасный <...> *Страх*» у Пушкина), а также ассоциированную с ними «бледность». То есть *Страх* «в головах» злодея в пушкинском отрывке можно рассматривать как своеобразную вариацию нависающего «над главою» тирана «дамоклова меча» у Персия в интерпретации Батюшкова. Вероятным — хотя, наверное, не обязательным — посредником в этой творческой манипуляции могло служить моралите, завершающее историю Дамокла и Дионисия в «Тускуланских беседах» Цицерона (Tusc. V, 62): «Nihil esse ei beatum, cui semper aliquis terror impendat» («Нет блаженства для того, над кем вечно нависает страх» — *лат.*)²⁴ Скорее всего, Пушкин знал этот пассаж, поскольку глубоко штудировать Цицерона для этого не требовалось: «Тускуланские беседы» составляли необходимый коммента-

²² Батюшков К. Н. Похвальное слово сну // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 119.

²³ Там же. С. 448 (коммент. В. А. Кошелева).

²⁴ Марк Туллий Цицерон. Избр. сочинения. М., 1975. С. 341 (пер. М. Л. Гаспарова).

рий к ст. 17—21 1-й оды 3-й книги Горация,²⁵ где упоминался меч, нависший над головой преступника и лишаящий его сна.²⁶ Вряд ли Н. Ф. Кошанский, уделявший много времени Горацию в лицейском учебном курсе,²⁷ обошел этот сюжет вниманием. Перенос «бледности» и «ужаса», атрибутов психологического состояния, на его причину осуществлялась по традиционной метонимической модели,²⁸ а итоговый образ прекрасно вписывался в перечень упомянутых ранее в «Отрывке» персонифицированных пороков (*Спеси* и *Рассеяния*), несовместимых со спокойным сном.

Таким образом, в комментируемом тексте устойчивая поэтическая формула «бледный страх» берется не «из воздуха»: она, как конструктор, собирается из материала конкретного источника и ситуативно контекстуализируется. Весьма вероятно также, что у этой реконструкции имелись и дополнительные стимулы.

Говоря об античных и «русифицированных» олицетворениях, фигурирующих в отрывке «Сон», Д. П. Якубович обращал внимание на их детализированную «пластичность» и будничную приземленность, не свойственную традиционной классицистической «номенклатуре»: «не просто: Клофо, Флора, Помона, а и “толстый Ком с надутыми щеками”, <и> “душевных мук волшебный исцелитель, мой друг Морфей, мой давний утешитель”», и *Спесь*, которая «катит» «при свете фонарей, / На бешеной четверке лошадей, / Сту-

²⁵ Развернутые отсылки к Цицерону имелись в комментированных французских переводных изданиях Горация XVIII века — см., например: *Horace. Œuvres <...> en latin et en françois, avec des remarques critiques et historiques*, par <A.> Dacier. Amsterdam, 1727. Т. 3. Р. 13—14.

²⁶ См., например, в переложении И. И. Дмитриева (1794; опубл. впервые: 1805): «Ко сну ль главу на пух склоняет — / Злодей всегда зрит меч, висящий над собой» (*Дмитриев И. И.* Подражание одам Горация (книга III, ода I) // *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 91 («Б-ка поэта». Большая сер.)).

²⁷ См.: *Файбисович В. М.* Гораций // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18—19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 111.

²⁸ Квинтилиан в «Наставлениях оратору» (VIII, VI: 27), приводя примеры из Вергилия (*Aen.* VI, 275) и Горация (*Od.* I: IV, 13), иллюстрирует разновидность поэтической метонимии, при которой причина описывается по производному ею действию, именно словосочетаниями «бледная смерть» (*pallida mors*) и «бледные болезни» (*pallentes morbi*) (русский перевод см.: *Марк Фабий Квинтилиан.* Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. с лат. А. С. Никольского. СПб., 1834. С. 109). Широкий спектр примеров из латинской литературы, в которых «бледность» персонажа может подразумевать его способность «вызывать бледность у других», то есть «наводить ужас», см.: *Butrica J. L. P.* Attis and the «Palestinian» Goddesses (*Ov. fast.* 4.236) // *Exemplaria Classica.* 2004. Vol. 8. P. 62—67.

ча, гремя колесами златыми...», и *Рассеяние*, летящее «на скучный бал», и «ужасный бледный *Страх*» (см.: АПСС. Т. 1. С. 188—192).²⁹ Эта «ощутимая живописность», как полагал исследователь, обуславливалась характером взаимодействия юного Пушкина с античностью: источником знаний о ней была не только литература, но и окружавшие лицейстов, буквально встроенные в их повседневность «зрительные олицетворения» древнего мира — парковые и дворцовые статуи, барельефы ампирной архитектуры, картины, гравюры, иллюстрации, театральные декорации и сценические образы. Поиск конкретных иконографических источников пушкинских ранних поэтических текстов — нетривиальная задача: «Трудно сказать, откуда в стихи лицеиста спускались сонмы больших и малых божеств — амуров, купидонов, фавнов, сатиров, силенов, нимф. Они резвились, купались и порхали на дворцовых плафонах, улыбались как мраморные “кумиры” садов, глядели с гобеленов и полотен, гнездились в книгах французского и русского классицизма, наконец, оживали под сенью российского феатра».³⁰ В случае с «бледным *Страхом*» из «Отрывка», однако, этот контекст, кажется, поддается спецификации — во всяком случае, в некотором приближении. К нему отсылает еще один атрибут сконструированной Пушкиным персонификации — ее «угрюмо» нахмуренный лик.

В XVII—XVIII веках живописная физиогномия эмоций представляла собой жесткий и подробно детализированный визуальный код. Одним из наиболее влиятельных его инициаторов был французский живописец и теоретик искусства Шарль Лебрэн (Le Brun; 1619—1690), автор своеобразного иконологического «словаря» страстей, репрезентируемых посредством мимики. Широкое распространение этого «словаря» и его авторитет во многом обуславливались административной позицией Лебрэна: будучи одним из основателей и главой французской Королевской Академии живописи и скульптуры, он не только курировал и контролировал все осуществлявшиеся в ее рамках проекты, но и активно занимался преподавательской деятельностью, формируя, закрепляя и популяризируя академический иконографический канон. Лекция о презентации страстей в живописи, прочитанная впервые в 1668 году, была опубликована по записям секретарей Королевской Академии уже после смерти автора, в 1698 году, под заглавием «Беседа о выразительности общей и частной» («Conférence sur l'expression générale et particulière»), с приложением иллюстраций — гравюр Бернара Пикара

²⁹ Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 122.

³⁰ Там же. С. 120.

(Picart; 1673—1733), выполненных по рисункам самого Лебрена. На протяжении следующего столетия она неоднократно переиздавалась, цитировалась, заново иллюстрировалась и переводилась на английский, немецкий, итальянский и голландский языки. Невзирая на критику и многочисленные вариации, дополнения и коррекции, эстетика XVIII века мало что принципиально изменила в исходной концепции.³¹

В части психофизиологии Лебрен ориентировался на трактат «Страсти души» («Les passions de l'âme», 1649; лат. перевод: 1650) Рене Декарта (Descartes; 1596—1650), постулировавшего тесную связь аффектов с внутренними и внешними телесными проявлениями. Ключевой механизм этого взаимодействия, опосредствуемого движением животных духов, полагался в мозгу (точнее, в шишковидной железе). Декарта, однако, заботили скорее общие принципы. Лебрен же обращал внимание на конкретные манифестации страстей в мимике, в сокращениях лицевых мышц, прежде всего тех, что управляют движением бровей. По его наблюдениям, умеренные «мягкие» эмоции заставляют брови подниматься, «неистовые», ассоциированные с напряжением и страданием, — опускаться:

Как мы уже говорили, Душа связана со всеми частями тела и она может содействовать их выражению: страх может выражаться в том, что человек бежит и спасается бегством. <...> Но если верно, что есть орган, в котором Душа вернее осуществляет свои функции, и этот орган — мозг, то можно сказать также, что лицо — это часть тела, посредством которой она точнее выказывает, что чувствует. И поскольку мы сказали, что железа, находящаяся в центре мозга, — место, в котором Душа воспринимает образы страстей, то бровь — та часть лица, где страсти лучше опознаваемы <...>. Существуют <...> два движения бровей, которые выражают все движения страстей. <...> Одно, при котором бровь поднимается посередине, и это поднятие выражает нежные движения. <...> Но когда бровь опускается посередине, это движение обозначает телесную боль...³²

К числу «неистовых» страстей относились *Презрение* (*Le Mépris*), о котором в первую очередь свидетельствовала «нахмуренная

³¹ Подробнее об источниках и рецепции идей Лебрена, а также об изданиях его трактата см., в частности: *Montagu J. The Expression of the Passions: The Origin and Influence of Charles Le Brun's «Conférence sur l'expression générale et particulière».* New Haven, 1994.

³² *Le Brun Ch. Conférence <...> sur l'expression générale et particulière.* Enrichie de Figures gravée par B. Picart. Amsterdam; Paris. 1698. P. 6—7, 18—20, 22.

и опущенная к носу бровь, с другой стороны сильно поднятая» («le sourcil froncé et abaissé du côté du nez, et de l'autre côté fort élevé...» — франц.),³³ и производный от него *Ужас* (*L'Horreur*), выказывающий себя так же, только явственнее. В отличие от *Презрения*, он сопровождался бледностью:

Но если вместо презрения объект, которым гнушаются, пробуждает ужас, бровь хмурится еще сильнее <...> лицо бледнеет, а губы и глаза приобретают мертвенный оттенок...³⁴

Утрата цвета роднила *Ужас* со *Страхом* (*La Frayeur*), который отличала уже тотальная бледность: «la couleur du visage pâle et livide, comme le bout du nez, les lèvres, les oreilles, et le tour des yeux» («цвет лица бледный и мертвенный, как и кончик носа, губы, уши и обвод глаз» — франц.).³⁵ Движение бровей, выражавшее эту страсть, было сложнее: они изгибались вверх в центре, и это усилие заставляло мышцы лба сильно сжиматься, напрягаться и сдвигаться ближе к носу; соответственно, один конец брови опускался, а другой приподнимался.³⁶ Описывая эту мимическую вариацию, Лебрен не использует слово «хмуриться»; то есть в рамках его номенклатуры более вероятным референтом пушкинского бледного, хмурого и «ужасного» *Страха* оказывается *L'Horreur*, который на иллюстрациях к тексту Лебрена и вправду выглядит угрюмым (рис. 1). Впрочем, иконография *La Frayeur*, заставляющего мышцы лба сильно напрягаться и опускаться, также создает явственное впечатление «хмурости» (рис. 2). Надо полагать, что на уровне общей визуальной рецепции граница между двумя страстями вряд ли была слишком жесткой.

Учитывая широкое тиражирование кодификаций Лебрена, не исключено, что они были знакомы Пушкину — если не по самой «Беседе о выразительности общей и частной», то по экстрактам из нее в словарях и энциклопедиях. К примеру, приведенное выше описание «Ужаса», с упоминанием характерной для него «хмурости» и «бледности» и со ссылкой на Лебрена, цитируется (с несущественными вариациями) в неоднократно переиздававшемся «Иконологическом словаре» (впервые опубл.: 1756) Оноре Лакомба де Презеля (*Lacombe de Prével; 1725—1789?*).³⁷

³³ Ibid. P. 11 (2me pag.).

³⁴ Ibid. P. 13 (2me pag.).

³⁵ Ibid. P. 15 (2me pag.).

³⁶ Ibid. P. 17 (2me pag.).

³⁷ *Lacombe de Prével H.* Dictionnaire iconologique, ou Introduction à la connoissance des peintures, sculptures, médailles, estampes, etc. Paris, 1779. T. 1. P. 289—290.

L'Horreur.

Рис. 1. «Ужас» (L'Horreur).

Слева направо: 1.1 и 1.2 — Le Brun Ch. Conférence générale et particulière. Enrichie de Figures gravées par B. Picart. Seconde édition, augmentée de plusieurs testes. Amsterdam, 1713. P. 13 (a, b.); 1.3. — Expressions des Passions de l'Âme. Représentées en plusieurs testes gravées d'après des desseins de feu Monsieur le Brun, Premier Peintre du Roy. Paris, 1727. Pl. 16

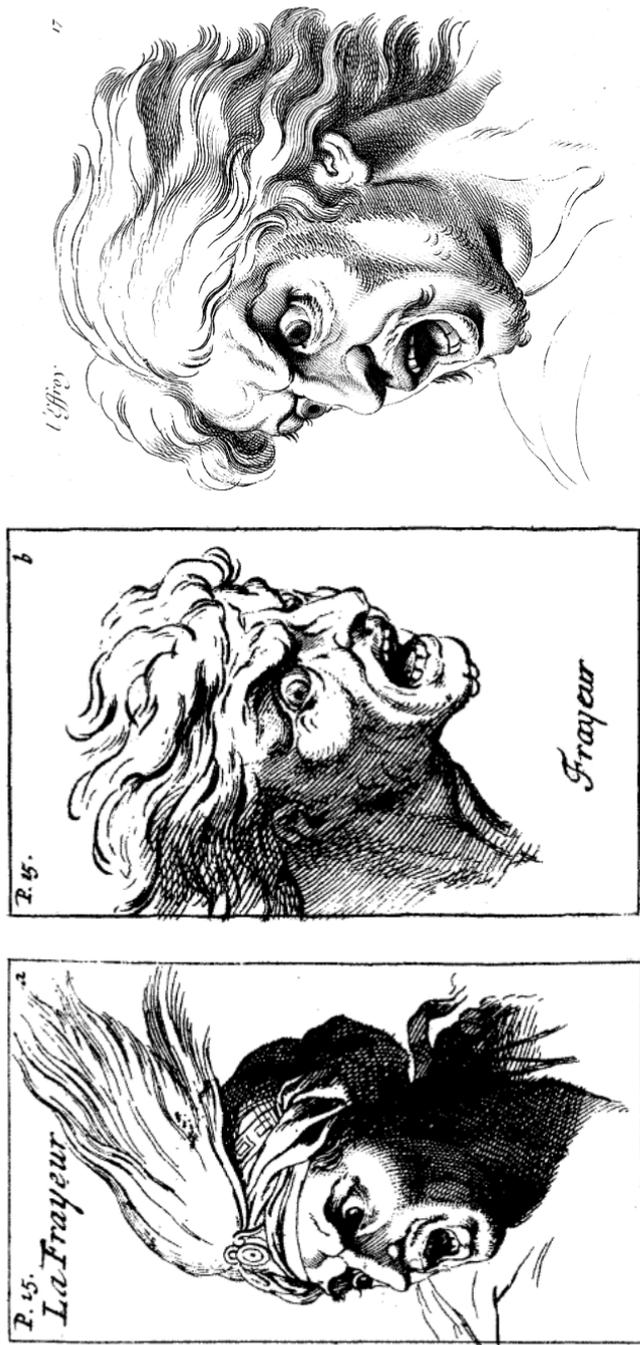

Рис. 2. «Страх» (La Frayeur, L'Effroy).

Слева направо: 2.1 и 2.2 — Le Brun Ch. Conférence <...> sur l'expression générale et particulière. Enrichie de Figures gravées par B. Picart. Seconde édition, augmentée de plusieurs Testes. Amsterdam, 1713. P. 15 (a, b); 2.3 — Expressions des Passions de l'Âme. Représentées en plusieurs testes gravées d'après des desseins de feu Monsieur le Brun, Premier Peintre du Roy. Paris, 1727. Pl. 17

Весьма вероятно, однако, что угрюмая нахмуренность пушкинского *Страха* не подразумевала конкретного источника и относилась к разряду «общего знания», источником которого были не столько тексты, сколько визуальные материалы и театральные постановки. Сценические техники XVIII века, известные нам сегодня по трактатам об актерском искусстве, учебным пособиям, аннотированным суфлерским экземплярам пьес, мемуарам режиссеров, актеров и зрителей, были тесно ассоциированы с иконографической и ораторской традициями и включали в себя обязательное владение сложным, развернутым и детально проработанным словарем базовых экспрессивных жестов, мимики и поз, обладавших устойчивыми значениями, которые мгновенно считывались аудиторией.³⁸ Кодификациям Леблана в этой системе также находилось место.³⁹ Но если обязательная для страха бледность, не поддающаяся осознанной регуляции, плохо вписывалась в актерский инструментарий,⁴⁰ то присущая ему нахмуренность упоминается в текстах сценических пособий и видна на сопровождающих их иллюстрациях. Так, в подробном и авторитетном руководстве нидерландского художника, драматурга и преподавателя театрального мастерства Йоханнеса Елгерхейса (Jelgerhuis; 1770—1836), написанном по материалам его лекций и опубликованном в Амстердаме в 1827 г., «ужас» тесно

³⁸ Подробное описание экспрессивной кодовой системы, составлявшей инструментарий актеров европейского театра XVIII века, с опорой на аутентичные источники, см. в книге: *Barnett D. The Art of Gesture: The Practices and Principles of 18th Century Acting / With assistance of J. Massy-Westropp. Heidelberg, 1987.* О степени ее проработанности и осознанности свидетельствует известный пассаж из «Парадокса об актере» («Paradoxe sur le comédien», 1770—1778, опубли. 1830) Д. Дидро, содержащий экспликацию изменений актерской мимики, в которой каждое быстрое, едва уловимое движение поддается расшифровке: «Между створками двери появляется голова Гаррика, и в течение четырех-пяти секунд лицо его последовательно переходит от безумной радости к радости тихой, от радости к спокойствию, от спокойствия к удивлению, от удивления к изумлению, от изумления к печали, от печали к унынию, от уныния к испугу, от испуга к ужасу, от ужаса к отчаянию и от этой последней ступени возвращается к исходной точке» (Дидро Д. Парадокс об актере / Пер. Р. И. Линцер // Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 589—590).

³⁹ См. об этом, например: *McKenzie A. T. The Countenance You Show Me: Reading the Passions in the Eighteenth Century // The Georgia Review. 1978. Vol. 32, №. 4. P. 762—767.*

⁴⁰ Генри Сиддонс (см. о нем далее) относил вызываемую страхом бледность к разряду «физиологических жестов», которые невозможно имитировать при отсутствии подлинного чувства, и даже допуская принципиальную возможность пробуждения эмоций силой воображения, полагал нерациональным требовать этого от актеров (см.: *Siddons H. Practical Illustrations of Rhetorical Gesture and Action, Adapted to the English Drama. London, 1822. P. 44—48; впервые опубли. 1807).*

ассоциируется с «удивлением» и «изумлением», отличаясь от них лишь энергичностью движения бровей, сдвигающихся к переносице; бровям отводилась важная экспрессивная функция, и Елгерхейс советовал акцентировать их с помощью макияжа.⁴¹ Актер, театральный менеджер и драматург Генри Сиддонс (Siddons; 1774—1815) в своей англоязычной адаптации немецкого руководства по актерской игре «Размышления о мимике» («Ideen zu einer Mimik», 1785—1786) И. Я. Энгеля интерпретировал страх как сложную составную эмоцию, смесь «изумления», «испуга» и «гнева», и утверждал, со ссылкой на Лебрена, что этот аффект заставляет все тело сжиматься и подаваться назад, подальше от источника опасности, а лицо сморщиваться до невозможности, при широко открытых глазах.⁴² «Сильную нахмуренность» («deep frown» — *англ.*) Сиддонс относит к атрибутам «гнева»,⁴³ который, впрочем, также полагает составляющей «страха». На одной из иллюстративных репрезентаций *Ужаса (Terror)* в его книге, опубликованной с отсылкой к голландскому художнику Жерару де Лерессу (Lairesse; 1640—1711), изображен человек, испуганный нападением змеи; брови на его лице явно сведены к переносице. Положение его тела Сиддонса решительно не устраивает, но мимика не вызывает никаких нареканий.⁴⁴ В рамках моего сюжета примечательно, что, по мнению Сиддонса, экспрессивный жест мог быть реакцией не только на непосредственную реальную опасность, но и на образ ее, пробуждаемый к жизни сердцем или сознанием.⁴⁵ Именно такова природа *Страха*, мучающего пушкинского персонажа.

2

«БЛЕДНЕЮЩИЙ МЯТЕЖ НА ПАЛУБЕ СИДИТ» («Наполеон на Эльбе», 1815)

Интересующий меня стих входит в состав фрагмента стихотворения «Наполеон на Эльбе» (ст. 71—79), в котором Наполеон, мечтая о реванше, угрожает Франции мстью, предрекает ее разрушение, а себя мыслит властителем повергнутого мира. Как отмечено в комментарии в новом академическом Полном собрании сочинений Пушкина (АПСС. Т. 1. С. 637—638), весь этот пассаж представ-

⁴¹ Выдержки из трактата Й. Елгерхейса и иллюстрации к ним см.: Barnett D. *The Art of Gesture*. P. 48—50.

⁴² Siddons H. *Practical Illustrations of Rhetorical Gesture and Action*. P. 108—110.

⁴³ Ibid. P. 194.

⁴⁴ Ibid. Plate 21; см. также: P. 103.

⁴⁵ Ibid. P. 111.

ляет собой парафразу из послания В. А. Жуковского «Императору Александру» (1814): отсюда заимствованы сверкающий взор гибельного «страшилища» и его амбициозные мечты о троне, воздвигнутом на развалинах царств.⁴⁶ Использованное Пушкиным словосочетание «бич Европы» — общее место русской поэзии эпохи антинаполеоновской кампании,⁴⁷ как и ассоциированный с Наполеоном образ «мятежа» (ср. рефрен «мятежной думы полн» — АПСС. Т. 1. С. 106—107), получающий в контексте пушкинского сюжета двойную мотивировку: герой стихотворения — наследник Великой французской революции, повторно выступивший против реставрированной монархии.⁴⁸

Конструкция «бледнеющий мятеж», однако, не относится к числу устойчивых для 1810-х годов поэтических формул. В. В. Виноградов квалифицирует ее как пушкинскую новацию, сконструированную по модели традиционных эмблематических персонификаций, которыми насыщено стихотворение (слава, осеняющая героя крылом; победа, летящая «с мечом в руках»; «вражда кровавая»; «факел мщенья» и т. п. — АПСС. Т. 1. С. 107).⁴⁹ Образцами для этой манипуляции поэту могли послужить нормативные формулы «бледная месть» или «бледный страх»: о мести идет речь в комментируемом фрагменте («Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!» — Там же); страх — спутник Наполеона в упомянутом выше послании В. А. Жуковского («И Промысл, утаясь, послал к нему свой Страх; / Он тенью грозною везде летел с ним рядом...»; «Всё, всё в развалины! на них восседа с властью, / И буду царствовать, и мне соцарствуй, Страх...»).⁵⁰

Не исключено, однако, что «бледнеющий мятеж» обязан своим появлением еще одному источнику — оде Вольтера «На обет Людовика XIII» («Sur le vœu de Louis XIII», 1712). Это стихотворение, написанное в честь реконструкции алтаря и хоров парижского Нотр-Дама, инициированной Людовиком XIV во исполнение обета, данного в 1638 г. его отцом, Людовиком XIII, представляет собой панегирик монаршей власти, приведшей Францию к миру, процветанию и торжеству благочестия. Автор приглашает покойного

⁴⁶ См.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 368.

⁴⁷ См.: Ивинский Д. П. Пушкин и 1812 год: Лицейские стихотворения // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 34.

⁴⁸ См.: Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: Пушкинский вариант «наполеоновской» легенды // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 7, 15.

⁴⁹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. С. 144—145.

⁵⁰ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 368.

короля взглянуть на великое деяние потомка, усмирившего раздоры и завершившего победой войны:

Viens: la Chicane insinuante,
Le Duel armé par l'Affront,
La Révolte pâle et sanglante,
Ici ne lèvent plus le front.
Tu vis leur cohorte éffrénée
De leur haleine empoisonnée
Souffler leur rage sur tes lis;
Leurs dents, leurs flèches, sont brisées
Et sur leurs têtes écrasées
Marche ton invincible fils.⁵¹

Преобразование — не столь важно, осознанное или ненамеренное — словосочетания «la Révolte pâle» в «бледнеющий мятеж» весьма вероятно, учитывая общий для двух текстов тематический мотив (мятеж, грозящий французскому трону), созвучие религиозно-монархического пафоса оды «На обет Людовика XIII» интонациям послания Жуковского, явно отозвавшегося в стихотворении «Наполеон на Эльбе», а также серьезное увлечение юного Пушкина Вольтером.⁵²

Говоря о поэтической фразеологии, стоит отметить, однако, что во французской поэзии XVIII — начала XIX в. относительной устойчивостью характеризуется другое словосочетание из текста оды — «pâle et sanglante». Именно оно — а не «la Révolte pâle» — больше похоже на блуждающую «формулу». После цитированной выше оды Вольтер использует его еще как минимум дважды: в первых, в трагедии «Эдип» («Edipe», пост. впервые: 1718; акт 2, сц. 2), где Иокасте является во сне зловеющая «бледная и кровавая тень» («l'ombre pâle et sanglante») убитого мужа и увлекает героиню в разверзшуюся у ее ног бездну Тартара,⁵³ и во вторых — в эпической поэме «Генриада» («La Henriade», 1723), где воинов, сошед-

⁵¹ *Voltaire. Épîtres, stances et odes.* Paris, 1808. P. 327; перевод: «Явись: вкрадчивая кляуза, / Поединок, вооруженный оскорблением, / Мятеж бледный и кровавый, / Здесь больше не поднимают чела. / Ты видел, как их оголтелое войско / Своим отравленным дыханием / Выдыхало ярость на твои лилии; / Их зубы, их стрелы сломаны, / И по их размозженным головам / Шествует твой непобедимый сын» (*франц.*).

⁵² Об отношении Пушкина к Вольтеру в лицейские годы см.: *Томашевский Б. В., Вольперт Л. И.* Вольтер // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18—19. С. 85—86.

⁵³ *Voltaire. Théâtre.* Paris, 1801. Т. 1. P. 89.

шихся в жестоком поединке, сопровождает «бледная и кровавая смерть» («la mort pâle et sanglante») в компании с «раздором» и «демоном войны».⁵⁴ «Генриада» очень подробно анализировалась в «Лицее» Ж.-Ф. Лагарпа, причем один из больших разделов соответствующей главы был посвящен поэтическим красотам текста, которые Лагарп отстаивал в полемике с критиками поэмы.⁵⁵ Экспрессивный и остродраматический фрагмент 8-й песни (герой, убив противника, с ужасом и отчаянием узнает в павшем своего сына, сражавшегося на другой стороне), в котором встречается упомянутая коллокация, перепечатывался отдельно в собраниях образцовых текстов,⁵⁶ цитировался в примечаниях к переводам гомеровского эпоса,⁵⁷ пособиях по риторике и версификации.⁵⁸ Не исключено поэтому, что именно «Генриада» стимулировала использование формулы «pâle et sanglante» в позднейших текстах «высокого» жанра применительно к другим эмблематическим персонификациям: Честолюбию в одноименной оде («À L'Ambition», опублик. 1812) Пьера Доранжа (Dorange; 1786—1811)⁵⁹ и Беллоне в «Оде на Кампо-Формийский мир, написанной гражданином Дегранжем» («Ode sur la Paix de Campo-Formio, par le citoyen Desgranges», 1797).⁶⁰

Весьма вероятно, таким образом, что «бледнеющий мятеж» появляется в «Наполеоне на Эльбе» не просто по аналогии с распространенными поэтическими «лексемами»: этот процесс опосредству-

⁵⁴ *Voltaire*. La Henriade: Poëme; avec les notes et variantes; suivi de l'Essai sur la poésie épique. Paris, 1807. P. 114.

⁵⁵ См.: *La Harpe J.-F. de*. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1798. Т. 8. Pt 3. P. 62—159.

⁵⁶ *Noël Fr., Delaplace Fr.* Leçons de littérature et de morale, ou Recueil en prose et en vers des plus beaux morceaux de notre langue dans la littérature des deux derniers siècles. Paris, 1808. Т. 2. P. 16—19; *Fréville A.-F.-J.* Lectures Poétiques, Morales et Descriptives, ou Choix d'Episodes sur la religion, les moeurs, l'Histoire, les Beaux arts et les productions de la nature: Extraits de L. Racine, Voltaire, Roucher, St Lambert, Delille, Castel, etc. Paris, 1810. P. 251—253.

⁵⁷ *Homère*. Œuvres complètes <...>. Traduction nouvelle <...> avec des notes littérales, historiques et géographiques, suivies des imitations des poètes anciens et modernes. Paris, 1787. Т. 2. P. 290.

⁵⁸ *Demandre A.* Dictionnaire de l'Elocution françoise: Contenant les Principes de Grammaire, Logique, Rhétorique, Versification, Syntaxe... Paris, 1802. Т. 1. P. 128; *Aubert-Audet J.-B.-D.* Principes élémentaires de versification latine et françoise, avec un appendice sur la versification grecque. Suivis d'un Recueil de morceaux tirés de plusieurs écrivains françois... ouvrage destiné à l'usage des Lycées et des Écoles Secondaires. Paris, 1807. P. 196—197.

⁵⁹ *Dorange P.* Poésies. Paris, 1813. P. 25.

⁶⁰ *Poésies révolutionnaires et contrerévolutionnaires, ou Recueil, classé par époques, des hymnes, chants guerriers, chansons républicaines, odes, satires, cantiques des missionnaires, etc.* Paris, 1821. Т. 2. P. 37.

ется конкретным источником, при обращении к которому исходная французская коллокация «разбирается» на составляющие и затем «пересобирается» по образцу нормативных «формул», прижившихся в русской поэзии.

3

«И БЛЕДНОЙ ЗАВИСТИ ПРЕДМЕТ НЕКОЛЕБИМЫЙ»

(«К Жуковскому», 1816)

Как упоминалось во введении, восходящие к классической традиции персонификации эмоций, присущие поэтическому языку XVIII века,⁶¹ в следующем столетии быстро теряли популярность, и ранний Пушкин в процессе активного усвоения и апроприации «чужой» речи часто заимствует их не напрямую, а при посредничестве старшего, но более близкого ему поколения поэтов — К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского и прочих.⁶² К примеру, ассоциированное с образом «бледной зависти» словосочетание «бледный критик» в 5-м стихе третьей песни «Руслана и Людмилы» (1818—1820), по наблюдению О. А. Проскурина, имеет непосредственный источник — «бледнолицых критиков» из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец».⁶³ В случае с посланием «К Жуковскому» (1816) поиск посредников затруднен, поскольку мы имеем дело с самой нормативной формулой, а не с ее более специфической и конкретизированной вариацией. Однако осторожные попытки сузить поле зрения уместны и здесь.

Интересующая меня коллокация входит в состав характеристики Н. М. Карамзина в ст. 9—10 послания: «Страж верный прошлых лет, наперсник муз любимый, / И бледной зависти предмет неколебимый...» (АПСС. Т. 1. С. 182). Отмечалось, что этот пассаж восходит к развернувшейся в 1815 г. на страницах «Российского музея» поэтической переписке между В. Л. Пушкиным, П. А. Вяземским и В. А. Жуковским о зависти, неотступно преследующей подлинное дарование, и о поведенческих, психологических и творческих стратегиях, уместных в этих неприятных обстоятельствах.⁶⁴

⁶¹ См.: Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 233—236.

⁶² Подробнее см.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. С. 123.

⁶³ Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание / Под ред. Дэвида М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1. С. 116 (коммент. О. А. Проскурина).

⁶⁴ См. «Послание к кн. Петру Андреевичу Вяземскому» В. Л. Пушкина, «Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину» П. А. Вяземского, «К кн. Вя-

Постулируя необходимость искать покой и наслаждение в высоком труде, опираться на ближний круг друзей, знатоков и посвященных и рассчитывать на справедливый суд потомков, поэты ссылались на опыт Карамзина, не снисходящего до полемик с завистниками, а потому неуязвимо: «Учись — здесь Карамзин, честь края своего, / Сокрывшихся веков отважный собеседник, / Наперсник древности и Ливия наследник, / Не знает о врагах, шипящих вкруг него. / <...> / Не примечая их, наказывает он / Витийственный их гнев убийственным молчаньем» (П. А. Вяземский);⁶⁵ «И тот же Карамзин, друзья, / Ранимый злобой, несраженный / И сладким лишь трудом блаженный, / Для нас пример и судия. <...> Он беззаботно ждет суда / От современников правдивых, / Не замечая и лица / Завистников несправедливых» (В. А. Жуковский).⁶⁶

В стихотворении Пушкина «К Жуковскому» Карамзин также служит образцом стойкости перед натиском зоилов. В этом качестве он упомянут дважды, — второй раз уже наряду с адресатом послания (ст. 115—116): «Гонения терпеть ужель и мой удел? / <...> / Их злобы не страшусь; мне твердый Карамзин, / Мне ты пример» (АПСС. Т. 1. С. 184). Оба пассажа наличествуют в беловом (возможно — как в случае с ранним утраченным посланием Пушкина к Жуковскому⁶⁷ — подносном) автографе первой редакции стихотворения (ПД 14). Эпитет «бледный» применительно к «зависти», однако, появился в 10-м стихе не сразу: первоначально она была «мощной» (АПСС. Т. 1. С. 362).

Отданное Пушкиным в процессе позднейшей правки предпочтение устоявшейся формуле, сменившей свободное словосочетание, легко объясняется тягой не очень опытного еще автора к поэтической кодификации. Не исключено, впрочем, что это косвенная улика, свидетельствующая о связи послания с одним из его претекстов, ранее в этом качестве не упоминавшимся. Речь идет о стихотворении П. А. Вяземского «К перу моему» (1816), в котором образцовая творческая и поведенческая стратегия, ассоциированная в поэтической переписке 1815 года с именем Карамзина, перeatрибутируется Жуковскому, который также побеждает в окололитературных баталиях, не участвуя в них:

земскому и В. Л. Пушкину» В. А. Жуковского. О литературно-политических полемиках 1800—1810-х годов, приведших к актуализации этой темы, см.: *Вазуро В. Э.* В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас»: Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 9—19.

⁶⁵ «Арзамас». Кн. 2. С. 279—280.

⁶⁶ Там же. С. 253.

⁶⁷ См. письмо В. А. Жуковского к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 года — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 405.

Не тщетной остротой, но прелестью стихов
Жуковский каждый час казнит своих врагов,
И вкуса, и ума врагов ожесточенных.
В творениях его, бессмертью обреченных,
Насмешек не найдет злословцев жадный взор;
Но смелый стих его бледнеющим зоилам
Есть укоризны нож и смерти приговор.
Пример с него бери...⁶⁸

Тематическая переключка позволяет с должной осторожностью предполагать, что именно «бледнеющие зоилы» Вяземского косвенно способствовали актуализации формулы «бледная зависть» в послании «К Жуковскому».

Трудно сказать, когда именно Пушкин познакомился с текстом Вяземского, однако возможность сделать это до осени 1816 г. (вероятного времени появления на свет послания «К Жуковскому») у него определено была. Стихотворение «К перу моему» становится известно петербургским литераторам, как минимум, весной 1816 года, когда Вяземский, приехавший в столицу в самом начале февраля и уже успевший поучаствовать в заседании «Арзамаса», читает его на вечере у А. И. Тургенева 4 марта в присутствии, в числе прочих, Н. М. Карамзина и В. Л. Пушкина.⁶⁹ Даже если «арзамасцы» не располагали списком послания, они, без сомнения, обсуждали новинку, тем более что сам Вяземский, задержавшийся в Петербурге до конца марта, все это время посещал собрания общества, общался с Карамзиным, гостил у Тургенева.⁷⁰ Во всяком случае, восторженное письмо А. С. Пушкина, адресованное Вяземскому 27 марта 1816 года, спустя два дня после знакомства с ним,⁷¹ включает в се-

⁶⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 3. С. 122.

⁶⁹ См. письмо А. И. Тургенева брату Н. И. Тургеневу от 7 марта 1816 года: «В субботу читал у меня Карамзин целую главу своей “Истории” в присутствии к<нязя> Салтыкова, Оленина, Нелединского, Гагарина, Уварова и всех моих приятелей. <...> Вяземский читал прекрасные послания свои к перу и к Жуковскому, а Пушкин своего “Опасного соседа”» (РО ИРЛИ, ф. 309, № 382, л. 139; благодарю Е. О. Ларионову за ссылку и текст); см. также: «Арзамас». Кн. 2. С. 519.

⁷⁰ См.: «Арзамас». Кн. 1. С. 325, 331, 343. Вяземский приехал в Петербург 2 февраля и возвратился в Москву 27 марта (см.: [Погодин М. П.] Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. М., 1866. Ч. 2. С. 135; Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. А. Ланской. 1812–1818 гг. / Публ. М. П. Свистуновой // Вестник Европы. 1875. № 3. С. 237).

⁷¹ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. СПб., 2022. Т. 1. С. 105.

бя содержательную отсылку к стихотворению «К перу моему» и, вероятно, просьбу прислать автограф⁷² — увы, неясно, удовлетворенную ли: несмотря на обнадеживающие заверения В. Л. Пушкина,⁷³ об ответе на это письмо нам ничего не известно. В апреле послание читалось в Москве — 29 апреля 1816 года на заседании «Общества любителей российской словесности»,⁷⁴ а ранее, видимо, где-то еще, судя по восхищенному отзыву К. Н. Батюшкова.⁷⁵ Весьма вероятно, что А. И. Тургенев, неизменный источник и разносчик «арзамасских» сплетен, довел его мнение до сведения «арзамасцев». Не исключено также, что список или автограф стихотворения имелся у Карамзина,⁷⁶ в чьем обществе Пушкин провел лето 1816 года. Осенью послание «К перу моему» было опубликовано в «Трудах Общества любителей российской словесности»:⁷⁷ к 30 сентября 1816 года издание выходит из типографии,⁷⁸ объявление о его про-

⁷² О «дергающем» юного поэта «бешеном демоне бумагомарания», перекликающемся с «демоном рифм», терзающим лирического героя Вяземского, см.: *Ивинский Д. П.* Вяземский и «Арзамас»: Из комментария к письмам А. С. Пушкина // *Литературный факт.* 2016. № 1–2. С. 202–203. Предположение, что «русские стихи <...> Буало», о присылке которых Пушкин просит адресата, — именно послание «К перу моему», см.: *Лиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 56–57. Вопреки сомнениям Д. П. Ивинского, два эти наблюдения никак не противоречат друг другу: Пушкин мог слышать стихотворение Вяземского или знать его содержание, но нуждаться в тексте для чтения в лицейском кругу (см. в письме: «утешьте нас своими посланиями — и обещаю вам если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего Лицея» — XIII, 3), тем более что получить автограф от старшего друга юному поэту наверняка было бы лестно. Версия, согласно которой Вяземский передал автограф Пушкину при письме, на которое тот отвечает, или при личной встрече 25 марта 1816 года (см.: *Ивинский Д. П.* Вяземский и «Арзамас». С. 202–203), удобнее для моего сюжета, — но, к сожалению, она недоказуема.

⁷³ См. письмо В. Л. Пушкина к А. С. Пушкину от 17 апреля 1816 г. (XIII, 4).

⁷⁴ См. протокол заседания: *Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете.* М., 1817. Ч. 8. С. 69.

⁷⁵ См. письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от начала апреля 1816 года — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 43.

⁷⁶ См. его пассаж в письме к Вяземскому от 27 июня 1816 года: «Не спрашивайте о моих трудах; от дела не бегаю, а дела не делаю, хотя и часто сижу с пером в руке» (Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому (1810–1826): (Из Остафьевского архива). С предисловием и примечаниями Н. И. Барсукова // *Старина и новизна.* СПб., 1897. Кн. 1. Отд. 2. С. 13), — перекликающийся с общей темой и настроением «К перу моему» (благодарю Н. Г. Охотина за указание на эту корреляцию).

⁷⁷ *Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете.* 1816. Ч. 5. С. 71–77.

⁷⁸ См.: Там же. 1817. Ч. 8. С. 87–88.

даже в Москве появляется 4 октября,⁷⁹ в Санкт-Петербурге — 31 октября,⁸⁰ а в самом начале ноября стихотворение Вяземского уже хвалит «Сын отечества».⁸¹ Именно в это время Пушкин пишет послание «К Жуковскому»; правит его он чуть позднее, вероятно, до начала 1817 года (см.: АПСС. Т. 1. С. 693). За два месяца книжка «Трудов» тоже могла теми или иными путями попасть в руки Пушкина.

Между посланиями «К перу моему» и «К В. А. Жуковскому» имеются значимые корреляции. Оба произведения носят программный характер, представляют собой декларации творческого кредо и ориентированы на общий претекст — «Послание доктору Арбетноту» («*Epistle to dr. Arbuthnot*», 1735) А. Поупа в переводе И. И. Дмитриева «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту» (1798), которое служило карамзинистам моделью для описания поэта, обитающего во «враждебном окружении».⁸² Вяземский частично заимствует у Поупа — Дмитриева образ идеального творца, не снисходящего до ответов на критики,⁸³ и еще ряд фрагментов;⁸⁴ Пушкин — традиционное обращение к учителям (см. об этом: АПСС. Т. 1. С. 695), в котором — что отдельно примечательно — 12-й стих, посвященный Дмитриеву, предположительно опосредствован посланием П. А. Вяземского «К В. А. Жуков-

⁷⁹ Московские ведомости. 1816. № 80. 4 окт. С. 1762.

⁸⁰ Санкт-Петербургские ведомости. Первое прибавление. 1816. № 87. 31 окт. С. 870.

⁸¹ Сын отечества. 1816. Ч. 33. № 44. С. 224.

⁸² Подробнее см.: *Майофис М. А.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008. С. 175—186.

⁸³ Ср.: «Он добродетели талант свой посвящает / И в самых вымыслах приятно поучает: / Стыдится быть врагом совместников своих, / Талантом лишь одним смиряет дерзость их; / С презрением глядишь на ненависть бессильну, / На мщенье критики, на злость, вредом обильну...» (*Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. С. 111).

⁸⁴ Ср.: П. А. Вяземский: «...Но в летописях света / Наш любопытный взгляд едва ль бы мог найти / От ремесла стихов отставшего поэта. / Он пишет, он писал, он будет век писать. / <...> / И Бавий, за него пред небом клятву дам, / По гроб не изменит ни рифмам, ни свисткам...» — И. И. Дмитриев: «Весь свет против тебя: и ложи, и партеры / Со всех сторон бранят, зевают и свистят, / <...> / С каким трудом паук мотает паутину! / Смети ее, паук опять начнет мотать: / Равно и рифмача не думай обращать! / Брани его, стыди; а он, доколе дышит, / Пока чернила есть, перо, всё пишет, пишет»; П. А. Вяземский: «Но наш разрыв с тобой, перо мое, напрасен. / Природа верх возьмет...» — И. И. Дмитриев: «О небо! сколько мной потраченных чернил! / Но лязь ль противиться влечению природы?» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 123; *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. С. 104, 105).

скому» (1812).⁸⁵ Существенное, однако, что к Поупу—Дмитриеву восходят сюжетообразующие мотивы обоих текстов: во-первых, противопоставление подлинного таланта толпе докучных, невежественных и агрессивных графоманов, а во-вторых — апология сатиры, парадоксально противоречащая декларируемым образцовым поэтическим стратегиям. Последнее Вяземский прекрасно осознает и обыгрывает с помощью формул самоумаления, на поверку — притворного, так как поза его позаимствована у Буало: сетования на безволие и неспособность противиться «демону рифм» — из 2-й сатиры,⁸⁶ а признание собственного творческого несовершенства — из финала «Поэтического искусства» («L'Art poétique»)⁸⁷ Выбор сте-

⁸⁵ Ст. 12 пушкинского послания «И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил...» (АПСС. Т. 1. С. 182) переключается со ст. «И важный Аттербур улыбкой ободрять...» (*Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. С. 106); однако, по наблюдению П. М. Бицилли, именно в послании Вяземского к Жуковскому «улыбка одобренья» соединяется с именем Дмитриева («И Дмитрев, я зрю в чаду воображенья, / Приветствует мой дар улыбкой одобренья...» — «Арзамас». Кн. 2. С. 235) (см.: *Бицилли П. М.* Пушкин и Вяземский: К вопросу об источниках пушкинского творчества // *Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. София, 1939. Т. 35. Вып. 13. С. 7.*)

⁸⁶ Ср.: П. А. Вяземский: «...и в самый этот час, / Как проповедь себе читал я в первый раз, / Коварный Демон рифм, злословцам потакая / И слабый разум мой прельщеньем усыпляя, / Без ведома его, рукой моею водил / И пред лицом судей с избытком отягчил / Повинную главу еще виною новой» — Н. Буало: «Et, maudissant vingt fois le démon qui m'inspire, / Je fais mille sermens de ne jamais écrire. / Mais, quand j'ai bien maudit et Muses et Phébus, / Je la vois qui paroît quand je n'y pense plus: / Aussitôt, malgré moi, tout mon feu se rallume; / Je reprends sur-le-champ le papier et la plume; / Et, de mes vains sermens perdant le souvenir, / J'attends de vers en vers qu'elle daigne venir» (перевод: «И, проклиная двадцать раз демона, который меня вдохновляет, / Я даю тысячу клятв никогда не писать. / Но, когда я уже хорошенько проклял и Муз, и Феба, / Я вижу ее, являющуюся, когда я уже о ней не думаю: / Тотчас, вопреки моей воле, мой огонь разгорается вновь; / Я тут же снова берусь за бумагу и перо; / И, не вспоминая о своих тщетных клятвах, / Я жду от стиха к стиху, что она соблаговолит прийти» — *франц.*) («Арзамас». Кн. 2. С. 162—163; *Boileau-Despréaux N. Œuvres poétiques. Paris, 1808. P. 50.*)

⁸⁷ Ср.: П. А. Вяземский: «Еще когда б — чужих ошибок замечатель — / Ошибкам чужд я был, не столько б я робел, / <...> / Но утаить нельзя: в стихах моих пятно / В угоду критике найдется не одно» — Н. Буало: «Pour moi, qui, jusqu'ici nourri dans la satire, / N'ose encor manier la trompette et la lyre, / Vous me verrez pourtant, dans ce champ Glorieux / <...> / Censeur un peu fâcheux, mais souvent nécessaire / Plus enclin à blâmer que savant à bien faire» (перевод: «Что до меня, который по сию пору был вскормлен сатирой, / Не смеет еще братья за трубу и лиру, / Вы увидите меня, однако, на этом славном поприще / <...> / Цензор немного докучный, но часто необходимый, / Более склонный к осуждению, чем искусный в созидании») («Арзамас» Кн. 2. С. 181; *Boileau-Despréaux N. Œuvres complètes. Paris, 1815. Т. 1. P. 237.*)

зи сатирика также подтвержден авторитетом Буало, чья 7-я сатира («Sur le genre satirique», 1663) явно просматривается в тексте послания.⁸⁸ Пушкин эти корреляции, без сомнения, считывал и приветствовал: Вяземский был признанным и образцовым выразителем литературной идеологии «Арзамаса», во многом ориентированной на стиль и творческие принципы Буало-сатирика и на выстроенные им иерархии, а ассоциированная с именем Вяземского репутация «русского Буало» казалась юному поэту притягательной и желанной.⁸⁹ Поэтому, надо полагать, в стихотворении «К Жуковскому» просматривается тот же парадокс, что и в послании «К перу моему»: объявляя «примером» Карамзина и Жуковского, стойко игнорирующих зоилов, Пушкин избирает и открыто пропагандирует роль непримиримого борца с литературными противниками, причем в процессе правки первоначального автографа этот пафос усиливается и превращается в программную декларацию⁹⁰ — весьма вероятно, не без влияния Вяземского.

* * *

Предложенные выше комментарии демонстрируют, как представляется, любопытный эффект: расхожие, устойчивые, даже заезженные «формулы» не появляются в стихотворении сами по себе; они каждый раз заново реконструируются из окружающего произведения плотного и очень конкретного контекста. Эта реконструкция может квалифицироваться как путь, ведущий к заранее известному результату, — потому что поэт, разумеется, «знает» лексемы того языка, к которому прибегает. Для комментатора, однако, интерес представляет именно путь: попытка проследить его позволяет по-новому взглянуть на комментируемый текст и выявить его неочевидные, на первый взгляд, связи, смыслы и корреляции.

⁸⁸ См. комментарий В. И. Саитова в «Остафьевском архиве князей Вяземских» (СПб., 1899. Т. 1. С. 423—424).

⁸⁹ Подробнее о Буало как литературном ориентире «арзамасцев» см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926. С. 21—31; *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989. С. 59—67; о репутации Вяземского см.: *Ивинский Д. П.* Вяземский и «Арзамас». С. 201—205.

⁹⁰ Именно в слое позднейшей правки появляются ст. 98—102: «Разите дерзостных друзей непросвещенья. / Отмститель гения — друг истины, поэт! / Лиющая с небес и жизнь и вечный свет, / Стрелой гибели десница Аполлона / Сражает наконец ужасного Пифона» — АПСС. Т. 1. С. 184; см. там же с. 362 в разделе «Другие редакции и варианты» и факсимиле автографа ПД 14, л. 2 об. в иллюстративной подборке.

А как же обстоят дела с «бледным вором»? Удивительным образом здесь мы, кажется, сталкиваемся с противоположной ситуацией. Как упоминалось выше, в римской сатире «бледность» преступника мотивировалась осознанием вины и связанным с ней чувством страха перед неизбежной карой, земной или небесной.⁹¹ Примером такой интерпретации «бледности» в русской поэзии пушкинского времени могут служить ст. 105—112 «Послания к Плещееву: В день Светлого Воскресения» (1812) Жуковского, где участь «бледного татя», заранее страшасьегося Провиденья (зарифмованного с «привиденьем», тоже страшным), символизирует утешительные для автора и адресата страдания всех «злых» людей, включая неприятного соседа:

Но, друг, для злых есть зло и Провиденье!
Как страшное ночное привиденье,
Оно родит в них трепет и боязнь,
И Божий суд на языке их — казнь!
Самим собой подпоры сей лишенной,
Без всех надежд, без веры здесь злодей,
Как бледный тать, бредет уединенно —
И гроб вся цель его ужасных дней!..⁹²

Впрочем, и у самого Пушкина есть текст, хронологически гораздо более близкий к «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836), где «бледность» мотивируется так же. Это поэтическая шутка Петрония из «<Повести из римской жизни>» (1835) — «Что с тобой, скажи мне, братец?..⁹³», где бледный адресат сравнивается со «святотатцем» — человеком, оскорбившим богов и теперь страшасьегося их гнева; в отвергнутом варианте автографа на этом месте фигурирует «убийца». Впрочем, пушкинский Петроний тут же предлагает ряд других гипотетических мотивировок бледности, в числе которых и земное возмездие — сторож, принявший незадачливого любовника за вора, и встреча с привидением. В «Когда за городом, задумчив, я брожу...» бледность — то есть страх — вора, разоряющего памятники на ночном кладбище, легко объясняется любой из трех причин или всеми сразу. Другое дело, что, комменти-

⁹¹ Примеры см.: Kivistö S. *Medical Analogy in Latin Satire*. P. 26.

⁹² Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 180.

⁹³ О датировке и историко-литературном контексте стихотворения см.: Красноборождко Т. И. О второй стихотворной вставке в пушкинской «<Повести из римской жизни>» («Что с тобой, скажи мне, братец?..») // *Русская литература*. 2020. № 2. С. 5—18.

руя стихотворение, где «высокие» символические смыслы ассоциированы с сельским родовым кладбищем, а городское прочно встроено в материальную, бытовую и социальную повседневность, искать античные претексты (реальные и «сконструированные»), чтобы объяснить «бледность» обитателя этой удручающе приземленной и нарочито бессмысленной реальности, конечно, можно — но, наверное, уже не нужно.⁹⁴ Для понимания сюжета стихотворения они мало что дают; скорее тут уместнее было бы вспомнить персонажа стихотворения «Вурдалак» (1833) из «Песен западных славян»: «Трусоват был Ваня бедный: / Раз он позднею порой / Весь в поту, от страха бледный / Через кладбище шел домой» (III, 356).

Е. В. Кардаш

⁹⁴ Похожий — хотя гораздо более сложный — пример, показывающий, как первоначальный источник образа полностью растворяется и теряется в позднейших контекстах и Пушкиным, по всей вероятности, никак не учитывается, составляют «бледные» льстецы из стихотворения «О, Муза пламенной сатиры...» (см. подробнее: АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 907–908; коммент. Н. Г. Охотина).

Е. М. ХИТРОВО В ДУЭЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПУШКИНА

Утром 4 ноября 1836 года Пушкин получил от дочери М. И. Кутузова Елизаветы Михайловны Хитрово следующее письмо:

Я только что узнала, что цензурой пропущена статья, направленная против вашего стихотворения, дорогой друг. Особа, написавшая ее, *разъярена на меня* и ни за что не хотела *показать* ее, ни *взять ее обратно*. Меня не перестают терзать за вашу элегию — я настоящая мученица, дорогой Пушкин; но я вас люблю за это еще больше и верю в ваше восхищение нашим героем и в вашу симпатию ко мне! Бедный <Чедаев>. Он, должно быть, очень несчастен от того, что накопил в себе столько ненависти к своей стране и к своим соотечественникам.

Элиза Хитрова урожденная княжна Кутузова-Смоленская (XVI, 180–181, 394; ориг. по-франц.).

В письме Хитрово упоминает о статье своего дальнего родственника Л. И. Голенищева-Кутузова, критиковавшего Пушкина

за то, что тот в своем стихотворении «Полководец», посвященном М. Б. Барклаю-де-Толли, будто бы преуменьшил заслуги ее отца. Мы видим, как тяжело это восприняла Елизавета Михайловна, любившая Пушкина до самозабвения. Наделавшие много шума «Философические письма» П. Я. Чаадаева также не прошли мимо ее внимания. Одновременно со своим Хитрово передала Пушкину и письмо, запечатанное в конверт, на котором значилось имя поэта. В тот же день такое же письмо, адресованное Пушкину, вручил ему и граф Владимир Александрович Соллогуб, впоследствии вспоминавший:

Пушкин сидел в своем кабинете. Распечатал конверт и тотчас сказал мне:

— Я уж знаю, что такое; я такое письмо получил сегодня же от Елисаветы Михайловны Хитровой: это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безыменным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-же Хитровой.

Тут он прочитал мне письмо, вполне сообразное с его словами.¹

Это письмо поэта к Хитрово не сохранилось. Ее ответ Пушкину стал известен только спустя много лет:

Нет, дорогой друг мой, для меня это настоящий *позор* — уверяю вас, что я вся в слезах — мне казалось, что я достаточно сделала добра в жизни, чтобы не быть впутанной в столь ужасную *клевету!* На коленях прошу вас не говорить никому об этом глупом происшествии.

Я поражена, что у меня нашелся столь жестокий враг. Что до вашей жены, дорогой Пушкин, то она ангел, и на нее напали лишь для того, чтобы заставить меня сыграть роль посредника и этим ранить меня в самое сердце!

Элиза Х.²

¹ Соллогуб В. А. Из «Воспоминаний» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 333—334.

² Цявловская Т. Г. Неизвестные письма к Пушкину — от Е. М. Хитрово // Прометей: Историко-биографический альманах. М., 1974. Т. 10. С. 257 (ориг. по-франц.). Иной перевод второй части письма: «Я весьма удивлена тем, что у меня нашелся столь коварный враг, — что до вашей жены, милый Пушкин, то она ангел, а меня поймали в ловушку, чтобы воспользоваться моим посредни-

Как полагала опубликовавшая письмо Т. Г. Цявловская, «волнение, охватившее Хитрово, вызвано не тем, что автор “диплома” оклеветал жену Пушкина и оскорбил его... Она взволнована тем, что замешали в это дело ее. Она “на коленях просит” не говорить никому “об этом глупом происшествии”. Что понимает она под этими словами? То, что “диплом” послан через нее. Весь смысл ее письма в том, что ее обидели, что она не заслужила того, что Пушкин должен скрыть, что письмо прислано ему через нее!.. <...> Она и вообразила, что, пересылая оскорбительное письмо Пушкину через нее, аноним рассчитывал, что ее сочтут автором пасквиля. О чем думает она (преданнейший друг!), узнав содержание письма, пересланного ею Пушкину?! Такой эгоцентризм оставляет тяжелое впечатление. <...> Мы узнаем, наконец, что Елизавета Михайловна Хитрово, прочитав его письмо об анонимном пасквиле, осталась к Пушкину безучастной».³

Против такого, казалось, безапелляционного вердикта до настоящего времени не было выдвинуто какого-либо аргументированного возражения. В защиту Елизаветы Михайловны в посвященном ей очерке выступил В. В. Кунин: «Хитрово было нестерпимо больно, что удар обожаемому ею поэту нанесен как бы через ее посредство. <...> Может быть, конечно, она и преувеличивала значение собственной персоны в этой истории, но уж никак нельзя сказать, что она осталась к Пушкину безучастной».⁴

Отвечая Хитрово на ее первое письмо, поэт еще не знал, что пасквиль получили несколько его знакомых. Оттого и Елизавета Михайловна рассудила, что аноним использовал исключительно лишь ее теплые дружеские чувства по отношению к Пушкину, дабы очернить его самого и Наталью Николаевну. Далее произошла череда известных событий: поэт вызвал Жоржа Дантеса на дуэль, в дело вмешался его приемный отец — голландский посланник, барон Луи Геккерн, попросивший у Пушкина отсрочку сначала на сутки, до возвращения сына с полкового дежурства, затем — на две недели, и, наконец, последовало сватовство кавалергарда к сестре Натальи Николаевны — Екатерине Николаевне Гончаровой. В разрешении конфликта участвовали Василий Андреевич Жуков-

чеством и ранить меня в самое сердце! Элиза Х.» (Орлов В. Е. «Наука самая занимательная...»: Следуя за мыслями Пушкина. Нижний Новгород; Большое Болдино, 2025. С. 15).

³ Цявловская Т. Г. Неизвестные письма к Пушкину — от Е. М. Хитрово. С. 257—258.

⁴ Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 419.

ский и Екатерина Ивановна Загряжская — тетка сестер Гончаровых.

После отправки Пушкиным письма Елизавете Михайловне и ее ответа поэту следующий, и уже последний, эпизод их отношений исследователи относят к моменту прощания у смертного одра поэта. Александр Иванович Тургенев, описывая события 29 января 1837 года — последнего дня жизни Пушкина, — в письме к двоюродной сестре А. И. Нефедьевой свидетельствовал: «1 час. <...> Весь город, дамы, дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые наполняют комнаты, справляются об умирающем. Сени наполнены не смеющими взойти далее. Приезжает сейчас Элиза Хитрова, входит в его кабинет и становится на колена»,⁵ и о том же — в письме к неизвестному: «2-й час. <...> Приехала Е<лизавета> Мих<айлова> Хитрова и хочет видеть его, плачет и пеняет всем; но он не мог видеть ее».⁶

Однако роль Хитрово в пушкинской дуэльной истории на начальной ее стадии — получении поэтом анонимного письма — не закончилась. Подтверждение тому содержится в письме дочери Хитрово, Дарьи Федоровны Фикельмон, сообщавшей сестре Екатерине Тизенгаузен из Вены 21 ноября (3 декабря) 1842 года: «On m'a montre hier le portrait de Pouchkine, il m'a fort attendrie, en me rappelant toute son histoirt, l'interet que maman y a pris et comme elle aimait Pouchkine <Вчера мне показали портрет Пушкина, он меня глубоко тронул, напомнив мне всю его историю, интерес, который проявляла к ней мать, и то, как сильно она любила Пушкина — франц.>».⁷

И это не был интерес стороннего наблюдателя. Узнав о предстоящей женитьбе Пушкина, Хитрово писала ему в мае 1830 года:

Рассчитывайте на меня на жизнь и на смерть, располагайте мною во всем без стеснения. Обладая характером, готовым для других пойти на все, я драгоценный человек для своих друзей — я ни с чем не считаюсь, езжу разговаривать с высокопоставленными лицами — не падаю духом, еду опять — время, обстоятельства — ничто меня не пугает. <...>

Утопив в слезах мою любовь к вам, я все же останусь тем же страстно любящим, кротким и безобидным существом, которое го-

⁵ Тургенев А. И. Письма к А. И. Нефедьевой и другим о дуэли и смерти Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 206.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ Comte F. de Sonis. Lettres du Comte et de la Comtesse de Ficquelmont à la Comtesse Tiesenhausen. Paris, 1911. P. 37.

тово пойти за вас в огонь и в воду — ибо так я люблю даже тех, кого люблю мало! (XIV, 92, 411; ориг. по-франц.).

Не могла женщина, писавшая такие строки, остаться равнодушной к положению, в котором оказался поэт после получения им анонимного пасквиля. Однако впоследствии нашлись злые языки, обвинявшие дочь Кутузова в причастности к интриге, которая привела к гибели поэта. Порочившие Хитрово слухи вышли за пределы Петербурга. Фрейлина покойной императрицы Елизаветы Алексеевны, графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг (урожденная Стурдза), не поверившая в эту клевету, писала поэту В. Г. Теплякову из Одессы 18 февраля 1837 года: «Указывают на одну даму (Е. М. Хитрово. — А. К.) <...>; говорят, что она была орудием этого ужасного злодеяния», и спустя месяц — в письме от 17 марта: «Хитрово, которую хотели очернить в общественном мнении, приписывающем большое участие ей в этой интриге, ухаживала за Пушкиным до его последней минуты, и я нахожу, что это обстоятельство служит ее оправданием».⁸

Выдвинутые обвинения не имели под собой основания. Князь Петр Андреевич Вяземский в «Старой записной книжке» по поводу интриги, затеянной против Пушкина, писал: «Известно, что тут замешано было и дипломатическое лицо. Тайна безыменных писем, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена. Есть подозрения, почти неопровержимые, но нет положительных юридических улик. Хотя Елизавета Михайловна, по семейным связям своим, и примыкала к дипломатической среде (австрийский посланник в России граф Карл Людвиг Фикельмон был зятем Хитрово. — А. К.), но здесь она безусловно и исключительно была на Русской стороне. В Пушкине глубоко оплакивала она друга и славу России».⁹

В конце прошлого века были опубликованы письма Дантеса, адресованные барону Геккерну и невесте Екатерине Гончаровой. В письме к последней, предположительно датированном 21 ноября 1836 года, Дантес писал:

Моя любезная и добрая Катрин, как видите, дни бегут и день на день не приходится. Вчера ленив, сегодня деятелен, хоть и вернулся с отвратительного дежурства в Зимнем дворце; я, впрочем, посетовал на это нынче утром вашему брату Дмитрию, попросив

⁸ Графиня Р. С. Эдлинг в письмах к В. Г. Теплякову // Русская старина. 1896. № 8. С. 416—418 (ориг. по-франц.).

⁹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 494.

его передать вам, дабы вы сумели как-нибудь дать знать о себе; не знаю, как у меня достало терпения на эти несколько часов, так скверно провел я их в этом ужасном Маршалском зале, где не находишь утешения и в том, что можешь сказать себе, будто не хотел бы тут оказаться на портрете.

Нынче утром я виделся с известной дамой, и, как всегда, моя возлюбленная, подчинился вашим высочайшим повелениям; я формально объявил, что был бы чрезвычайно ей обязан, если бы она сооблаговолила оставить эти переговоры, совершенно бесполезные, и коль Месье не довольно умен, чтобы понять, что только он и играет дурацкую роль в этой истории, то она, естественно, напрасно тратит время, желая ему это объяснить.

Еще новость: вчера вечером нашли, что наша манера общения друг с другом ставит всех в неловкое положение и не подобает барышням. Я пишу вам об этом, поскольку надеюсь, что ваше воображение примется за работу и к завтрашнему дню вы найдете план поведения, который всех удовлетворит; я же нижайше заявляю, что ничего в этом не смыслю и, следовательно, более чем когда-либо намерен поступать по-своему.

Доброго вечера, милая моя Катрин. Надеюсь, «Пират»¹⁰ вас развлечет; до завтра, а пока целую вашу ручку, которой вы мне не дали вчера вечером перед уходом.

Жорж.¹¹

По предположению В. П. Старка, в письме «упоминаются, хотя и неназванными, Пушкин и Наталия Николаевна — “известная дама” и “Месье”. Из письма следует, что утром (явно у Загряжской) Дантес виделся с Наталией Николаевной, которой объявил, чтобы она оставила “эти переговоры, совершенно бесполезные”, и что муж ее играет “дурацкую роль в этой истории”».¹² Данная трактовка вызывает ряд вопросов. Отчего Дантесу в письме к невесте ее родную сестру, даже несмотря на изменения в отношениях с ней, называть «известной дамой», а хотя бы не так, как ее брата, несколькими строками выше — по имени — «ваша сестра Натали», а самой Екатерине — давать жениху советы, как ему с той себя вести? Вызывает недоумение и ситуация, когда у тетки одновременно находятся старший брат Екатерины, Дмитрий Николаевич Гонча-

¹⁰ Опера В. Беллини «Пират» («Il pirata»).

¹¹ Витале С., Старк В. П. Черная речка: До и после: К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. СПб., 2000. С. 181, 182 (ориг. по-франц.).

¹² Там же. С. 177. О том же см.: Старк В. П. Наталья Гончарова. М., 2009. С. 363—364 («Жизнь замечательных людей»).

ров, и ее младшая сестра, Наталья Николаевна, в семье которой она проживает, однако кавалергард отчего-то просит именно брата невесты передать ей, что не имеет от нее известий, а не сестру, хотя это было бы логичнее и проще. Если в начале письма Дантес упоминает о встрече с Дмитрием Гончаровым, по всей вероятности действительно происходившей у Загряжской, то лишь потом рассказывает о переговорах с «известной дамой», что свидетельствует о событиях, произошедших в разных местах. Совершенно невероятной кажется мысль о причастности к переговорам Натальи Николаевны: невозможно представить, чтобы Пушкин привлек к каким-либо объяснениям с Дантесом жену, и та стала бы это делать в присутствии тетки и брата. Если бы Наталья Николаевна даже решилась на это тайком от мужа, Пушкин непременно узнал бы о том от Загряжской или шурина. Едва ли Наталья Николаевна взялась бы за назидание Дантеса и своей старшей сестры, и тем более — за увещевание мужа. Без сомнения, подобные речи могла вести только зрелая женщина, старше кавалергарда и одновременно друг Пушкина, имевшая на него влияние. «Известной даме», по-видимому, были хорошо известны подробности случившихся событий. Из контекста письма можно заключить, что разговор касался урегулирования вызвавшей пересуды ситуации, в которой оказались оба участника конфликта. Кроме Загряжской, о других женщинах, по-доброму относившихся к поэту и активно пытавшихся уладить его столкновение с Дантесом, до публикации приведенного письма мы не знали. В данной связи документальное свидетельство, исходящее от непосредственного участника дуэльной истории, трудно переоценить. Обратим внимание на обстоятельства происходившей беседы: это не случайная встреча на улице или в домах близких к Пушкину семейств, приглашавших Дантеса на свои вечера. По всей видимости, разговор явился следствием целенаправленного утреннего визита кавалергарда к «известной даме».

В тот же день, 21 ноября 1836 года, в неотправленном письме к А. Х. Бенкендорфу Пушкин писал: «По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата» (XVI, 191, 397; ориг. по-франц.). Подозревая Геккерна в составлении пасквиля, горя желанием выставить голландского посланника и его приемного сына в истинном свете в дипломатической среде, поэт мог обратиться к Елизавете Михайловне Хитрово. В ряду наиболее близких Пушкину женщин только она имела тесные связи с дипломатическим кругом, в котором постоянно вращались Геккерн и Дантес. Данное обстоятельство привело поэта к мысли

открыться Хитрово и посвятить ее в детали конфликта. Подобным образом он поступил, рассказав обо всем сначала Екатерине Андреевне и Софье Николаевне Карамзиным — вдове историографа Н. М. Карамзина и его дочери от первого брака, потом княгине Вере Федоровне Вяземской, которые, увы, не предприняли никаких действий, чтобы облегчить положение Пушкина. Его откровенность вызвала лишь негодование Жуковского, пытавшегося тайно разрешить ситуацию.

Вечером 16 ноября в австрийском посольстве у Фикельмонов состоялся раут, на который, по свидетельству Соллогуба, «Пушкин приехал поздно, казался очень встревожен, запретил Катерине Николаевне говорить с Дантесом и, как узнал я потом, самому Дантесу сказал несколько более чем грубых слов».¹³ Все это происходило на глазах у Елизаветы Михайловны, зная характер которой и любовь к поэту говорить о ее безучастии к происходившему не приходится. На следующий день, 17 ноября, официально было объявлено о предстоящем браке Дантеса и Екатерины Гончаровой. В свете начались пересуды. По прошествии времени Вяземский (в письме от 14 февраля 1837 года к великому князю Михаилу Павловичу) осмысливал случившееся:

Когда Пушкин узнал о свадьбе, уже решенной, он, конечно, должен был счесть ее достаточным для своей чести удовлетворением, так как всему свету было ясно, что это брак по рассудку, а не по любви. Чувства, или так называемые «чувства», молодого Геккерена получили гласность такого рода, которая делала этот брак довольно двусмысленным. Вследствие этого Пушкин взял свой вызов обратно, но объявил самым положительным образом, что между его семьей и семейством свояченицы он не потерпит не только родственных отношений, но даже простого знакомства, и что ни их нога не будет в его доме, ни его — у них. <...> ...часть общества захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плод досужей фантазии. <...> ...это оскорбительное и неосновательное предположение дошло до сведения Пушкина и внесло новую тревогу в его душу. Он увидел, что этот брак не избавлял его окончательно от ложного положения, в котором он очутился. Молодой Геккерен продолжал стоять, в глазах общества, между ним и его женой и бросал на обоих тень, невыносимую для щепетильности Пушкина.¹⁴

¹³ Соллогуб В. А. Из «Воспоминаний». С. 335.

¹⁴ Цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М., 1987. С. 224 (ориг. по-франц.).

О том, что Хитрово входила в круг лиц, посвященных в семейные обстоятельства Пушкина, свидетельствуют и недатированные письма императрицы Александры Федоровны к фрейлине Екатерине Тизенгаузен. Супруга императора не без оснований полагала, что та обладала достоверными сведениями о сватовстве кавалергарда, без сомнения исходящими от матери. В первом письме императрица интересуется: «Мне бы хотелось иметь через вас подробности о невероятной женитьбе Дантеса. — Неужели причиной ее явилось анонимное письмо? Что это — великодушие или жертва? Мне кажется бесполезно — слишком поздно».¹⁵ Во втором Александра Федоровна с горечью констатирует: «Мне жаль Дантеса, нужно было бы помешать этому браку — он будет несчастьем для них обоих».¹⁶

Будучи тещей австрийского посланника, Елизавета Михайловна в течение продолжительного времени общалась с Дантесом еще задолго до тревожных для Пушкина дуэльных событий. Кавалергард упоминал о дочери полководца в письмах к барону Геккерну во время пребывания последнего за границей в 1835—1836 годах. Его отзывы о Хитрово ироничны и крайне неучтивы. Так, в письме от 18 октября 1835 года Дантес характеризовал ее следующим образом:

Дама сия стала до того тщеславной, что даже лучшие ее намерения выглядят совершенно смехотворно; она до такой степени откровенна во всех своих действиях, что поистине не знаешь, что и думать; впрочем, нет никакого риска быть опровергнутым, ежели сказать, что она редко держится идей вчерашнего дня, всегда нынешнего и никогда завтрашнего. Что ж, это единственный способ пропеть и не ошибиться.¹⁷

Насколько расчетлив в своих действиях и осмотрителен в публичных высказываниях Дантес, особенно в обстоятельствах, способных помешать продвижению по службе, настолько кажутся ему необдуманно поступки и наивными речи экзальтированной Хитрово.

Елизавета Михайловна обычно принимала по утрам. По воспоминаниям Вяземского, «в летописях Петербургского общежития имя ее <Хитрово> осталось так же незаменимо, как было оно при-

¹⁵ Цит. по: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927. С. 200 (ориг. по-франц.).

¹⁶ Там же (ориг. по-франц.).

¹⁷ Витале С., Старк В. П. Черная речка: До и после. С. 79, 82 (ориг. по-франц.).

влекательно в течение многих лет. Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмонт, неизгладимо врезаны в памяти тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салонах».¹⁸

Желая уладить конфликт, Елизавета Михайловна, пыталась повлиять как на Дантеса, так и на Пушкина, сначала не верившего в серьезность намерений кавалергарда по отношению к свояченице и упорно не желавшего отказываться от своего вызова, а затем заявившего о прекращении каких-либо отношений между семьями, которые должны были вскоре породниться. Как представляется, Дантес явился в австрийское посольство по приглашению Хитрово, зная уже о ее намерениях и предполагая следовать указаниям невесты.

Дантес пишет, что накануне он услышал, скорее всего, от Александра Николаевича Карамзина — сына историографа, с которым обедал,¹⁹ о пересудах, касавшихся его самого и его невесты. Как думается, толки шли об их встречах наедине, без участия тетки, на квартире голландского посланника. Крайне осторожный, боявшийся совершить опрометчивый шаг в свете, когда дело касалось его служебных амбиций, в сложившемся положении Дантес не видел для себя опасности, проявляя безразличие к происходящему, как не стал придавать значения и речам дочери Кутузова. По-видимому, кавалергард считал, что в глазах общества рыцарский ореол мученика, который ради спасения чести любимой женщины решил связать себя узами брака с ее сестрой, мог только способствовать его продвижению по карьерной лестнице.

То, что под «известной дамой» подразумевалась Елизавета Михайловна, подтверждает еще одно письмо Дантеса к Екатерине Гончаровой, в котором он прямо называет имя дочери Кутузова в качестве доверенного лица Пушкина. Это письмо предположительно датируется 26 декабря 1836 года:

Прежде всего, добрая моя Катрин, начну с исполнения комиссии барона, который поручает мне ангажировать вас на первый полонез, а ещё просит сказать, чтобы вы расположились поближе ко Двору, дабы он смог вас отыскать.

¹⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 493.

¹⁹ См. письмо Е. А. Карамзиной к сыну Андрею от 20 ноября 1836 года (Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 137, 281 (ориг. по-франц.)).

Мне не нужно было Вашей записки, чтобы узнать, что мадам Хитрово confidentка Пушкина. Похоже, она до сих пор сохранила милую привычку лезть не в свое дело; доставьте же мне удовольствие, ежели с вами вновь заговорят об этом, скажите, что мадам Хитрово стоило бы больше заниматься собственным поведением, а не других, особенно по части приличий — предмета, о котором она, по-моему, давно позабыла, по крайней мере, то, как она себя ведет, заставляет в это поверить.

Досадно, что у Вас не будет экипажа завтра утром, но думаю, вам лучше знать, какими вы располагаете способами, чтобы выезжать, и на сей счет мне не надо давать Вам советов.

Однако в любом случае я не хочу, чтобы Вы просили формального позволения у своей дорогой тетушки.

Мы не знаем, получил ли Протопопов²⁰ бумаги из полка, но барон сам сообщит вам нынче вечером на балу.

Многих вам удовольствий сегодня вечером.
*Жорж.*²¹

Как явствует из письма кавалергарда, Хитрово снова проявила активность, решив на этот раз воздействовать на Екатерину Гончарову, которая не дошедшей до нас запиской напомнила Дантесу о доверительных отношениях Хитрово и Пушкина, и кавалергард в довольно грубой форме высказался в адрес Елизаветы Михайловны. Хитрово понимала, как невыносимы для Пушкина встречи с Дантесом, и, безусловно из лучших побуждений, пыталась открыть Екатерине глаза на поведение кавалергарда, для которого сватовство к ней — мера вынужденная, чтобы избежать дуэли, и оно никак не подкреплено истинным чувством. Поступки Дантеса после свадьбы, когда он возобновил прежние ухаживания за женой поэта, в полной мере подтвердили это. Зная смело и прямо выказываний дочери полковника, можно представить, насколько решительной она была в разговоре с пушкинской свояченицей, однако ее убеждения были напрасными. После свершившейся трагедии Александр Карамзин в письме к брату Андрею от 13 марта 1837 года сообщал о Екатерине Гончаровой: «...она — единственная, кто торжествует

²⁰ Михаил Андреевич Протопопов — секретарь Петербургской палаты гражданского суда, оформлявший разрешение на брак Дантеса с Екатериной Гончаровой по представлении необходимых бумаг из Кавалергардского полка. В 1834 году Протопопов оформлял и доверенность Пушкина на ведение хозяйства по части Кистенева и Болдина, выданную И. М. Пеньковскому.

²¹ Витале С., Старк В. П. Черная речка: До и после. С. 190—191 (ориг. по-франц.).

до сего времени и так поглупела от счастья, что, погубив репутацию, а может быть, и душу своей сестры, госпожи П<ушкиной>, и вызвав смерть ее мужа, она в день отъезда этой последней (из Петербурга в Полотняный Завод — родовое имение Гончаровых. — А. К.) послала сказать ей, что готова забыть прошлое и все ей простить!!!»²²

После объявленной помолвки некоторые друзья Пушкина как ни в чем не бывало продолжали принимать у себя Дантеса, несмотря на заявления поэта, не хотевшего иметь никаких отношений с будущим свояком. Любые встречи с кавалергардом были крайне тягостны для Пушкина, особенно если они происходили в домах близких для него людей, однако и Дантес не всегда стремился к таким визитам. Так, в письме к Екатерине, предположительно датированном 24 декабря 1836 года, он пишет:

Настойчивость В. меня удивляет и представляется неуместной шуткой. Ведь Поль²³ видел вчера, как я чуть ли не пластом лежал на софе, и все-таки Валуев²⁴ пришел ко мне с приглашением по всей форме. Я сильно тревожусь, что бы это могло значить, в любом случае вы там будете и завтра мне расскажете.²⁵

Встречи Пушкина с Дантесом случались и в семействе Карамзиных—Мещерских. Александр Карамзин признавался в вышеприведенном письме к брату Андрею:

Пушкин, полный ненависти к этому врагу и так давно уже преисполненный чувством омерзения, не сумел и даже не попытался взять себя в руки! Он сделал весь город и полные народа гостиные поверенными своего гнева и своей ненависти, он не сумел воспользоваться своим выгодным положением, он стал почти смешон, и так как он не раскрывал всех причин подобного гнева, то все мы говорили: да чего же он хочет? да ведь он сошел с ума! он разыгры-

²² Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. С. 191, 309 (ориг. по-франц.).

²³ Павел Петрович Вяземский — сын П. А. и В. Ф. Вяземских.

²⁴ Петр Александрович Валуев — зять П. А. и В. Ф. Вяземских, муж их дочери Марии.

²⁵ Витале С., Старк В. П. Черная речка: До и после. С. 189, 190 (ориг. по-франц.). В комментарии к письму высказано предположение, что под «В.» подразумевался князь Петр Андреевич Вяземский. Однако со стороны близкого друга поэта кажется странным проявление столь явного, вызвавшего даже недоумение Дантеса, рвения в попытке зазвать того к себе. Более вероятно, что кавалергард имел в виду зятя князя, того же Валуева.

вает удалца! А Дантес, руководимый советами своего старого не-известно кого, тем временем вел себя с совершеннейшим тактом и, главное, старался привлечь на свою сторону друзей Пушкина. Нашему семейству он больше, чем когда-либо, заявлял о своей дружбе, передо мной прикидывался откровенным, делал мне ложные признания, разыгрывал чество, благородством души и так постарался, что я поверил его преданности госпоже П<ушкиной>, его любви к Екатерине Г<ончаровой>, всему тому, одним словом, что было наиболее нелепым, а не тому, что было в действительности. <...> Без сомнения, Пушкин должен был страдать, когда при нем я дружески жал руку Дантесу, значит, я тоже помогал разрывать его благородное сердце, которое так страдало, когда он видел, что враг его встал совсем чистым из грязи, куда он его бросил.²⁶

В желании примирить поэта с Дантесом, поверив заявлениям последнего о дружбе, близкие к Пушкину семейства могли сознательно устраивать встречи недавних противников. Письмо Дантеса к Екатерине свидетельствует, что Хитрово не относилась к числу тех друзей Пушкина, кто продолжал поддерживать прежние отношения с кавалергардом и его невестой, ее невозможно было обмануть лживыми убеждениями в дружбе. Она видела и чувствовала душевные терзания поэта, принимая их близко к сердцу.

Таким образом, необходимо снять с Хитрово обвинение в безучастии к Пушкину. Озабоченная положением, в котором находился поэт, она пыталась разрядить напряженную обстановку вокруг него, как, возможно, стремилась повлиять и на мнение представителей дипломатического круга о голландском посланнике и его приемном сыне. Поэтому совершенно справедливо звучит эпитафия Елизавете Михайловне, сочиненная Е. П. Ростопчиной:

Прощальный гимн воспойте ей, поэты!
В вас дар небес ценила, поняла
Она душой, святым огнем согретой, —
Она друг Пушкина была!..²⁷

А. В. Курочкин

²⁶ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. С. 191, 309—310 (ориг. по-франц.).

²⁷ *Ростопчина Е. П.* Цветок на могилу Е. М. Хитровой, урожденной княжны Кутузовой-Смоленской // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. С. 204.

ПУШКИН И ПОГРОМ (История «устной эпиграммы» поэта)

Один еврей, увидевши, как множество французских солдат с крестами на грудях грабит деревню, сказал: «Как меняются времена! Раньше вешали воришек на крест, а теперь вешают крест на воришек».

Немецкий еврейский анекдот¹

1

В небольшой статье, посвященной остроумию Пушкина, опубликованной в шестом номере «Нового литературного обозрения» за 2018 год,² я постарался, вслед за О. А. Проскуриным,³ реконструировать литературную родословную известной пушкинской шутки о Христе и двух разбойниках, произнесенной на торжественном обеде у Смирдина 19 февраля 1832 года:

Пушкин был необыкновенно оживлен и щедро сыпал остроумия, из которых одну, в особенности, я удержал в памяти. <В. Н.> Семенов (цензор. — И. В.) за обедом сидел между Гречем и Булгариним, а Пушкин vis-à-vis с ним; к концу обеда Пушкин, обратясь к Семенову, сказал довольно громко: «Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе...» Греч заплодировал, а мы все расхотались — один Булгарин сморщился и промолчал...⁴

Эта острота, как мне удалось показать, представляет собой не экспромт, а «культурную цитату», приноровленную поэтом к конкретным лицам и случаю. Она встречается в сборниках анекдотов

¹ «Ein Jude, der einst eine Menge französischer Soldaten ein Dorf plündern sah, worunter viele das Kreuz auf der Brust trugen, sagte: Wie ändern sich doch die Zeiten! Sonst hing man die Diebe an das Kreuz, und jetzt hängt man das Kreuz an die Diebe» (Gmundner Wochenblatt. 1866. № 14. 3 April. S. 179).

² См.: Виницкий И. Ю. Остроумие Пушкина, или Самая фрейдовская шутка поэта // Новое литературное обозрение. 2018. № 6. С. 192—199.

³ См. его статью: Проскурин О. А. Чужие остроты: (Из заметок о культуре острология в эпоху Пушкина и Гоголя). Беззубая собака // Замечательное шестидесятилетие: Ко дню рождения Андрея Немзера. [Б. м.], 2017. Т. 1. С. 266—279.

⁴ Терпигорев Н. Н. Рассказы о Пушкине // Русская старина. 1870. № 6. С. 570.

начиная с эпохи Возрождения в различных вариантах (о мельниках, адвокатах, нотариусах, священниках, бизнесменах, хозяевах гостиниц и т. п.). В классификации анекдотов Эрнеста Боумана она представлена под номером Х313.⁵

Примечательно, что та же самая шутка, восходящая к общему с Пушкиным культурному источнику, была использована Зигмундом Фрейдом в классической книге «Остроумие и его отношение к бессознательному» («*Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*», 1905) как пример идеальной концептуальной остроты, рассчитанной на узнавание слушателем намека. Целью такой остроты является нанесение оскорбления противнику «вместо требуемого заключения», причем те лица, к которым относится оскорбление, занимают высокое положение, что придает шутке рискованный характер. В целом такие тенденциозные остроты представляют собой форму психологической разрядки-удовлетворения, быстрого и неожиданного высвобождения желаний от гнета общественных условий и рационального контроля.

Пушкинскую кощунственную остроту о литературной Голгофе я тогда назвал «самой фрейдовской шуткой» поэта. Но у нее, оказывается, есть не менее оскорбительная конкурентка, каламбурно обыгрывающая тему распятия и вовлекающая в свою орбиту не только литературный быт, но и страшный и печальный исторический опыт.

2

Историк Екатерина Правилова любезно поделилась со мной замечательной архивной находкой, свидетельствующей об использовании «поэзии Пушкина» в идеологическом обосновании кишиневского погрома на Пасху 1903 года:

Мне местный военный следователь полковник Гинейко⁶ рассказал следующий случай, указывающий на то, что в числе подстрекателей к погрому были интеллигентные лица: здешний Священник Чигирь (?), выйдя 7 апреля из церкви и встретив толпу громил, стал уговаривать их не трогать евреев в эти святые дни и не осквернять великого христианского праздника. Тогда из толпы выступил

⁵ *Baughman E. W.* Type and Motif-Index of the Folktales of England and North America. The Hague, 1966. P. 400.

⁶ Бронислав-Людвиг Леонардович Гинейко (1857 — после 1918), военный следователь Одесского военного округа в 1892—1906 гг., полковник, впоследствии генерал-лейтенант (см.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1. С. 350).

высокого роста мужчина, который, обратившись к священнику с вопросом: «Кто же, батюшка, Христа распял?» — и, не дождавшись ответа священника, закричал толпе: «Вот и батюшка говорит, что жида Христа распяли, и советует бить жидов», — а затем, подойдя к священнику и взяв его за крест, сказал: «Вам, батюшка, я думаю, известны стихи Пушкина, в коих он сказал: *Господине Иисусе Христе, Спаситель распят на кресте, а теперь новое горе, крест висит на воре*».⁷

Таких стихов у Пушкина, разумеется, нет, и речь здесь идет, как мы полагаем, об апокрифической эпиграмме поэта на мотив «молитвы Иисусовой», приведенной в статье Ч. Ветринского (В. Е. Чешихина), опубликованной в петербургском журнале «Образование». С личностью Пушкина, говорится в этой статье, у читателя из народа связываются разные анекдоты из его жизни, «Бог ведь какими судьбами проникшие в народную среду, иногда в искаженном виде». В сноске к этой фразе Ветринский опубликовал анекдот о встрече Пушкина с одним коррумпированным становым, ставший импульсом к созданию эпиграммы:

Пушкин жил в имении; в том стане становой был страшный взяточник, чрез что с Пушкиным, заступавшимся за обиженных, частенько бывали у него горячие споры. И вот пристава за долгую службу выслали орден; в это время в местном погосте была ярмарка, где пристав и захотел щегольнуть полученною наградою; на той же ярмарке был и Пушкин который, встретив станового и увидав у него в петлице орден, сказал: «*Господи Иисусе Христе, Ты спас разбойника на кресте, а нынче пришло ко мне горе, вижу — крест надет на воре*», чем будто бы и смутил станового.⁸

В 1967 году эту историю, со ссылкой на письмо «крестьянина Михаила Чихачева из Ашева Новоторжского уезда Псковской губернии», Б. С. Мейлах включил в статью «Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства».⁹

Эта же эпиграма цитировалась в «народной пушкинистике» как относящаяся к лицейскому эконому, «препорядочно набившему свой карман за счет желудков воспитанников, которые, конечно, крепко

⁷ Центральний державний історичний архів України, ф. 348, оп. 1, № 22, л. 124; здесь и далее курсив в цитатах мой. — *И. В.*

⁸ *Ветринский Ч.* Пушкин и читатель из народа: По поводу писем о Пушкине в «Сел<ьский> Вестник» // *Образование*. 1900. № 1. С. 94.

⁹ См.: *Мейлах Б. С.* Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства // *Пушкин: Исследования и материалы* Л., 1967. Т. 5. С. 110.

его не жаловали». Но начальство почему-то решило вознаградить его за службу орденом в петлицу или на шею, на что Пушкин написал «известную, в виде молитвы, эпиграмму: *«Господи Иисусе Христе! Ты спас вора на кресте. Теперь у вас другое горе: Спаси Ты крест на воре»*».¹⁰ Возможно, в этом анекдоте преломилось известное читателям конца XIX века отношение лицеистов к эконому Матвею Золотареву, пользовавшемуся скверной репутацией (по отзыву барона Корфа, он был «еще хуже жидов»¹¹). Ср. в лицейских сатирических куплетах:

Давайте петь Золотарева,
Хвала, хвала Золотарев!
Ты выдумал похабны яства,
Запиртал в пироги лекарства,
Тебя трясут за бакенбарду,
Ты спину гнешь и Эбергарду,
Искал Владимира в петлицу,
Набрел на Зассову сестрицу —
В петлицу влез З<олотаре>в.¹²

В свою очередь, князь С. Д. Урусов связал пушкинскую эпиграмму-молитву с всемогущим вельможей графом П. А. Клейнмихелем, якобы упрекнувшим поэта за то, что он не поздравил его с новым орденом:

Тогда Пушкин, воздев очи на новый крест, украшавший грудь Клейнмихеля, сказал следующий экспромпт: *«Боже праведный, Христе, Спас ты вора на кресте, — Теперь какое горе! Спаси ты крест на воре!!»* Молитва Пушкина услышана не была, ибо, как известно, и до наших дней многие кресты украшают воровские груди.¹³

По иронии судьбы именно либерал Урусов после кишиневского погрома¹⁴ был назначен бессарабским губернатором с заданием

¹⁰ Попов В. Энциклопедия остроумия: Собрание перлов всемирного остроумия. СПб.; М., 1904. С. 147.

¹¹ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 255.

¹² Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811—1817): Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 237.

¹³ Урусов С. Д. Русские портреты. London, 1909. С. 159.

¹⁴ Его размышления о причинах погрома и впечатления от судебного процесса см.: Урусов С. Д. Записки губернатора: Кишинев 1903—1904 г. 2-е изд., доп. London, 1908. С. 101—116.

водворить порядок «средствами культурными, без репрессий, без военного положения, усиленной и чрезвычайной охраны».¹⁵

Политические отголоски «пушкинской» эпиграммы, как мы полагаем, слышны в неподцензурном сатирическом послании Ф. А. Кони «Стихи к императору Александру II при восшествии его на престол» (1856?), обыгрывающем лежащий в основе «молитвы» каламбур-остроту:

Не жди, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка...
<...>
Где много есть свободных мест
Для угнетенья и позора;
Где вешают на вора крест,
А не на крест вздевают вора!
Где низость доставляет чин,
А чин дает на взятки право:
Кто низко ползал — исполнил,
Кто честно жил — упал без славы!¹⁶

В начале XX века «пушкинская» эпиграмма прочно вошла в общественный оборот. Так, знаменитый ботаник-физиолог К. А. Тимирязев цитировал ее в инвективе, направленной против «невежественных сил», которые скрываются «даже в рядах самих представителей науки»: «О Боже праведный Христе! / Ты, спасший вора на кресте, / Теперь другое горе — / Спаси свой крест на воре».¹⁷

Наконец, в 2006 году украинский исследователь Г. С. Киселев обнаружил в личном фонде городского головы Одессы и автора саркастических эпиграмм на чиновников П. А. Зеленого (1839—1912) список «полного» варианта этого стихотворения, в котором «отчетливая ироническая мысль» поэта приобрела сугубо морализаторский характер:

Крест в древни времена был казнию людей,
А нынче стал наградою судьей.

¹⁵ Цит. по: Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб., 2014. С. 69.

¹⁶ Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959. С. 167 («Б-ка поэта». Большая сер.).

¹⁷ Тимирязев К. А. Наука и демократия: Сб. статей, 1904—1919. Пг., 1916. С. 360.

Крест тот же, но не так его употребляют?
Не на кресте судей,
А крест на них цепляют.
О, господи, Иисусе Христе!
Ты спас вора на кресте.
Се ныне предстоит другое:
Спаси ты крест на воре.
А. Пушкин.¹⁸

«Неизвестно, как это стихотворение досталось П. А. Зеленому, — пишет Киселев, — но если исходить из оценки подлинных пушкинских стихов, находящихся в его деле, то он, во-первых, отбирал только те, в которых поэт предстает в своем свободолюбивом величии, во-вторых — проявляет ироническое отношение к государственным властям и их чиновной опоре». «Стихотворение, — заключает автор, — прежде не печаталось, да и не могло быть опубликовано в дореволюционной прессе».¹⁹

3

Следует заметить, что это передававшееся из уст в уста стихотворение атрибутировалось в XIX веке не только Пушкину, но и учителю С. Т. Аксакова, В. И. Панаева и Н. И. Лобачевского казанскому педагогу и стихотворцу Н. М. Ибрагимову (1778—1818). «Кто из старожил казанских, — вспоминал Н. Н. Булич, — не слышал четверостишия, обыкновенно приписываемого известному местному остроумцу, учителю словесности в гимназии и первому основателю в Казани Общества любителей российской словесности, Н. М. Ибрагимову, личность которого так симпатично обрисована в детских воспоминаниях Аксакова. Рассказывают, что на веселой попойке, устроенной директором гимназии и университета И. Ф. Яковкиным по случаю получения им какого-то ордена, Ибрагимов навеселе подошел к виновнику торжества и в присутствии всех обратился к нему с следующими словами: *“Господи Иисусе Христе! / Спас ты вора на кресте. / Теперь тебе другое горе — / Спасти крест на воре”*».²⁰

¹⁸ Одесский государственный областной исторический архив, ф. 162, оп. 1, № 17, с. 9 об. (цит. по: Киселев Г. С. Такая жизнь: Воспоминания, размышления, поэзия, научные статьи. Житомир, 2006. С. 247).

¹⁹ Киселев Г. С. Такая жизнь. С. 247.

²⁰ Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета. Казань, 1887. Ч. 1. С. 54. Впервые этот анекдот был напечатан в изд.: [Булич Н. Н.] Казанский

Эпиграмма Ибрагимова цитируется и в «Историческом вестнике» за тот же 1900 год, что и статья Ветринского. Любопытно, что эти же строки, с атрибуцией Ибрагимову, использовал в качестве эпитафии к 9-й главе поэмы «Казанский университет» (1970) Евгений Евтушенко.²¹

Между тем учитель географии А. Ф. Мартынов сообщал в 1891 году, что стихи эти якобы сочинил сам Яковкин в виде экспромта «на прокурора, получившего крест» (в этой же публикации отмечается, что этот текст «основательнее приписывается Пушкину»²²). В свою очередь, П. П. Суворов в «Записках о прошлом» (1898), рассказывая о коррупции в Сибири, приводит эти стихи как принадлежащие то ли казанскому поэту Ибрагимову, то ли Пушкину: «Господи, Иисусе Христе! / Ты спас вора на кресте; / — Теперь другое горе: / Спаси Ты крест на воре».²³

Насколько нам известно, это были первые в российской печати печатные указания на возможно пушкинское происхождение стихотворения. Единственное упоминание этой стихотворной остроты как псевдопушкинской находится в его библиографии со ссылкой на мемуары Суворова.²⁴ В современные издания и каталоги «мнимого» Пушкина эпиграмма на вора с крестом не включается.

Резонно было бы предположить, что грамотный новоторжский крестьянин из Ашева Чихачев отталкивался в своем письме в «Сельский вестник» от пушкинской версии происхождения этой эпиграммы, «спутившейся» в народную среду.

4

Но был ли Михаил Чихачев, написавший, согласно свидетельству Мейлаха, письмо, в котором приводился этот анекдот, кре-

университет в Александровскую эпоху // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. 1875. № 2. С. 241—288.

²¹ См.: Евтушенко Е. А. Казанский университет. М., 1971. С. 45; впоследствии автор заменил их в эпитафии на цитату из А. И. Ульяновой-Елизаровой: «С каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно одно: “Как Саша”» (Евтушенко Е. А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 234). Кто знает, может быть, таким образом советский поэт обыграл имя другого автора, которому приписывались стихи о воре на кресте.

²² Мартынов А. Ф. Из архива Нижегородской классической гимназии // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. 1891. Т. 1. Вып. 10. С. 437.

²³ Суворов П. П. Записки о прошлом. М., 1898. Ч. 1. С. 145.

²⁴ См.: Берков П. Н., Лавров В. М. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1886—1899. М.; Л., 1949. С. 205.

стьянином, бог весть каким образом узнавшим об этой легенде? Похоже, что не был. По крайней мере, фамилия этого рассказчика встречается в пушкинской биографии периода северной ссылки.

В 1826 году агент начальника Южных поселений гр. И. О. Витта Александр Бошняк был отправлен в Псковскую губернию с целью «возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян», и для «арестования его и отправления куда следует, буде бы он оказался действительно виновным». Следуя через Порхов на Новоржев, Бошняк получил первые сведения о Пушкине «на станции Ашеве», а затем «в новоржевской гостинице» познакомился с уездным заседателем Михаилом Чихачевым, который заявил, что с Пушкиным был сам лично знаком и что поэт «ведет себя весьма скромно и говаривал не раз: “Я пишу всякие пустяки, что в голову придет, а в дело ни в какое не мешаюсь. Пусть кто виноват, тот и пропадает; я же сам никогда на галерах не буду”». ²⁵ Михаил Николаевич Чихачев был морским офицером, участником Наполеоновских войн, вышедшим в отставку по болезни в конце 1821 года и поселившимся «в псковских родовых вотчинах». От отца он унаследовал 179 душ. Ему принадлежали в Новоржевском уезде село Михайловское, деревни Горки, Тюирово, Желнино, Веряндол, Черемша, Федорково, Загорицы и Соколово. Деревни Чихачева находились верстах в десяти от Михайловского. ²⁶ На несколько трехлетий этого помещика выбирали в заседатели Новоржевского уездного суда. Умер он в начале 1830-х годов (не позже 1834-го). ²⁷

Логичнее всего заключить, что именно этот Михаил Чихачев (дворянин, а не «лубочный» крестьянин) и был источником анекдота о Пушкине и незаслуженно получившем награду становом, впервые приведенного Ветринским без указания на конкретный источник (авторство). Добавим, что упоминание ярмарки, на которой Пушкин якобы произнес эту эпиграмму («становой был страшный взяточник, через что с Пушкиным, заступавшимся за обиженных, частенько бывали у него горячие споры <...> в это время в местном погосте была ярмарка, где пристав и захотел щегольнуть полученною наградой» и т. д.), согласуется с сообщением игумена Иоанна о том, как поэта однажды арестовал местный капитан-исправник

²⁵ Рапорт и «Записка о Пушкине» А. К. Бошняка... // Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1799–1829. СПб., 2007. С. 517, 518.

²⁶ См.: Псковская земля: История в лицах. М., 2006. Т. 1. С. 207.

²⁷ Чихачевы // Централизованная библиотечная система города Пскова [https://bibliopskov.ru/chihachovy/; дата доступа: 9 сентября 2025].

на ярмарке у стен Святогорского Успенского монастыря за странное поведение,²⁸ а знакомый становой пристав его освободил.

Соблазнительно предположить, что псковский судебный заседатель Чихачев описал по памяти реальный случай, и эпиграмму Пушкина, таким образом, можно было бы перенести из раздела «мнимого Пушкина» в предложенный Е. О. Ларионовой особый раздел «устных экспромтов» поэта, включающий «случайно сказанную рифмованную шутку, никогда самим автором не записывавшуюся, да, вероятно, и не запоминавшуюся».²⁹

Если наша версия о том, что в основе этого анекдота находились воспоминания дворянина Чихачева, верна, то возникает вопрос, как письмо этого пушкинского знакомого попало в конце столетия в «Сельский вестник», служивший «для многих читателей, особенно из глухих углов, единственным источником сведений о Пушкине и его творчестве».³⁰ Можно, конечно, допустить, что оно было написано одним из родственников и потомков Чихачева. Или что оно опирается на какой-то не дошедший до нас мемуар последнего. Или что Мейлах ошибочно (по инерции) конкретизировал автора как крестьянина. Или же мы имеем дело с чьей-то мистификацией, основанной на информации о реальном факте из пушкинской биографии.

Увы, ответить на этот вопрос мы не можем, но совершенно очевидно, что даже если история, рассказанная Чихачевым, случилась на самом деле, Пушкин не был сочинителем этой эпиграммы, а просто процитировал чужую «ходячую» остроту, примененную к подходящему случаю.

5

Действительно, текст «пушкинской» шутки представляет собой не что иное, как перевод известной с первой половины XIX века французской эпиграммы на получение господином де Казом

²⁸ Пушкин явился на ярмарку в белой крестьянской рубаше «с красными ластовками» и красным поясом «и вместе с нищими при монастырских воротах участвовал в пении стихов о Лазаре, Алексее, человеке Божиим, и других, тростию же с бубенчиками давал им такт, чем привлек к себе большую массу народа и заслонил проход в монастырь» (*Иоанн, игумен*. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 111).

²⁹ Ларионова Е. О. Мелочи о Пушкине. 3. Устные экспромты Пушкина и их место в собраниях сочинений // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2013. Вып. 31. С. 163.

³⁰ Мейлах Б. С. Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства. С. 99.

(M. de Caze) креста Почетного легиона, учрежденного Наполеоном в 1802 году:

Dans les temps affreux d'autrefois
On mettait sans pitié les voleurs sur la croix;
Grâce au changement de nos mœurs,
C'est la croix aujourd'hui qu'on met sur les voleurs.³¹

Эта эпиграмма, известная в разных вариантах,³² в XIX веке была переведена на несколько европейских языков и приписывалась перу нескольких поэтов.

На английский:

ON THE NOMINATION OF A NEW MEMBER
OF BONAPARTE'S LEGION OF HONOUR

In ancient times — 'twas no great loss —
They hung the thief upon the cross:
But now, alas! I say 't with grief,
They hang the cross upon the thief.³³

На итальянский:

In tempi men leggiadri e più feroci
i ladri si appendevano alle croci.
In tempi men feroci e più leggiadri
si appendono le croci in petto ai ladri.³⁴

³¹ *Reeve I. J.* The wild garland, or Curiosities of poetry. London, 1866. Vol. 2: Epigrams. P. 131. См. также: *Carey Ch. S.* A Commonplace Book of Epigrams analytically arranged. London, 1872. P. 168; *Weber F. P.* Aspects of Death and Correlated Aspects of Life in Art, Epigram, and Poetry. London, 1922. P. 368.

³² См. другой вариант этой эпigramмы, приписываемой «Alfred Nettetement, le baron de Planhal» (псевдоним французского литератора Этьена Леона де Ламот-Лангона (Étienne Léon Lamothe-Langon; 1786—1864)): «L'histoire nous dit qu'autrefois: / On pendait les voleurs aux croix: / Aujourd'hui les temps sont meilleurs / Et l'on pend les croix aux voleurs» (L'Intermédiaire des chercheurs et curieux. 1886. 25 juin. P. 369).

³³ The Portfolio by Oliver Oldschool. Philadelphia, 1818. P. 234.

³⁴ *Mazzini G.* Poesie giovanili. Milano, 1926. P. 149. Здесь же приводится итальянская история этой популярной политической эпigramмы, приписывавшейся разным авторам и возникшей, по мнению одного ученого, в 1860 году в связи с переносом столицы во Флоренцию, когда «начался большой дождь крестов», а по мнению Артуро Салуччи — перу самого Маззини в середине 1820-х годов (p. 149—152).

На испанский:

Cuando en oscuras andaban las naciones,
Colgabanse á las cruces los ladrones,
Desde que se encendieron tantas luces,
A los ladrones cuélganse las cruces.³⁵

Есть и португальская версия этой эпиграммы, датируемая серединой XIX века, — юмористический куплет, высмеивающий «показную набожность нечистых на руку людей»:

No tempo de barb'ras nações
Pregravam os ladroes nas cruces,
Hoje, no sec'lo das luzes,
Pregam as cruces nos ladroes.

<Во времена рожденья наций
Висели воры на крестах,
Теперь же, в век цивилизаций,
Кресты висят на всех ворах. — *порт.*>³⁶

Замечателен «русский след» в истории этой эпиграммы. В 1838 году российский дипломат и поэт-романтик барон Аполлоний фон Мальтиц (1795—1870) напечатал следующее переложение этого стихотворения с русского языка на немецкий:

DER DIEBISCHE BEAMTE UND ORDENSRIITTER
(AUS DEM RUSSISCHEN)

Jesus Christus, Herr der Liebe,
Rettetest den Dieb vom Kreuz;

³⁵ *Caballero F.* Nouvelles andalouses: Scènes de moeurs contemporaines. Paris, 1859. P. 324. Здесь приводится другой вариант французской эпиграммы: «Vous vous figuriez au village / Qu'on mettait en croix les voleurs; / Aujourd'hui c'est un autre usage: / On pend la croix sur les voleurs» («Вы воображали в деревне, / Что воров распинают на кресте; / Теперь же обычай иной: / Крест вешают на воров»). Острога о кресте на воре («la croix sur les voleurs») представлена в стихотворении поэта-песенника Эжена де Лонле (Eugène de Lonlay; 1815—1866) «Крест» («La Croix») об одном предприимчивом еврее (см.: *Lonlay E. de.* Éloge de Bruxelles. Bruxelles, 1885. P. 16).

³⁶ Приписывается первой исполнительнице фаду певице Марии Севере (Maria Severa; 1820—1846) (см.: *Calvalho P. de.* História do Fado. Lisboa, 1903. P. 180—181); перевод Т. Г. Торошиной (Торошина Т. Г. Фаду как объект лингвокультурологического и лингвостилистического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 11).

Nun entheb' uns größ' ren Leid's,
Rette nun das Kreuz vom Diebe.³⁷

Друг В. А. Жуковского, Мальтиц хорошо знал русскую поэзию и переводил на немецкий Пушкина, Лермонтова и Тютчева.³⁸ Одним из его любимых жанров была эпиграмма.³⁹ В 1836 году он вместе с капитаном 2-го ранга выпускником Царскосельского лицея П. А. Чихачевым (видимо, родственником псковского приятеля Пушкина, рассказавшего об эпиграмме на станового) составил обзор стран Латинской Америки. Насколько нам известно, публикация Мальтица является первым по времени указанием на российское происхождение этой поэтической шутки, скорее всего представлявшей собой перевод приведенного выше французского стихотворения. Существуют и другие немецкие варианты этой эпиграммы и лежащей в ее основе каламбурной шутки, в частности — опубликованный в 1850 году перевод, прямо атрибутированный русскому поэту Пушкину:

Christus! Du hast einst erlöset vom Kreuze den Dieb;
Schwerere Arbeit stehet jest Dir bevor:
Erlöse das Kreuz von den Dieben!⁴⁰

Вообще есть основания полагать, что истоки остроты на незаслуженный крест восходят к латинской средневековой традиции. Так, во время Первой мировой войны известный английский политик и образованный поэт-дилетант лорд Керзон опубликовал направленное против помпезного германского милитаризма стихотворное переложение латинской сентенции «Fertea Стух. Affixus olim fur cruci nunc stux fugi» («Железный крест. Крест, к которому был некогда привязан вор, теперь стал крестом на воре»):

In olden days they hanged the thief
And on the cross he clung

³⁷ *Maltitz A., von. Gedichte. Muenchen, 1838. Bd 2. S. 132;* перевод: «Чинovníк-вор и орденоносец (С русского) / Иисус Христос, Господь любви, / Ты спас вора с креста; / Теперь избавь нас от больших страданий, / Спаси теперь крест от вора» (нем.).

³⁸ Об истории российских связей Мальтица см.: *Киселев В. С. Друзья, поэзия, политика: Переписка В. А. Жуковского и А. фон Мальтица: 1822—1851 гг. // Переписка В. А. Жуковского и А. фон Мальтица, 1822—1851. Томск, 2022. С. 4—38.*

³⁹ См.: *Maltitz A., von. Drei Fähnlein Sinngedichte. Ein Fähnlein Sonette. Ein Fähnlein Fabeln. Ein Fähnlein Humor. Anhang. Berlin, 1844.*

⁴⁰ *Das Preussenthum und die hohenzollernsche Politik. Kassel, 1850. S. 25* («die beißendsten Epigramme, unter denen das des russischen Dichters Puschkin»).

But now we've turned another leaf
The cross on thieves is hung.⁴¹

Приведем русский перевод этого стихотворения, озаглавленный «На награждение одного человека орденом»:

В Риме был закон суров:
Вешали на крест воров.
Мы же, к нашему позору,
Стали вешать крест на вора.⁴²

Любопытно, что в XX веке приписанная Пушкину оскорбительная стихотворная острота стала предметом судебного разбирательства в Америке и даже вошла в анналы американской юриспруденции. В 1936 году Иллинойский апелляционный суд рассмотрел иск американского гражданина польского происхождения доктора Казимира Журавского против польскоязычного американского издания «Dziennik Zjednoczenia». Журавский получил орден от правительства Польши за государственные заслуги, но редактор газеты решил, что эта награда была незаслуженной, и включил в свою статью эпиграмму Пушкина, написанную по случаю награждения орденом «вора». В материалах дела она воспроизводится по-английски:

Oh! Lord God Jesus Christ!
You have saved a thief on a cross
And now you have new trouble
To save a cross on a thief!⁴³

Журавский счел эту опубликованную в газете эпиграмму диффамацией, но апелляционный суд не внял его доводам:

Истец заявил, что смысл статьи заключался в том, чтобы назвать его «вором», однако суд пришел к выводу, что статья не может быть истолкована таким образом. <...> Мы не можем согласиться с доводами адвоката истца о том, что слово «вор» в статье

⁴¹ Curzon of Kedleston G. N. War Poems and Other Translations. London, 1915. P. 40.

⁴² Бен Г. Английская и американская эпиграмма // Время и мы. 1978. № 78. С. 92.

⁴³ The United States Court of Appeals for the Seventh Circuit. № 10174. Chicago, 1950. P. 15.

означает, будто истец совершил преступление, квалифицируемое как кража. В представленных нам фактах отсутствует что-либо, что указывало бы на предъявление обвинения, способного поставить под сомнение честность истца. Использование слова «вор» в рассматриваемой статье не было прямо применено к истцу с намерением создать у читателей впечатление, что истец виновен в совершении кражи. И если использованные слова не создают у читателя представления о том, что истец является вором в смысле совершения преступления, предусмотренного законом, то эти слова не являются клеветой, как это утверждается.⁴⁴

Иначе говоря, оскорбительная эпиграмма о «воре с крестом» была истолкована судом как фигура речи, иск был отклонен, а «пушкинское» пятно на репутации Журавского осталось.

6

Обратимся к прагматике этой «ветхой» эпиграммы. Как мы видели, отличительным свойством последней является не только ее «переменное авторство» (Пушкин или Ибрагимов), но и «переменная» сатирическая адресация (апликация), запрограммированная в ее изначальном, «западном» бытовании.

Так, к приведенному выше перечню российских объектов насмешки добавим упомянутого в мемуарах вице-председателя Новороссийского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевича (1806—1883) губернского предводителя Воеводского, которого за раздачу пособий разоренным во время войны 1812 года помещикам власти пожаловали Владимирским крестом, но, узнав о его лихоимстве, удалили от должности. «На его счет, — вспоминал Мурзакевич, — кто-то импровизировал: *О Господи! Ты спас разбойника на кресте, / Теперь предстоит другое горе: / Спаси Ты крест на воре!*»⁴⁵ (на этот анекдот ссылался в 1914 году А. Амфитеатров⁴⁶).

Наконец, к тем же самым стихам, но без указания на чье-либо авторство, отсылают читателя написанные в эмиграции воспоминания «Очерки уголовного мира царской России» начальника Московской сыскальной полиции Аркадия Францевича Кошко (1867—1928). В них эта евангельская шутка применена, как и в истории о погроме, к священнику (то есть место креста св. Владимира занимает наперсный крест). Настоятель церкви Литовского тюремного

⁴⁴ Ibid. P. 15—16.

⁴⁵ Русская старина. 1887. № 1. С. 27.

⁴⁶ См.: Амфитеатров А. Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 5. С. 477.

замка о. Владимир Воздвиженский, вспоминает Кошко, «принадлежал <...> к тому редкому типу православных пастырей, не верующих ни в Бога, ни в черта и видящих в своем священстве лишь доходную статью, стремясь извлечь из всего максимальную выгоду, не брезгуя при этом никакими средствами». Мемуарист указывает, что «и частная жизнь о. Владимира была порочна: вечные кутежи, иногда даже оргии, карты и женщины, — вот его обычное времяпрепровождение». Кошко и его подчиненный В. Г. Филиппов вызвали священника на допрос. «Откормленный человек с рыжей бородой, волнистыми кудрями, в шелковой рясе», о. Владимир старался держать себя «приветливо, независимо и боголепно». Но Филиппов прервал его: «А знаете ли, батюшка, что на Голгофе, рядом со Спасителем, висел и вор на кресте, а вот здесь — крест висит на воре! — и он указал на наперсный крест батюшки...» В итоге за свои спекуляции «отец Владимир был лишен сана и приговорен к полтора годам арестантских работ».⁴⁷

Для полноты картины приведем также свидетельство агента советской разведки, что некий отец Иона, «член шан-хуя», делегированный белогвардейскими заговорщиками в Китай «для отыскания средств существования белой эмиграции и военных отрядов», получил перед отъездом в подарок золотой крест с бриллиантами. По поводу этого дара было сочинено четверостишие: «Господи, ты спас вора на кресте, спаси же теперь крест на воре».⁴⁸

О тривиализации остроты о кресте и воре в XX веке свидетельствует новелла Николая Атарова, герой которой, играя в билиард, «после каждого положенного шара приговаривал: “Господи, ты спас вора на кресте, спаси теперь крест на воре”» (возможно, речь идет о меченном крестиком шаре-битке).⁴⁹

7

Очевидно, что стихи, с угрозой переадресованные кишиневским интеллигентом-погромщиком человеколюбивому священнику, в начале XX века связывались с пушкинской легендой в народном (крестьянском) преломлении (о пушкинском знакомце дворянине

⁴⁷ Кошко А. Ф. Розовый бриллиант: Очерки уголовного мира царской России. М., 2015. С. 134.

⁴⁸ Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 507.

⁴⁹ Атаров Н. С. Настоящее время: Рассказы. М., 1939. С. 211. Шутка о кресте на воре упоминается и в романе «Цусима» (1932) А. С. Новикова-Прибоя: «Раньше разбойников вешали на крестах, а теперь наоборот — разбойникам вешают на грудь кресты» (Новиков-Прибой А. С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1963. Т. 3. С. 358).

Чихачеве погромщик, конечно, ничего не мог знать). В этой легенде эпиграмма-молитва, восходящая к французскому источнику, неизменно относилась к коррумпированному (недостойному награды) представителю власти или духовенства (эконому, становому, вельможе, губернскому предводителю дворянства, прокурору, университетскому администратору, военному, ученому-карьеристу и, наконец, священнику) и ассоциировалась, как уже говорилось, с орденом или наперсным крестом.

Примечательно, что в цитате, приведенной в обнаруженном Екатериной Правиловой протоколе,⁵⁰ обращение к Иисусу может быть также отсылкой к «православному мифу» о Пушкине, якобы скончавшемся, «осенив себя крестным знамением» и с молитвенным обращением «Господи Иисусе Христе»⁵¹ (отсутствующая во всех версиях «стихотворения Пушкина» форма «господине» в протоколе допроса, кажется, имеет южнославянское или украинское происхождение).

Как известно, российские церковные деятели осудили кровавый погром 1903 года. Даже антисемитски настроенный архиепископ Антоний Вольнский (1863—1936), по воспоминаниям В. В. Шульгина, «произнес речь с крестом в руках с церковного амвона», содержание которой сводилось к следующему:

— Люди, совершившие кровавую расправу над евреями в Кишиневе, не смеют называть себя христианами. Они поддались бесовскому наваждению. Христиане не смеют забывать, что господь наш Иисус Христос по плоти был евреем, так же как и святые его апостолы. Мать Иисуса Христа была еврейка. Она имела родственников среди своего родного народа. Потомки их, быть может, и сейчас живут в еврейской среде. Ужасно подумать, что среди убитых в Кишиневе, быть может, есть люди, в жилах которых струилась кровь, близкая крови богоматери, пресвятой Марии.⁵²

В материалах судебного дела и газетах подчеркивалось, что в организации погрома участвовали представители местной шовинистически настроенной интеллигенции. Согласно показаниям пристава Лучинского, некий Балдырь, содержатель трактира «Версаль», предъявил ему «грамотно и логично» составленное «письмо, в ко-

⁵⁰ См. выше примеч. 7.

⁵¹ Чернавин И., *прот.* Пушкин как православный христианин. Прага, 1936. С. 22.

⁵² Шульгин В. В. Годы: Воспоминания бывшего члена Государственной думы. М., 1979. С. 95.

тором говорилось, что евреи распяли Христа, бранят нашего Батюшку-Царя, убили христианского мальчика в Дубоссарах, и предлагалось разгромить евреев на Пасху» (очевидно, что именно эта «методичка» лежит в основе свидетельства священника из кишиневского протокола: «...кто же, батюшка, Христа распял <...> вот и батюшка говорит, что жида Христа распяли, и советует бить жидов»). Другой свидетель, подполковник Тарновский, арестовал «старика-интеллигента, кричавшего громилам “валяй, ребята”». Этот провокатор «возбуждал громил своим авторитетом, оказывал влияние на толпу, подстрекая ее».⁵³

Интересно было бы попытаться идентифицировать долговязое «интеллигентное лицо», натравлявшее, по свидетельству полковника Гинейко, толпу громил на еврейское население и угрожавшее священнику словами псевдо-Пушкина. Этого активиста, видимо, следует искать среди сочинителей провокационных прокламаций и журналистов местных антисемитских газет, воспринимавших поэта как самое воплощение «русского духа», ярого националиста, воспевавшего любовь к царю, родному пепелищу и отеческим гробам (возможно, что текст «пушкинской» эпиграммы приводился в одной из таких публикаций). Большим почитателем Пушкина был, в частности, издатель и рупор юдофобских газет «Бессарабец» и «Знамя» П. А. Крушеван (1860—1909) — в свое время автор статей и стихов о поэте:

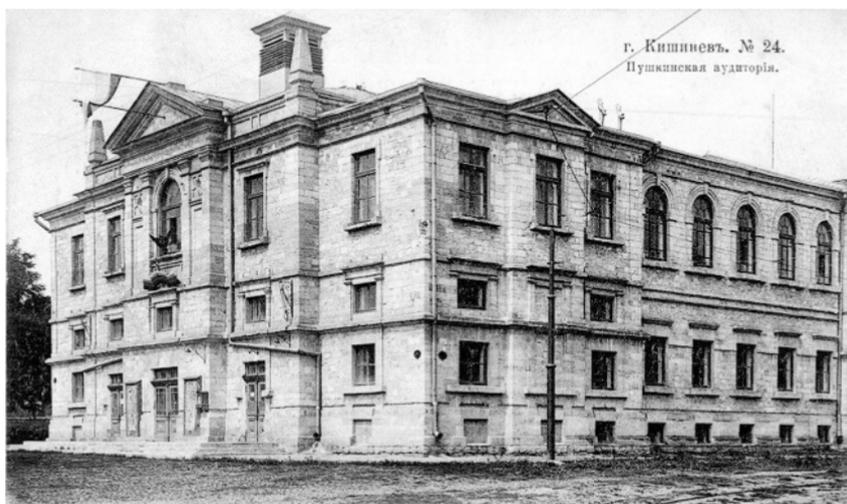
Сбылось твое пророческое слово:
«Народная тропа не заросла»...
И даже здесь, где ты в изгнании томился,
Где осужден был тосковать,
Родной народ теперь соединился,
Чтобы достойное достойному воздать.⁵⁴

В этом контексте символично, что в первую очередь разгрому подверглись еврейские магазины на Пушкинской улице Кишинева (там же, к слову сказать, находился и «народный театр» Пушкинская аудитория, курировавшийся русскими националистами).⁵⁵

⁵³ Кишиневский процесс: Показания свидетелей // Освобождение. 1904. № 15—16. С. 271.

⁵⁴ Цит. по: Кишиневские чтения. № 24: Легенды и были Казенного сада и его окрестностей от краеведа и кафедржиу Александра Стукалова [<https://www.md.kp.media/daily/27362/4544313/>; дата доступа: 13 марта 2025].

⁵⁵ Среди участников погрома были и представители власти. Впоследствии владелец разграбленного ювелирного магазина на Пушкинской пожаловался на околоточного надзирателя Кукурузу за похищение ложек (см.: Кишиневский процесс: Показания свидетелей. С. 279).

Кишинев. Пушкинская аудитория. Открытка нач. XX века

С гораздо большей уверенностью мы можем говорить о том, кем был тот человеколюбивый священник, которому угрожал погромщик-интеллигент. Скорее всего, речь здесь идет не о загадочном Чигире (ошибка протоколиста), а об известном кишиневском православном деятеле, просветителе гагаузского народа протоиерее Михаиле Чакире (1861—1938), речи которого были недавно собраны и опубликованы в Молдавии.⁵⁶ Чакир был монархистом, сторонником русификации своего народа и, судя по всему, проповедником, близким к кругу русских националистов. По иронии судьбы именно он несколько лет спустя произнес «прочувствованное слово» памяти Крушевана «во время запричастного стиха перед телом покойного редактора газеты “Друг”», а затем участвовал в благодарственном молебне по случаю четырехлетия со дня основания Бессарабского отдела Союза русского народа в Пушкинской аудитории.⁵⁷

⁵⁶ См.: Чакир М., *прот.* Статьи по истории гагаузов Бессарабии в журнале «Viata Basarabiei» (Бессарабская жизнь) / Сост. В. Цвиркун, И. Думиника, В. Сырф. Кишинев, 2018; Священник Михаил Чакир: Публикации автора и материалы о нем в журнале «Кишиневские епархиальные ведомости» / Сост. И Думиника, В. Сырф. 2-е изд. Кишинэу, 2022.

⁵⁷ Священник Михаил Чакир. С. 414, 443. В конце 1900-х годов в Пушкинской аудитории прот. Михаил Чакир проводил религиозно-нравственные беседы для народа. Одна из них (21 марта 1910 года) была посвящена силе креста и крестного знамения (см.: Там же. С. 431). В 1911 году на заседании Христорождественского Братства и епархиального съезда духовенства он сообщил, что

Но Кишиневский погром, судя по приведенному протоколу, он, слава Богу, не поддержал.

Разумеется, поэзия Пушкина с антисемитской повесткой не имеет ничего общего. Сам же Кишинев был городом, связанным со множеством пушкинских историй, стихотворений и апокрифов,⁵⁸ затрагивавших и еврейско-евангельскую тему. Здесь были написаны эротическая пасхальная шутка «Христос воскрес, моя Ревекка...» и игривая «Гавриилиада», породившие легенду о тогдашней связи поэта с некой молодой еврейкой. Как утверждает (неизвестно на чем основываясь) современный автор, один из внебрачных кишиневских потомков Пушкина был убит как раз во время погрома на Пасху 1903 года: «Приняли за жида. Волосы отчаянно кучерявились...»⁵⁹ Это явная, но по-своему, увы, правдоподобная фантазия.

* * *

Подведем итог. Обнаруженную историком в материалах кишиневского процесса «пушкинскую молитву» следует отнести к ряду «мнимых» или «устных» поэтических высказываний поэта, восходящих к традиции «тенденциозного» или «оскорбительного» (во фрейдовской интерпретации) французского острословия и приобретающих «реальность» в практической (идеологической, политической, «воровской») инструментализации пушкинского имени и творчества. Можно сказать, что в российской культурной мифологии поэту постоянно приходится «вещать» и «шутить» в соответствии с досужим любопытством и убеждениями окружающих его у подножья «креста честного» политически ангажированных интерпретаторов.

Илья Виноцкий

«в день принесения Гербовецкого образа Божией Матери евреи смущали христианскую прислугу, спрашивая ее, чтобы она сама сказала, как Пресвятая Дева могла чудесно родить, разве это возможно?» (Там же. С. 476).

⁵⁸ См. нашу работу о кишиневских стихах «Дракула руссула» — мнимого Пушкина (Виноцкий И. Ю. Призраки Пушкина: Национальный поэт на rendez-vous. М., 2025. С. 85—104).

⁵⁹ Лорченков В. В. Бессарабский романс. Ч. 1 // Урал. 2021. № 4. С. 26; ср. в мемуарах о кишиневской жизни Пушкина: «Бывало, Пушкин часто гулял в городском саду. Но всякий раз он переодевался в разные костюмы. Вот уж смотришь — Пушкин серб или молдаван, а одежду ему давали знакомые дамы. Молдаваны тогда рясы носили. В другой раз смотришь — уже Пушкин турок, уже Пушкин жид, так и разговаривает, как жид» (цит. по: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. 6-е изд., значит. доп. М., 1936. Т. 1. С. 195).

КТО СКРЫВАЛСЯ ЗА ЛИТЕРАМИ Ж. К. и Д. Р. К. В «СЫНЕ ОТЕЧЕСТВА» И «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЕ» (1823—1827)?

В 1823—1827 годах в журнале «Сын отечества» и газете «Северная пчела» был помещен ряд подписанных криптонимами «Ж. К.» и «Д. Р. К.» статей, в которых затрагивались актуальные проблемы литературы и журналистики, причем нередко шла речь о Пушкине и литераторах из его окружения.¹ Написанные живо и полемично, они вызвали повышенный интерес у современников и большое число откликов. Историки литературы часто цитировали эти тексты (прежде всего «Письма на Кавказ») и нередко указывали, кто за ними стоял, но при этом редко кто приводил аргументы, а если приводил, то они были достаточно случайными и не очень убедительными.

Н. А. Полевой считал, что эти тексты написаны одним человеком: «...прошу сообразить рецензии и Ж. К., и Д. Р. К. — одни мысли, одинакий способ выражаться, и что угодно говорите, изд<атель> С<ына> О<течества>, а Ж. К. и Д. Р. К. одна и та же особа, только в двух масках».² А библиографа и историка книжного дела С. Д. Полторацкому он прямо писал, что Д. Р. К. — это Булгарин.³ После того как П. А. Вяземский выступил с критикой статьи Д. Р. К. «Возражения на статью, помещенную в № 4 “Московского телеграфа”, под заглавием “Жуковский — Пушкин — о новой пиитике басен”. Соч. князя П. А. Вяземского», Владимир

¹ Часть отзывов о Пушкине была републикована в сборнике «Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827» (СПб., 1996; 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001); там же в комментариях был помещен содержательный обзор сделанных ранее атрибуций, написанный Е. В. Лудиловой. Отметим, что в этом ценном издании были опущены краткий отзыв Ж. К. о «Кавказском пленнике», который был назван «прекрасным явлением» в первом «Письме на Кавказ» (Сын отечества. 1823. Ч. 87. № 1. С. 11), развернутая критическая характеристика «Песни о вещем Олеге», данная Д. Р. К. во втором «Письме на Кавказ» в «Сыне отечества» 1825 г., сопровождающаяся замечанием, что «никто более меня не уважает Пушкина» (№ 3. С. 308—309), и его же хвалебный отзыв о второй главе «Евгения Онегина» в третьем «Письме на Кавказ» 1827 г. (№ 8. С. 379—380).

² [Полевой Н. А.] Обзорение критических и антикритических статей и замечаний на Московский Телеграф... // Московский телеграф. 1825. Ч. 4. № 13. Особое прибавление. С. 45. О том же Полевой писал и на с. 47.

³ См.: Салинка В. Письма Н. А. Полевого к С. Д. Полторацкому // Lietuvos TSR aukstuju mokyklu mokslu darbai. Lietuvos TSR aukstuju mokyklu mokslu darbai [Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР]. Literatura. Вильнюс, 1966. Вып. 9. С. 308.

Алексеевич Муханов 22 апреля 1824 года писал брату Николаю: «От души сожалею, что Вяземской на свою беду заваривает кашу с Булгариным»,⁴ то есть идентифицировал Д. Р. К. именно с ним.

Библиограф С. И. Пономарев полагал, что Д. Р. К. — это Н. И. Греч,⁵ это мнение разделяли Ю. Г. Оксман⁶ и Б. В. Томашевский, согласно которому «часть письма (в «Сыне отечества» № 3 за 1825 год. — *А. Р.*) подписана “Д. Р. К.” и, по-видимому, писана Гречем. Все письма на Кавказ подписаны “Ж. К.” и, вероятно, писаны Булгариным».⁷

Н. И. Мордовченко, напротив, считал, что Д. Р. К. — это Булгарин, а Ж. К. — Греч.⁸ Этой же точки зрения, ссылаясь на него, придерживалась А. В. Архипова.⁹ Г. А. Лапкина тоже утверждала, что «те из них <«Писем на Кавказ»>, которые подписаны инициалами “Ж. К.”, безусловно принадлежат Гречу».¹⁰ Д. Р. К. как Булгарина рассматривал и М. И. Гиллельсон.¹¹

В. Э. Вацууро не стал указывать, кто стоит за псевдонимами, и просто писал о высказываниях Д. Р. К. и Ж. К.,¹² однако намекал, что за этими псевдонимами стоят Греч и Булгарин: «Здесь (речь идет о «Сыне отечества». — *А. Р.*) выступали журнальные маски: некий “Ж. К.”, некий “Д. Р. К.”, спорящие друг с другом и с “Северной пчелой”. Споры были нехитрой журнальной тактикой: суждения “Пчелы” и Бестужева повторялись почти буквально».¹³

⁴ Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина. М., 1906. Вып. 5. С. 271.

⁵ См.: Пономарев С. И. Материалы для словаря псевдонимов // Русский календарь на 1881 г. А. Суворина. СПб., 1880. С. 285; подп.: С. Железняк.

⁶ См.: Оксман Ю. Г. Примечания // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений / Ред., предисл. и примеч. Ю. Г. Оксмана. Л., 1934. С. 467 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813–1824). С. 553.

⁸ Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 195, 207, 249, 251, 309, 356, 423.

⁹ См.: Архипова А. В. Эстетические воззрения и литературная критика декабристов // Очерки истории русской литературной критики. СПб., 1999. Т. 1: XVIII — первая четверть XIX в. С. 302, 313–315.

¹⁰ Лапкина Г. А. Театральная критика в 1810–1820-е годы // Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая половина XIX века. Л., 1975. С. 85.

¹¹ См.: Гиллельсон М. И. Комментарии // Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 327.

¹² Вацууро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 39–41.

¹³ Там же. С. 39.

Н. К. Пиксанов полагал, что Греч — это и Д. Р. К., и Ж. К.,¹⁴ а В. П. Мещеряков считал, что каждым из этих псевдонимов пользовались и Греч, и Булгарин.¹⁵

И наконец, В. Г. Базанов тоже утверждал, что псевдонимами Ж. К. и Д. Р. К. пользовался один человек, которым он счел Д. М. Княжевича.¹⁶

Как видим, высказывались абсолютно противоположные мнения, причем среди сторонников каждой из версий были весьма авторитетные ученые. Дав краткий обзор имеющихся атрибуций, Л. С. Флейшман справедливо отмечал, что «недостатки <...> изложенных нами гипотез заключаются не в их внешнем неправдоподобии — хотя некоторые заявления в Кавказских письмах с трудом согласуются с обеими версиями, — но в отсутствии необходимой аргументации».¹⁷ Сам Флейшман считал близкой к истине точку зрения Мордовченко, но отмечал и слабые ее стороны.¹⁸ Е. В. Лудилова, тоже склонная принять мнение Мордовченко, тем не менее писала: «Вряд ли представляется возможным с уверенностью решить вопрос об авторстве “Писем”...»¹⁹

До сих пор систематического изучения статей Ж. К. и Д. Р. К., важных для понимания литературной ситуации середины 1920-х годов, никто не предпринимал. Ниже я попробую приблизиться к решению этой загадки. Итальянский историк Карло Гинзбург не раз писал, что труд историка литературы во многом близок к деятельности расследователя преступлений,²⁰ — на мой взгляд, это особенно касается механизма атрибуции. Попробую и я провести следствие по правилам криминалистики. Прежде всего — о «составе преступления». Вот список текстов, о которых идет речь:

¹⁴ См.: Пиксанов Н. К. Комментарии // Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 2. С. 304, 305, 308. Со ссылкой на Пиксанова это мнение закреплено в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова (М., 1956. Т. 1. С. 318, 373).

¹⁵ См.: Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983. С. 173—175.

¹⁶ См.: Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 312.

¹⁷ Флейшман Л. С. Из истории элегии в пушкинскую эпоху // Пушкинский сборник. Рига, 1968. С. 47—48.

¹⁸ См.: Там же. С. 47.

¹⁹ Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. СПб., 1996. С. 423—424.

²⁰ См., например: Гинзбург К. 1) Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история / Пер. с ит. С. Л. Козлова. М., 2004. С. 189—241; 2) Судья и историк: размышления на полях процесса Соффи / Пер. с ит. М. Б. Велижева. М., 2021. С. 22—30.

1. Письма на Кавказ. I // Сын отечества. 1823. Ч. 83. № 1. С. 3—18; подп.: Ж. К.
2. Письма на Кавказ. 2 // Сын отечества. 1823. Ч. 83. № 2. С. 110—122; подп.: Ж. К.²¹
3. Письма на Кавказ. [4] // Сын отечества. 1823. Ч. 85. № 20. С. 258—270; подп.: Ж. К.
4. Письмо в Москву, к Петр<у> Александр<овичу> Мух<а-но>ву // Северная пчела. 1825. № 14. 31 янв.; № 15. 3 февр.; подп.: Д. Р. К.
5. Письма на Кавказ. 1 // Сын отечества. 1825. Ч. 99. № 1. С. 44—59; подп.: Ж. К.
6. Письма на Кавказ. 2 // Сын отечества. 1825. Ч. 99. № 2. С. 192—214; № 3. С. 302—321; № 4. С. 387—405. В первых двух номерах подписи нет, в конце письма в № 4 подпись Д. Р. К., но в «Третьем письме на Кавказ» на с. 57 сообщается, что начало письма (до с. 199 № 2) написано Ж. К.
7. Ответ на замечания, помещенные в Русском инвалиде, № 38, стр. 153 // Сын отечества. 1825. Ч. 99. № 4. С. 439—440; подп.: Д. Р. К.
8. Третье письмо на Кавказ // Сын отечества. 1825. Ч. 100. № 5. С. 57—67; подп.: Ж. К.
9. Возражения на статью, помещенную в № 4 «Московского телеграфа», под заглавием «Жуковский — Пушкин — о новой пиитике басен». Соч. князя П. А. Вяземского // Сын отечества. 1825. Ч. 100. № 7. С. 280—299; подп.: Д. Р. К.
10. Четвертое письмо на Кавказ // Сын отечества. 1825. Ч. 101. № 9. С. 67—80; № 10. С. 195—216; подп.: Д. Р. К.
11. Письма на Кавказ о литературе, науках и искусствах. Письмо первое // Сын отечества. 1827. Ч. 111. № 1. С. 57—76; подп.: Д. Р. К.
12. Письма на Кавказ о литературе, науках и искусствах. Письмо второе // Сын отечества. 1827. Ч. 111. № 2. С. 186—201; подп.: Д. Р. К.
13. Письма на Кавказ о литературе, науках и искусствах. Письмо третье // Сын отечества. 1827. Ч. 112. № 8. С. 372—381; № 9. С. 63—80; подп.: Д. Р. К.
14. Журнальная ланкастерская система взаимного прославления // Северная пчела. 1827. № 52. 30 апр.; подп.: Д. Р. К.

²¹ Третье письмо этого года, посвященное французской литературе, подписано криптонимом «М.» (см.: Письма на Кавказ. 3 // Сын отечества. 1823. Ч. 87. № 3. С. 123—130; № 6. С. 261—278). Этот текст слишком мал для атрибуции, поэтому в данной статье мы его не рассматриваем.

Теперь о подозреваемых. Как мы видели, и современники, и историки литературы прежде всего рассматривали в качестве авторов Греча, издателя и редактора «Сына отечества», и Булгарина, издателя и редактора «Северного архива». В 1825 г. они объединились и стали вместе издавать эти журналы и газету «Северная пчела». Оставим и мы их как основных подозреваемых. Теоретически возможны следующие основные варианты:

- Д. Р. К. — Греч, Ж. К. — Булгарин,
- Д. Р. К. — Булгарин, Ж. К. — Греч,
- Д. Р. К. — Греч и Булгарин, Ж. К. — Греч и Булгарин,
- Д. Р. К. — Греч, Ж. К. — X,
- Д. Р. К. — X, Ж. К. — Булгарин,
- Д. Р. К. — Греч и Булгарин, Ж. К. — X,
- Д. Р. К. — X, Ж. К. — Греч и Булгарин,
- Д. Р. К. — X, Ж. К. — Y.

Греч и Булгарин не раз отрицали свое авторство. Греч сделал это, начиная публикацию писем Ж. К. Печатая первое из них, он поместил следующее примечание: «Благодаря г. Ж. К. за сообщение сего письма, покорнейше просим о продолжении, предоставляя себе право печатать его корреспонденцию с некоторыми с нашей стороны замечаниями. *Изд.*».²² Через год он писал: «Письма на Кавказ в “Сыне Отечества” писаны не издателем: этому можем представить доказательства».²³ В мартовском номере «Сына отечества» за 1827 год, в примечании к одной из статей, Булгарин утверждал: «В 1825 году я все критические статьи моего сочинения на “Телеграф” подписывал или буквами А. Ф., или буквами Ф. Б. и не участвовал в московской литературной войне, а только защищался».²⁴ 30 апреля 1827 года он писал Н. А. Полевому: «...прошу не принимать меня никогда за Д. Р. К., ниже за автора “Кавк<азских> писем” — я всегда Ф. Б. или Архип Фадеевич Зеров».²⁵ Однако особой силы эти утверждения не имеют. Кто же из преступников по своей воле сознавался в преступлении?

Показаниями свидетелей мы не располагаем. Даже если бы кто-то видел наборную рукопись, это бы ни о чем не говорило, так

²² Сын отечества. 1823. Ч. 83. № 1. С. 3.

²³ Греч Н. Нечто о нынешней русской словесности // Сын отечества. 1824. Ч. 91. № 1. С. 74.

²⁴ Сын отечества. 1827. Ч. 112. № 6. С. 174.

²⁵ «Благо разрешился письмом...»: Переписка Ф. В. Булгарина / Сост. А. И. Рейтблат; Подгот. текста и коммент. Н. Н. Акимовой и А. И. Рейтבלата. М., 2025. С. 125.

как автор мог отдать ее переписчику и лишь после этого представить редактору. С уликами тоже не густо: прямых улик у нас три. Во-первых, при последнем появлении псевдонима Д. Р. К. (псевдоним Ж. К. последний раз был употреблен еще раньше) читаем: «Из номеров 19 и 20 “Северной пчелы” известно нашим читателям, каким высокопарным образом издатель “Русского инвалида” и “Славянина”, в №№ 38 и 39 первого из сих изданий, превознес издателя “Московского телеграфа”». ²⁶ Тут автор прямо говорит, что является издателем «Северной пчелы».

Во-вторых, как отметили Е. Лямина и Н. Самовер, ²⁷ Булгарин вспоминал: «В защите Крылова, в 1824 году <...> я сказал, что “в баснях Крылова медведь — русский медведь и курица — русская курица”». ²⁸ Но он ошибся, указывая год. Это в 1825 году во втором «Письме на Кавказ» Д. Р. К. утверждал, что в баснях Крылова «с прелестью поэзии соединено что-то русское, национальное», в них «мы видим русскую курицу, русского ворона, медведя, соловья и т. п.». ²⁹ Таким образом, Булгарин признал, что Д. Р. К. — его псевдоним. ³⁰

И, наконец, в-третьих: Булгарин писал Гречу 16 июля 1823 года (в это время он тоже находился в Петербурге, а значит, письмо было отправлено с посыльным и не предполагало постороннего читателя, так что ему не было никакого смысла писать неправду): «...твои “Кавказские письма” заинтересовали всех. Это твой род: ты шубравец в душе». ³¹ Причисление Греча к числу шубравцев очень важно для нашего следствия. Имеется в виду виленское «Товарищество шубравцев» (1816—1822; «шубравец» по-польски — плут, пройдоха) — объединение преподавателей Виленского университета, регулярно собиравшихся и в шутовской форме высмеивавших пороки польской шляхты (пьянство, увлечение картами, сутяжничество, суеверия и т. п.). Булгарин был с 1819 года его членом ³² и печатался в сатирической газете шубравцев «Wiadomości brukowe» («Уличные

²⁶ Северная пчела. 1827. № 52. 30 апр. Курсив наш. — А. Р.

²⁷ См.: Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Иван Крылов — Superstar: Феномен русского баснописца. М., 2024. С. 527—528.

²⁸ Булгарин Ф. В. Воспоминания об И. А. Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений // Северная пчела. 1845. № 9. 12 янв.; подп.: Ф. Б.

²⁹ Сын отечества. 1825. Ч. 99. № 3. С. 313.

³⁰ Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Иван Крылов — Superstar: Феномен русского баснописца. С. 527—528.

³¹ «Благо разрешился письмом...». С. 168.

³² См. протокол заседания шубравцев, на котором он был избран: Видок Фиглярин: Письма и записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 139—140.

известия»³³. Тексты шубравцев носили игровой характер, они использовали аллюзии, недомолвки, эзопов язык; отличительной чертой творчества шубравцев была масочность.³⁴ Некоторое представление о творчестве шубравцев дают русскоязычные публикации О. И. Сенковского (тоже входившего в число шубравцев), подписанные многочисленными псевдонимами: Барон Брамбеус; Доктор Карл фон Биттервассер; Иван Иванов, сын Хохотенко-Хлопотунов-Пустяковский, отставной подпоручик, помещик разных губерний и кавалер беспорочности; Тютюнджю-Оглу-Мустафа-Ага и т. п.

«Шубравскость» «Писем на Кавказ» заключается в беллетризации критического текста и создании игрового мира. В письмах появляются фиктивные персонажи (М., Ю., адресат письма) с указанием мест их пребывания, а М. (находящийся якобы в Париже) и сам участвует в написании писем (его небольшое письмо приведено в постскриптуме ко второму письму 1823 года, а третье письмо вообще приписано ему). Кроме того, письма содержат критику Греча³⁵ и снабжены примечаниями, подписанными «Изд.» (то есть Греч), в которых содержатся полемические замечания по поводу высказываний Ж. К.

Косвенными уликами можно считать показания людей, которые были близки с Гречем и Булгариным. Так, А. А. Бестужев в обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» упоминал «Письма на Кавказ самого издателя <«Сына отечества»>».³⁶ А. Е. Измайлов писал 25 января 1823 года П. Л. Яковлеву, что Греч «с братиею печатает у себя под чужим именем “Письма на Кавказ”».³⁷

Кроме того, мы располагаем большим массивом текстов, напечатанных под указанными псевдонимами, которые могут содержать информацию об авторах — факты их биографии, сведения об их образе жизни, сфере компетенции, стиле (излюбленные словечки,

³³ См.: *Mejszutowicz Z. Powieść obyczajowa Tadeusza Bułharyna*. Wrocław, 1978. S. 12—13.

³⁴ О шубравцах см.: *Бархатцев С.* Из истории Виленского учебного округа // Русский архив. 1874. № 5. С. 1177—1189; *Hordyński Z.* Towarzystwo szubrawców. Lwów, 1893; *Bieliński J.* Szubrawcy w Wilnie. Wilno, 1910; *Skwarczyński Z.* Kazimierz Kontrym. Towarzystwo szubrawców. Łódź, 1961. Об участии Булгарина в обществе см.: *Skwarczyński Z.* Tadeusz Bulgaryn a wileńskie Towarzystwo szubrawców. Łódź, 1963.

³⁵ См.: *Сын отечества*. 1823. Ч. 83. № 1. С. 16—17; № 2. С. 115.

³⁶ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подгот. В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 270 («Лит. памятники»).

³⁷ РО ИРЛИ, № 14163, л. 21 об.

характер аргументации), идеологических и эстетических взглядах и т. д. Эти сведения можно сравнить с биографическими данными возможных кандидатов — образованием, профессией (вне литературы), местонахождением (находились ли они в Петербурге во время публикации соответствующих статей или нет) и т. д. Тут тоже могут обнаружиться косвенные улики.

Проанализируем упомянутые публикации под этим углом зрения. Я буду ссылаться на них в тексте, приводя номер в списке и номер страницы (или номер газеты, если речь идет о публикации в «Северной пчеле»).

Прежде всего попробуем выяснить, мог ли написать перечисленные выше тексты кто-то другой.

Такие важные статьи, как эти, Греч и Булгарин не доверили бы писать для своих изданий посторонним лицам. В 1823 году «Письма на Кавказ» открывают номер, то есть поставлены на ударное место.

Содержание писем показывает, что авторы их петербуржцы, которые в курсе всех столичных литературных новостей, даже зачастую знают, что будет напечатано. Например, Ж. К. осведомлен, какая рецензия будет помещена в «Сыне отечества» (1, с. 10), что будет включать выходящий вскоре альманах «Полярная звезда», который издают дружившие с Гречем и Булгариным и печатавшиеся в их изданиях А. Бестужев и К. Рылеев (1, с. 17), и в дальнейшем пишет об ожидаемом выходе очередного выпуска этого альманаха (5, с. 58). Ему известно, что сотрудник «Сына отечества» и «Северного архива» А. О. Корнилович переводит «Военную историю походов россиян в XVIII столетии» Д. П. Бутурлина на русский язык и намерен издать к Новому году альманах «Русская старина» (5, с. 48), а также что С. Н. Глинка переводит путеводитель по Москве, изданный Леконтом де Лаво (5, с. 50). Ж. К. пишет: «...теперь, сколько мне известно, занимается г. Берх изданием в свет описания первого морского путешествия россиян, которое совершенно было знаменитым Берингом в 1725—1729 годах» (1, с. 10). Мало кто мог знать о планах историка флота В. Н. Берха, но Греч и Булгарин, печатавшие его статьи в своих журналах, вполне могли быть о них осведомлены.

Оба автора хорошо знакомы с отечественной и зарубежной литературой, следят за современными журналами и помнят, что в них печаталось в прошлом. Это демонстрирует, что они, скорее всего, журналисты и литераторы. Ж. К. известно, что рецензии на спектакли императорских театров (а других в Петербурге и Москве не было) печатать нельзя (8, с. 60), а этой информацией располагали только журналисты и близкие к ним люди. А Д. Р. К. знает, сколько

экземпляров журнала выписывают в Петербурге и сколько в Москве (4, № 14), осведомлен, что в Москве готовится «грозная филиппика» против Булгарина (4, № 15) и что в английском собрании сочинений Вальтера Скотта и среди французских переводов его произведений нет двух романов, изданных в России под его именем (13, с. 67).

Редакция «Сына отечества» состояла в 1823 году из одного Греча, а с 1825 года из двух человек — Греча и Булгарина (из них же состояла редакция возникшей в 1825 году «Северной пчелы»), — больше, по сути, никого не было; имелись при редакциях лишь несколько человек «на подхвате», занимающихся переводами и написанием небольших рецензий, но среди них можно назвать только трех литераторов, имевших оригинальные эстетические взгляды и подвизавшихся на ниве литературной критики, — В. К. Кюхельбекера, О. М. Сомова и Э. П. Перцова. Но ни один из них не был сотрудником «Сына отечества» в 1823 году. Еще один литератор, В. А. Ушаков, друг Булгарина еще с 1816 года, часто печатавшийся в его изданиях, жил в Москве и не мог знать петербургских новостей, — более того, до 1826 года Булгарин даже не идентифицировал его как своего знакомого и не переписывался с ним.³⁸ Д. М. Княжевич, который, по мнению В. Г. Базанова, стоит за криптонимом Д. Р. К., в 1823 году был действительно тесно связан с Гречем, поскольку вместе с братьями А. М. и В. М. Княжевичами выпускал выходившие в качестве приложения к «Сыну отечества» журналы «Библиотека для чтения» (1822—1823) и «Новая библиотека для чтения» (1824), состоявшие в основном из переводов. Л. С. Флейшман писал, что он не подходит на эту роль, так как в 1821 году стал петербургским вице-губернатором и отошел от литературы.³⁹ Однако это неверно: Д. М. Княжевич занимал эту должность в 1824—1827 годах и в 1823 году вполне мог поучаствовать в написании «Писем на Кавказ». Другое дело, что он никак не проявил себя в литературной критике, и вероятность того, что он мог написать такие профессиональные критические тексты, очень мала. Однако можно предположить, что он (возможно, с братьями) делал черновую работу по подготовке обзора книг, — этим могут объясняться как готовность Греча предъявить тексты, доказывающие, что не он автор, так и слова А. Е. Измайлова о «братии», участвовавшей в написании «Писем на Кавказ».

³⁸ См. его письмо М. П. Погодину от 27 сентября 1826 г. («Благо разрешился письмом...». С. 85).

³⁹ Флейшман Л. С. Из истории элегии в пушкинскую эпоху. С. 48. Отметим опечатку в этой статье: указан 1821 г. вместо 1824 г.

Ж. К. и Д. Р. К. остро полемизируют с А. Ф. Воейковым (1, с. 14—16; 2, с. 116—122; 3, с. 258—263; 4, № 15; 6, с. 209—214; 13, с. 372—375; 14), что вполне понятно, поскольку в 1822 году Греч со скандалом отстранил Воейкова от соредакторства в «Сыне отечества», после чего тот стал регулярно нападать на Греча и втянувшегося в эту перебранку Булгарина. Резкой критике подвергается ими и «Московский телеграф» Н. А. Полевого (8, 12, 13, 14), с которым издания Греча и Булгарина вели ожесточенную полемику в 1825—1827 годах.⁴⁰

Авторы писем хвалят альманах «Полярная звезда» близких редакциям «Сына отечества» и «Северной пчелы» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева и их произведения (2, с. 111—114; 10, с. 67—80).

Ж. К. и Д. Р. К. постоянно ссылаются на издаваемые Гречем и Булгариным журналы и газету и в целом высоко оценивают их. Например, Ж. К. хвалит «Северный архив» (2, с. 114—115) и защищает Булгарина (5, с. 58) и его альманах «Русская Талия» (8, с. 58—67). Но есть случаи, когда они не совпадают друг с другом в оценке литературных явлений, а также когда критически отзываются о Булгарине и Грече. Так, Д. Р. К. выражает несогласие с рецензиями Греча в «Северной пчеле» (6, с. 199; 13, с. 74), но это касается частных вопросов. Ж. К. критикует Булгарина за публикацию статьи Олина (5, с. 52—55), а по поводу его журнала пишет: «Из новых <журналов> достоин отличного внимания “Северный архив”, издаваемый г. Булгариным: он заключает в себе много любопытных статей и важных материалов для русской истории; жаль только, что в издании его приметна какая-то поспешность, которой можно было избежать в журнале, выходящем только по два раза в месяц» (1, с. 14).

Ж. К. останавливается на негативных откликах на книгу Греча «Краткий опыт истории русской литературы», защищает ее, но упрекает Греча в том, что он не поместил в своем журнале рецензию с критикой книги (1, с. 16—17); отмечает недостатки рецензионного отдела «Сына отечества» (2, с. 115) и выражает недовольство по поводу публикации малоинтересных полемических статей (3, с. 264—265), однако в последнем случае и оправдывает: «Легко может статься, что он вынужден был к тому обстоятельствами и потому заслуживает полное прощение <...>. Там находил я многие пьесы, как по слогу, так и по мыслям заслуживающие отличное внимание» (3, с. 265—266).

⁴⁰ См.: Селезнев М. Б. Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825—1827 годах // Ф. В. Булгарин — писатель, журналист, театраль- ный критик: Сб. статей М., 2019. С. 294—312.

Причин тут две: дистанцироваться от псевдонимов, которыми подписаны тексты, отводя подозрения в авторстве, и в то же время негативно оценить тех авторов и те произведения, о которых под своей фамилией в силу тактических соображений отрицательно отозваться не могут, опасаясь испортить отношения.

Но бывали и другие причины «самокритики». Например, Д. Р. К. в 1827 году выражает несогласие с рецензией «издателя “Северной пчелы”» (каковым в этом случае был Булгарин), высоко оценившего в начале 1826 года повести М. П. Погодина в альманахе «Урания» (11, с. 70—71). Подобное расхождение легко объяснимо: в 1826 году Погодин активно сотрудничал в булгаринском «Северном архиве», поэтому положительный отклик Булгарина на его прозу объясним. Но в 1827 году Погодин начал издавать журнал «Московский вестник», став, тем самым, конкурентом булгаринских изданий.

На мой взгляд, этого достаточно, чтобы атрибутировать криптонимы, о которых идет речь, Гречу и Булгарину.

Теперь попробуем разобраться, кто же из них Ж. К., а кто Д. Р. К. Задача трудная, поскольку по идеологическим и эстетическим взглядам Греч и Булгарин были близки, они часто виделись и обменивались мнениями, близки были и круги их общения. Но имелись и отличия.

Во-первых, хотя Греч был чрезвычайно остроумным человеком и хорошим рассказчиком, но его обзоры книг и рецензии довольно суховаты, в отличие от живых аналогичных текстов Булгарина. Е. В. Лудилова справедливо отмечает, что «характер статей за подписью “Ж. К.” и “Д. Р. К.” позволяет предположить, что мы здесь имеем дело с двумя различными, хотя и стоящими на близких литературных позициях авторами. Мнения “Д. Р. К.” отличаются большей определенностью, резкостью, а порой и полемической заостренностью, тогда как “Ж. К.” избегает открытых журнальных столкновений. Если мы признаем автором “Писем” за подписью “Ж. К.” Н. И. Греча, то, в соответствии с мнением Мордовченко, в “Д. Р. К.” мы должны видеть его журнального соратника — Ф. В. Булгарина».⁴¹

Во-вторых, Греч редко писал на литературные темы, особенно после того, как вступил в союз с Булгариным. В «Северной пчеле» Греч отвечал за политический отдел, а Булгарин — за литературный. Поэтому можно ожидать, что в дуэте Ж. К. и Д. Р. К. ведущую роль будет играть Булгарин. Теперь посмотрим реальное соотноше-

⁴¹ Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. С. 423—424.

ние: Д. Р. К. участвовал в написании 9 текстов, а Ж. К. — всего 6, причем в «Северной пчеле» печатался только Д. Р. К. Уже это на-
талкивает на соображения, кому какой криптоним принадлежит.

Если добавить хронологический параметр, то мы получим, что в 1823 году, когда редактором «Сына отечества» был только Греч, мы встречаем подписи лишь Ж. К. и М., в 1825 году, когда Булгарин стал соредактором журнала, на три подписи Ж. К. мы имеем пять подписей Д. Р. К., а в 1827 году «Письма на Кавказ» писал только Д. Р. К., и он же напечатал статью в «Северной пчеле». Причем последнее в 1827 году письмо Д. Р. К. было напечатано в первой половине мая, а 17 мая Булгарин уехал в Лифляндскую губернию и вернулся только во второй половине августа,⁴² что, возможно, свидетельствует о причине прекращения публикации писем. Все это позволяет предположить, что за криптонимом «Д. Р. К.» скрывался Булгарин, а за «Ж. К.» — Греч.

Есть и конкретные косвенные «улики», позволяющие установить, кто из соиздателей стоит за каким псевдонимом.

Письма Ж. К. 1823 и 1825 годов содержат обзоры книг прошлого года (1, 2, 5). Напомню, что этот жанр ввел в русскую журналистику Греч.⁴³ В 1823 году аналогичный обзор Булгарин опубликовал в своем журнале «Северный архив».⁴⁴ Трудно представить, что он написал два разных обзора для двух журналов. В 1825 году в первом «Письме на Кавказ», датированном автором 20 декабря 1824 года, Ж. К., сообщив о выходе 10-го и 11-го томов «Истории Государства российского» (в № 1 за 1825 год), пишет: «Странно, что никто из любителей и знатоков ее (истории России. — А. Р.) не примет на себя труда разобрать творение Карамзина или которую-нибудь часть оного подробно, основательно и беспристрастно» (5, с. 45). И при этом в булгаринском «Северном архиве», соредактором которого Греч стал в том же 1825 году, с первого номера этого года начинается публикация рецензии Булгарина на названные тома

⁴² См. письмо А. П. Прокофьевой к Н. М. Рылеевой от 13 мая 1827 г. (РГАЛИ, ф. 423, оп. 1, № 66, л. 1 об.); Видок Фиглярин. С. 170; Булгарин Ф. В. Об увеселениях столицы: Письмо в Либаву, к Ал<ексею> Никит<ичу> Пешурову, от 25-го августа 1827 // Северная пчела. 1827. № 103. 27 авг.; подп.: Ф. В.

⁴³ См.: Обозрение русской литературы 1814 года // Сын отечества. 1815. Ч. 19. № 1—4; Обозрение русской литературы 1815 и 1816 годов // Там же. 1817. Ч. 35. № 1, 2; О произведений русской словесности в 1817 году // Там же. 1818. Ч. 43. № 1. С. 3—13.

⁴⁴ Краткое обозрение русской литературы 1822 года // Северный архив. 1823. № 5. С. 377—422.

труда Карамзина.⁴⁵ Зачем же Булгарину писать, что никто не взялся рецензировать «Историю» Карамзина, если он сам уже публикует такой отклик?

Ж. К. называет Д. Р. К. «моим литературным партизаном (то есть сторонником. — *А. Р.*)» (6, с. 199) и «моим неугомонным» (8, с. 57). Это, с одной стороны, показывает, что авторы близки, что тут нет постороннего, а с другой — демонстрирует, что Ж. К. — это Греч, а Д. Р. К. — Булгарин, поскольку статус Булгарина в журналистике и литературе был тогда существенно ниже, чем у Греча, но он был гораздо активнее, инициативнее и мобильнее.

В первом «Письме на Кавказ» 1825 года Ж. К. по поводу статьи по истории пишет: «Пусть судят знатоки об этом деле...» (4, с. 46). Булгарин бы так не написал, поскольку считал себя историком, издавал исторический журнал «Северный архив» и опубликовал к тому времени ряд исторических работ,⁴⁶ а впоследствии выпустил фундаментальный труд по русской истории.⁴⁷

Ж. К. пишет о том, что рецензия на второе издание Словаря Академии Российской, «говорят, будет помещена в Сыне Отечества» (1, 10). Кому, как не редактору «Сына отечества» Гречу, это знать.

Ж. К. помнит, о чем писал два года назад А. Ф. Воейков в «Сыне отечества» (1, с. 14—15; 2, с. 117). Кому же, как не Гречу, помнить, что писал тогда Воейков, бывший в том году соредактором Греча по «Сыну отечества».

Ж. К. хвалит «Прибавления к Сыну отечества» и сообщает, что в «типографии, говорят, не было отбою в тот день, когда надлежало выйти книжке Прибавлений с окончанием повести “Девича Скудери”». Естественно, что Греч, в доме которого размещалась типография, знает это.

В 1825 году Ж. К. пишет: «Северные цветы. — Лишь только написал я это заглавие <...> Д. Р. К. прислал ко мне суждение свое об этом альманaxe с просьбою прислать его критику к издателям

⁴⁵ Критический взгляд на X и XI томы Истории государства Российского, сочиненной Н. М. Карамзиным // Северный архив. 1825. № 1—3, 6, 8.

⁴⁶ Марина Мнишех, супруга Дмитрия Самозванца // Северный архив. 1824. № 1, 2, 20, 21/2; Критический взгляд на X и XI томы Истории государства Российского, сочиненной Н. М. Карамзиным // Там же. 1825. № 1—3, 6, 8; Дневник Самуила Маскевича, бывшего в России во время второго Самозванца, называемого Тушинским вором / Пер. с польск., вступ. заметка и примеч. Ф. В. Булгарина // Там же. 1825. № 1—3, 6, 7.

⁴⁷ Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях: Ручная книга для русских всех сословий, Фаддея Булгарина: Истории ч. 1—4. СПб., 1837.

“Сына Отечества”» (6, с. 199). Возникает вопрос: зачем посылать кому-то рецензию для пересылки в журнал, если можно послать ее напрямую? Все дело в том, что, хотя с этого года Греч и Булгарин формально совместно издавали и «Сын отечества», и «Северный архив», но на практике номера «Сына отечества» по-прежнему составлял Греч, а номера «Северного архива» — Булгарин. Соответственно, за этим оборотом Греча стоит тот факт, что свою часть статьи Булгарин передал Гречу.

В книге «Творения Иоанна, Экзарха Болгарского» Ж. К. обращает внимание на перевод греческой грамматики и рассуждает о нем (5, с. 47), он же упрекает Н. А. Полевого за грамматические ошибки (8, с. 65), что логично для Греча, автора ряда трудов по грамматике.

Ж. К. рассуждает о стихотворных размерах (8, с. 65—66), а Булгарин о них обычно не писал.

Теперь перейдем к Д. Р. К.

«Письмо в Москву...» Д. Р. К. (4) адресовано Петру Муханову, который был другом Булгарина, а не Греча. В. П. Мещеряков отметил, что автор этого письма говорит о «занимательности комических положений» в «Горе от ума» (4, № 15), а Булгарин за год до этого в фельетоне «Литературные призраки» писал о «занимательности положений действующих лиц»⁴⁸ другой комедии Грибоедова.⁴⁹

В отличие от Ж. К., перечисляющего и аннотирующего в своем обзоре много книг, как делал в своих обзорах Греч, Д. Р. К. пишет: «...я вовсе не намерен наполнять мое письмо номенклатурой *всех* книг...» (11, с. 67).

Д. Р. К. часто приводит французские и латинские пословицы и изречения, которые любил цитировать Булгарин: «De mortuis aut bene, aut nihil» (4, № 15);⁵⁰ «Et le combat finit, faute de combattants» (4, № 14);⁵¹ «Comparaison, n'est pas raison» (11, с. 70).⁵² Он же нередко цитирует отечественных и иностранных поэтов:

⁴⁸ Булгарин Ф. В. Литературные призраки // Литературные листки. 1824. № 15. С. 95; подп.: Ф. Б.

⁴⁹ Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. С. 173—174.

⁵⁰ Об умерших либо хорошо, либо ничего (*лат.*). См.: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 242. 25 окт.; Булгарин Ф. В. Воспоминания. Мемуарные очерки: В 2 т. / Публ. и коммент. Н. Н. Акимовой, А. И. Рейтבלата, А. И. Федуты. М., 2021. Т. 1. С. 587.

⁵¹ Бой прекратился из-за отсутствия бойцов (*франц.*). Ср: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1849. № 141. 26 июня.

⁵² Сравнение не довод (*франц.*). Ср.: «Благо разрешился письмом...». С. 188.

И. И. Дмитриева (10, с. 73; 11, с. 62), Н. И. Гнедича (13, с. 54), А. С. Грибоедова (12, с. 200), Горация (6, с. 310; 10, с. 70), Вольтера (6, с. 307), Расина (13, с. 375), Гёте (9, с. 293) и др. Булгарин же, как писал в воспоминаниях хорошо знавший его И. Н. Лобойко, «на память беспрестанно декламировал польские, русские и французские стихи»;⁵³ он, в отличие от Греча, часто вставлял цитаты из стихотворений в свои фельетоны.

Д. Р. К. в оценке альманаха «Северные цветы» довольно остро полемизирует с рецензентом «Северной пчелы», которым был Греч (6, с. 199). Трудно представить, что Греч так спорит с самим собой. Д. Р. К. тут весьма критически отзываясь о поэзии Жуковского (6, с. 202—204), чего никогда не позволил бы себе Греч, допускает выпады против Вяземского, которых тоже нет у Греча.

Д. Р. К. вспоминает, что «где-то видал этих зверей и птиц, будто они водятся в моей родительской вотчине» (6, с. 313). У Булгарина «родительская вотчина» была, а у Греча нет.

Д. Р. К. сообщает: «Я также писывал стихи в старые годы, но бросил, удостоверившись, что в поэзии не может быть середины между посредственностью и совершенством. Пишу иногда прозой, когда уверен, что могу сказать истину, которая не имеет нужды в вымыслах и прикрасах» (6, с. 320). О том, что Греч когда-либо писал стихи, информации у нас нет, Булгарин же начинал свой путь в литературе стихами на польском языке,⁵⁴ а позднее часто делал стихотворные вставки в свои фельетоны.⁵⁵

Д. Р. К. хвалит «Горе от ума» (4, № 15) друга Булгарина Грибоедова, цитирует его (12, с. 200) и защищает от критики (8, с. 64—65).

Весь раздел второго «Письма на Кавказ» 1825 года в № 4 (6) — доказательство того, что «Прогулка в селе Кускове» А. Ф. Воейкова в «Северных цветах» — плагиат. В конце автор называет свой текст продолжением статьи в булгаринских «Литературных листках» 1824 года «О легком для издателей и тяжелом для читателей средстве издавать книги и журналы», что логично для Булгарина,

⁵³ Лобойко И. Н. Мои воспоминания; Мои записки / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата. М., 2013. С. 64—65.

⁵⁴ См.: Droga do szczęścia // Tygodnik Wileński. 1819. № 134 (перевод К. Ф. Рылеева см.: Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. / Ред., вступ. ст. и коммент. А. Г. Цейтлина. М.; Л., 1934. С. 273—277); Cuda // Там же. № 135; Do Kaspra Kielczewskiego // Там же. № 138; Kolęda na nowy rok // Ruski inwalid. 1820. № 1. Подп.: Т. В.; Przemowa na nowy rok // Ruski inwalid. 1821. № 1. Подп.: Т...z В...n.

⁵⁵ См.: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1844. № 51, 90; 1845. № 16, 100; 1846. № 55, 105; 1847. № 3, 54 и др.

поскольку эта статья тоже была направлена против Воейкова и, хотя была подписана «читатель Н. В.», но принадлежала Булгарину (он вспоминал, что «издавал один „Литературные листки“ <...> и писал все своею рукою, без всяких сотрудников»⁵⁶). Д. Р. К. вообще не раз ссылается на публикации в «Литературных листках» (4, № 14, 15; 9, с. 298; 12, с. 193—194).

Д. Р. К., полемизируя с Н. А. Полевым, часто вспоминает о «Грипусье» (12, с. 195; 13, с. 376; 14). Дело в том, что в журнале Полевого «Московский телеграф» в рубрике «Летописи моды» цвет «gris roussiere» («пыльно-серый») был переведен как «грипусье»,⁵⁷ что было высмеяно в «Северной пчеле» в статье «Письмо красильного фабриканта издателям»⁵⁸ и стало причиной возникновения прозвища Грипусье.⁵⁹ В дальнейшем Булгарин не раз использовал его, чтобы уязвить Полевого.⁶⁰

В начале 1827 года Д. Р. К. объясняет адресату, почему давно не писал: «...обстоятельства отвлекли меня от занятий литературою» (11, с. 58). Действительно, за год до этого шло следствие над декабристами (причем подозрения в причастности к заговору падали и на Булгарина); с середины февраля по середину апреля Грибоедов находился в заключении, поэтому Булгарин снабжал его книгами, газетами и деньгами и был этим очень занят; 9 мая из-за письма Н. Н. Новосильцова (главного делегата при Правительственном совете Царства Польского, правой руки фактического правителя Булгарина в пропольской, враждебной России деятельности император дал указание Санкт-Петербургскому военному губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову взять Булгарина «под строгий присмотр» и составить справку о его службе, и Булгарину пришлось доказывать неосновательность обвинений; в июле он начал сотрудничать с III Отделением и написал много записок для него; кроме того, в июле Государственный совет должен был вынести окончательное решение по длительному судебному процессу, в котором Булгарин представлял одну из сторон и из-за которого поселился в Петербурге. Естественно, он не мог в 1826 году писать «Письма на Кавказ», обычно печатавшиеся в начале года для привлечения подписчиков.

⁵⁶ Булгарин Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1842. № 267. 28 нояб.

⁵⁷ Московский телеграф. 1825. Ч. 4. № 14. С. 309.

⁵⁸ Северная пчела. 1825. № 116. 26 сент. (подп.: Николай Лесной).

⁵⁹ См.: *Этьенн Грипусье*. Письмо к издателям // Северная пчела. 1825. № 125. 17 окт.

⁶⁰ См., например: Ответ «Воспоминаний Фаддея Булгарина» напоминаниям Н. А. Полевого // Северная пчела. 1846. № 21. 25 янв.

В 1827 году занят был уже Греч: он работал над двумя обширными монографиями («Практическая русская грамматика» и «Пространная русская грамматика»), которые вышли из печати в ноябре 1827 года. Это еще один аргумент в пользу того, что Д. Р. К. — это Булгарин.

В первом письме 1827 года Д. Р. К. излагал заветные мысли Булгарина о необходимости профессионализации русских литераторов, которые часто встречаются в его статьях и фельетонах. Предлагаю сравнить. Вот что писал Булгарин в рецензии 1826 года: «Вся наша изящная словесность состоит не из книг, не из полных сочинений, а из *статей*, из отрывков. Любитель истории, романист, путешественник, философ довольствуются тем, что на досуге, исподволь излагают мысли, чувствования и наблюдения свои в приятных статейках. Поэты наши также не ломают головы над поэмами, трагедиями и каким-либо важным сочинением: стихотворная повесть почитается у нас *пес plus ultra* <крайней степенью — лат.> труда и терпения».⁶¹ А вот что пишет Д. Р. К. менее чем через год: «...публика наша получает весьма мало или почти вовсе не получает отдельных, цельных сочинений литераторов, снискавших себе известность. <...> ...непреренно должно, чтобы люди, одаренные способностями, принялись за сочинения полные, на которых зиждется основание словесности» (11, с. 66).

Рецензируя «Опыт науки изящного» А. И. Галича, Д. Р. К. пишет: «Весьма замысловатое и удачное применение жизни внутренней к внешней жизни человека, *припоминающее* нам, что действия и наслаждения умственных наших способностей аналогически связаны с действиями и наслаждениями природы чувственной» (13, с. 71; курсив наш. — А. Р.). «Припоминающий» (то есть «вспоминающий») вместо «напоминающий» — полонизм, часто встречающийся в переписке Булгарина.⁶²

Д. Р. К. напечатал панегирик Суворову (13, с. 77), Булгарин в своих газетных фельетонах в таком же тоне отзывался о полководце, а также издал книгу о нем.⁶³

В статье Д. Р. К. «Журнальная ланкастерская система взаимного прославления» (14) идет речь о взаимных восхвалениях Полевого и Воейкова. «Журнальный сыщик» (псевдоним П. А. Вяземского и Н. А. Полевого) находил в этой статье многочисленные

⁶¹ Ф. Б. Об альманахе «Северные цветы на 1826 год» // Северная пчела. 1826. № 43. 10 апр.

⁶² См.: «Благо разрешился письмом...». С. 195, 182, 186, 188, 200, 217, 227, 234, 239 и др.

⁶³ Булгарин Ф. В. Суворов. СПб., 1843. Ч. 1.

грамматические ошибки и писал про «сочинения Греча, которому грамматика известна лучше, нежели г-ну Д. Р. К.»⁶⁴ Это еще один аргумент в пользу атрибуции псевдонима Д. Р. К. Булгарину.

Отмечу также, что в «Сыне отечества» была помещена статья некоего Ксенофонта Кустарного из Курска «Замечания хладнокровного читателя русских журналов о “Московском телеграфе” (письмо к Ф. В. Б.)»⁶⁵ со страстной защитой статьи Д. Р. К. в № 2 того же журнала от критики в «Московском телеграфе». За этим псевдонимом явно скрылся Булгарин, который нередко использовал в «Северной пчеле» такие игровые псевдонимы⁶⁶ (здесь обыграны город, из которого Н. Полевой перебрался в Москву, и имя его брата, активно сотрудничавшего в «Московском телеграфе»). Выразительным свидетельством авторства Булгарина является тот факт, что Ксенофонт Кустарный перечисляет различные зарубежные журналы, в которых печатались переводы статей из булгаринского журнала «Северный архив»,⁶⁷ за чем, конечно, никто, кроме него, следить не мог.⁶⁸

Таким образом, имеется много косвенных улик, показывающих, кто скрылся за криптонимом «Д. Р. К.», а кто — за криптонимом «Ж. К.». Каждая из них, взятая изолированно, может быть с большим или меньшим успехом оспорена — ведь в устной или письменной форме Греч и Булгарин могли делиться друг с другом сведениями, соображениями и наблюдениями. Однако взятые в совокупности эти «улики» позволяют, на мой взгляд, вынести вердикт, что Ж. К. — это Греч, а Д. Р. К. — Булгарин.

А. И. Рейтблат

⁶⁴ *Журнальный сыщик*. Журналистика // Московский телеграф. 1827. Ч. 15. № 9. Отд. II. С. 48.

⁶⁵ *Сын отечества*. 1827. Ч. 112. № 6. С. 174—198.

⁶⁶ См.: *Вольнопрактикующие политики: (Письмо к издателям «Северной пчелы») // Северная пчела*. 1828. № 35. 22 марта (подп.: Иван Врагтолков); *О высоком и прекрасном в сочинениях г. Степана Шевырева: (Письмо к издателям «Северной пчелы») // Там же*. 1828. № 52. 1 мая (подп.: С. Объективин); *Русский театр [о водевиле «Еще Меркурий» А. А. Шаховского] // Там же*. 1829. № 133. 5 нояб. (подп.: Пантелеймон Виршин); [Рец. на: Денница. Альманах на 1830 год. М., 1830] // Там же. 1830. № 11. 25 янв.; № 12. 27 янв. (подп.: Порфирий Душегрейкин); *Письмо к издателям // Там же*. 1832. № 3. 5 янв. (подп.: Фалалей Бецален).

⁶⁷ См.: *Сын отечества*. 1827. № 6. С. 184—185.

⁶⁸ Ср. письмо Булгарина И. Лелевелю с аналогичной информацией («Благо разрешился письмом...». С. 61).

IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Л. П. ГРОССМАНА И П. П. ПЕРЦОВА

Публикация Михаила Эдельштейна

История отношений литературоведа Леонида Петровича Гроссмана (1888—1965) и мыслителя, публициста, литературного критика Петра Петровича Перцова (1868—1947), по-видимому, ограничена второй половиной 1920-х годов. Об их более ранних и более поздних контактах нам ничего не известно.

Вероятно, их знакомство состоялось в Государственной академии художественных наук (ГАХН), где Гроссман служил научным секретарем Литературной секции, а Перцов был одним из ее членов. В январе 1926 года, за два месяца до первого известного нам письма Перцова к Гроссману, Перцов выступил на заседании подсекции русской литературы Литературной секции с двумя докладами: «Ранний русский символизм» и «Московский символизм 90-х гг. (по письмам В. Я. Брюсова и личным воспоминаниям)».

Статус корреспондентов в эти годы весьма различен. Гроссман, помимо службы в ГАХН, — профессор Высших государственных литературных курсов, признанный исследователь, у которого практически ежегодно выходят новые монографии и сборники статей, а в 1928 году и собрание сочинений в 4 томах (5 книгах). Перцов же воспринимается скорее как литератор из «бывших», востребованный (весьма ограниченно) в первую очередь как свидетель минувшей эпохи, знакомый А. А. Блока, В. Я. Брюсова и др. Его основные труды — «Основания космономии», «История русской живописи», «Литературные афоризмы» — при жизни автора не увидят света (некоторые не изданы и до сих пор).

Переписка между Перцовым и Гроссманом строится по схеме, характерной для эпистолярия Перцова советских десятилетий. Лишившийся привычного круга общения, теряющий доступ в печать, вынужденный из-за отсутствия жилья надолго уезжать из Москвы, постепенно глохнущий, Перцов испытывает, так сказать, «комму-

никативную недостаточность». Обмен письмами он использует для развернутого обсуждения своих и чужих трудов и замыслов, одновременно адресуя корреспонденту те или иные просьбы (о содействии в публикации работ Перцова, решении квартирного вопроса, позже — о вступлении в Союз советских писателей и получении пайка и т. д.), в то время как его более вписанные в систему собеседники (назовем здесь, кроме Гроссмана, например, переводчика и исследователя французской литературы Е. А. Гунста (1901—1983), одного из основных конфидентов Перцова 1930—1940-х годов) сравнительно лаконичны, сдержанны и осторожны.

В период переписки с Гроссманом Перцов работает над «Литературными афоризмами»,¹ подытоживающими его многолетние размышления о русской литературе. Многие пассажи из публикуемых писем (об «ампириности» и «античности» Пушкина, его пластицизме, замкнутости внутри «петербургского периода» русской культуры и т. д.) почти дословно совпадают с текстом «Литературных афоризмов». В трудах Гроссмана, в первую очередь в книге «Этюды о Пушкине» (М.; Пг., 1923), Перцов находит идеи, созвучные его собственным, и восторженно откликается на это сходство. «Мы с Вами очень родственно воспринимаем Пушкина», — ответно констатирует Гроссман по прочтении соответствующего раздела перцовской работы.

Для настоящей публикации отобраны те письма Перцова и Гроссмана, которые связаны сквозным сюжетом — обсуждением пушкиноведческих сочинений обоих корреспондентов.

Из пяти известных нам писем Перцова Гроссману в публикацию вошли три. За пределами публикации остались, таким образом, два письма — первое и третье по хронологии.

В одном из них, от 14 марта 1926 года, Перцов обсуждает возможность издания в Германии («по-русски <...> или же уже в немецком переводе») избранных писем Василия Розанова к нему.² В другом, от 22 июля того же года, просит выяснить перспективы выпуска в издательстве «Academia» адресованных ему писем Вале-

¹ Опул.: *Перцов П. П. Литературные афоризмы* / Публ. Т. В. Померанской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1994. Т. 1. С. 212—236.

² «Вы лучше меня знаете, насколько велик сейчас в Германии (да и вообще в Европе) интерес к Достоевскому. А ведь Розанов — характерный “духовный сын” Достоевского, и я думаю даже, что для полноты знания Достоевского и всех вытекающих из него “следствий” необходимо знать и Розанова» (РГАЛИ, ф. 1386, оп. 1, № 112, л. 6). Публикация не состоялась. Переписка опубликована: *Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896—1918): В 2 т. / Подгот. изд. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. СПб., 2023.*

рия Брюсова³ и заключает: «С большим удовольствием и пользой прочел еще две Ваших книжки, “Путь Достоев<ского>” и “Три современника”, и очень жалею, что не имею еще других. Особенно значительны статьи о Тютч<еве> и “Д<остоевский> и Европа”».⁴

Из трех сохранившихся писем Гроссмана мы публикуем два, опуская лишь ответ от 16 марта 1926 года на письмо Перцова о Розанове и Германии («к сожалению, у меня нет никаких сведений об издании русских книг за границей»)⁵.

Письма Перцова печатаются по: РГАЛИ, ф. 1386, оп. 1, № 112; письма Гроссмана — по: РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 121. Подчеркнутые в тексте слова передаются курсивом.

1

1926 19/V

Многоуважаемый Леонид Петрович!

Благодарю Вас и Редакционную Коллегию Словаря за любезное приглашение и посылаю мою автобиографию.¹ К сожалению, находясь в костромской деревне,² я слишком поздно получил Ваше уведомление и боюсь, что опоздал.

Еще боюсь — не слишком ли длинно? Если так, то сократите и вообще изменяйте без стеснений — это разумеется само собой.

Я уже около месяца как уехал из Москвы и пока не думаю возвращаться. Поэтому на случай надобности вот мой адрес: г. Кострома, ул. Советская, 18, магазин Красулина; в Иконниково, мне. Доходит скоро.

Как раз эти дни я читаю Вашу книжку о Пушкине.³ Поэтому разрешите воспользоваться случаем и выразить Вам мое *восхище-*

³ Книга «Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову: 1894—1896 гг.: (К истории раннего символизма)» вышла в 1927 году в издательстве ГАХН. Полное издание двусторонней переписки: Литературное наследство. М., 2023. Т. 113: Валерий Брюсов и Петр Перцов. Переписка 1894—1911 гг. / Сост., вступ. ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова. «Официальным лицом для сношений Академии (то есть ГАХН. — М. Э.) с Academia» называл Гроссмана в 1926 году А. Г. Габричевский (Александр Георгиевич Габричевский, 1891—1968: К 100-летию со дня рождения. М., 1992. С. 156).

⁴ РГАЛИ, ф. 1386, оп. 1, № 112, л. 1. Речь идет о книгах: Гроссман Л. П. Путь Достоевского. Л., 1924; Гроссман Л. П. Три современника: Тютчев — Достоевский — Аполлон Григорьев. М., 1922; о причинах, по которым Перцов ценит очерк о Григорьеве из последней книги меньше, чем очерки о Тютчеве и Достоевском, можно судить по его публикуемому письму к Гроссману от 21 января 1927 года.

⁵ РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 121, л. 1.

ние. Это, без сомнения, одна из лучших (столь немногих) у нас работ о Пушкине. Впрочем, это даже сомнительный комплимент. Ибо писали-писали у нас о Пушкине, а что написали? Восторги Белинского, безвкусное фантазерство Ап. Григорьева, академическое лепетание, речь Достоевского о самом себе, наконец, справочники Щеголева,⁴ толстые, как их автор. Относятся к делу только «Заметки» Страхова (но они мелки),⁵ статья Мережковского (но это, наоборот, общая скобка),⁶ превосходная книжка Гершензона⁷ — и вот Ваша. Пятого № я что-то не вспомню.

Главное, что у Вас хорошо, — это реализм оценки. Пушкин именно Пушкин. А этого вот почти никогда не бывает. Все «дерутся Пушкиным», как родители в «Крейцеровой сонате» дрались детьми.⁸ Всякий норовит выдумать своего собственного Пушкина, да позабористее. В этом отношении и Федор Михайлович не лучше других.

Вы взяли Пушкина с неожиданной стороны, и взяли таким, каким он был. Сразу видишь эпоху и человека. И нет этого абстрактного собрания добродетелей, которое обыкновенно покрывается термином «Пушкин». Мне он гораздо больше нравится в этом своем облике «дэнди», как Вы его нарисовали, — в этом ограничении и оформлении. Вопреки трюизму, он далеко не воплощение России, а только ее ампирный поэт. Но красивее ампира не было у нас ничего.

Простите эту рецензию. Но это невольное впечатление чтения. И написана Ваша книжка с той острой сжатостью, которая так редка у нас и так привлекает.

Всего хорошего!

Преданный Вам

П. Перцов.

Вот сейчас прочел еще новое истолкование Пушкина: «Египетские ночи» оказываются «гимном героизму декабристов» (Войтовский, «Ист<ория> русс<кой> лит<ературы>»)⁹ Это, пожалуй, рекорд — хорошо, если только глупости.

П. П.

¹ Речь идет о библиографическом словаре «Писатели современной эпохи» (Под ред. Б. П. Козьмина. М.: ГАН, 1928. Т. 1), куда вошла справка о Перцове, составленная на основе его автобиографии. В перечне лиц, принимавших участие в работе над словарем, Гроссман не упомянут, но, вероятно, как ученый секретарь Литературной секции ГАН он имел некоторое отношение к изданию.

² В 1920—1930-е годы Перцов часто проводил время с весны по осень (а иногда и зиму — см. его письмо Гроссману от 21 января 1927 года, посланное из Костромы) в принадлежавшем его жене М. П. Перцовой доме в селе Иконниково (ныне — в Красносельском районе Костромской области).

³ Имеются в виду «Этюды о Пушкине» (М.; Пг., 1923); далее обсуждается глава этой книги «Пушкин и дэндиизм».

⁴ Имеются в виду монографии П. Е. Щеголева, в первую очередь «Дуэль и смерть Пушкина» (1-е изд. — Пг., 1916).

⁵ «Заметки о Пушкине» Н. Н. Страхова впервые вышли в изд.: Складчина: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. СПб., 1874; вместе с другими статьями автора вошли в кн.: *Страхов Н. Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888.

⁶ Статья «Пушкин» впервые вышла в составленной и изданной Перцовым антологии «Философские течения русской поэзии» (СПб., 1896), а затем была включена в сборник Д. С. Мережковского «Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы», первые два издания которого (СПб., 1897, 1899) также были осуществлены Перцовым; ее подробный разбор, как и обзор «пушкинских» сочинений других авторов, в том числе А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова, см.: *Перцов П. П.* Вопрос о Пушкине в русской критике // Торгово-промышленная газета. Лит. приложение. 1899. № 10. 26 мая. С. 7—8.

⁷ На книгу М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (М., 1919) Перцов дважды ссылается в «Литературных афоризмах». На вечере в память Гершензона в ГАХН 6 марта 1925 года Гроссман выступил с речью «Гершензон-писатель», которая помещена в качестве вступительной статьи в издании: *Гершензон М. О.* Статьи о Пушкине. М., 1926; письма Гершензона Гроссману 1917 года опубликованы: *Гершензон М. О.* «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893—1925 годов / Сост., коммент. Е. Ю. Литвин; послесл. В. В. Сапова. М.; СПб., 2016. С. 78—82.

⁸ Ср.: «С тех пор как были дети и чем больше они росли, тем чаще именно сами дети были и средством, и предметом раздора. Не только предметом раздора, но дети были орудием борьбы; мы как будто дрались друг с другом детьми. У каждого из нас был свой любимый ребенок — орудие драки. Я дрался большие Васей, старшим, а она Лизой» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: [В 90 т.] М., 1936. Т. 27. С. 43—44); впервые эта метафора использована Перцовым применительно к пушкинистам в рецензии (Мир искусства. 1900. № 9—10. С. 201) на актовую речь В. В. Никольского «Идеалы Пушкина», произнесенную в торжественном годичном собрании С.-Петербургской духовной академии 17 февраля 1882 года.

⁹ Такой фразы у Войтоловского нет, но автор действительно видит «социально-психологические истоки» «Египетских ночей» (как и некоторых других пушкинских произведений) в том, что Пушкин был захвачен тем же «революционным шквалом», что и декабристы (см.: *Войтоловский Л. Н.* История русской литературы XIX и XX веков. М.; Л., 1926. Ч. 1. С. 47).

Спасибо, многоуважаемый Петр Петрович, за Ваш лестный отзыв о моих пушкинских этюдах. Он искренне порадовал меня и прибавил немного веры в свой труд — самое главное и самое цен-

ное из всех наших переживаний. Ваша автобиография прибыла вовремя и уже включена в издание. Размеры ее не превышают нормы. Желая Вам хорошо отдохнуть и набраться сил для новой работы. Искренне уважающий

Л. Гроссман.

Почтовая карточка. Отправлена по адресу, указанному Перцовым в предыдущем письме. Датируется по штемпелю. Перед текстом рукой Перцова указана дата получения — 7 июня 1926 г.

3

Кострома; Советская, 18

1927 21/1

Многоуважаемый Леонид Петрович!

Перечитываю Ваши этюды о Пушкине с новым удовольствием и поучением, и хочется поделиться с Вами некоторыми мыслями.

Чрезвычайно интересен затронутый Вами вопрос о роли *анекдота* в историческом изложении и понимании.¹ Вы счастливо отметили характерное значение этой формы во всем творчестве Пушкина и связь его в этом со всем стилем XVIII-го века, так же как специфическую ценность анекдота для этого последнего. Теперь нельзя ли это обобщить? Что такое, собственно, «анекдот»? Мне кажется, поскольку речь идет об историческом анекдоте, его можно определить как *пластическую* форму исторического изложения (в противоположность «литературности» обычной «истории»). Анекдот есть скульптурный осколок прошлого — фрагмент его, отмеченный чертами пластики. К нему мы предъявляем те же самые требования, что ко всякому пластическому произведению, — сжатость, рельефность, заостренность впечатления. Анекдот должен быть выпуклым, отграничен от всего иного, самозамкнут — как статуя. Словом, он есть в нашем требовании нечто *формально* ценное. Отсюда вполне понятно тяготение к нему Пушкина — величайшего пластика нашей литературы. Понятны и симпатии к нему XVIII-го в<ека> — столь пластического даже во внешности своих героев (лицо Вольтера, напр<имер>). Совершенно естественно, что история, как Вами отмечено, Пушкину представлялась прежде всего как цепь анекдотов. Несомненно, одно и то же «расположение духа» влекло Онегина к щегольству костюма и к накапливанию в памяти запасного фонда анекдотов. И в этом уклоне Пушкин оказывается «современником» не только XVIII века, но и всего античного мира. В самом деле, обращали ли Вы внимание, насколько проникнута анекдотизмом

древняя история (собственно классическая), насколько ей свойственна стихия анекдота, столь чуждая «литературной» западно-европейской истории? Старик Иловайский не зря рассказывал нам свои анекдоты — вроде собачьего хвоста, отрубленного Алквинадом.² В этом он был ближе к подлинному духу античной древности, нежели новейшие авторы «ученых» учебников, вроде Виппера,³ — столь трудно усваиваемых юношеством, всегда и во всем инстинктивно требующим пластики. Ведь дело, в конце концов, идет тут именно о юности: душа Пушкина, Возрождения, Античности — типично юная душа и, следовательно, типично пластическая. Отсюда и дэндизм Пушкина — кому быть дэнди, кому быть пластиком своего «я», как не юноше? Возвращаясь к истории — что такое сами древние историки, все эти Плутархи, Светонии, Тациты, а по-своему (в форме легенды) и Геродоты, Титы Ливии, как не анекдотисты? Все это, в сущности, «Иловайские», но я уверен, что Пушкин остался бы равнодушен к Ранке или Момзену⁴ и ни за что не променял бы на них своего старого Светония. И вполне возможно, что он был прав.

И знаете, тут открывается, может быть, путь даже к научно точному определению Пушкина, истинный облик которого так безмерно затемнен всевозможными субъективностями (более всего — романтически растрепанным Аполлоном Григорьевым) и которого в столь непластические последние десятилетия русского XIX-го века совсем разучились понимать в его подлинности. Вашу книжку я так ценю именно за то, что она пролагает путь к этой подлинности. В ней *осязаеть* Пушкина — находишь *его*, а не рассуждения о нем, которых мы столько читали. Итак, что же такое Пушкин? Я сказал бы: *ампирный* поэт прежде всего. Мне думается, Вы не будете спорить против эпитета? Именно при таком определении П<ушкин> становится на свое духовно-историческое место. Он — величайшее явление нашего послепетровского пластицизма, стоящее в ряду других конгениальных с ним достижений, как великая архитектура эпохи Елизаветы—Екатерины—Александра, как «Горе от ума», как арка Главного Штаба.⁵ Мы никогда не были такими пластиками, как в тот момент нашей истории, и никогда не будем. Так. Но при этом определении мы обязываемся и к сильному ограничению историко-культурной роли Пушкина — столь безмерно и *бесформенно* преувеличенной как раз в годы его непонимания. Тут тотчас же отпадает пресловутая формула Аполлона Григорьева, которую в статье 1914 г. Вы как будто хотите принять без поправок.⁶ «Пушкин — наше всё»? Конечно, *нет*. Он — поэт только петербургской, петровской России, в рамках которой он еще мог казаться «нашим

всем», но за ее пределами сразу определился в своем ограничении. Нет, — как русский ампир, Пушкин характерен лишь для *одной* двухвековой полосы нашей истории и вовсе не связан или слабо связан с другими ее полосами. В его европейско-античном пластицизме нет места для Киева, для Москвы — для всего того, что покрывается термином «святая Русь». Не так давно мы начали что-то понимать в нашей старой, забытой в пушкинские столетия архитектуре и в нашей иконописи — *и это не Пушкин*. Еще раньше Мусоргский осветил нам подлинную Москву (как Суриков, Рябушкин, С. Иванов, Ап. Васнецов, Стеллецкий сделали это кистью), и оперная иллюстрация пушкинского текста осязательно выявила всю «оперность» этого текста.⁷ Нет, Пушкин не знал другой Москвы, кроме грибоедовской. И по этому одному уже он — *не наше «всё»* (что, по-моему, по крайней мере, — к лучшему). Пушкин — аполлоническая минута нашей литературы и весь принадлежит аполлоническому часу нашей истории, петербургскому периоду. Но Россия — не античная Греция и не Италия Ренессанса, еще менее — Франция XVIII-го века. Основы духа ее совсем иные, и в этом смысле приходится так же «усумниться» в Пушкине, как и в его любимом герое.⁸ И разве не знаменательно, что Медный Всадник стал уже для нас Медным Призраком? Вспомните стихи Вяч. Иванова.⁹

Простите, что занял так долго Ваше внимание. Но, по крайней мере, Вы видите, что у Вас есть прилежные читатели. А сидя в деревне, поневоле прибегаешь к пушкинской же форме общения. Всего хорошего!

Преданный Вам П. Перцов.

¹ Речь идет о главе «Искусство анекдота у Пушкина» из книги Гроссмана «Этюды о Пушкине».

² Эпизод с собакой Алкивиада восходит к Плутарху (см.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*: В 2 т. / Изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М., 1994. Т. 1. С. 248 («Лит. памятники»)). Автора учебников истории Дмитрия Ивановича Иловайского (1832—1920) часто критиковали и высмеивали за использование этого и подобного «анекдотов» в гимназическом курсе (см., например: *Сатирикон*. 1910. № 1. С. 12; *Всеобщая история, обработанная «Сатириконом»*. СПб., 1910. С. 30; *Крупская Н. К. Педагогические сочинения*. М., 1959. Т. 3. С. 111—112; 1960. Т. 9. С. 658). Однако ни в «Древней истории», ни в «Руководстве ко всеобщей истории», ни в других многократно переиздававшихся пособиях Иловайского этот эпизод не упоминается.

³ Роберт Юрьевич Вишпер (1859—1954), автор «Учебника древней истории», впервые вышедшего в 1900 году и впоследствии неоднократно переиздававшегося вплоть до середины 1920-х годов, а также учебников по истории средневековья и Нового времени. В черновом варианте публикуемого письма Перцов характеризует его труды как полные «современного нагромождения сырого материала» (РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 61, л. 1 об.).

⁴ Леопольд фон Ранке (Ranke; 1795—1886) — германский историк, известный прежде всего своими фундаментальными работами по европейской истории XVI—XVII вв., а также по истории Пруссии. Основной труд германского историка античности Теодора Моммзена (Mommsen; 1817—1903) — многотомная «История Рима».

⁵ Часть ансамбля Главного штаба на Дворцовой площади в Петербурге; создана в 1827—1828 годах архитектором К. И. Росси и ориентирована на древнегреческие образцы.

⁶ О григорьевской формуле «Пушкин — наше все» («Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая» — Русское слово. 1859. № 2. Отд. 2. С. 11) см. в статье Гроссмана «Основатель новой критики» (Гроссман Л. П. Три современника. С. 44; впервые опубликована: Русская мысль. 1914. № 11).

⁷ Ср.: «Его единственное крупное полотно из старой Руси, “Борис Годунов”, могло казаться подлинной картиной Москвы только петербуржцам. Теперь, после Сурикова, Рябушкина, Ап. Васнецова, Стеллецкого и других, мы не то называем Москвой. Музыка Мусоргского менее “опера”, нежели “либреттный” текст Пушкина» (Перцов П. П. Литературные афоризмы. С. 218); о художнике С. В. Иванове см.: Перцов П. П. Поэт московской вольницы: (Посмертная выставка С. В. Иванова) // Новое время. 1911. № 12574. 15 (28) марта. С. 5.

⁸ Имеется в виду Петр I.

⁹ Речь идет о стихотворении «Медный Всадник», вошедшем в книгу «Сог Ardens»; две заключительные строфы его выписаны Перцовым в записную книжку 1920—1921 годов (РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 55, л. 98).

4

Многоуважаемый Петр Петрович, я снова перечел Ваши афоризмы о Пушкине и снова почувствовал их исключительную глубину и полновесность. Сколько свежести и новизны в Вашем видении Пушкина, в какие убедительные формулы отливаются Ваши мысли об этом вечно загадочном образе. Трагедия пушкинского угасания в нескольких словах показана непререкаемо — как и любви его, и последней ненависти. Прекрасно об «ампирном» моменте, о Петербурге и о недоступной Пушкину Руси. Я считаю, что Ваши фрагменты — лучшее, что написано о Пушкине за последние десятилетия. Сквозь замкнутое кольцо этих колодцев чуется их огромная глубина. Мне чрезвычайно близки Ваши построения, и мне понятно, почему Вы отзывались с хвалой о моих пушкинских этюдах, — мы с Вами очень родственно воспринимаем Пушкина, и это искренне радует меня. Надеюсь показать Вам или прочесть отрывки моей хроники¹ — Ваш отзыв был бы исключительно ценен для меня.

Я говорил насчет комнаты.² В принципе дело могло бы устроиться положительно, но есть целый ряд внешних затруднений (домуправление, живущие еще в ней лица и проч.) — но затруднения эти, может быть, удалось бы преодолеть. Я хотел бы лично позна-

комить Вас с нашими племянниками, они во всяком случае очень бы приветствовали благоприятное разрешение вопроса. Но устроит ли Вас то, что комната будет занята до 15 апреля?

Если последнее Вас не пугает, черкните мне с указанием наиболее удобного для Вас времени, я познакомлю Вас с Вашими, быть может, будущими хозяевами.

С искренним приветом

Ваш Л. Гроссман.

12. II. 1929

¹ Гроссман Л. П. Записки д'Аршиака: Петербургская хроника 1836 года. Харьков, 1930. О чуть более раннем чтении Гроссманом этого текста в ГАХН см. дневниковую запись Л. В. Горнунга от 15 декабря 1928 года: «Читали: Чулков из рассказа, Шервинский стихи о Крыме, Новиков из пьесы, Вересаев рассказ и Гроссман французскую хронику о Дантесе и Пушкине» (*Горнунг Л. В. Свидетель терпеливый: Дневники, мемуары / Подгот. текста, предисл., коммент. Т. Ф. Нешумовой. М., 2019. С. 255*).

² Хлопоты о комнате в Москве — один из лейтмотивов писем Перцова этого времени; см., например, фрагменты его переписки с Н. К. Гудзием: *Фролов М. А. Николай Гудзий в переписке с деятелями и историками русского символизма (1922—1940): Эпизоды биографии в свете архивных материалов // Вопросы литературы. 2024. № 4. С. 151*.

5

Москва, 59; Можайский вал, д. 6/А, кв. 5

1929 18/II

Многоуважаемый Леонид Петрович!

Очень благодарен Вам за Ваш сочувственный и столь лестный для меня отзыв о моих пушкинских афоризмах — тем более для меня приятный, что он исходит от писателя, которого я высоко ценю. Вы правы: мы с Вами смотрим на Пушкина с близких, если не тождественных, точек зрения, — и эта точка зрения прежде всего эстетическая. Да и как же смотреть на поэта (так же, впрочем, как и на все прочее в мире), как не с этой «командующей высоты», с которой открывается вся живая цельность явления? Оставим библиографам доказывать, что сущность Пушкина лежит в разночтении текстов, и Щеголеву, что она — в факте Высочайшего к нему неблаговоления. Для меня она прежде всего в его переживаниях, в фактах его личной жизни, которые таким чудесным образом «пресуществляются» у него в факты искусства. Поэтому я приветствую Ваш метод — брать творчество Пушкина как единое целое с его жизнью и с жизнью окружающего его общества, всей его эпохи. Сейчас с большим удовольствием читаю Ваше «Пушкин в театральных креслах», где

так ярко проведен этот метод.¹ Очень буду рад ознакомиться с Вашей новой работой и заранее предвкушаю удовольствие этого знакомства. В особенности я был бы Вам благодарен, если бы Вы нашли возможным дать мне прочесть рукопись самому, так как при чужом чтении я всегда лишь смутно улавливаю текст.²

Возвращались ли вы к мысли о «Пушкинских тетрадах»? Мне она кажется очень своевременной и интересной. Пушкин, кажется, единственная цитадель, которую еще не захлестнула и даже не пытается захватить волна современности, почтительно расстилаясь у ее подножия. Тем более тянет что-нибудь сделать в этой области. Я писал Андрею Белому о нашем проекте и думаю, что он поддержит его.³ Поговорю также с Ю. Н. Верховским.⁴ Говорили ли Вы с кем-нибудь из поэтов?

Мне хотелось бы ознакомить Вас также с дальнейшими моими «афоризмами» — о Гоголе, Лермонтове, Тургеневе и Л. Толстом.⁵ Они — в ином роде, соответственно «инородности» самих этих писателей сравнит^{ельно} с родоначальником, и в них, может быть, слишком сказывается субъективный элемент (о Толстом, напр^{имер}, почти сплошная полемика). Но части о Гоголе и Лермонтове кажутся мне естественным дополнением к пушкинской.⁶

Благодарю Вас за устройство комнаты. Если мои обстоятельства позволят мне остаться в Москве до весны и начала лета, то эта комната вполне устраивала бы меня. Но пока я все еще в той же неопределенности, не получая решительных ответов на мои проекты. Как только что-нибудь в этом смысле определится — я извещу Вас и при всех обстоятельствах буду рад познакомиться с Вашими племянниками.

Всего хорошего!

Вам преданный

П. Перцов.

¹ Гроссман Л. П. Пушкин в театральных креслах: Картины русской сцены 1817—1820 годов. М., 1926.

² Перцов с молодости был глуховат; см., например, его характеристику: «Провинциал, человек упрямый, замкнутый, сдержанный (особенно замкнутый потому, может быть, что глухой)» (*Гиппиус Э. Н. Задумчивый странник: О Розанове // Василий Розанов глазами современников / Предисл., сост., подгот. текста и коммент. В. Г. Сукача. СПб., 2022. Т. 1. С. 72*).

³ В письме к Андрею Белому от 12 февраля 1929 года Перцов сообщал: «Среди московских пушкинистов возникла такая идея: попробовать составить и издать сборник новейших статей о Пушкине — или точнее: начать серию таких сборников весьма небольшого размера (листа в 2—3—4) — своего рода “Пушкинских тетрадей”, которые служили бы естественным дополнением к тому “деловому” (биографическому, библиографическому и т. д.) материалу, которого так

много за последние годы вышло о П<ушкине>. Тут нашел бы себе место субъективный, лирический элемент — хотя бы и в сочетании с “деловым”. Что Вы скажете об этой идее? Пришла она в голову мне и Л. П. Гроссману. Не знаю, насколько она осуществима среди теперешних “кризисов”, но попробовать во всяком случае стоит. Я лично думал бы поместить здесь свои “Пушкинские афоризмы” — Вам известные. Не согласитесь ли и Вы принять участие в этой затее? У Вас, наверное, есть (или легко может быть) что-нибудь о Пушкине для подобного сборника, и Вам слишком легко было бы войти в нашу компанию (мы думаем привлечь также кое-кого из молодых поэтов). Между тем теперь к Пушкину интерес так велик, что сборники наверное “пойдут”, а следовательно, дадут и гонорар за материал, сейчас лежащий без движения. Будьте добры — ответьте мне на эту тему и, в случае Вашего согласия, укажите, что Вы хотели бы дать и какого это будет размера? Жду Вашего ответа» (РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 243, л. 5—6; письмо частично опубликовано: *Спивак М. Л.* Андрей Белый: Между мифом и судьбой. М., 2023. С. 552—553). Ответное письмо Белого, если оно было, нам не известно. Замысел «Пушкинских тетрадей» не осуществился.

⁴ Поэт Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) был общим знакомым Перцова и Гроссмана. В январе 1926 года Верховский присутствовал на докладах Перцова в ГАХН (см.: *Богомолов Н. А.* Другое литературоведение: Занятия подсекии истории русской литературы ГАХН 1925—1929 // *Русская литература и философия: Пути взаимодействия.* М., 2018. С. 465). Гроссман в 1927—1932 годах состоял вместе с Верховским в «кружке любителей Пушкина» (см.: *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1985. Т. 4. С. 314; подробнее см.: *Соболев А. Л.* Эпизод из истории московской пушкинистики // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 2022. Вып. 36. С. 186—200); он также выступал на праздновании 50-летия Верховского в 1929 году в Доме ученых в Москве (см.: *Горнунг Л. В.* Свидетель терпеливый. С. 666), а написанная им к 75-летию поэта статья опубликована: *Верховский Ю. Н.* Струны: Собр. соч. / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. В. В. Калмыковой. М., 2008. С. 739—746.

⁵ В окончательный текст «Литературных афоризмов» входят еще разделы о Ф. М. Достоевском и В. В. Розанове.

⁶ Пушкин, Гоголь и Лермонтов объединяются Перцовым в триаду, все элементы которой взаимозависимы; см., например: «Как исключительно в Пушкине чувство жизни — так в Гоголе чувство смерти. Они взаимно уравнивают друг друга: Гоголь оттого так и сосредоточен на смерти, что только что Пушкин так много брал от жизни. Тут вся несправедливость духовно-морфологического раздела. Лермонтов — уже по ту сторону смерти, и тем более по ту сторону “легкой”, пушкинской, эвклидовой жизни — “в трех измерениях”. Пушкин и Гоголь — это изначальные + и —; Лермонтов ±» (*Перцов П. П.* Литературные афоризмы. С. 218).

Я. В. СЛЕПКОВ

**АННА АХМАТОВА
В РАБОТЕ НАД КОММЕНТАРИЕМ
К РУКОПИСЯМ ПУШКИНА***

В 1933 году Анна Ахматова, к тому времени уже опубликовавшая свое первое пушкиноведческое исследование о связи последней сказки Пушкина с новеллой Вашингтона Ирвинга «Легенда об арабском звездочете»¹ и выступившая с докладом на заседании Пушкинской комиссии АН СССР,² работала по заказу Комиссии³ над комментарием к двум текстам Пушкина, записанным в одной из его рабочих тетрадей.⁴ Этими текстами были черновой вариант «Сказки о золотом петушке» и отрывок «Царь увидел пред собою...», который, как показала Ахматова в статье, являлся переводом из Вашингтона Ирвинга.

Хотя тема «Ахматова как исследователь Пушкина» уже достаточно давно и подробно разрабатывается в ахматоведении, творче-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01206, <https://rscf.ru/project/24-28-01206/>, ИРЛИ РАН.

¹ Ахматова А. Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1933. № 1. С. 161–176.

² См.: Турчаненко В. В. Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг.: (По материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34. С. 159–160; протокол заседания см. в статье: Слепков Я. В. Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»: История создания // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 378–379.

³ См.: Турчаненко В. Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: Штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата...»: Сб. статей и материалов к 70-летию Наталии Ивановны Крайневой / Сост. и ред. Я. В. Слепков. М., 2023. С. 251.

⁴ Ахматова А. «Сказка о золотом петушке» и «Царь увидел пред собою...» // Рукописи А. С. Пушкина: Фототипическое издание. Альбом 1833–1835 гг. Комментарий. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1939. С. 23–26.

ская история ее статей, а тем более академического комментария (вполне маргинального для поэта жанра) до сих пор не написана. Чтобы восполнить эту лагуну в истории творческой и научной деятельности Ахматовой, необходимо ответить на несколько вопросов: во-первых, кто и когда привлек поэта к работе над комментарием для фототипического издания рабочей тетради Пушкина; во-вторых, как (пере-)создавался текст комментария, как сложилась его судьба и как Ахматова впоследствии его воспринимала. Решение поставленных задач, в свою очередь, требует обращения к истории самого фототипического издания.

I

Реконструировать историю включения Ахматовой в проект по подготовке фототипического комментированного издания пушкинской тетради позволяют официальные протоколы заседаний и переписка пушкинистов — членов Пушкинской комиссии и участников академического издания Полного собрания сочинений Пушкина. 28 апреля 1931 года состоялось первое заседание Пушкинской комиссии Академии наук СССР, на котором, среди прочего, была «поставлена задача издать факсимиле пушкинской тетради № 2374»,⁵ содержащей черновые тексты лирики, «Медного всадника», «Езерского», «Анджело», «Сказки о золотом петушке», переводы из Вордсворта и «Одиссеи», план «Капитанской дочки», заметку о дворянстве и некоторые другие произведения.

Спустя почти три недели, 18 мая 1931 года, на втором заседании Комиссии было заслушано сообщение академика А. В. Луначарского, еще не занявшего директорский пост Института, «о переговорах с ОГИЗом по поводу издания факсимиле рукописей Пушкина и о возможности дотации ЦИК СССР».⁶ Работа по подготовке транскрипций, порученная С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской в марте 1931 года, началась 16 мая того же года,⁷ однако в полную силу Цявловская начала работать лишь в ноябре 1932 года.⁸ Как видно из установочного письма Д. П. Якубовича к М. А. Цявловскому от

⁵ Турчаненко В. В. Научные заседания... С. 155 (современный шифр хранения: ПД 845).

⁶ Там же. С. 155—156.

⁷ См.: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 88.

⁸ Об этом в письме к Якубовичу от 3 ноября 1932 года писал М. А. Цявловский, см.: РО ИРЛИ, ф. 800, № 174, л. 3—3 об. (сообщено В. В. Турчаненко).

29 февраля 1932 года, в то время об участии Ахматовой в издательском проекте Комиссии еще не шла речь — очевидно, потому, что пушкинисты не были посвящены в содержание ее научной работы:

О *комментарии*. Все высказались за то, чтобы убрать <Д. Д.> Благого с этой страницы (точнее, из состава комментаторов данного выпуска). Просим сообщить, какая именно работа считается в *комментарии* за Татьяной Григорьевной. Что касается <А. М.> Эфроса, то единогласно высказались за то, чтобы не вводить его в список комментаторов. В самом деле, мы ведь договорились, что специальной статьи о рисунках для этой тетради не будет. Рисунки в ней — к тому же — все не сложны. Комментарий к <рисунку> может сделать тот, кто комментирует всю страницу, на которой рис<унок> находится. <...>

Что касается до распределения *материала комментариев*, то после долгих обсуждений решили, что «Медн<ого> всадника» никоим образом нельзя поручать Благому, никогда не работавшему над рукописями, чтобы не нарушать общего принципа. Не пожелает ли взять «М<едного> всадника» единственно Бонди. Просим срочно известить об этом очень важном пункте.

Вот таблица материалов и гонораров по нашим соображениям:

		Листов	Гонорар
1. Вводные статьи	а) Луначарский б) Цявловский	3	750 р.
2. Палеогр<афическое> описан<ие>	Георгиевский	1/2	125 р.
3. Транскрипция	Бонди, Зенгер	2	500 р.
4. Комментарий	Бонди, Козмин, Оксман, Томашевский, Цявловский, Якубович	4 1/2	1125 р.
5. Контроль (и часть корректур)	Томашевский, Якубович	2	150 р.
6. Редакц<ионные> расходы			100 р.
	Итого:		2750 р.

Более подробно распределение материала комм<ентари>ев:
Золот<ой> петушок — Томаш<евский> и Якубович...⁹

Еще в августе 1931 года С. М. Бонди вызвался помочь Ахматовой в изучении рукописи «Сказки о золотом петушке»¹⁰ и позднее прислал ей транскрипцию черновой записи, сделанную для фототипического издания.¹¹ 10 июля 1932 года Ахматова просмотрела пушкинскую тетрадь вместе с Г. П. Георгиевским, а в сентябре, вероятно, послала Бонди письмо с дополнительными вопросами, на которые он ответил 4 октября.¹² По всей видимости, в конце сентября Ахматова наконец рассказала подробно о содержании своего исследования Якубовичу.¹³

К работе над комментарием Ахматова была приглашена в конце 1932 года по предложению Т. Г. Цвяловской, высказавшей эту идею в письме к Якубовичу от 9 ноября 1932 года¹⁴. Согласие Ахматовой было получено лишь в конце февраля — начале марта 1933 года, уже после выступления с докладом на заседании Комиссии, которое состоялось 15 февраля 1933 года. Две недели спустя, 1 марта 1933 года, Якубович, курировавший подготовку издания, писал Цвяловской:

Вчера было у нас совещание Пушкинской комиссии по поводу факсимильного издан<ия>.

Постановил<и> крайним сроком предоставления в Комиссию всего материала по 2374 тетради считать 20^е марта. 25го марта весь материал сдается мною машинистке и затем отсылается в «Academia». <...> Анна Андреевна (читавшая у нас, наконец, свой доклад) даст экстракт из него на 1/2 листа, если только будет здорова. Только что звонил к ней — она опять лежит.

<...> О типе комментария договорились. Он должен быть сжатым, указывать, где *основное* место, связанное с комментируемой

⁹ РО ИРЛИ, ф. 387, № 362, л. 4—5.

¹⁰ См.: Румянцева В. Ф. Из письма к М. Н. Иконниковой // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных; Комментар. А. В. Курт и К. М. Поливанова. М., 1991. С. 345—346.

¹¹ См.: Слепков Я. В. Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина». С. 368. Бонди неоднократно осуществлял транскрибирование хранившихся в Москве рукописей Пушкина для нужд иногородних исследователей. Например, одна из таких транскрипций сохранилась в архиве Ю. Г. Оксмана (РГАЛИ, ф. 2567, оп. 1, № 340).

¹² См.: Там же. С. 371—372.

¹³ См.: Балакин А. Ю., Турчаненко В. В. Анна Ахматова и Пушкинская комиссия Академии наук СССР // Литературный факт. 2025. № 1 (35). С. 390.

¹⁴ См.: Турчаненко В. Анна Ахматова и Дмитрий Якубович. С. 251.

вещью, комментировать не все произведение, а *вещь* в данной тетради, с указанием библиографии, воспроизведения других рукописей того же произведения, вскрытием необходимых источников (констатированием их) — все под углом зрения данного альбома.¹⁵

Еще через десять дней он сообщал Цявловским об окончательном согласии Ахматовой:

Вчера виделся я с А. А. Ахматовой и передал ей все фото и транскрипции, касающиеся «Золотого петушка». Она согласилась к 20-му дать комментарий для fac-simile. Статья ее выходит на днях в «Звезде» (она очень горюет об опечатках литотипских), и у нее будут оттиски. Шлю Вам протокол заседания с ее докладом у нас.¹⁶

Обещание Ахматовой завершить работу в срок было выполнено: текст комментария, представляющий вариацию ее статьи, опубликованной в «Звезде», оказался у Якубовича, о чем тот сообщал Цявловским 24 марта 1933 года, прося их как можно скорее закончить свою часть работы:

...нам необходимо во что бы то ни стало педантически аккуратно сдать весь материал (со статьями, напечатанными на машинке) к сроку. Кстати, написали ли Вы, Мстислав Александрович, комментарий к Мицкевичу («Он между нами жил...»)? Он ведь значит за Вами <...>. Наши комментарии в таком положении:

«Петушок» — Ахматова — сделано. <...>

Комментарий определен как деловой, тяготеющий к данной тетради, со сведениями о публикациях, ссылками на др<угие> тетради и внушительной библиографией.

Перехожу к *транскрипциям*. <...> Последнее пожелание ленинградцев о получении транскрипции л. 20 (<...> «Зол<отой> петушок»)¹⁷.

Ни комментаторы, ни составители транскрипций не успевали сдать окончательную работу к назначенному сроку; 29 марта Якубович писал Цявловской:

Сегодня уже 29 марта. 3-го <апреля> я, во всяком случае, сдаю машинисткам все материалы и твердо надеюсь, что Мсти-

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 387, № 433, л. 16—17 об.

¹⁶ Там же, № 364, л. 15—15 об. Частично опубликовано: Турчаненко В. Анна Ахматова и Дмитрий Якубович. С. 251.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 387, № 364, л. 18—19.

сл<ав> Алекс<андрович> и Серг<ей> Мих<айлович> пришлют статьи, а Вы — остающиеся транскрипции!

Во всяком случае 9-го апреля вся тетрадь, переписанная на машинке, должна быть отослана в «Academia». Дополнения могут б<ыть> сделаны позже. <...>

Только сейчас прочел статью Анны Андр<еевны> в «Звезде» и очень ею доволен. У нас комментарий она даст в несколько ином виде.¹⁸

Видимо, последняя фраза была ответом на замечание Цявловских, которые не соглашались с трактовкой сказки, предложенной Ахматовой:

Сергей Мих<айлович> Бонди> принес присланную ею работу (из «Звезды»), которая всех нас очень удивила в своей второй части. Не менее удивило нас, что в столь многолюдном заседании не оказалось ни одного человека, который бы не был согласен с более чем спорными положениями. Т. е., конечно, намеки какие-то, вроде «но с иными плохо спорить» и т. д. очевидны. Но этого еще очень мало. — Где же будет большая работа? В «Звезде» — мало <...>, в докладе — мало, для факсим<ильного> изд<ания> — еще меньше будет.¹⁹

К назначенному сроку работа наконец была выполнена, все комментарии были собраны Якубовичем. Однако выяснилось, что спешка исследователей была напрасной — возникли проблемы другого характера. 8 апреля 1933 года Якубович писал Луначарскому:

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич,

С большим напряжением Пушкинской комиссии все-таки удалось закончить к сроку (10 апреля) все работы по факсимильному изданию тетради Пушкина № 2374.

Московскими товарищами проделана действительно изумительная работа по выполнению всех транскрипций данной тетради. Прочтено и фиксировано то, что пушкинистам старым казалось «неразборчивым», прочтены вещи, которых в старину просто не видели <...>.

Ленинградцами и москвичами даны новые и порою чрезвычайно ценные социологические и историко-литературные комментарии к «Капитанской дочке», «Сказке о золотом петушке», «Пол-

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 387, № 433, л. 23—24 об.

¹⁹ Турчаненко В. Анна Ахматова и Дмитрий Якубович. С. 251—252.

ководцу», «Медному всаднику», «Анджело», заметке о дворянстве и др.

Завтра все материалы высылаются мною в «Academia» <...>.

Если будет возможно, Пушкинская комиссия хотела бы во время Вашего приезда в Ленинград устроить специальное заседание, посвященное нашей факсимильной тетради.

Сегодня, однако, я получил от проф. М. А. Цявловского очень встревожившее меня известие о том, что будто бы в «Academia» не предполагается ввиду загруженности другими работами приступать к выполнению *фототипий до 1934 года*.

Вот почему, Анатолий Васильевич, обращаюсь к Вам от имени Комиссии с просьбой, если будет возможность, до Вашего отъезда в Ленинград, лично переговорить с представителями Госзнака, где фототипии должны изготавливаться, чтобы убедить их приступить к работе в *этом же 1933 году*. Только Вы, конечно, сможете это сделать — двинуть это нужнейшее для пушкиноведения дело.

Изготовление фототипий — длительно-ответственная вещь, которая все равно потребует около года. Отложить теперь приступ к этой работе — значило бы отложить издание факсимиле до 1935 года!

Уч<еный> секретарь Пушкинской комиссии

Д. Якубович²⁰

В конце апреля издательство «Academia» уведомило Якубовича о получении материалов. Взаимодействие Пушкинской комиссии с издательством по вопросу фототипического издания пушкинской тетради продолжалось — ориентировочно — до лета 1934 года.²¹ Тогда же, весной 1933 года, преодоленные (вероятно, не без помощи Луначарского) технические трудности с производством факсимильного издания сменились другими насущными проблемами. Дискуссии вокруг проектов нового академического издания потребовали от пушкинистов созыва специальной конференции (7—11 мая 1933 года), на которой явно обозначилось противостояние Пушкинской комиссии и Н. К. Пиксанова.²² 26 апреля Якубович так описывал Цявловскому состояние дел:

²⁰ РГАЛИ, ф. 279, оп. 2, № 519, л. 1—3.

²¹ «Документальное воспроизведение всех пушкинских рукописей параллельно (академическому изданию Полного собрания сочинений. — Я. С.) осуществляется Академией наук СССР в форме фототипического издания рукописей Пушкина (первый творческий альбом Пушкина — записная книжка № 2374 должна выйти к *всесоюзному съезду писателей*)» (Б. Р. Новый Пушкин // Литературная газета. 1934. № 63 (379). 20 мая. С. 4; указано В. В. Турчаненко).

²² Подробнее о конференции и отношениях между Комиссией и Пиксановым см.: Турчаненко В. В. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина как науч-

1. Вчера я получил от «Academia» официальное извещение о получении издательством материалов тетради № 2374, причем сообщается, что пока в издательство не будут сданы недостающие материалы (предисловие, Ваша статья и комментарии, недостающие листы транскрипции и указатель), 60% гонорара уплочены быть не могут.

С другой стороны, ни предисловие, ни указатель не могут быть сделаны, пока нет на руках у нас всех материалов.

Поэтому мы все продолжаем считать необходимой сдачу всех московских материалов в срочном порядке, хотя бы и не в абсолютном законченном виде. Прошу Вас ответить мн<e> по этому поводу.

2. Конференция назначена на 5—6—7. <...> Кроме того, очень прошу Вас передать московским товарищам, что самые принципы созыва «конференции» мы — ленинградцы — считаем совершенно неправильными. В частности, я снимаю с себя всякую ответственность за выбор приглашаемых как по Москве, так и по Ленинграду. Я, кажется, уже писал Вам, что я стоял и стою на точке зрения необходимости максимального приглашения всех пушкинистов, могущих быть полезными как в плане подготовки к изданию, так и по самому изданию. На мой взгляд (разделяемый и Томашевским, и Оксманом, и Тыняновым), для издания равно необходимы и Н. В. Яковлев, и А. М. Эфрос, и М. Ф. Бельчиков, и М. П. Алексеев (сейчас находящийся в Ленинграде), и Д. Д. Благой, и И. В. Сергиевский, и Н. С. Ашукин, и Н. О. Лернер. «Равно», конечно, не в смысле их одинаковой ценности (как не одинаковы и прочие пушкинисты — маститые, зреющие и начинающие), а в том смысле, что все они, как и многие другие (интересующиеся Пушкиным в *особенности*) литературоведы, которых я просто случайно не назвал, например Л. П. Гроссман, А. А. Ахматова, Б. В. Казанский, А. С. Долинин, А. Г. Фомин, Б. М. Эйхенбаум и другие, — все они должны быть приглашены хотя бы к предварительному обсуждению. Неприглашение приведет к тому же к ряду ненужных обид, которые чувствуются уже и сейчас. Уже одно это обстоятельство будет способствовать нездоровой атмосфере. Я неоднократно поднимал этот вопрос. Пиксанов проводит иную точку зрения. <...>

Очень хорошо было бы, если бы Вы смогли известить меня *спешным* письмом, предполагают ли москвичи сделать на заседаниях *Пушкинской комиссии* научные доклады. Мы считали бы це-

ная проблема: Идеи, концепции, реализация (1930—1950-е гг.): Дис. ... канд. филол. наук 5.9.1. СПб., 2025. С. 79—89, 98—102.

лесообразным поставить части из работ по факсимильному изданию.²³

На конференцию Ахматова приглашена не была и, насколько известно, не принимала участие в заседаниях даже в качестве слушателя. Лишь 20 декабря 1933 года она присутствовала на очередном заседании Пушкинской комиссии, значительная часть которого была посвящена именно фототипическому изданию (Якубович выступил с сообщением о работах Комиссии над этим изданием; Оксман — с сообщением о комментарии к плану «Капитанской дочке»; повторно Якубович — о комментарии к «Анджело»).²⁴

В мае 1936 года в первом выпуске издания «Пушкин: Временник Пушкинской комиссии» сообщалось, что фототипическое издание вскоре будет готово:

Одной из крупнейших задач Пушкинской комиссии является издание fac-simile пушкинских рукописей. <...> Первый издаваемый выпуск (заканчивается печатанием) представляет собой Пушкинский альбом, хранящийся в библиотеке им. Ленина (тетрадь № 2374). Выбор этого альбома в качестве первого выпуска объясняется возможностью показа на его материале всего многообразия творческого процесса Пушкина. Большая часть альбома представляет собою первые слои черновиков, перемешанные с беловиками, планами, зарисовками и разного рода записями. <...> Транскрипция альбома сделана С. М. Бонди и Т. Г. Зенгер <...>. Комментарий написан А. А. Ахматовой, С. М. Бонди, Д. Д. Благим, Н. К. Козминым, Л. Б. Модзалевским, Ю. Г. Оксманом, Б. В. Томашевским, М. А. Цявловским, А. М. Эфросом и Д. П. Якубовичем.

Издание (фототипическое, с использованием в отдельных случаях цинкографического способа) осуществляется Госзнаком.²⁵

В действительности же до выпуска факсимиле рабочей тетради в виде трех альбомов — фототипий, транскрипций и комментариев — оставалось еще почти три года.

²³ РО ИРЛИ, ф. 387, № 362, л. 61—61 об., 62 об.—64. Специальных докладов, посвященных фототипическому изданию, на конференции не было. См. реконструированную хронику работы: Турчаненко В. В. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина как научная проблема. С. 84—86.

²⁴ См.: Турчаненко В. В. Научные заседания... С. 163.

²⁵ Издания Пушкинской комиссии // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 366—368.

II

В фонде Ахматовой, который хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, отложилось несколько документов, касающихся интересующего нас комментария Ахматовой к рукописям Пушкина: разрозненные черновые автографы, выполненные карандашом (№ 448), машинописные листы с правкой без начала и окончания (№ 447), неполный комплект гранок с правками рукой С. М. Бонди (№ 446). Э. Г. Герштейн ошибочно называла один из таких листов «черновым наброском к статье»,²⁶ однако внимательное изучение документов и сравнение текстов доказывают, что была права первая обработчица фонда Л. А. Мандрыкина, считавшая их подготовительными материалами именно комментария. По черновым записям удастся реконструировать, как Ахматова постепенно переписывала статью из «Звезды», приближая текст к академическому комментарию. Некоторые языковые обороты она повторила в новом тексте почти дословно. Кроме того, важно заметить, что по мере работы над комментарием Ахматова возвращалась и к своей статье, дополняла ее, делая вклейки в сохранившиеся у нее корректурные листы.

Так, например, в черновом варианте комментария сохранился фрагмент, не вошедший в окончательный текст. Небольшой пассаж, посвященный испанской архитектуре и специальной терминологии, содержится как в черновых записях, так и — в расширенном виде — на листе, который вклеен в корректуру статьи «Последняя сказка Пушкина». Мы полагаем, что этот текст изначально писался для комментария, но не вошел в него. Ахматова писала о новелле Ирвинга:

Легенде предпослан небольшой пролог, озаглавленный «La maison de la Girouette», в котором Ирвинг пытается связать свою легенду с определенным местом — старым мавританским дворцом в Гренаде. Автор сообщает, что этот дворец называется «La casa del Gallo de Viento», что, по мнению Ирвинга, значит Дом Флюгера (по флюгеру в виде мавританского всадника, бывшего на одной из его башен дворца <sic!>). Такого мавританского дворца в Гренаде не было, флюгер по-испански называется jiralda, не Gallo de Viento (cog der vente), и в V^{ом} веке, время, на кот<орое> указывает Ирвинг, в Испании еще не было арабской архитектуры.²⁷

²⁶ Ахматова А. Пестрые заметки // Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки / Сост., послесл. и примеч. Э. Г. Герштейн. М., 1989. С. 235.

²⁷ ОР РНБ, ф. 1073, № 448, л. 3.

В черновиках после приведенного пассажа следует текст, повторяющий фрагмент статьи «Последняя сказка Пушкина»: «Легенда довольно длинна, и для нашей цели можно ограничиться ее кратким пересказом». ²⁸ Эти же материалы к комментарию дают возможность увидеть, как Ахматова возвращалась к статье, дополняя ее. На корректуру статьи «Последняя сказка Пушкина» Ахматова подклеила фрагмент тетрадного листа со схожим текстом (полужирным шрифтом отмечены разночтения):

Этой легенде предпослан небольшой пролог, озаглавленный «La maison de la Cirouette», в котором Ирвинг пытается связать свою **сказку** с определенным местом — **древним** мавританским дворцом в Гренаде, **якобы разысканным самим автором**. **Дворец этот назывался** — «La casa del Gallo de Viento», что, по мнению Ирвинга, значит Дом Флюгера (по флюгеру в виде мавританского всадника, бывшего на одной из его башен). **Пр<офессор> Гржевский <sic!> указал мне, что** такого мавританского дворца в Гренаде **нет**, флюгер по-испански называется jiralda (**а** не Gallo de Viento) и в V^{ом} веке — время, на **которое** указывает Ирвинг, — **не могло быть** арабской архитектуры. ²⁹

Герштейн, публикуя этот отрывок как часть основного текста статьи, исправила ошибку Ахматовой в написании фамилии ее «консултанта» ³⁰ — им был филолог Б. А. Кржевский (1987—1954), служивший также редактором в издательстве «Academia».

Если предположить, что этот текст изначально писался для комментария к фототипическому изданию, можно считать, что Ахматова сделала вклейку в корректуру статьи, оставшуюся у нее, чтобы в будущем дополнить текст. Есть и другие доказательства, что черновики являются набросками именно комментария, а не статьи. На одном из листов с черновиком комментария находится такой фрагмент:

По тону и содержанию «Легенда об арабском Звездочете» наминает те «восточные сказки», которые в XVIII в. были обычным шифром политической сатиры. Если П<ушки>н и не заподозрил

²⁸ Там же. В статье Ахматова писала от первого лица: «Легенда довольно длинна, и поэтому я ограничусь здесь самым кратким пересказом» (Ахматова А. Последняя сказка Пушкина. С. 164).

²⁹ ОР РНБ, ф. 1073, № 444, л. 2.

³⁰ Ахматова А. Последняя сказка Пушкина // Ахматова А. О Пушкине. С. 15.

в «Звездочете» прямой сатиры, то во всяком случае Ирвинговская сказка представляет собою благодарный материал для переработки в произведение сатирического характера.³¹

Схожий, но несколько отредактированный текст был переписан на другом листе (полужирным шрифтом выделены разночтения):

По своему тону и содержанию «**Легенда об Арабском Астрологе**» напоминает те «восточные сказки», которые в XVIII в. были обычным шифром политической сатиры. Если П<ушки>н и не заподозрил **прямой сатиры в Легенде о Звездочете**, то во всяком случае Ирвинговская сказка представляет собою благодарный материал для переработки в произведение **памфлетного** характера. **Биография мавританского короля Аден-Габуза <sic!>, «отставного завоевателя»**³²

Текст оборван, его продолжение находится на другом листе (ни архивная, ни авторская нумерация на это не указывают):

мечтающего о покое и желающего сохранить свои лавры, флюгер, хотя бы и волшебный, управляющий действиями короля, восстание пограничных областей, престарелый монарх, разоряющий свою страну для исполнения прихотей наложницы, вспыхнувшая в столице революция и, наконец, особенно заинтересовавший П<ушки>на мотив неисполнения царского слова.³³

Этот текст продолжается фразой, которой начинается третий раздел статьи Ахматовой: «Сюжет пародийной “Легенды об арабском звездочете” чрезвычайно сложен...»³⁴ Важно отметить, что приведенный нами второй вариант текста почти дословно вошел в комментарий к сказке. Следующий в рукописи за этим фрагментом пересказ новеллы Ирвинга, как мы уже подчеркнули выше, в опубликованный текст комментария не вошел.

Кроме рукописных черновиков комментария, который готовила Ахматова, сохранились также два листа машинописи с правкой, содержащие лишь отрывок текста: от слов «Характерно для самой нефантастической сказки Пушкина...» до слов «затем сейчас же смяг-

³¹ ОР РНБ, ф. 1073, № 448, л. 2.

³² Там же, л. 1.

³³ Там же, л. 5.

³⁴ Ахматова А. Последняя сказка Пушкина. С. 163.

чается отказ:».³⁵ Ахматова вписала цитату из Ирвинга с описанием внешности звездочета на французском языке. Видимо, ее же рукой сделано указание: «петит» к каждому приводимому отрывку из пушкинской сказки. Помимо помет, однозначно атрибутировать которые невозможно, на листах присутствует также нумерация: на верхних полях страниц обведены в кружки числа «57» и «58» — они вписаны редактором издания С. М. Бонди. Его же рукой выполнена правка корректуры комментария к фототипическому изданию, листы которой также остались в архиве Ахматовой.³⁶ Так как машинописный вариант и корректура сохранились не полностью, проследить, менялся ли текст комментария после перепечатки на пишущей машинке, фактически невозможно.

Сохранились документы и свидетельства, позволяющие предположить, что ждало написанный Ахматовой комментарий. После первой публикации в фототипическом издании он должен был войти в третий том академического издания Полного собрания сочинений Пушкина: 8 апреля 1935 года между Ахматовой и издательством АН СССР был заключен договор о републикации комментария.³⁷ Об этом же Ахматова сама сообщила газетному корреспонденту:

Сейчас я работаю над комментарием для третьего тома академического издания Пушкина (к «Сказке о золотом петушке»). Эта работа поглощает почти все мое время и отодвигает осуществление других замыслов. <...> Кроме того, для первого тома академического издания Пушкина я перевела на русский язык все французские стихи, печатающиеся в комментариях, а также французские стихи Пушкина.³⁸

Это интервью было скоро замечено сотрудниками эмигрантской газеты «Новое русское слово», которые внимательно следили за появлением в советской печати любых сведений об Ахматовой.³⁹ Газета сообщила:

В «Литературном Ленинграде» помещена беседа с Анной Ахматовой, — имя которой, после долгого перерыва, начинает теперь снова появляться в печати.

³⁵ ОР РНБ, ф. 1073, № 447.

³⁶ Там же, № 446.

³⁷ Там же, № 40.

³⁸ Ахматова А. Над чем я работаю // Литературный Ленинград. 1936. № 45. 29 сентября. С. 3.

³⁹ Подробнее о «Новом русском слове» в связи с Ахматовой см.: Слепков Я. В. Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»: Восприятие и критика в 1930—1960-е гг. // *Studia Litterarum* (в печати).

Ахматова сообщила, что в последние годы была занята изучением Пушкина. Два ее исследования — «Последняя сказка Пушкина» и «Бенжамен Констан в творчестве Пушкина» — уже известны читателям. Сейчас она работает над комментариями к «Сказке о золотом петушке». Кроме того — перевела на русский язык французские стихи Пушкина.⁴⁰

Видимо, это же интервью вспоминал в 1941 году на страницах «Нового русского слова» и другой критик:

Ахматова.

О ней давно не было слышно. Стихи ее в советской печати не появлялись. <...> Однако в газетах промелькнуло однажды известие (кажется, это было во время пушкинского юбилея), что Ахматова написала какое-то исследование о сказках Пушкина.⁴¹

В материалах пенсионного дела сохранилась автобиография Ахматовой, написанная 25 марта 1940 года, в которой она упоминала и свои научные статьи. Примечательно, что созданный еще в 1933 году комментарий для фототипического издания спустя семь лет Ахматова называла находящимся в печати (на самом деле издание было выпущено незадолго до этого, но Ахматова не получила авторский экземпляр):

С середины 20-х годов я начала заниматься научным исследованием источников творчества Пушкина. Результатом этих исследований были мои статьи «Последняя сказка Пушкина» («Звезда», 1933, № 1), «“Адольф” Бенжамена Констан в творчестве Пушкина» («Пушкинский временник», 1936) и текстологический комментарий к рукописи «Сказки о золотом петушке» (сдано в печать).

Помимо этого я работала над переводами. Так, я перевела <...> английские стихотворные тексты для книги «Рукой <sic!> Пушкина».⁴²

Приглашенная к участию в подготовке комментариев для факсимильного издания еще до своего выступления с докладом и, следо-

⁴⁰ Г. А. Литература в СССР // Новое русское слово. 1936. № 8727. 25 дек. С. 6.

⁴¹ Мансветов В. Литературный блокнот // Там же. 1941. № 10249. 2 марта. С. 8.

⁴² Соболев А. Л. «Постояла в золотой пыли»: Пенсионное дело Анны Ахматовой // Соболев А. Л. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 222.

вательно, до опубликования статьи «Последняя сказка Пушкина», Ахматова старалась освоить новый для себя жанр академического комментария. Его основой послужил текст статьи, который она старалась переписать и сократить. В записях Л. К. Чуковской зафиксировано отношение самой Ахматовой к подготовленному ею комментарию. Хотя приглашение написать его Ахматова получила в конце 1932 года, а сам текст, видимо, был готов к марту 1933 года, сложное в исполнении с технической стороны издание было выпущено в свет в 1939 году (подписано в печать 13 марта 1938 года). Б. В. Томашевский сообщил Цявловскому в письме от 13 октября 1940 года, что авторские экземпляры не были разосланы тем, кто должен был получить их:

Теперь по поводу факсимильного издания. Как это ни странно, но некоторые участники издания не получили экземпляров. Например, Ахматова.

Кроме того, ведь были же авторские. Кому они достались? У <Н. В.> Измайлова нет экземпляра. Мне кажется, что пушкинисты (редакторы Акад<емического> изд<ания>, основные сотрудники «Временника» и т. д.) должны были бы получать из авторских. Большинство из них не имеет на что купить эти книги. Мы поручили рецензировать издание Измайлову, и ему можно было бы поднести экземпляр.⁴³

Вскоре альбомы оказались у Ахматовой. 17 октября того же года она показывала их Чуковской:

Предложила мне посмотреть пушкинские тетради, только что ею полученные. Красивый футляр, потом почерк Пушкина. Перелистывая тетрадь комментариев, я наткнулась на ее заметку.

— Надо ее прочесть, — сказала я.

— Нет, нет, совсем не надо! — закричала Анна Андреевна. — Это собачий бред, мура! <...> Чудаки пушкинисты! Вот Бонди построил весь свой комментарий на полемике с Измайловым. Ну кому это надо? Они так вгрызлись друг в друга, что совсем уже ничего не понимают.⁴⁴

Биографическая трактовка «Сказки о золотом петушке», предложенная Ахматовой в статье «Последняя сказка Пушкина», вы-

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 387, № 310, л. 9 об.

⁴⁴ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. 4-е изд., испр. М., 2022. Т. 1. С. 112.

звала со стороны некоторых академических пушкинистов резкое несогласие. Комментарий, написанный ею позднее на основе статьи, не содержит прямой полемики ни с кем из современных ей ученых, но предлагает ту же интерпретацию. Возможно, это и было причиной, по которой Ахматова назвала выполненную ею работу «собачим бредом» и «мурой».⁴⁵ Однако, если бы академическое Полное собрание сочинений выходило в полноценном виде — с комментариями, — Ахматова снова стала бы участником академического проекта, независимо от своего собственного желания дистанцироваться и от статьи «Последняя сказка Пушкина», и от комментария к пушкинским рукописям.

⁴⁵ Пушкинский отрывок «Царь увидел пред собою» получил полный текстологический комментарий сравнительно недавно, см.: Рак В. Д. Как текстологи создавали и разрушали пушкинский шедевр: (О тексте чернового наброска «Царь увидел пред собою...») // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. статей. СПб., 2003. С. 343—377.

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА
МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ**

Докладная записка В. Д. Бонч-Бруевича С. И. Вавилову

Публикация В. В. Турчаненко

Предлагаемый вниманию читателей «Временника» материал встраивается в канву ретроспективных нарративов, посвященных истории академического Полного собрания сочинений Пушкина в 1940—1950-е годы.¹ Докладная записка заведующего Редакцией издания В. Д. Бонч-Бруевича, адресованная Президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову, — уникальный и единственный в своем роде документ, освещающий судьбу грандиозного филологического проекта в годы военного лихолетья и последовавшего за ним периода, именуемого поздним сталинизмом. Составленная по материалам архива Редакции докладная записка восстанавливает хронологию работы над академическим Пушкиным в период с июня 1941 года по октябрь 1946-го. В ней последовательно изобличается халатность ряда чиновников Издательства Академии, саботировавших издание, и одновременно подчеркивается роль редакторов, продолжавших самоотверженную работу в тяжелых условиях.

Немаловажен контекст подготовки этой докладной записки. 12 ноября 1938 года на страницах «Известий» было объявлено о завершении редакционной работы над академическим изданием сочинений Пушкина:

Редакция полного собрания сочинений А. С. Пушкина, выпускаемого Академией наук СССР, закончила подготовку к печати всех томов собрания. В этой работе принял участие большой кол-

¹ См.: Турчаненко В. В. 1) «Жалко и странно, что приходится это делать в порядке частной инициативы»: К истории выдвижения академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина на Сталинскую премию // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху: (Иден. Проекты. Персоны). М., 2025. С. 376—405; 2) «Корчагинская кляуза», или Несвоевременная «борьба» за академического Пушкина // Литературный факт. 2026. № 1 (в печати).

лектив литературоведов (40 человек). <...> Издательство Академии наук СССР принимает все меры к скорейшему выпуску подготовленных к печати томов. Несколько книг выйдет еще в этом году. Все издание намечено закончить в течение 1939 года.²

Однако и после этого редакторы продолжали работать в «юбилейном» темпе, сверяя корректуры в гранках и верстке. Издательство Академии наук, впрочем, работало на порядок медленнее; некоторые тома, сданные Редакцией, долгое время лежали в Издательстве без движения. До войны вышли из печати 11 книг академического издания,³ в производстве находились еще 11⁴ — редакционная работа над некоторыми из них продолжалась и в эвакуации.

Весной 1945 года в соответствии с Распоряжением ЦК ВКП(б) Академия наук возобновила работу над академическим изданием Полного собрания сочинений Пушкина. На заседании Редакционного комитета 2 июня с позитивной программой выступил директор Издательства АН СССР И. А. Мартынов:

Получена офсетная бумага на 10 000 экз <емпляров>. Из типографии, в которой печатается 2-й том <...> и где работа про-

² Известия. 1938. № 263 (6730). 12 ноября. С. 3. Ср. информацию в докладной записке о состоянии собрания на 15 декабря 1938 года, направленной в Отделение общественных наук АН СССР: «*Поступают в производство, вычитаны*: 5 том. Поэмы 1825—1833 гг.; 16 том. Переписка 1835—1836 гг. *Поступают на вычитку*: 2 том. Стихотворения 1817—1825 гг. (в начале января 1939 г.); 3 том. Стихотворения 1826—1836 гг. (в конце декабря 1938 г.). *Не закончены редактированием*: 17 том. Рисунки Пушкина. 18 том. Сводный указатель ко всему изданию. Будет сдан в Издательство через два месяца после изготовления типографией сверстанных листов последнего тома» (АРАН, ф. 394, оп. 9, № 63, л. 109 об.).

³ **1937**: Лицейские стихотворения (т. 1), Поэмы 1817—1824 (т. 4), «Евгений Онегин» (т. 6), Драматические произведения (т. 7; допечатка тиража в 1948 г.), Переписка 1815—1827 (т. 13); **1938**: Романы и повести. Путешествия (т. 8, кн. 1; допечатка тиража в 1948 г.), «История Пугачева» (т. 9, кн. 1; допечатка тиража в 1950 г.), «История Петра». «Записки Моро-де-Бразе». «Заметки о Камчатке» (т. 10; допечатка тиража в 1950 г. с исправлением опечаток); **1940**: Романы и повести. Путешествия (т. 8, кн. 2), «История Пугачева» (т. 9, кн. 2); **1941**: Переписка 1828—1831 (т. 14).

⁴ **1947**: Стихотворения 1817—1826. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях (т. 2, кн. 1); **1948**: Стихотворения 1826—1836. Сказки (т. 3, кн. 1), Поэмы 1825—1833 (т. 5), Переписка 1832—1834 (т. 15); **1949**: Стихотворения 1817—1826. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях (т. 2, кн. 2); Стихотворения 1826—1836. Сказки (т. 3, кн. 2), Критика и публицистика 1819—1834 (т. 11*), Критика. Автобиография (т. 12*), Переписка 1835—1837 (т. 16). (*) отмечены тома, которые готовились до лета 1941 года в двух книгах каждый.

изводится крайне медленно ввиду отсутствия кадров, печатание передается в типографию Печатного Двора, с которой заключено предварительное соглашение. Директор Печатного Двора, заинтересованный выступить с большой и серьезной работой, твердо заверил, что издание А. С. Пушкина будет печататься (в смысле сроков и качества), как печатались сочинения В. И. Ленина.⁵

Тогда же сотрудники Издательства выдвинули предложение печатать основные тексты отдельно от «Других редакций и вариантов» — якобы для того, чтобы ускорить выход собрания сочинений. Эта попытка трансформации редакционно-издательского процесса получила обстоятельную критику со стороны Редакции академического Полного собрания сочинений. После прений график выхода томов до конца 1945 года был утвержден единогласно.

Однако во второй половине октября 1946 года Издательство АН СССР подало Президенту Академии наук докладную записку о неудовлетворительном состоянии работ по академическому изданию сочинений Пушкина, «причем всю вину невыхода в свет остающихся томов и <здательств>во переложило на редакторов издания».⁶ 26 октября 1946 года состоялось заседание у академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР И. И. Мещанинова, на котором В. Д. Бонч-Бруевич представил документы из архива Редакции, опровергающие обвинения Издательства. По совету Мещанинова Бонч-Бруевич подготовил докладную записку на имя Президента Академии наук С. И. Вавилова, в которой «изложил все обстоятельства дела издания собрания сочинений А. С. Пушкина и документально показал неверность всех тех сведений, которые были сообщены Президенту».

Осенью 1949 года, формируя документы для подачи академического собрания сочинений Пушкина на Сталинскую премию, Т. Г. Цявловская так писала Бонч-Бруевичу о ключевых участниках проекта:

Если бы меня спросили, как на духу, кто является самым ценным основным работником издания, то в дополнение к списку редакторов с перечислением их работы (который сам за себя говорит), я назвала бы несколько товарищей, в первую очередь: М. А. Цяв-

⁵ РО ИРЛИ, ф. 373. Протокол Заседания Редакционного комитета академического Полного собрания сочинений Пушкина от 2 июня 1945 г.

⁶ Там же. Протокол № 6 Заседания Редакционного комитета академического Полного собрания сочинений Пушкина от 30 октября 1946 г. (доклад В. Д. Бонч-Бруевича).

ловского, С. М. Бонди, Б. В. Томашевского, Н. В. Измайлова, Т. Г. Цявловскую-Зенгер (простите за откровенность), Г. О. Винокура, Л. Б. Модзалевского, Д. П. Якубовича, Д. Д. Благого, В. В. Гиппиуса, Б. М. Эйхенбаума.

И, конечно, Вас, вне всяких рангов.

Без Вашего замечательного организационного дара, умения найти выход из трудно-примиримых принципиальных расхождений в мнениях редакторов, без Вашей неусыпной заботы об издании, без Вашего постоянного трогательного отеческого представительства за нас в весьма холодно относящемся к нам Президиуме Академии Наук, — издание едва ли бы вышло.⁷

Публикуемая далее записка — одно из ярких подтверждений этих слов Цявловской, убедительное свидетельство «неусыпной заботы» В. Д. Бонч-Бруевича об академическом издании сочинений Пушкина.

Тексты записки и сопроводительного письма воспроизводятся по черновикам документов, отправленных в Президиум АН СССР 3 ноября 1946 года, из фонда Редакции академического Полного собрания сочинений (РО ИРЛИ, ф. 373). Подлинники документов обнаружить пока не удалось. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

I¹

3 ноября 1946 г.

Академику И. И. Мещанинову²

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

При сем посылаю Вам мою докладную записку на имя Президента Академии наук академика С. И. Вавилова.³ В записке этой я изложил все обстоятельства дела издания собрания сочинений А. С. Пушкина и документально показал неверность всех тех сведений, которые были сообщены Президенту.

Зав. ред <акцией> Пушкина В. Б <онч> - Б <руевич>

¹ Автограф. Обнаружен в одной из пачек с копиями исходящих писем.

² Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — языковед, археолог; академик АН СССР (1932). В 1937—1950 гг. был академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР.

⁷ Турчаненко В. В. «Жалко и странно, что приходится это делать в порядке частной инициативы». С. 400.

³ Вавилов Сергей Иванович (1891—1951) — физик; академик (1932) и президент (1945—1951) АН СССР.

II¹

<начато 27 октября 1946 г.>

Президенту
Всесоюзной Академии наук
Академику С. И. Вавилову
заместителя председателя Редакционного комитета
и заведующего редакцией
Полного собрания сочинений А. С. Пушкина
Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича

Докладная записка

Перед войной, еще в 1939—1941 гг., Редакция Полного собрания сочинений А. С. Пушкина сдала все тома в Издательство Академии наук, кроме алфавитных указателей, которые могут быть составлены только после выхода всех томов и тома «Рисунки Пушкина», который до войны был начат работой. Он должен был выйти в свет как приложение к Полному собранию после выхода всего собрания. Этот том не входит в подписное издание² и будет печататься особым тиражом.

Когда началась эвакуация, то все рукописи, корректура и прочие рабочие материалы всех томов, к этому времени находившиеся в редакции, были направлены в Издательство АН, которое должно было их сохранить, конечно, собрав и то, что находилось у корректоров, вычитывальщиков, в типографиях и пр., а также у редакторов, живших в то время в Ленинграде. Я лично в начале июля 1941 г. говорил тогда обо всем этом с руководящими лицами в Издательстве и мне было обещано, что именно так все и будет сделано. Меня твердо уверили, что все эти материалы будут эвакуированы в полном порядке, и что ни о чем беспокоиться нам, Редакции, совершенно нечего. Но на самом деле, к несчастью, совершилось как раз все наоборот.

Рукописи собраны не были; все осталось на руках третьих лиц, часть рукописей, как выяснилось после, были отправлены в Казань,³ где отчасти и затеряны. В ленинградских типографиях также все было оставлено в совершенно беспризорном состоянии. Руководители Издательства АН не выполнили самых элементарных своих обязанностей по сохранению драгоценного рукописного государственного имущества по Пушкину. Когда в сентябре 1942 г. я приступил в Москве к выяснению положения с рукописями Полного собрания

сочинений Пушкина, сданным Редакцией в Издательство, то выяснил крайне печальное состояние их. Только благодаря тому, что до войны я настоял — вопреки желанию Издательства АН — все набранные тома в гранках и в листах тискать лишние экземпляры, которые раздавались мною редакторам в их собственность, удалось восстановить несколько томов, совершенно исчезнувших. Точно так же удалось у редакторов отыскать некоторые не выправленные дублеты и третьи экземпляры.

Все мы, вся Редакция, приняли самое деятельное участие в отыскании хотя бы неправленных дубликатов рукописей или наборов, чем и спасли положение, иначе, благодаря полной халатности, небрежности и паникерству Издательства во время эвакуации, все бы пришлось начинать сызнова.

Совершенно естественно, что редакторы отдельных томов пожелали при возобновлении печатания Полного собрания сочинений Пушкина после войны вновь просмотреть свои работы, так как за пять-шесть лет их лежания в портфеле Издательства накопилось много новых материалов и документов, усовершенствовался новый способ подачи «других редакций и вариантов», потребовавший пересмотра сделанной уже работы и некоторой доработки ее.

В это время совершенно неожиданно появился в Издательстве некий Корчагин,⁴ который нам никому ранее не был известен и который выразил недовольство принципами работы, установленными Редакционным комитетом, и стал навязывать свои примитивные, давно устарелые взгляды на способ подачи вариантов и других редакций, от которых мы давно отказались.⁵

Это незаконное вмешательство служащего Издательства АН в редакционные дела Редакционного комитета, организованного по воле Президиума Академии наук, в свое время согласованного с директивными органами и утвержденного Правительством, — было в высшей степени изумительным, совершенно недопустимым, крайне мешавшим, тормозящим и задерживающим всю редакторскую работу специалистов высшей квалификации — пушкинистов.

Несмотря на все это, а также и на то, что один из основных редакторов собрания сочинений Пушкина В. В. Гиппиус погиб во время блокады немцами Ленинграда,⁶ а вместе с его квартирой и всей его семьей погибли и все рабочие рукописи по Пушкину и Гоголю,⁷ а также правленные им гранки и сверстанные листы одиннадцатого тома Пушкина, набор этого тома сохранился до сих пор. Кроме того, погибли от обстоятельств войны помощник редактора Л. Л. Домгер — убит немцами на Кавказе,⁸ редактор тома «Пугачев» В. Л. Комарович⁹ и редактировавший отдельные опусы в собрании сочинений

Пушкина Б. И. Коплан,¹⁰ вместе со всей семьей, также погиб от голода во время блокады Ленинграда. Профессора А. И. Заозерский¹¹ и М. Д. Приселков,¹² помогавшие в некоторых случаях нам в работе, в это же время умерли от рака. Квартира редактора Н. В. Измайлова¹³ вместе со всей семьей (кроме одной дочери) с обширной библиотекой и рукописным архивом профессора-пушкиниста была разбита немецкой бомбой, и в пожаре все у него погибло вместе с рабочими рукописями и корректурами XV тома Полного собрания сочинений Пушкина. В типографии «Печатный двор» Издательством была оставлена рукопись II тома (первая его часть), которую героические наборщики вместе с ответственным корректором набрали под градом нацистских бомб и артиллерийского огня (это том лирической поэзии Пушкина) и там же сами почти все погибли (из 16 человек умерло 14). Корректурa этого тома, прекрасно сброшюрованная, была найдена под развалинами типографии.¹⁴ Там же был найден и набор. Вместо того, чтобы отпечатать этот том, а самую корректуру, труд этих изумительных тружеников-героев, сохранить как драгоценную реликвию трагического времени Великой Отечественной войны, Издательство не нашло ничего лучшего, как уничтожить этот набор, бросив металл в котел на переплав. Кроме того, в феврале 1946 г. смертельно заболел один из самых основных редакторов нашего издания — профессор, доктор филологических наук М. А. Цвяловский. Совершенно изумительная операция, произведенная профессором-академиком хирургом С. С. Юдиным, который вырезал у него весь желудок без остатка, спасла ему жизнь¹⁵ — и он уже опять в самой трудоемкой работе по Пушкину. Все эти обстоятельства, а также и то, что один из редакторов, Б. М. Эйхенбаум, в силу личных обстоятельств — крайнего нездоровья — совершенно устранился от работ по Пушкину и уехал далеко на юг,¹⁶ однако не помешали Редакционному комитету в целом выполнить все возложенные на него обязанности.

До начала войны все тома текста издания Пушкина были сданы в производство в Издательство, причем все сдавалось здесь, в Москве, и лишь один том, шестнадцатый, который находился в Ленинграде на доработке у профессора Н. В. Измайлова и его соредактора Л. Л. Домгера, был сдан ими прямо в Ленинграде в Издательство Академии наук. Остался только не сданным восемнадцатый том, в который входят алфавитные указатели по всему изданию и который, само собой понятно, может быть окончен составлением после выхода последнего тома текстов Пушкина.

Семнадцатый том «Рисунки Пушкина» не входит в подписное издание, а (по просьбе Издательства) издается как особое прило-

жение к Полному собранию сочинений, дорабатывается теперь ввиду того, что как только была объявлена война в июне 1941 г., весь архив Пушкина со всеми рукописями был эвакуирован в Томск, где в упакованном виде и пребывал до 1943 г. В этом году он прибыл в Москву и совсем недавно наконец нашел такое пристанище, где им можно пользоваться и работать.¹⁷ Сейчас идет сверка множества негативов с подлинниками рисунков. Но и этот том, с которым Издательство совершенно не спешит, задержан Редакцией не будет и будет сдан в сроки по договоренности с Издательством.

Как же обстоит дело с изданием собрания сочинений А. С. Пушкина на сегодняшний день?

До сего времени совершенно вышли в свет полным тиражом следующие тома: первый — лицейские стихотворения, четвертый — поэмы 1817—1824 гг., шестой — «Евгений Онегин», девятый (в двух переплетах) — «Пугачев», тринадцатый том — переписка 1815—1827 гг.

Еще три тома отпечатаны в весьма ограниченном числе экземпляров, а именно: седьмой том — драмы, восьмой том — художественная проза (в двух книгах) и четырнадцатый том — переписка 1828—1831 гг. Издательство считает, что они вышли, но это неправильно. Их надо еще допечатывать, брошюровать и переплетать, так как количество, в котором они были выпущены в свет, — столь незначительно, что кроме самого малого круга лиц эти тома никуда не пошли, и подписчики их не видали. Четырнадцатый том, несколько лет уже совершенно отпечатанный, до 1946 г. был выпущен в свет в одном экземпляре, который как сугубо уникальная редкость находился у ныне умершего Президента Академии наук — академика В. Л. Комарова.¹⁸ Теперь этот «тираж» достиг десяти экземпляров, которые были Издательством розданы особо избранным лицам.

Многokратно за все эти годы и множество раз в нынешнем году и я, и Комитет, и рабочая Комиссия нашего комитета и письменно, и устно напоминали, просили, уговаривали Издательство Академии наук выпустить в свет полным тиражом четырнадцатый том и допечатать VII и VIII, но все наши взывания оказались тщетными: Издательство Академии наук не пожелало выполнить свой долг и перед подписчиками, и перед нашей страной, и эти тома, номинально считающиеся вышедшими в свет, на самом деле лежат под спудом.

ВТОРОЙ ТОМ. Стихотворения 1817—1825 гг. Состоит из трех частей, каждая из которых должна выйти в свет в особом переплете. Редакторы М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер. Был сдан в Из-

дательство и набирался еще перед войной. Был набран героически, в большинстве погибшими наборщиками Печатного двора. Корректурa и самый набор были идеальными. Нашли этот том корректур под развалинами типографии «Печатного двора» в 1945 г. В 1944 г. этот же том, считавшийся погибшим, после новой кропотливой работы, проделанной проф. М. А. Цявловским, по возобновлению всех примечаний, вариантов, новых редакций и пр. и после введения новых материалов, поднакопившихся за эти годы, был вновь целиком сдан 15 июня 1944 г. вторично в Издательство АН. Издательство отдало его набирать в типографию Ивана Федорова (в Ленинграде),¹⁹ где его и набрали 23 листа. Как раз в это время была найдена та корректурa в «Печатном дворе», о которой я упоминал выше. Издательство почему-то решило уничтожить тот прекрасный набор, и остановилось на типографии Ивана Федорова. В это же время как раз стал тяжело болеть проф. М. А. Цявловский. Он дважды должен был бросить Москву и по бюллетеню врачей академической поликлиники уезжать в санаторий на серьезное и продолжительное лечение (каждый раз более 2-х месяцев). В силу этого крайне печального обстоятельства, а также и потому, что Издательство, несмотря на многократные указания, довольно долго не высылало оригиналов первой партии гранок, которые были присланы лишь при второй партии, — корректурa гранок на этот раз была проф. М. А. Цявловским задержана лишнее время. Но он, преодолевая себя, имея категорическое запрещение от врачей усидчиво заниматься, все-таки сам прочел обе партии гранок, что составляло 23 печатных листа, сделал все исправления и дополнения. Все гранки 14 апреля 1945 г. проф. Цявловским были сданы в Издательство. Верстка этих гранок была получена из Издательства 27 июня 1945 г., т. е. через два с половиной месяца. Вся вновь прочитанная эта корректурa, сверенная вновь по подлинникам Пушкина, была отослана проф. Цявловским в Издательство 2 августа 1945 г., т. е. через месяц и пять дней, что нельзя не признать очень быстрым чтением авторской корректуры сильно больным редактором этого тома.

Вторая половина этого тома, т. е. дальнейшие листы после 23-го, — сильно задержалась в Издательстве. Только 16 сентября 1946 г. эта вторая половина набора была прислана из Издательства на квартиру проф. Цявловского, т. е. через год и три месяца после присылки первых 23 листов были получены еще с 24 по 37 л., т. е. всего-навсего 13 л. Другими словами, Издательство в среднем в течение месяца обеспечило набор менее одного печатного листа! Такие темпы никуда не годятся. Они просто позорны для всякого

издательства, а для Издательства Академии наук тем паче. Сейчас эти листы находятся у проф. М. А. Цявловского, который очень скоро сдаст их в производство.

Вторая и третья часть книги второго тома с 15 июня 1944 г. находятся без всякого движения в Издательстве, т. е. вот уже более двух лет эта вторично проделанная гигантская работа сдана проф. М. А. Цявловским в Издательство, и она там находится такой огромный срок без движения!

Нам говорят, что будто бы набор этот в типографии Ивана Федорова предполагают опять рассыпать, ибо темпы этой типографии не удовлетворяют Издательство Академии наук. И это будет ужасно! Если Издательство будет заниматься набором, чтением корректуры, потом уничтожением сделанного набора и опять все вновь набирать, то ясно, что никогда Пушкин не будет издан.

Таким образом, из всего этого видно, что утверждение Издательства, Вам сообщенное, что т. II, ч. I не выходит потому, что «долго находилась в редакции», не соответствует действительности.

ТРЕТИЙ ТОМ. Стихотворения 1826—1836 гг. (1-я и 2-я книги) и сказки (3-я книга). Редакционно том был готов и сдан в Издательство еще до войны. Ввиду накопившихся за это время новых материалов решено было вновь просмотреть и дополнить, прежде чем сдавать том в набор.

8 сентября 1945 г. сдана в Издательство машинопись основного текста третьего тома. 20 октября 1945 г. сдана в Издательство в том же виде вторая часть 1-й книги («Другие редакции и варианты»). 16 и 20 февраля 1946 г. получены редактором М. А. Цявловским гранки всех текстов 1-й книги третьего тома. Несмотря на страшную болезнь, проф. Цявловский 29 апреля 1946 г., т. е. всего через два месяца, сдал все гранки этого большого фолианта, тщательно им и Т. Г. Зенгер вычитанного. Через пять месяцев после этого, а именно 16 сентября 1946 г., получена верстка 1-й книги третьего тома, которую 24 октября с <его> г <ода> проф. М. А. Цявловский сдал обратно в Издательство, все выправив и подписав ее на сверку, затратив на это минимальное время в один месяц и 8 дней. К сожалению, эта первая книга третьего тома технически набрана совершенно безграмотно, ниже всякой критики, что абсолютно недопустимо. Прежде всего, она набрана на линолите, что совершенно недопустимо для такого сложного набора. Конечно, она должна была набираться ручным набором. Теперь придется вновь переливать огромное количество строк, и, конечно, появятся новые недопустимые ошибки, а стало быть, опять надо будет все читать вновь тому

же проф. М. А. Цявловскому и тратить на это огромное количество времени. Кроме того, чей-то карандаш — очевидно в Издательстве! — осмелился пройтись по рукописи, утвержденной к печати Редакционным комитетом, и сделал ряд грубейших ошибок, которые пришлось исправлять в корректуре. Еще неизвестно, но поговаривают в Издательстве, что придется опять рассыпать и этот набор — до такой степени он отвратителен.

Вторая и третья книги третьего тома сейчас находятся у проф. М. А. Цявловского, который пожелал после своей болезни еще раз просмотреть рукопись перед набором, чтобы еще более усовершенствовать подачу крайне сложного отдела «Другие редакции и варианты», который является замечательным новаторством в литературоведении и уже заслуженно приобрел в западноевропейской научной печати не только полное одобрение, но и название «русской системы» исследования литературных текстов.

Рукописи этих обеих книг третьего тома могут быть представлены Издательству в любой день, так как, по существу, они совершенно готовы к печати и лишь еще раз просматриваются проф. М. А. Цявловским, чтобы отточить и усовершенствовать этот отдел. Издательству это прекрасно известно. Оно не берет эти рукописи, очевидно, потому, что и с первой книгой третьего тома никак не может справиться. Вторая и третья книги этого же тома должны идти в той же типографии тем же шрифтом вслед за окончанием первой книги, а этого окончания еще совсем не видно. *Сообщение Вам Издательством, что «том III, кн. I, 39 п. л. в верстке с 28 августа находится в редакции» — совершенно неверно.* Прежде всего эти листы прибыли к проф. М. А. Цявловскому лишь 16 сентября 1946 г., а не 28 августа, как говорит Издательство. По тщательному расследованию этого инцидента оказалось, что с 28 августа по 16 сентября эти корректуры находились не у проф. Цявловского и не у меня в редакции, а, как ответственно заявил на нашем заседании 26 октября с <его> г<ода> зам. директора Издательства Академии наук т. Лихтенштейн,²⁰ — все эти листы первой книги третьего тома находились с 28 августа по 16 сентября у них в редакции, в редакции Издательства, а не у нас. Так что сообщенное Вам к нам, к действительной Редакции полного собрания сочинений А. С. Пушкина, никакого отношения не имеет. Вот что значит иметь ни к чему не нужную двухэтапную редакцию, как это — к несчастью! — укоренилось в Академии наук. Этот лишний бюрократический нарост только путает дело, как отчетливо видно в этом случае. Наша редакция сдала и эту работу по Пушкину в минимальный срок, точно выполнив все взятые на себя обязательства.

ПЯТЫЙ ТОМ. Поэмы 1825—1836 гг. Редактор проф. С. М. Бонди, основоположник всей новой «русской» системы подачи текстов и «других редакций и вариантов».

Про этот том в поданной Вам справке кратко сказано: «У Бонди в рукописи». Это суцая неправда. На самом деле этот том, после всяческого просмотра, улучшения способа подачи «других редакций и вариантов», введения новых, накопившихся за военное время исследовательских сведений и материалов, был окончательно сдан нашей редакцией в набор еще 27 октября 1945 г., т. е. ровно год тому назад.

Вычитывальщик Издательства, как это всегда бывает, нашел корректурные ошибки, сомнительные знаки препинания и пр. т. п. мелочи, которые всегда выправляются в корректурах, тем более что корректуры Пушкина у нас читают сами редакторы по подлинникам или по фотографическим снимкам рукописей.

На мой запрос проф. С. М. Бонди, редактор этого тома, ответил:²¹

В ответ на Ваш запрос о судьбе V тома Пушкина — мною сдан в Издательство уже давно (не помню точно срока).

Рукопись тома была уже вычитана в Издательстве.

Все сомнения вычитчика были разъяснены мною, уточнены и согласованы. Осталось некоторое количество мелочей (уточнение отдельных букв, порядок вариантов вариантов и т. п.), которые нужно выяснить по рукописям Пушкина (или по снимкам).

Издательство, очевидно не имея возможности куда-либо сдать в набор этот том, всячески затягивает его сдачу. Редакция не единожды требовала сдать этот том в набор, но Издательство упорно занимается никому не нужными корректорскими мелочами, а вот в набор этот том все не сдает. Е. С. Лихтенштейн обещал на этом последнем нашем заседании (27 октября с<его> г<ода>) положить конец этому нудному безделию.

ОДИННАДЦАТЫЙ ТОМ. Критическая проза. Редакторы В. В. Гишпиус и Б. М. Эйхенбаум. Этот том давным-давно, еще в 1939 г., сдан редакцией в Издательство для набора. Был набран и к моменту войны находился в листах (самый текст), а в гранках были другие редакции и варианты. Они находились у редактора этого тома В. В. Гишпиуса, жившего в Ленинграде. Издательство не выполнило в 1941 г. после возникновения войны взятое на себя

обязательство собрать все рукописи, гранки, листы в одно сохранное место, где бы их целостность была бы обеспечена от бомб немецкой авиации. Бросив все на произвол судьбы и двинувшись с своих ответственных постов в паническую эвакуацию, оно бросило так же и все работы по Пушкину, сданные Издательству редакцией и находившиеся на руках редакторов и в типографиях.

В силу этих обстоятельств при гибели от голода редактора В. В. Гиппиуса, вслед за ним погибла и его квартира, а в ней и его библиотека, и архив, и рукописи, и корректуры. Погиб у него и после его смерти и весь рабочий материал по XI тому Пушкина, так же как и по Гоголю, ответственным редактором которого в академическом издании он был.

«Мертвые сраму не имут» — честно погибшие от руки фашистского врага. Но живым деятелям Издательства Академии наук стыдно было благополучно сидеть в г. Казани и не озаботиться о сохранении этого бесценного национально-культурного имущества. *Неправду доложили Вам об одиннадцатом томе сочинений А. С. Пушкина, когда в справке написано: «XI том поступает в переделку».*

Замдиректора Издательства АН СССР Е. С. Лихтенштейн в письме ко мне от 27 августа сего года пишет: «Одновременно прошу всемерно ускорить редакторскую правку XI тома с тем, чтобы можно было использовать часть набора этого тома, также сохранившуюся в той же типографии». Так что, как видите, том находился и находится у них в Издательстве, он уже набран. Дело идет о редакторской правке, которая могла быть осуществлена лишь по представлению Издательством рукописи, с которой они сделали набор, а также правленных гранок, по которым они верстали этот XI том. Ни того, ни другого до сего времени Издательство нам не предоставило, так что и править не по чем. Таким образом, XI том ни в какую «переделку» ни к кому не поступал и не поступит. Издательство все время надеялось найти и рукопись, и гранки, и только 26 октября с <его> г<ода> на заседании в Литературном отделении Академии наук²² Е. С. Лихтенштейн окончательно заявил, что все надежды на отыскание рукописи и корректур XI тома исчезли, их более нет. Теперь нам придется составить новую редакторскую бригаду этого крайне сложного и ответственного тома, чтобы дополнить все то, что поручалось комитетом ныне умершему редактору В. В. Гиппиусу и что он должен был сделать в гранках, а также все корректуры проверить по подлинным рукописям, ввести все новое, что накопилось за эти семь лет по вопросам XI тома, и сделать ком-

ментарии и определить другие редакции, так как все это в Издательстве исчезло.

Рабочая комиссия, предвидя печальный финал всех этих бесплодных и несвоевременных поисков Издательства (все это надо было собрать в первые дни войны), уже наметила новых редакторов и план всей работы, которая и будет закреплена 30 октября с<его> г<ода> на собрании рабочей комиссии Редакционного комитета по собранию сочинений А. С. Пушкина.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.²³ Автобиографическая проза и др<угие> материалы. Редакторы профессор М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер. В этот том, помимо автобиографической прозы Пушкина, входят все иные материалы, не вошедшие в другие тома по своей тематике и сосредоточенные здесь по признаку написания их «рукою Пушкина». Том давно, еще до войны, готов и сдан был в Издательство. По общему решению, принятому редакцией после реэвакуации редакторов и сотрудников по редактированию сочинений Пушкина о новом просмотре томов перед сдачей их в набор, двенадцатый том был вновь сдан в Издательство проф. М. А. Цявловским еще 2 июня 1945 г., т. е. ровно год и четыре месяца тому назад.

Вместо того, чтобы этот весьма легкий для набора том отдать в набор, Издательство взяло на себя совершенно не подходящую ему роль рецензента этого тома и стало стараться на Пушкине экономить бумагу, предложив сократить этот том писаний А. С. Пушкина. Так как деятели Издательства Академии наук никакого отношения к Редакционному комитету собрания сочинений А. С. Пушкина не имеют, то совершенно естественно, что это предложение не могло ничего иного вызвать среди членов Редакционного комитета, как удивление, что люди эти садятся не в свои сани и не делают то техническое дело, которое является единственным им порученным по отношению к изданию сочинений Пушкина, и столь охотно берутся не за свое дело. Об этом Издательству было своевременно мною сообщено и письменно, и устно. Они не вняли доброму совету и продолжали интриговать дальше, бессмысленно отнимая у редакторов сочинений Пушкина драгоценное время, которого у всех нас и так мало. Нам пришлось ходить на разные совершенно излишние заседания, писать письма, бесконечно разговаривать по телефону и пр. Все это крайне дурно, расхолаживающе повлияло на редакторов, и без того крайне перегруженных работой по Пушкину, которая была вызвана особой щепетильной добросовестностью редакторов-пушкинистов. Формально они могли бы остановиться на той степе-

ни достижения совершенства редактирования пушкинских текстов, которая была ими достигнута еще до войны, когда, повторяю, все тома собрания сочинений А. С. Пушкина были сданы в Издательство, — и на этом успокоиться. Они, как известно, так не сделали и после реэвакуации вновь тщательно просмотрели все то, что еще не было готово к выпуску в свет, введя и новые материалы, и новые расшифровки рукописей, и новые открытия при тщательном исследовании, и новые высшие способы подачи труднейшей, крайне трудоемкой части издания сочинений Пушкина — так называемых «других редакций и вариантов» сочинений Пушкина. Причем я не могу не отметить здесь, что вся эта работа редакторов, так же как и чтение многократных редакторских корректур, производилась и производится ими до сих пор совершенно бесплатно, а Издательство никак не может умудриться найти способ добросовестной оплаты этого невероятного, ответственного и тяжелого труда редакторов — фанатиков-пушкинистов, которые действительно вот уже десять лет работают не ради ничтожных материальных благ, а ради прославления святой памяти великого гения нашей земли, нашего отечества, Александра Сергеевича Пушкина. Издательству же Академии Наук должно быть стыдно такое скряжничество и неуважение к высококвалифицированному, исключительному по трудности, кропотливому труду ученых — исследователей-пушкинистов, отдавших все лучшие годы своей жизни работам над сочинениями Пушкина.

Назойливость со стороны Издательства в деле, не подлежащем их ведению, по отношению к XII тому собрания сочинений А. С. Пушкина, вызвала, наконец, решительный протест со стороны главных редакторов собрания сочинений Пушкина, который они выразили в нижеследующем заявлении на мое имя от 27 мая 1946 года:²⁴

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Нижеподписавшиеся члены Редакционного Комитета собрания сочинений Пушкина выражают свое крайнее удивление по поводу полученных М. А. Цявловским предложений о сокращении рукописи XII тома. Совершенно независимо от того, приемлемы или неприемлемы эти предложения, они, по нашему твердому убеждению, прежде всего должны были быть адресованы Редакционному комитету, который, в случае надобности, мог бы их обсудить и вынести по ним то или иное решение. Редакторы сочинений Пушкина в академическом издании — не механические исполнители каких-либо предписаний, а научные работники, работа которых имеет исследовательский характер. Поэтому без личного участия в обсуждении вопросов такого рода редакторы не могут считать ав-

торитетными никакие решения в этой области и тем более принимать их к исполнению.

27.V.46

М. Цявловский, С. Бонди,
Д. Благой, Г. Винокур

Должен сообщить Вам, что еще в 1936 г., когда я был приглашен директивными органами заведовать редакцией академического собрания сочинений А. С. Пушкина и быть заместителем председателя Редакционного комитета этого собрания сочинений, то, приступая к работе, я имел длительную беседу с председателем Совнаркома того времени В. М. Молотовым, который указал мне, что желательно не обременять это академическое издание подробными сообщениями и статьями по поводу того или другого произведения А. С. Пушкина, — все это можно и должно издать после отдельно, прибавил он, — *но зато все написанное рукою Пушкина*, как бы это мало ни было, должно обязательно войти в своем месте в это действительно полное академическое издание. Найдете два слова, — прибавил он, — написанные Пушкиным, — напечатайте и их. Можете объяснить, к чему они, — объясните. Нет — так и оставьте, придет время — другие объяснят.²⁵ Издание это юбилейное и должно быть действительно академически полным. Я не мог не порадоваться этим широким взглядам на академические издания наших классиков, которые вполне соответствовали научным требованиям, предъявляемым к такого рода изданиям, совершающимся раз в столетие, и притом раз и навсегда. Такое действительно полное, не только научное, но ученое издание сочинений и всех писаний мирового классика всегда является неисчерпаемым источником для будущих всевозможных массовых изданий, а также для критического изучения писаний великого поэта-прозаика, историка и критика для новых и новых научных разысканий. Дело это после академического издания значительно облегчится для будущих поколений, так как все находившееся в рассеянии рукописное наследство здесь переведено на бумагу, отпечатано и, стало быть, тем самым приближено к массовому исследованию специалистов. Они не должны уже будут идти в архивы для нового изучения всего написанного, а также не надо им будет рыскать по всему свету, добиваясь рассмотрения рукописей и редчайших, почти исчезнувших изданий нашего великого гения: все это будет сведено раз и навсегда в нашем академическом издании.

На нашем собрании я услышал, что будто бы Вам было сообщено Издательством, что «XII том забракован». Это опять ложное сведение. Никакой «браковке» этот том не подвергался. Наоборот, он давно утвержден Редакционным комитетом к печати. Издатель-

ству же никем не дано право что-либо «браковать» в редакционной части. Разговоры, поднятые внутри комитета о сокращении этого тома, будут обсуждены на ближайшем общем собрании рабочей комиссии Редакционного комитета. Я лично не вижу ни причин, ни нужды в таком пустяшном сокращении, принимая во внимание, что Академия наук издает действительно полное первое юбилейное издание собрания сочинений А. С. Пушкина.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ. Переписка.

Весь том целиком и полностью, вместе с комментариями и алфавитным указателем, был набран до войны и тогда же подписан в листах к печати. Неоднократно я делал предложение Издательству отыскать этот набор и весь рабочий оригинал, гранки и подписанные листы, и наконец я получил 27 августа с <его> г <ода> от зам. директора Издательства АН СССР Е. С. Лихтенштейна нижеследующее уведомление:²⁶

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

На Ваше письмо от 1 августа с <его> г <ода>, адресованное тов. Н. Е. Брусиловскому, сообщаю, что в нашей 1-й типографии (по справкам, наведенным Производственным управлением Издательства) никаких рабочих корректур XV тома не сохранилось. Имеется лишь большая часть сверстанного набора этого тома, а именно листы 7—21, точнее — стр. 97—332, за исключением страниц 209—216 (1-й полулист 14-го листа) и 273—280 (1-й полулист 18-го листа).

Направляю Вам на просмотр и для передачи общему редактору тома Д. Д. Благому оттиск с названной части набора. Сопоставив этот оттиск с версткой XV тома, полученной от Вас, Д. Д. Благой, по-видимому, решит, как может быть практически использована сохранившаяся часть набора, и определит, сколько времени потребуется для надлежащей редакторской корректуры всего тома.

Понятно, что вся необходимая работа над направленной версткой XV тома должна быть проделана по возможности в кратчайший срок, так как Издательству трудно будет сохранить имеющийся набор в течение длительного времени.

Одновременно прошу всемерно ускорить редакторскую правку XI тома с тем, чтобы можно было использовать часть набора этого тома, также сохранившуюся в той же типографии.

Зам. директора
Издательства АН СССР

Е. С. Лихтенштейн

Из этого письма ясно видно, что этот том редакцией давным-давно, еще до войны, был сдан в Издательство, над ним была произведена огромная работа корректирования в гранках и в листах — и все это теперь пропало лишь потому, что Издательство вовремя не приняло никаких мер к сохранению этих ценнейших манускриптов и подписанных к печати листов. Я не знаю, кто в Издательстве персонально ответственен за эту преступную халатность, граничащую с прямым вредительством, но кто-то же был ответственен за эвакуацию всего этого важнейшего материала и драгоценного государственного литературного имущества.

В известной справке Вам сообщали: «Редакция не сдавала XV, XVI, XVII и XVIII тома». Вы уже видите, что по отношению к XV тому это является чистой ложью: том сдан был в Издательство еще до войны, весь набран, подписан редакцией к печати и весь растерян в последующее время ввиду крайней беспечности и халатности ответственных лиц Издательства. В настоящее время, когда только что выяснилось, что Издательство отказывается представить в Редакцию подписанные листы, и ввиду того что Издательство совершенно потеряло рукопись к этому тому писем, придется создать новую коллегия для этого тома и проделать всю работу сызнова, оформив ее особыми договорами в Издательстве.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ. Переписка 1835—1837 гг. Редакторы Н. В. Измайлов и Л. Л. Домгер. Этот том переписки был сдан в Издательство в Ленинграде, ввиду того что редакторы жили в то время в Ленинграде, заканчивали там последние выправки рукописи согласно замечаниям Редакторского комитета и когда кончили, то, по моему указанию, сдали всю готовую и подписанную мною к печати рукопись XVI тома. Эта рукопись должна была со дня на день пойти в набор. Издательство не находит ее у себя и заявляет, что оно ее не получало, что неверно. Я распорядился поднять весь старый архив, который сохранился, и найти подтверждающий документ. Члены Редакторского комитета, отлично помнящие эту передачу, лично подтвердили это чрезвычайно важное обстоятельство на собрании 27 октября с <его> г <ода> и удостоверили, что передачи XVI тома в свое время еще до войны были редакцией произведены.

Только сию минуту отыскано в довоенном архиве нашей Редакции, к счастью сохранившемся в Гослитмузее, куда я поместил его перед эвакуацией, и который теперь находится у меня на квартире, следующее письмо:²⁷

Действительно, в декабре 1938 г. Президиумом АН было вынесено постановление об издании в 1939 году собр<ания> соч<инений> А. С. Пушкина, но бумаги на это издание мы в 1939 г. еще не получали.

Все меры, которые принимаются по этому делу, Вам, конечно, хорошо известны, как известно и то, что из 25 книг собр<ания> соч<инений> Пушкина вышли полным тиражом лишь 4 книги (I, IV, VI и XIII), неполным тиражом тоже 4 книги (X, VII, VIII и IX), набрано и находится в разных стадиях производства 6 книг (VIII₂, IX₂, XI₁, XI₂, XIV и XV), сданы в Издательство, но еще не набраны 6 книг (V, XII₁, XII₂, XVI, III₁ и III₂), и не представлены 5 книг (II₁, II₂, XVII, XVIII₁ и XVIII₂).

При таком положении — когда 4 книги нужно будет допечатывать до полного тиража и по 6 книгам уже набранным продолжать все производственные процессы, чтобы при тяжелом положении с бумагой иметь возможность довести их лишь до матриц, — мы не решаемся приступать к набору еще каких-либо томов, так как в противном случае мы лишь осложним финансовое положение Издательства, сократим оборот металла в типографии (которого нам не хватает), и все это без ощутимой пользы для дела.

Если у Вас имеются мотивированные возражения, просим их нам сообщить.

Директор
Издательства АН СССР

Самсонов²⁸

Как видите, здесь имеется четкое уведомление, что XVI-й том находился, своевременно нами сданный, в Издательстве еще в апреле 1939 г., и он лишь ждал своей очереди, чтобы поступить в набор. Ясно, что Издательство и его затеряло и теперь упорно заявляет, что ему его не сдавали! Вот что значит иметь неправильно организованное издательское дело, которое всегда сложно и которое требует и хороших знаний самого дела, и хороших организаторских способностей у руководителей его, чем Издательство Академии наук отнюдь похвастаться не может.

СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ. Рисунки Пушкина. Редакторы М. Д. Беляев и Т. Г. Зенгер.

Этот замечательный том, впервые публикующий все рисунки поэта, не входит в собрание сочинений, на которое Издательством открыта подписка. Этот том дается как приложение и печатается на отдельной, другого сорта, бумаге и другим тиражом. Само Изда-

тельство неоднократно просило не торопиться с этим томом, ибо — как говорили они мне — сейчас у них нет подходящей типографской базы. Сейчас производится проверка подлинников с негативами, и я полагаю, что через несколько месяцев том будет совершенно готов и сдан в Издательство, которое вряд ли сможет, хотя теперь и обещает, отпечатать его немедленно из-за плохой техники. Во всяком случае и с этим томом задержки за Редакцией отнюдь не будут.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ. Указатели ко всему собранию сочинений. Составитель Л. А. Катанская, редактор М. А. Цявловский.

Может быть готов (по самому своему характеру) лишь только тогда, когда будет дана последняя подписанная верстка последнего тома. Составляется все время, постепенно, с выходом каждого тома весьма ответственным, опытным и аккуратным работником Л. А. Катанской, а редактируется самым аккуратным редактором, проф., доктором филологических наук М. А. Цявловским. Никакой задержки в сдаче этого тома не будет. Само собой понятно, что ранее сдавать его и нельзя, и не нужно.

Таково положение дел с изданием Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Совершенно очевидно, что оно находится в далеко не удовлетворительном положении, и надо принимать самые экстренные меры к тому, чтобы наладить все это дело так, чтобы хотя бы к 1949 г. — году ста пятидесяти лет со дня рождения великого поэта — его собрание сочинений наконец было бы все издано.

Естественно возникнет вопрос — что же теперь делать?

Прежде всего ответственно заверяю Вас, что со стороны Редакции не было, нет и не будет ни малейшей задержки в подаче совершенно готового материала, в прочтении гранок по рукописям, а также и сверстных листов, подаваемых нам Издательством на подпись. Вся Редакция, весь Редакционный комитет и его рабочая комиссия воодушевлены вот уже десять лет единственным желанием как можно лучше и как можно скорее выпустить наконец в свет это единственное, первое действительно полное, юбилейное академическое научное и ученое собрание произведений и всех писаний великого нашего классика.

Все время за все эти десять лет, так же как и сегодня, дело стоит за Издательством, крайней его медлительностью, неповоротливостью, неорганизованностью. Плохое, если не сказать больше, техническое его оснащение, незнание типографского дела, когда вычитывальщики не могут различить шрифтов, невероятно скверный

набор, медлительность в работе, отвратительная правка ответственных корректур и многое другое, — все это создает невероятно ужасное, нестерпимое положение, когда работать почти нет никакой возможности.

1) Надо прежде всего выделить ответственный технический комитет для оформления всей типографской работы по Пушкину.

2) Выбрать типографию, где есть весь нужный инструмент и шрифты, и сделать это заранее, до сдачи материалов в производство, а не после того, когда все сделано отвратительно.

3) Сложный набор текста ни в коем случае не сдавать на лино-тип, а лишь на ручной или на «типограф».²⁹

4) Посадить ответственных вычитывальщиков и особо ответственных, действительно знающих свое дело корректоров.

5) Обеспечить быстрый оборот набора и немедленное печатание, брошюрование и переплет, для чего все нужные материалы и бумагу запасти в достаточном количестве заблаговременно.

6) Выработать точный календарный план всех работ, принимая во внимание, что нужно еще выпустить новых пятнадцать книг-переплетов до полного окончания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина вместе с алфавитными указателями и томом рисунков.

7) Предложить прежде всего Издательству допечатать VII, VIII тома Пушкина и немедленно выпустить в свет также полным тиражом XIV том, взяв с ответственных лиц Издательства подписку с предупреждением уголовного наказания по всей строгости закона за невыполнение взятого на себя перед Президиумом Академии наук обязательства. Установить через ответственное лицо проверку исполнения этого обязательства с письменным доведением до сведения о положении вещей Президиуму Академии наук каждые две недели.

8) Немедленно отпечатать, предварительно исправив, первую книгу второго тома, которая на днях будет подписана к печати проф. М. А. Цявловским.

9) Сейчас же сдать в набор: а) вторую и третью книги второго тома; б) немедленно исправить корректуру листов первой книги третьего тома и представить ее в кратчайший срок на подпись проф. М. А. Цявловскому; в) тотчас же сдать в набор пятый том.

Если только это сейчас же проделает Издательство, то печатание собрания сочинений Пушкина наконец будет сдвинуто с мертвой точки. Чтобы все это осуществить, Издательству потребуется не менее полугода. За эти ближайшие месяцы Редакция вторично сдаст подписанные к печати листы первой книги второго тома, кото-

рые сейчас находятся на подписи у проф. М. А. Цявловского. Кроме того, кончаются просмотром рукописи второй и третьей книг третьего тома. На днях будет окончательно решен вопрос об объеме уже подписанного к набору двенадцатого тома, и в том или в другом виде он совсем скоро будет вторично сдан в набор. В нем исправлять нечего. Он совершенно апробирован Редакционным комитетом; разговор поднят из-за нескольких документов, которые и будут сейчас же нами рассмотрены и окончательное решение по которым будет вынесено на днях.

Одиннадцатый и пятнадцатый тома пойдут вновь в редакционную работу, ввиду того что рабочие, совершенно готовые рукописи потеряны Издательством.

Шестнадцатый том, пока не найденный Издательством, они должны искать, и, если не найдут, придется вновь организовывать его редакцию. Дадим им срок на розыски две недели.

Всю эту *новую*, вторичную редакторскую работу, которую придется нам проделывать из-за беспечности и халатности Издательства, полагаю, можно будет закончить к 31 декабря 1948 г., оставив Издательству еще год на отпечатывание этих последних томов, которые давным-давно были готовы и нами сданы в производство и растеряны Издательством.

Все это можно будет осуществить при одном обязательном условии: заключении новых договоров на эти тома по новым расценкам. Обращаю особое Ваше внимание на совершенную необходимость приравнивания самого трудного, действительно творческого раздела «Других редакций и вариантов» к авторству, т. е. к оплате гонорара как за оригинальный авторский труд, причем это приравнивание должно быть распространено на все тома, которые вышли в свет после войны, которые уже набраны и подготавливаются к набору.

Также необходимо оплачивать вторые, третьи и четвертые корректуры, которые редакторы вынуждены проделывать из-за крайне плохого набора и плохой корректорской издательской читки. Нет никакой возможности всю эту колоссальную работу вваливать бесплатно на ответственных редакторов, крайне занятых научными работами.

Вот все те объяснения по изданию Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, которые я считал нужным довести до Вашего сведения.

С искренним уважением к Вам
доктор исторических наук

<подпись В. Д. Бонч-Бруевича>

¹ Текст докладной записки сохранился в двух вариантах: 1) черновой автограф на отдельных карточках рукой В. Д. Бонч-Бруевича (карточки были рассредоточены между разными папками с делопроизводственными документами) и 2) машинопись (неполный экземпляр) с правкой рукой В. Д. Бонч-Бруевича. Представленный вариант докладной записки реконструирован путем взаимного заполнения лагун обоих источников.

² Академическое издание распространялось по подписке. Л. Л. Домгер связывает довоенное снижение тиража каждого тома (с 35 тысяч экземпляров в 1937 году до 27 тысяч экземпляров в 1940 году) с результатами сталинских репрессий, коснувшихся прежде всего интеллигенции — основной аудитории подписчиков академического Полного собрания сочинений.

³ В годы войны Издательство АН СССР находилось в эвакуации в Казани (см.: *Васильев В. И.* Становление и развитие издательского комплекса РАН: К 270-летию академического книгоиздания // *Вестник РАН.* 1998. Т. 68. № 4. С. 352).

⁴ *Корчагин Александр Иванович* (1900—1978) — редактор, поэт-переводчик. Учился в Высшем литературно-художественном институте, выпускник филологического факультета Московского государственного университета. Исключен из ВКП(б) в 1925 году. Редактор собрания сочинений К. А. Тимирязева в 10 т. (М.; Л., 1937—1940), автор его биографии (М., 1943). Участник Великой Отечественной войны (ротный санитар). Многолетний сотрудник и руководитель Редакции классиков литературы Издательства АН СССР.

⁵ 9 октября 1945 г. на заседании Редакционного комитета АПСС Корчагин, поддерживаемый директором Издательства АН СССР И. А. Мартыновым, выступил с предложением изменить систему подачи других редакций и вариантов путем *сокращения* объемов текста, публикуемого в этом разделе. Ср.: «Промежуточный текст, если он буквально повторяет основной, <...> не облегчает изучение творческого процесса поэта, а, наоборот, затрудняет такое изучение, являясь ненужным нагромождением» и далее: «В разделе “Другие редакции и варианты” не следует воспроизводить тексты автографов или других источников не только тогда, когда такие тексты полностью совпадают с основным, но и в случаях, когда тексты очень близки друг к другу; <...> целесообразнее приводить только варианты стихов или групп стихов, относя их к основному тексту» (РО ИРЛИ, ф. 373. Материалы к заседанию Редакционного комитета АПСС от 9 октября 1945 г.).

⁶ В. В. Гиппиус умер 7 февраля (по другим сведениям — 1 марта) 1942 года.

⁷ Значительная часть архива В. В. Гиппиуса уцелела. 13 октября 1948 года Н. И. Мордовченко подготовил служебную записку с обоснованием целесообразности приобретения этих материалов для Рукописного отдела ИРЛИ: «В совокупности это — лаборатория ученого, которая должна быть сохранена, изучена и использована. <...> Лишь малая доля его разысканий <...> отразилась в печати. Большая же часть — остается в карточках, планах и черновиках» (РО ИРЛИ, НСА, дело фонда 47, л. 2). Материалы были приобретены Пушкинским Домом в 1960 году у вдовы В. В. Гиппиуса — Феодоры Ивановны Гиппиус (1893—1979) (Пост. 1960, № 74).

⁸ Достоверных сведений об обстоятельствах спасения и последующей эмиграции Л. Л. Домгера и его жены нет. Единственный биографический источник — машинописная копия письма Домгера (его вероятный адресат — сестра, Лидия Леопольдовна Домгер) от 29 января 1946 года, которая отложилась в архиве

Б. И. Николаевского (см.: *Устинов А. Б.* Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Стэнфорд, 1994. С. 478—485). В соответствии с этим письмом Домгер вместе с женой оказались взяты в плен в августе 1942 года в Пятигорске («Заставили служить переводчиком. <...> Отношение было хорошее». — Там же. С. 482). В марте 1943 года супруги оказались в Берлине, где Домгер служил в «научном учреждении, занимавшемся изучением Советского Союза»; впоследствии они жили в окрестностях Праги, затем — в г. Блуденц (Австрия). В 1948 году Домгеры переехали в Париж; спустя три года, в декабре 1951-го, они обосновались в Нью-Йорке, где Домгер стал научным сотрудником программы по изучению СССР (Там же. С. 485).

⁹ В. Л. Комарович умер 17 февраля 1942 г. О его смерти — по рассказам Т. Н. Крюковой и И. Н. Медведевой-Томашевской — в своих воспоминаниях написал Д. С. Лихачев (см.: *Лихачев Д. С.* Как мы остались живы // Рукописи не горят: Рассказы. Повести. Воспоминания. СПб., 2005. С. 455—456).

¹⁰ По данным официальной справки, Б. И. Коплан, арестованный 7 ноября 1941 года, умер в тюрьме 9 декабря 1941 года от «острой сердечной недостаточности». По другим данным — расстрелян в декабре 1941-го или в 1942 году.

¹¹ А. И. Заозерский участвовал в подготовке томов 10 и 11. Умер 1 октября 1941 года.

¹² М. Д. Приселков был неофициальным консультантом тома 10. Умер 19 января 1941 года.

¹³ Н. В. Измайлов в сентябре 1941 года был эвакуирован в Чкалов (Оренбург), где до 1953 года преподавал в Педагогическом институте.

¹⁴ Речь о здании Государственной типографии, возведенном в 1907—1910 годах на Петроградской стороне. С 1936 года типография носила имя М. Горького; в 1940-м прошла ее реконструкция. С 1942-го по октябрь 1944 года типография была законсервирована.

¹⁵ «Здоровье М<стислава> А<лександровича> не поправлялось, он продолжал худеть. Выяснилось, что у него рак желудка. Хирург С. С. Юдин взялся делать операцию. Отправили его весной 1946 года в больницу Склифосовского. Операция была очень тяжелая, под местным наркозом, продолжалась более двух часов. <...> Юдин виртуозно удалил М<стиславу> А<лександровичу> две трети желудка» (*Богаевская К. П.* Рядом с Цявловскими // Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 23).

¹⁶ После возвращения из эвакуации в 1944 году Б. М. Эйхенбаум жил в Ленинграде. Вероятно, имеется в виду длительный летний отпуск.

¹⁷ В годы войны фонды Государственного музея А. С. Пушкина были эвакуированы в Ташкент и Томск. В марте 1945 года Музей был возвращен в Москву, однако из-за отсутствия помещения оставался в законсервированном виде. С рукописями Пушкина исследователи работали в помещениях архива Горького ИМЛИ. См.: *Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В.* Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930—1940-е годы): По архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3. С. 26.

¹⁸ *Комаров Владимир Леонтьевич* (1869—1945) — ботаник; академик (1920), вице-президент (1930—1936) и президент (1936—1945) АН СССР.

¹⁹ До революции — типография Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг» на Звенигородской улице; после национализации — 15-я Государственная типография (с 1922 года — имени первопечатника Ивана Федорова).

²⁰ *Лихтенштейн Ефим Семенович* (1908—1987) — книговед и издательский работник; главный редактор Издательства АН СССР (1945—1962).

²¹ Вложено письмо С. М. Бонди от 26 октября 1946 года с пометой В. Д. Бонч-Бруевича «к стр. 10-й».

²² Речь о заседании 26 октября 1946 г. у академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР И. И. Мещанинова.

²³ История подготовки т. 12 академического Полного собрания сочинений изучена Т. И. Краснобородько в статье «“Нетворческие” тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания: (По материалам архива Редакции академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина)» (*Русская литература*. 1989. № 1. С. 145—152).

²⁴ Вложена машинописная копия заявления от 27 мая 1946 года.

²⁵ Ср.: «Действительно, то, что непонятно современным исследователям, лучше опубликовать, честно признавшись в этом, чем “скрыть” от читателя. Ведь мы не сможем знать, в каком объеме следующие поколения ученых востребуют подобные “отрывки”, — может быть, им дано будет счастье осмыслить их» (*Краснобородько Т. И. «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина*. С. 152).

²⁶ Вложена машинописная копия письма Е. С. Лихтенштейна к В. Д. Бонч-Бруевичу от 27 августа 1946 года.

²⁷ Вложена машинописная копия письма директора Издательства АН СССР Т. П. Самсонова к В. Д. Бонч-Бруевичу от 13 апреля 1939 года.

²⁸ *Самсонов Тимофей Петрович* (1888—1955) — революционер, чекист, партийный работник. С 20 февраля 1938-го по август 1939 года — директор Издательства АН СССР.

²⁹ В то время для набора технически сложного текста, предполагавшего в том числе сложную верстку, был предпочтителен ручной набор (или использование монотипа — буквоотливной машины, изобретенной в конце XIX века, но получившей в СССР широкое распространение лишь в конце 1940-х годов). Логично противопоставляя более трудоемкий (и более дорогой) ручной набор высокопроизводительному линотипу (наборной машине, отливающей строки целиком), Бонч-Бруевич, однако, допускает использование «типографа» — строкоотливной машины более простой конструкции. Вероятнее всего, это противопоставление двух наборных машин (линотип vs типограф) основано на технических характеристиках оборудования, бывшего в то время в употреблении в СССР. Существенным преимуществом типографа во второй половине 1930-х годов было высококачественное литье за счет возможности использования более твердого (чем в линотипе) сплава и качественного охлаждения набранной строки (см.: *Петрокас Л. Наборные машины // Большая советская энциклопедия*. М., 1938. Т. 40. Стб. 765). В 1940-е годы «типографы» постепенно выходили из употребления, уступая место постоянно совершенствовавшимся линотипам (см.: [Б. п.] *Наборная машина // Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. [М.], 1954. Т. 29. С. 10, 12).

Н. Ю. БАКШАЕВА, Д. М. ЦЫГАНОВ

ПУШКИН И МУЖИКИ REVISITED*
К социологии пушкинской народности
и истории массового чтения классики в 1920-е годы

Пушкин весь отдался творческому порыву, а мужиков все-таки наблюдал и изучал.

П. Е. Щеголев.
Пушкин и мужики (1928)

...Генеалогия русской литературы неизбежно приводит нас именно к Пушкину, знаменующему поворотный момент в истории русской культуры, в превращении ее в культуру народную.

Б. В. Томашевский.
Пушкин и народность (1941)

<Пушкин> сообщил нашей литературе подлинную и всестороннюю народность, сделал ее «поэзией действительности» — органом художественного самосознания общества.

Д. Д. Благой.
Мировое значение Пушкина (1949)

Критическая дискуссия о классике и классическом и их месте в социалистической культуре берет начало еще в модернистских

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-18-00196, «От ранних писательских объединений к Оргкомитету Союза советских писателей: Генезис институциональных форм в культурном строительстве РСФСР/СССР (Цифровой архив документальных данных и исследований)»).

исканиях рубежа XIX—XX веков, а ее содержание в 1920—1930-е годы отнюдь не исчерпывается стремлением наиболее радикальных авангардных групп «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности».¹ Почти каждое эстетически самостоятельное объединение интеллектуалов или литературно-художественная «группировка» пытались предложить собственную стратегию взаимодействия с художественной традицией;² множество этих разнонаправленных стратегий оформили «дискурсивный арсенал» для работы с «наследием» в диапазоне от категорического отрицания до производства ностальгических «ремейков». Позднее политико-социальная динамика второй половины 1920-х годов существенно упростила «модернистскую» множественность апроприационных практик³ и едва ли не полностью свела их к нейтральной производственной логике напостовцев — раповцев. В рамках этой концепции вопрос об отношении теоретиков и практиков пролетарской культуры к «наследству» сопрягался с вопросом о «мастерстве» «наследника»; проблема же «мастерства» провоцировала усиление самокритических настроений внутри творческого сообщества,⁴ которое обрекалось партийным начальством на вечное

¹ Бурлюк Д., Крученых А., Маяковский В., Хлебников В. Пощечина общественному вкусу // Пощечина общественному вкусу. [М.], [1913]. С. [3]. Позднее, обсуждая это положение, В. В. Ермилов писал: «Формула эта, по своей нелепости, равносильна такой “формуле”: ребенок, чтобы родиться, должен предварительно убить своих родителей» (Ермилов В. Еще о творческих путях пролетарской литературы // На литературном посту. 1928. № 6. С. 20).

² Подробнее см.: Мейлах Б. С. Судьба классического наследия в первые послеоктябрьские годы (1917—1919) // Русская литература. 1967. № 3. С. 27—42.

³ Некогда руководивший РАХН / ГАХН П. С. Коган указывал на это упущение в творческой практике футуристов: «Сегодня этой молодежи грозит опасность удариться в дилетантизм, отбросить всякую мысль о подготовке, об учебе, об истории. И в зависимости от этого меняется подход к классикам, к литературному наследству, к вопросу о мастерстве, которое вчера еще было отодвинуто на задний план идеологией, сегодня выдвигается вперед, как очередная ударная задача» (Коган П. С. Наши литературные споры: К истории критики октябрьской эпохи. М., 1927. С. 109). Позднее схожие процессы произошли и в институционально оформленных творческих группах; ср.: «До сих пор Леф представлял собою самостоятельную поэтическую республику. Объявив себя единственно разумной династией, лефовцы высокомерно поглядывали на всех и на все. По отношению к классикам был организован своеобразный бойкот, выразившийся в явном пренебрежении к классическим формам стиха и всему тому, что отдаленно напоминает старую литературу. Лишь недавно произошел заметный сдвиг в работе Лефа. Пушкин получил признание не только де-юре, но и де-факто» (Беккер М. Хорошо ли «Хорошо» // На литературном посту. 1928. № 2. С. 25).

⁴ Подробнее о практике самокритики и ее месте в культуре сталинской эпохи см.: Цыганов Д. М. От самокритики к самоуничтожению: Реорганизация со-

«ученичество». Однако некогда существовавшее многообразие путей взаимодействия с *классикой* породило известную неопределенность в социальных слоях «потребителей», непосредственно не вовлеченных в раннесоветское культурное производство, но прямо взаимодействующих с итогами этого производства.⁵

В начале 1920-х годов потребность в самоопределении привела участников многочисленных (около)литературных сообществ к необходимости концептуализировать свое отношение к *классике*.⁶ Важность этого шага осознавалась всеми, так как от того, насколько убедительно им удастся простроить идейные взаимоотношения с художественной «традицией», зависело не только положение того или иного объединения на литературном поле, но и перспектива его дальнейшего существования.

ветского эстетического канона в эпоху позднего сталинизма // Новое литературное обозрение. 2022. № 4 (177). С. 135—148.

⁵ Начавшаяся в 1920-е годы «формовка» творческих кадров «новой» литературы потребовала обратить внимание на изучение способов работы с читателем. Итогом этого стало появление множества специальных публикаций, в центре которых — работа с читателем; см. хотя бы: Бек А. Проблема изучения читателя // На литературном посту. 1926. № 5—6. С. 23—27; Литература и рабочий читатель // Жизнь искусства. 1927. № 20. С. 1—2; Шафир Я. Максим Горький о читательских интересах // Октябрь. 1927. № 4. С. 175—184; Гоффеншерер В. 1) О статье Карла Коссова [«Что читает немецкий рабочий»] и о рабочем читателе // Печать и революция. 1928. № 3. С. 107—110; 2) Крестьяне о писателях-современниках // Молодая гвардия. 1929. № 10. С. 103—107; Исбах А. О росте рабочего читателя // На литературном посту. 1928. № 2. С. 36—38; Левицкая А. Читатель в роли критика // Там же. 1929. № 6. С. 66—68; Голос рабочего читателя: Современная советская литература в свете массовой рабочей критики. Л., 1929; Коробкова Э., Поляк Л. 1) Рабочий читатель о языке современной прозы: К постановке вопроса // На литературном посту. 1929. № 14. С. 59—62; 2) Писатель о читателе // Там же. 1930. № 5—6. С. 100—103; 3) Крестьянский читатель о художественной литературе // Там же. № 21—22. С. 51—64; Прянишников Н. Рассуждение о читателе и писателе // Там же. № 8. С. 62—65; Топоров А. Крестьяне о писателях: Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы. М.; Л., 1930; Сим М. «Полпредство» рабочего читателя // На литературном посту. 1931. № 13. С. 46—47. Подробнее о неоднократно менявшемся положении «массового» читателя в советском культурном производстве см.: Цыганов Д. М. «Надо, чтоб каждый в Союзе читал...»: Читатель как институция советской культуры // Slověne = Словѣне. 2022. Т. 11. № 2. С. 368—389.

⁶ Подробнее см.: Цыганов Д. М. 1) «Классика» и «классическое» в советской науке о литературе: Формалисты и компаративисты: (Заметки к теме) // Codex manuscriptorus. М., 2024. Вып. 5. С. 199—221; 2) «Учиться у величайших гениев проклятого прошлого»: Идеи «классики» и «классического» в эстетической теории и литературной практике пролетарской культуры 1920-х годов // Slověne = Словѣне. 2026 (в печати).

Авторитетное обоснование претензия на апроприацию «литературного наследия» и параллельное создание «новой классики» получила в статье А. В. Луначарского «Читайте классиков».⁷

Растет класс — растет и его самосознание, растет и его литература. Она приобретает необыкновенно напряженно яркий, острый характер, когда класс вступает в борьбу с господствующим классом за власть. В такие годы поднимающийся класс считается выразителем всех погранных интересов народа и создает широкое мирозерцание с очень далеко идущими выводами, освещенными более или менее общечеловеческими идеалами.

Если поднимающемуся классу суждено овладеть властью, то в первый период, пока он устраивается, пока он создает основы государства согласно своему пониманию и пока народные массы продолжают видеть в нем единственного естественного устроителя новой жизни, литература начинает ярко процветать. К этому времени ее бурнопламенность, неудовлетворенность, кипучее бунтарство выветриваются, класс сознает себя господином, защищает это свое господство. Он спокоен, он уравновешен, он находится в своем зените — и в это время выливается в классические формы его литература.

<...>

Из этой схемы видно, что одна и та же нация может пережить и несколько классических эпох.⁸

Тезис о возможном повторении «классической эпохи»,⁹ «новом преломлении классики»¹⁰ был не столько очередным фантазмом утопического сознания, сколько оправданием набиравшего силу социалистического («пролетарского») литературного проекта.¹¹ Луначарский

⁷ Оpubл.: Комсомольская правда. 1925. № 53.

⁸ Цит. по: Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 7. С. 432—433. О роли Луначарского в реализации раннесоветской культурной политики см.: O'Connor T. E. The Politics of Soviet Culture Anatolii Lunacharskii. Ann Arbor, 1983 (на рус. яз. — O'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992).

⁹ В одной из позднейших статей «Мысли о мастере» (1933) Луначарский напишет: «Счастливейшая эпоха — это та, когда подмастерья в искусстве творят почти как мастера. Такую эпоху приходится признавать классической. На почве такой высокой средней литературы всегда появляется целый ряд гениев» (Луначарский А. В. Мысли о мастере // Литературная газета. 1933. № 27 (255). 11 июня. С. 3).

¹⁰ Об этом Луначарский написал в статье «Классовая борьба в искусстве» (опубл.: Искусство. 1929. № 1—2).

¹¹ См.: Московская Д. С. Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 80—93.

чарский, следуя за интеллектуальными веяниями начала 1920-х годов, связывал вопрос о классике не только с тернарной оппозицией «романтизм — реализм — классика», но и с проблемой «художественного качества»: ¹²

Так как выражение «классическая» не всегда употребляется только в смысле равновесия содержания и формы, строгости вкуса, законченности, но и вообще в смысле образцового, сильного, в своем роде лучшего произведения, то и самые могучие писатели среди романтиков и реалистов тоже часто носят название классиков. Получаются как бы внутренние противоречивые выражения — классики романтизма, классики реализма. ¹³

Однако, по Луначарскому, никакого противоречия в таком «разумном присвоении» всего «лучшего» из унаследованной культуры прошлого не может быть, потому как всякий литературный материал может стать для подрастающего поколения пролетарских авторов (и читателей!) если не источником актуальных идеологических установок, то хотя бы собранием технических «приемов» оформления мыслей:

Когда пролетариат создаст свою собственную литературу — сперва пролетарскую, а потом и общечеловеческую, — на той небывалой по мощности базе, какой является социалистическое производство, то классики прошлых веков и всех родов, равно как и всякие другие писатели и художники, не признанные образцовыми, превратятся просто в музейно-исторический материал, интересный для понимания прошлого. Но пока пролетариат находится только в пути, в смысле развития своей культуры, классики являются для него очень важным подспорьем в деле повышения художественного умения. Естественно поэтому, что пролетариат питает большой интерес к классикам, во-первых, потому, что он хочет

¹² В 1920—1930-е годы эта проблема в ее применении к «новой» культуре обсуждалась очень взволнованно; см., например: *Виппер Б. Р.* Искусство без качества // Среди коллекционеров. 1923. № 1—2. С. 7—14; *Маяковский В. В.* Как делать стихи? М., 1927; *Шкловский В.* Техника писательского ремесла. М., 1929; *Жирмунский В. М.* Как не надо писать стихи // Литературная учеба. 1930. № 4. С. 96—110; *Горький М.* Беседы о ремесле // Там же. № 6. С. 21—32; 1931. № 7. С. 9—21; № 9. С. 3—27; *Авербах Л.* За художественное качество // На литературном посту. 1931. № 6. С. 1—9; *Фадеев А.* За хорошее качество, за мастерство! // Литературный критик. 1934. № 4. С. 39—47.

¹³ *Луначарский А. В.* Собр. соч. Т. 7. С. 434.

знать прошлое своей страны и человечества, а оно нигде не говорит таким ясным и увлекательным языком, как в произведениях великих писателей, и, во-вторых, потому, что эти писатели прошлого часто выражают очень близкие пролетариату настроения или, по крайней мере, отдельные черты его, и притом лучше, чем может выразить молодая литература класса, самые крупные дарования которого отвлечены задачами прямой борьбы и сурового труда.¹⁴

Именно поэтому «дворянская литература <1820—1860-х годов> <...> являет собою нечто необыкновенно блестящее и заслуживающее *глубокого изучения*»¹⁵. Формулирование новых задач, которые должны стоять перед писателем, неизбежно сопрягалось с рефлексией над путем, уже пройденным «классиками» прошлого;¹⁶ точнее многих об этом писал активный участник литературной жизни Саратова 1920-х годов Л. А. Словохотов: «Задача поворота к классикам — *заставить* всякого крайнего индивидуалиста в словотворчестве вспоминать о великой регистратуре словооборота в толковом словаре Даля. Задача поворота к классикам — *заставить* нового писателя задуматься над формулой художественного суверенитета: “я так вижу, я так хочу”, и сообразоваться с массами. Задача поворота к классикам — взять с вершин человечества то, что там есть».¹⁷ Осознание этой необходимости ориентировало не только литературных «ударников», которых старались информировать о выходивших материалах, или книгоиздателей, перед которыми стояла цель издания *востребованной* «классической» литературы (как русской, так и зарубежной),¹⁸ но и читателей, ныне обязанных

¹⁴ Там же. С. 435; курсив наш. — Н. Б., Д. Ц.

¹⁵ Там же. С. 436; курсив наш. — Н. Б., Д. Ц.

¹⁶ Эта идея вызывала закономерное сопротивление со стороны теоретиков, близких к кругам авангардистов. Так, В. Б. Шкловский в фельетоне «Что нас носит?» (опубл.: Вечерняя Москва. 1925. № 266. 21 ноября) писал: «Современный писатель — не ученик русских классиков. Классики от классиков не происходят» (Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990. С. 295).

¹⁷ Словохотов Л. А. О классиках русской литературы. Саратов, 1927. С. 70; курсив наш. — Н. Б., Д. Ц. Подробнее о массовости как феномене культурной жизни 1920-х годов см.: Московская Д. С., Бакшаева Н. Ю., Романова О. В. Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4. С. 10—33.

¹⁸ К середине 1920-х годов сложилась весьма парадоксальная ситуация с распространением «классики» через книжный рынок. В январском 1925 года выступлении на Всероссийской конференции пролетарских писателей В. И. Нарбут — тогда заместитель заведующего Отделом печати при ЦК ВКП(б) — отмечал: «...переходя к следующей рубрике, русским классикам, я должен поделиться с вами такими данными: хорошо идут Герцен, Гончаров, Степняк-Кравчинский,

изучать и знать не до конца отмененную культуру «проклятого прошлого». И молодая советская власть сполна предоставила рядовым читателям такую возможность. Разоренные в конце 1910-х годов государственные и частные книжные собрания в начале двадцатых начали перераспределяться по новообразованным библиотекам, в том числе при заводах и фабриках, где существовали литературные кружки. Колоссальные объемы ценнейших изданий конца XVIII — первой половины XIX века были влиты в фонды таких книгохранилищ. Поэтому «массовый» читатель мог знакомиться (и зачастую знакомился) с текстами классиков не по изданиям гизовской «Дешевой библиотеки», а по прижизненным сборникам и альманахам.

Изучение и усвоение мировоззренчески чуждой имперской культуры происходило благодаря обнаружению в ней идеологически актуальных смыслов, смежных с дискурсивным полем социалистической культуры. В 1920-е годы из обломков «старой» культуры постепенно складываются основания советской эстетической теории: ее материальную основу составляла некогда отвергнутая классика, методологическую — реализм, а мировоззренческую — народность. Три эти понятия в эстетическом сознании эпохи означали тождественные категории, но разнесенные по разным уровням единой в своей основе дискуссии.¹⁹ В данной связи не вызывает удивления тот факт, что размышления о народности в писательском творчестве почти всегда смыкались с обсуждением проблемы реализма и его места в литературной культуре первой трети XIX века, — ср., например, в более поздней, 1937 года, статье Александрова: «Народность и реализм в пушкинском искусстве — не отдельно друг от друга существующие особенности этого искусства. Объективное отражение действительности необходимо предполагает объективное отражение народа, с его чаяниями и стремлениями; так эти чаянья и стремления проникают в пушкинское искусство; оно реалистично и поэтому народно. И наоборот: оно народно и поэтому

Омулевский — они прошли примерно от 7 до 12 тысяч. Грибоедов, Гаршин — по 10 000. За короткое время прошел Лев Толстой, только «Война и мир» не ниже 10 000, а прочее в 50% лежит. Средне прошли Достоевский, Короленко, Чехов, Лермонтов — имеют среднее движение. Плохо идут — Добролюбов, Овсяннико-Куликовский (его я также причислил, не знаю, вправе ли я был это делать). Он стоит из 10 000, и Добролюбова, и Овсяннико-Куликовского, 8000 обратилось в прах. <...> Тютчев и Тургенев идут плохо. Пушкин — из 10 000 лежит 8000» (Стенограмма Всероссийской конференции пролетарских писателей, 11 января 1925 г. // ОР ИМЛИ, ф. 155, оп. 1, № 48, л. 33).

¹⁹ Альтернативный взгляд, апеллирующий исключительно к эстетико-идеологической стороне вопроса, см.: Башина М. Р. Идеинность — классовость — партийность // Соцреалистический канон: Сб. статей. СПб., 2000. С. 362—376; Гюнтер Х. Тоталитарная народность и ее истоки // Там же. С. 377—389.

О. С. ПУШКИНОЙ.

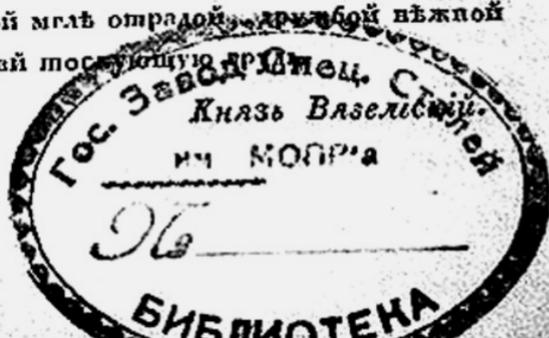

Настъ случай свель; но не слѣпцемъ меня
къ тебѣ онъ влекъ необходимой силой:
Позна друга, сестра и тенейъ милой,
Но сердцу ты и мнѣ давно родня.

Такъ, въ памяти сердечной безъ заката
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй:
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата;
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

Удѣлъ его: блескъ славы въчюльстивой,
Но часто намъ сіяющій изъ тучъ;
И опъ нея ударитъ яркій лучъ
На жребій твой въ безпечности счастливой.

Но для него ты благотворнѣй будь:
Свѣти ему звѣздою безмяшежной,
И въ бурной мглѣ оправдай, дружбой нѣжной
Ты усладяй поскующую

Страница из альманаха «Северные цветы на 1826 год, собранные Бароном Дельвигом» (СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1826) со штампом библиотеки Государственного завода специальных сталей им. МОПРа

реалистично. Объективность не обозначает какого-то равнодушия, бесстрастия; такое объективное отражение становится возможным лишь благодаря личной, эмоциональной связи, лишь благодаря тому, что художник любит эти народные массы». ²⁰ При этом, разумеется, «прогрессивная», «демократическая» народность пушкинского творчества не имела, с точки зрения советских теоретиков, ни малейшего отношения к сформулированной С. С. Уваровым теории так называемой «официальной народности», исказившей саму суть этого понятия. ²¹

Вопрос о народности пушкинского творчества, по существу своему лишенный конкретного историко-литературного содержания, тем не менее имеет принципиальное значение для истории советского академического литературоведения и литературной критики первой половины минувшего столетия. ²² Признание Пушкина

²⁰ Александров В. Пугачев: (Народность и реализм Пушкина) // Литературный критик. 1937. № 1. С. 44.

²¹ Особое внимание этой принципиальной дифференциации уделили авторы статьи о Пушкине для 10-томной «Истории русской литературы» — ср.: «Сущность идеи “официальной народности” выражалась в провозглашении синтеза трех начал — “самодержавия, православия и народности”, на базе которых должно было строиться “благоденствие России”. Понятие народности при этом, конечно, злостно искажалось: русский народ представлялся воплощением смирения и покорности, беззаветной преданности церкви, престолу и помещику (Гинпис В. В., Мейлах Б. С., Орлов А. С., Слонимский А. Л., Якубович Д. П. Пушкин // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. 6: Литература 1820—1830-х годов. С. 306).

²² См. вполне обстоятельное и подробное обсуждение этого вопроса в специальных работах 1930—1940-х годов: Виноградов И. Путь Пушкина к реализму // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 69, 73—88; Азадовский М. К. 1) Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 135—137, 161—163; 2) Пушкин и народность // Большевицкая печать. 1937. № 2—3. С. 63—66; Щербина В. Понятие народности у Белинского // Литературный критик. 1936. № 6. С. 175—187; Александров В. Пугачев: (Народность и реализм Пушкина) // Там же. 1937. № 1. С. 17—45; Соколов Ю. Пушкин и народное творчество // Там же. С. 121—150; Грешкин А. Пушкин и проблема народности // Литературный современник. 1937. № 1. С. 112—124; Рыбникова М. А. Пушкин как защитник простоты и народности в языке // Русский язык в школе. 1937. № 1. С. 35—46; Гус М. Народность Пушкина // Тридцать дней. 1937. № 2. С. 52—61; Бойчевский В. Народность в творчестве А. С. Пушкина // Экономическая жизнь. 1937. № 19. 6 февраля. С. 2; Муравьев Вл. О народности Пушкина // Литературная учеба. 1937. № 3. С. 19—24; Жданов Н. К вопросу о народности в литературе // Звезда. 1938. № 2. С. 199—209; Пиксанов Н. Народность литературы // Народное творчество. 1938. № 12. С. 11—16; Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 14. С. 39—69; Гуриштейн А. Проблемы социалистического реализма. М., 1941. С. 59—60, 70—71; Томашевский Б. В. Пушкин и народ-

подлинно народным (а позднее и национальным) автором включало его в число «учителей» начинающих писателей. Одним из первых предпринял попытку теоретизировать фигуру «классика» Л. Л. Авербах: «Мы знаем, что классики есть вершина того литературного наследства, которое мы получили от прошлого мира, завоеванного нами экономически и политически. Мы знаем, что классики есть та вершина, на которую нам надо подняться и преодолеть, чтобы идти вперед. <...> Для меня классики — это те, кто значительные идеи, отражающие сущность их эпохи, психологически-глубоко и совершенно художественно преломляют в живых и живущих образах. А если так, то ясно, что наследовать классиков может только тот, кто представляет собою передовую идею своей эпохи. В наше время такими являются пролетарские писатели».²³ Построения Авербаха стали отправной точкой для Бернхарда Райха, в апреле 1928 года выступившего с дискуссионной статьей «О классиках».²⁴ В ней критик писал: «Для нас “культурное наследие” означает не заимствование отдельных элементов подходящих нам идеологий, а использование культурных ценностей во всей их совокупности для укрепления наших сил с целью в возможно более краткий срок преодолеть это наследие».²⁵ Иначе говоря, «учеба» начинающего писателя не должна была исчерпываться формальными «уроками мастерства». Начинающему автору следовало ощутить себя частью целокупной художественной традиции, осознать преемственность своей творческой практики.²⁶

ность // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 67—100 (то же с позднейшими изменениями: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 106—153); *Еголин А.* Патриотизм и народность Пушкина // *Новый мир.* 1942. № 1—2. С. 206—212. Примечательно, что вопрос о народности пушкинского творчества сохранит актуальность и в послесталинские годы — см. хотя бы: *Берковский Н. Я.* О «Повестях Белкина»: (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы: Сб. статей. М.; Л., 1960. С. 94—207.

²³ *Авербах Л. Л.* Культурная революция и вопросы современной литературы. М.; Л., 1928. С. 76, 78. Против такой безапелляционной апроприации «классики» выступили многие критики марксистской ориентации (см., например: *Горбачев Г. Е.* О самозванных душеприказчиках «культурного наследства»: Налитпостовцы и «учеба у классиков» // *Горбачев Г. Е.* Полемика. М.; Л., 1931. С. 138—149).

²⁴ Оpubл.: На литературном посту. 1928. № 8.

²⁵ *Рейх Б.* О классиках // На литературном посту. 1928. № 8. С. 36.

²⁶ Не случайно В. В. Ермилов, указывая на подлинный смысл лозунга «учебы у классиков», позднее провозглашал: «Учитесь у кого угодно, но учитесь так, чтобы находить у данного писателя то, что поможет созданию диалектико-материалистического творческого метода, — вот основное, что говорим мы пролетар-

Таким образом, начинающему писателю, занятому «учебой у классиков», следовало воспринять и усвоить не техническое мастерство, а идеологическую модальность *классических* текстов. В этом отношении *народность* пушкинского творчества из привнесенного идеологического содержания превращалась в его подлинную сущность. По сути, ранее не существовавшая в пределах академического пушкиноведения²⁷ проблема *народности* проникает в него, с одной стороны, из паралитературной публицистики революционно-демократического и народнического толка середины — второй половины XIX века²⁸ (преимущественно из сочинений В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и отчасти Ф. М. Достоевского), а с другой —

ским писателям в вопросе об использовании наследства» (Творческая дискуссия в РАППе: Сб. стенограмм и материалов III Областной конференции ЛАПП, 15—21 мая 1930 г. [Л.], 1930. С. 174; позднее текст выступления Ермилова вышел отдельной брошюрой: *Ермилов В. В.* Наши творческие разногласия: Доклад и заключительное слово по докладу на 3-ей Ленинградской областной конференции пролетарских писателей. М., 1930).

²⁷ В этом отношении примечательно положение в докладе Н. К. Пиксанова «Итоги советского пушкиноведения 1917—1937 годов» на Пушкинской конференции в начале февраля 1937 года: «Поставленная руководящими органами советской общественности проблема *народности* заставляет пушкиноведение коренным образом пересмотреть прежние историко-литературные определения Пушкина. На только что пройденном этапе советского литературоведения проблема *народности* отсутствовала в историко-литературных построениях и анализах — частью в силу отталкивания от старых идеалистических и реакционных определений *народности*, частью в силу вульгарного социологизма с его стремлением закреплять писателя за той или иной узкой социальной или сословной группой. Отталкиваясь от вульгарного социологизма и от либерально-идеалистического истолкования Пушкина, исходя из марксистско-ленинского понимания *народности*, пушкиноведы должны создать ряд исследований *народности* в языке и стиле Пушкина, в его восприятиях фольклора, в соотношениях *народности* и реализма» (цит. по: *Турчаненко В. В.* Подводя итоги советского пушкиноведения: Доклад Н. К. Пиксанова на Пушкинской конференции 1937 года // *Новое литературное обозрение.* 2022. № 5 (177). С. 128—129; см. также: *Турчаненко В. В., Цыганов Д. М.* Пушкин наш, советский! Очерки по истории пушкиноведения сталинской эпохи: (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025. С. 353).

²⁸ Однако даже в сочинениях рубежа XIX—XX веков вопрос о *народности* возникает спорадически и не становится ключевым эстетико-идеологическим свойством пушкинских текстов — ср., например: *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 37, 59; *Волконский С.* Очерки русской истории и русской литературы: Публичные лекции, читанные в Америке. СПб., 1896. С. 28; *Рождественский С. В.* Пушкин: Черты внутреннего облика. М., 1899; *Булич Н.* Народность пушкинской поэзии // *А. С. Пушкин в его значении художественном, историческом и общественном: Из речей и статей о Пушкине.* М., 1901. С. 36—40 (2-е изд.: М., 1905. С. 43—58); *Трубицын Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века: (Очерки). СПб., 1912. С. 408—421. См. также: *Потебня А. А.* Язык и народность // *Вестник Европы.* 1895. № 9. С. 5—37 (позднее републ. в изд.:

из предельно идеологизированной и полностью контролировавшей-ся партийными органами сферы «массового» чтения и в том числе оргработы с начинающими писателями в литературных кружках,²⁹ ориентированных на упомянутые литературно-критические «открытия» по части идеологической оснастки пушкинских текстов. Словом, пушкинская простота вкупе с декларировавшейся народностью его творчества не только возвели поэта в ранг «классиков-учителей», но и сделали возможным повсеместное внедрение его произведений в культмассовых целях.

* * *

Публикуемые ниже два протокола (от 28 декабря 1929 года и 4 января 1930 года) занятий литературного кружка «Мотор»³⁰ при Подольском государственном механическом заводе полностью посвящены обсуждению пушкинского творчества. Занятия проходили в воскресные дни во Дворце труда или Клубе металлистов (руководитель М. И. Беккер;³¹ секретарь М. В. Знаменский³²) по программам, которые разрабатывались в ассоциациях пролетарских писателей и рассылались «руководам» литературных кружков.

Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 159–198).

²⁹ См.: *Московская Д. С., Романова О. В.* Лозунг «одемянивание» как программа воспитания пролетарского писательства // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 167–176.

³⁰ Материалы, связанные с работой этого литературного кружка, хранятся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН — см.: ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 134 («Мотор». Литературный кружок. Протокол занятия, 28 декабря 1929 г.), 135 («Мотор». Литературный кружок. Заявления о приеме в члены и автобиографии разных лиц, [1929]), 136 (Отчет о литературном кружке «Мотор», [1931]), 296 (Районные ассоциации пролетарских писателей. Планы, списки, обращения. Сведения о районных кружках МАПП, [1930–1931]), 307 (Подольская ассоциация пролетарских писателей. Протоколы, резолюции, планы, отчеты, переписка и др. материалы, [1929–1932]).

³¹ См. примеч. 21 к приведенному ниже протоколу от 28 декабря 1929 года.

³² Мстислав Владимирович Знаменский (1912–1942) — секретарь литературного кружка «Мотор», начинающий писатель. С 1924 года публиковал заметки в губернской газете «Тверская правда». В 1926 году в 13-летнем возрасте опубликовал «первое литературное, если можно так назвать, произведение» — рассказ «Пионеры» в пионерской газете «Ленинские внучата». В 1928 году в комсомольской газете «Смена» напечатал стихотворение «Мопровцам»; в том же году, переехав в Подольск, вступил в литературную группу «Закал» при редакции «Подольского рабочего», позднее и преобразованную в литературный кружок «Мотор». Позднее переехал в Москву, где работал в газете «Гудок». Подробнее см.: *Знаменский М. В.* Автобиография [1929] // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 3–4 об.

История литературного кружка «Мотор» связана с деятельностью литературной группы «Закал», действовавшей при редакции газеты «Подольский рабочий» во второй половине 1920-х годов.³³ Изначально кружок был связан с Подольским государственным механическим заводом. Однако вскоре «Мотор» расширил институциональные и организационные границы: в его состав вошли сотрудники других предприятий. Работа кружка была тесно связана с деятельностью крупных литературных организаций — ВОКП (Всероссийское общество крестьянских писателей), РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей). После начала призыва ударников в литературу в конце 1920-х — начале 1930-х годов «Мотор» был включен в систему централизованного руководства, окончательно перейдя в подчинение МАПП.³⁴ Тем не менее «Мотор» сохранил некоторые элементы автономии. Тематика занятий в низовых литературных объединениях определялась руководителями в соответствии со спускаемыми свыше инструкциями.³⁵ Содержание занятий не ограничивалось программными рамками. Согласно протоколам заседаний кружка за 1929—1930 годы, его участники под руководством Беккера обращались, например, к разбору произведений Кантемира, Ломоносова, Державина,³⁶ что в ряде случаев противоречило директивным установкам. Дело в том, что архивные материалы фонда МАПП фиксируют лишь единичные случаи включения пушкинских произведений в программы. Таким образом, «Мотор» демонстрировал соединение официальных установок «сверху» с инициативой руководителя кружка «снизу». Кроме того, в 1929 году вышел в свет литературно-художественный сборник «За новую жизнь».³⁷ Появление этого сборника свидетельствует о сравнительно высокой степени организованности и квалификации участников кружка.

В ходе упомянутой кампании по призыву ударников в литературу «Мотор» был назначен одним из ее кураторов в Подольске. Од-

³³ Ср. в автобиографии Знаменского: «В 1928-м году, приехав в город Подольск, я тотчас же вступаю в литературную группу “Закал”, находившуюся тогда при редакции “Подольский рабочий”. Сейчас же эта группа преобразована в литературный кружок “Мотор”, где по сей день и пребываю» (ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 4—4 об.).

³⁴ См.: Отчет о литературном кружке «Мотор», [1931] // Там же, № 136, л. 1.

³⁵ См.: Инструкция Райбюро всем секретарям и руководителям литкружков, [без даты] // Там же, № 182, л. 89.

³⁶ См.: Протокол № 1 занятия литературного кружка «Мотор», 23 ноября 1929 г. // Там же, № 307, л. 1—2.

³⁷ За новую жизнь: Литературно-художественный сборник кружка поэтов и писателей «Мотор». М.; Подольск: Изд-во Подольского литкружка, 1929.

Титульный лист сборника «За новую жизнь»: Литературно-художественный сборник кружка поэтов и писателей «Мотор»» (М.; Подольск: Изд-во Подольского литкружка, 1929)

нако итоги работы кружка были признаны неудовлетворительными. Вскоре актив литературного объединения был обвинен в «невыполнении программы»: часть участников исключили из состава (Бояркин, Палладин, Сухарев); другие же перешли в новые заводские кружки, созданные под эгидой РАПП.³⁸

Тексты протоколов публикуются по рукописным оригиналам, сохранившимся в материалах архивного фонда Московской ассоциации пролетарских писателей (ОР ИМЛИ, ф. 158 (МАПП)) из архивного собрания Отдела рукописей ИМЛИ РАН, без содержательных изъятий и сокращений, с сохранением присущих документам особенностей (правки, вычеркиваний, вставок и проч.). В комментариях к каждому документу указан его архивный шифр. Явные опiski и случаи несоответствия правилам современной грамматики, не имеющие смыслового, стилистического или культурно-исторического значения, исправлены нами без всяких оговорок. Даты создания (при их наличии) в унифицированном виде вынесены под заглавия документов. После каждого документа следуют комментарии, разъясняющие отразившиеся в нем исторические, биографические и иные контекстуальные подробности.

1.
ПРОТОКОЛ <6./№2>
ЗАНЯТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КРУЖКА «МОТОР»
ПРИ ПОДОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
МЕХАНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ

28 декабря 1929 года

<М.> Модников.¹ «Социально-политические настроения Пушкина». К Пушкину необходимо относиться критически. В его время господствующим классом было дворянство. Политика Александра I после войны 1812 года значительно изменилась. Началось гонение на просвещение, каковое вызвало движение декабристов. У Пушкина с декабристами была связь в виде близкого знакомства с рядом из них. В период этой связи с декабристами мы замечаем у него творческ<и>й подъем. Он чрезвычайно плодovit. Изучая творчество Пушкина этого периода, мы должны, однако, констатировать, что поэт пишет не от разума, но от сердца. Лучшим произведением этого времени является «Послание к Чаадаеву».² В нем поэт выра-

³⁸ См.: Протокол № 1 занятия литературного кружка «Мотор», 23 ноября 1929 г. Л. 43—46.

жает отношение молодежи к свободе. Однако ожидание свободы поэт сравнивает с ожиданием «любовником молодым минуты сладкого свиданья». ³ Это звучит индивидуалистически. Но заканчивает послание поэт пророчески: Россия «на обломках самовластья / Напишет наши имена!». ⁴

«Ода вольность» ⁵ трактует о том, что, если цари дадут свободу, то их троны окажутся в безопасности. В этом стихотворении две части. Одна часть посвящается описанию деревенской природы. Поэт перед нами развертывает пейзаж, полный идиллии, мечтательности. Поэт любит сам этим пейзажем и вас заставляет любоваться им. По мнению поэта, в деревне налицо все условия, чтобы «зреть творческим думам в душевной глубине поэта». ⁶ Вторая часть «Деревни» описывает жестокую действительность того времени. «Рабство тощее влачится по браздам неумолимого владельца». ⁷ Выход поэт видит в том, что рабство должно пасть «по манию царя».

Подавление декабрьского восстания вызвало «Послание в Сибирь» <sic!>. Пушкин в этом послании утешает декабристов не только надеждой на освобождение, на амнистию, но возможностью близкой революции, причем братья отдадут освобожденным узникам меч на борьбу с царем.

<Д.> Долинин. ⁸ «Пушкин в жизни». ⁹ По <В. В.> Вересаеву.

Докладчик приводит ряд мелочей, характеризующих Пушкина как человека. Особенно интересной мелочью докладчик считает то, что Пушкин 8 лет от роду уже писал стихи на французском языке. Африканская природа сказывалась в его чрезмерной вспыльчивости. На всех, кто вторгался в его комнату, когда он занимался писанием стих<ов>, он накидывался, позабывая об элементарных формах приличия. То же самое происходило, когда кто-нибудь едкой шуткой или насмешкой задевал его: Пушкин тут же вызывал на дуэль. Не лишено любопытства [еще и то] отношение к декабристам. Ценя Пушкина как великого поэта, а отчасти боясь, что он по своей неводержанности может разболтаться, декабристы решили не посвящать его в свои дела, и Пушкин был очень огорчен, почувствовав бессилие свое, чтоб приподнять таинственную завесу, какою было закрыто от него подготовка декабрьского восстания.

<И.> Палладин. ¹⁰ «Лирика Пушкина».

Лирика Пушкина имеет народный характер. Он один из немногих, сумевший создать своей лирикой в народе восторг. Недаром в своем стихотворении «Памятник» он говорит: «Долго тем полезен буду я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал» <sic!>.

В лирике Пушкина пор<a>жает разнообразие формы и содержания. При изображении природы он достигает того, что она нами

чувствуется во всем своем могуществе, величии и красоте. Поэт преклоняется перед природой, пережившей несколько человеческих поколений.

«Послание к друзьям» <sic!> отличается сердечностью. Политические послания его обнаруживают дальновидность поэта. В лирике Пушкин русский с головы до ног. Главным достоинством его лирики надо считать то, что он выявил социальную среду своего народа.

Духанина¹¹. «Отличительные особенности лирики Пушкина».

Наибольшей ценностью в лирике считается эмоция. Эффект достигается образностью. Главные особенности лирики Пушкина — это ее объективность, поэтическая возвышенность над суетой и жизнерадостность. Кроме того, его произведения отличаются уравновешенностью <ю> настроения, выраженного в них. Например: «Мадонна», «Зимнее утро».

У Пушкина есть стихотворения символические, попадают мистические. Душевная жизнь поэта, подверженная всякого рода интригам, не нашла отражения в его лирике. Он не пишет о мышинной норе человека. Возьмем его стихотворения: «Поэт и чернь», «К поэту» <sic!>. В них проявляет полн<ую> самостоятельность творческая гордость. Чувства выражены не так, как переживается людьми, но стихотворения представляют фиксацию возвышенных устремлений поэта. В «Моцарт <е> и Сальери» поэт изображает зависть, что поэтам удается трудно. В «Скупом рыцаре» в монологе барона поэт проводит эмоцию скупости. Словом, Пушкин для нашего времени полезен своим бодрым, жизнерадостным тоном. Например <,> в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных»>: «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красою вечною сиять».

Бояркин.¹² «Брожу ли я вдоль улиц шумных».

Дуб, младенец, все в нем вызывает мысли о смерти.

<В.> Шурушин.¹³ Разбор стихотворения «Бесы». Это произведение символическое. Пейзаж социально обоснован. Действующие лица: ямщик и барин. Бесы занимаются житейскими делами: хоронят и выдают замуж. Автор захватывает мистикой читателя. Бесы водят <...> Вы на всем протяжении стихотворения переживаете напряженное состояние. Эмоция, выражающая вой бесов, завершает это стихотворение.

<В. И.> Шапошникова.¹⁴ «Я помню чудное мгновенье».

Рядом с Михайловск<и>м было имение помещицы <П. А.> Осиповой «Тригорское», где в 1826 году Пушкин познакомился с А. П. Керн. Пребывание в Михайловском было плодотворно для Пушкина. III, IV и V главы «Евгения Онегина» написа-

ны там. В произведении «К А. П. Керн» <sic!> много эмоций. Оно написано четырехстопным ямбом.

<В.> Рыбаков.¹⁵ «Пророк».

Пушкин рассказывает в этом стихотворении о поэте. Сюжет взят из Священного Писания, в котором он нашел соответствие своей мысли. Пушкин говорит, что он ничего не видел и не слышал, пока до него не коснулся Серафим, говорит то, что повествует о себе пророк Исайя.

<А.> Сухарев,¹⁶ начавший прения, говорит, что, по мнению <М. Д.> Марич,¹⁷ Пушкина любили как талантливого человека, а потому и берегли его. Вследствие этого очень осторожно относились к Пушкину по поводу того, вступать или не вступать ему в общество декабристов. В этом вопросе играла роль болтливость африканской природы. Пушкин отрецивается от дворянства. Он говорит: «Я просто русский мещанин / И не хочу с дворянством знаться».¹⁸

Пушкин, говоря: «Подите прочь, какое дело / Поэту мирному до вас»,¹⁹ — разумеет под чернью дворянскую знать, и не прав Писарев, говоря поэту: «А ты в чем варишь пищу: не в Апполоне <sic!> ли Бельведерском».²⁰ Сухарев останавливается на щепетильности и самостоятельности поэта. Поднятие пальца заставляло вызывать на дуэль. А однажды Пушкин пришел на бал в панталонах, которые просвечивали насквозь. Один раз среди цыган нашли перодетого дворянина Пушкина. Поэт любил осень. Она своей грязью приковывала его к месту, давала возможность работать. В творческой работе Пушкин много работал над словом. Эпитет к художнику «взыскательный» достался ему после больших усилий.

Шуршин. В творчестве Пушкина мы отмечаем разнообразие формы. Поэт разрушает застывшие формы стиха.

Рыбаков. (На доклад Духаниной). Музыка стиха отражает вибрацию души поэта.

(На доклад Шапошниковой). Женщина имеет большое значение в жизни людей, как это нам показывает лирика Пушкина.

Паллад<ин> (на доклад Сухарева). Пушкин вызывал на дуэль близких друзей. Он даже дрался с <В. К.> Кюхельбекером.

(На доклад Долинина). Отец Пушкина и его дядя писали стихи, поэтому нечего удивляться, что он рано начал писать стихи.

Долинин. «Пророк» — стихотворение символическое. Провидение и прослышание — атрибуты <sic!> настоящего поэта — дают ему возможность словом жечь сердца людей.

<М. И.> Беккер.²¹ Заключительное слово.

Пушкин — большой поэт.

Возьмем стихотворение «Пророк». Прежде всего бросается в глаза древний библейский стиль.

О стихотворении «К А. П. Керн» <sic!> недостаточно сказать, что оно хорошее, прекрасное, как говорит Шапошникова. Надо упомянуть, как Пушкина преследовали учителя за его безбожие и заставили написать статью о вреде безбожия, на что Пушкин откликается неискренним стихотворением. Надо упомянуть о лицейском вечере, на котором присутствовал <Г. Р.> Державин и где произошло рождение поэта.

Пушкин не был скуп, не был стяжателем. Катаясь с отцом на лодке, он бросал золотые червонцы в воду, и ему нравилось наблюдать, как досадовал отец его.

Объективный художник отражает все, что во вне его, — субъективный — все, что в нем.

Пушкин в полном смысле слова осуществляет оптимизм, в нем много жизнерадостности, но кто лучше передает грусть, предчувствие смерти.

Писарев говорит, что чисто со стороны социальной Пушкин дает в «Евгении Онегине» мир блестящим, напоминающий «счастливую Аркадию». Крестьянина изображает в легких тонах, тон берет оптимистический и замалчивает противоречия. А таковые были, что подтверждает восстание декабристов.

Пушкин был сын класса дворян.

<К. Ф.> Рылеев писал ему: «Ты сделался аристократом, чванишься пятисотлетним дворянством, когда и без этого ты молодец».²²

Под конец Пушкин критически относился к своей родословной. В разборе каждого автора важно найти связь произведений между собою.

«Пророк» имеет символическое значение. Пушкин заразился декабристским восстанием. Пророк должен жечь глаголом сердца людей.

<М. О.> Гершензон²³ говорит, что «Бесы» написаны в ноябре.

Вхождение в мундир царя было для Пушкина мучением. Это для него значило, что он должен сгибать спину перед сильнейшими мира сего. На приветствие царя он сказал: «Государь, это вы меня впервые поздравляете».

На парадных придворных вечерах Пушкин является в гражданском костюме, подчеркивая этим протест. Затем начинаются против него интриги. Когда он начал заниматься историей, он получил письмо, где его называли историографом рогоносцем. С этого началось, и кончилось дуэлью и смертью.

Поэзия — это символ, выражающий взгляд Пушкина на поэзию. Пушкин не был религиозен. Основное, что поражает в творчестве Пушкина, — это широкий охват явлений и умение его перевоплощаться.

«Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» — этому доказательству.

В «Евгении Онегине» автор рисует несколько явлений любви. В «Цыганах», «Руслане и Людмиле» — проблема любви. Предметом внимания Пушкина является, однако, не одна проблема любви, но социальное содержание, — любовь же играет роль аккомпанемента.

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

<Д. Н.> Овсяннико-Куликовский говорит, что лирика есть не род образного искусства, но эмоционального.²⁴ Свойства лирики Пушкина — это легкость стиля и умение пользоваться звуками. Звук «у» выражает грусть.

Патриарх лесов — дуб. Гибкость, выразительность стиха, образная скупость — лучшие качества поэзии Пушкина. «Бесы» написаны хореем, или, как называет <И. С.> Рукавишников,²⁵ плясовым размером; там часты повторения: «страшно», «страшно», «еду», «еду».

«Буря мглою небо кроет» написано в селе Михайловском и посвящено няне Пушкина. Профессор <И. А.> Сикорский²⁶ разделяет образы на слуховые, зрительные, моторные и общего порядка. У слепого Мильтона его «Потерянный Р<ай>» насыщен образами зрительного порядка. Пушкин же в этом стихотворении пользуется образами всех порядков в гармоническом сочетании.

ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 134, л. 1—5. Рукопись.

¹ М. Модников — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

² Приведенный в тексте вариант заглавия стихотворения «К Чудаеву» (1818) встречается в ряде источников (см.: II, 1043). Однако, по-видимому, протокол был записан позднее под диктовку, поэтому название стихотворения по-просту приведено неточно — с включением жанрового определения; ср. ниже, примеч. 5.

³ Ср. в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина: «Как ждет любовник молодой / Минуты верного свиданья» (II, 72). Приведенный в тексте вариант строки встречается в ряде изданий (см.: II, 1044). Кроме того, стихотворение с этим вариантом строки было напечатано в изд.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. со сводом вариантов*: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. статьи и коммент. В. Я. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Кн. 1. С. 129. По-видимому, именно по этому изданию кружковцы и знакомились с лирическими текстами Пушкина.

⁴ См. выше примеч. 3.

⁵ Приведенный в тексте вариант заглавия стихотворения «Вольность» (1817) встречается в ряде источников (см.: II, 1031). Однако, по-видимому, протокол был записан позднее под диктовку, поэтому название стихотворения по-просту приведено неточно — с включением жанрового определения; ср. выше в примеч. 2.

⁶ Измененная цитата из стихотворения «Деревня» (1819) (см.: II, 90).

⁷ Стихотворение с этим вариантом строки было напечатано в: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. со сводом вариантов. С. 121.

⁸ Д. Долинин — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

⁹ По-видимому, члены кружка знакомились с работой В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» по изданию «Недр» — см.: *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Изд-во Моссовета «Новая Москва», 1926—1927. Вып. 1—4 (Литературно-художественная библиотека «Недра»).

¹⁰ Иван Паладин — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

¹¹ Духанина — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

¹² Бояркин — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

¹³ Василий Шуршин (1904—?) — член литературного кружка «Мотор», корреспондент заводской газеты «Наша правда» при Подольском государственном механическом заводе. Подробнее см.: *Шуршин В.* Автобиография // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 7—9.

¹⁴ Варвара Ивановна Шапошникова — член литературного кружка «Мотор», фрезеровщица на Подольском государственном механическом заводе. Подробнее см.: Протокол совещания штаба литературного кружка «Мотор» с представителями Культполитсовета Райзавкома, 29 октября 1930 г. // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 307, л. 9.

¹⁵ В. Рыбаков — член литературного кружка «Мотор». Биографические сведения, анкетные данные и прочие документальные свидетельства в архивном фонде МАПП не сохранились.

¹⁶ Аркадий Сухарев (1909—?) — член литературного кружка «Мотор». В 1928 году во время литсмотрa получил первое место по уезду. Печатался в уездной газете «Подольский рабочий», а также в региональной молодежной газете ЦК ВЛКСМ «Молодой ленинец». Подробнее см.: *Сухарев А.* Автобиография с приложением заявления // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 6.

¹⁷ Мария Давыдовна Марич (наст. фам. Чернышева; 1893—1961) — писательница и драматург. В 1920—1930-е годы написала серию рассказов, в центре которых жизнь Пушкина; позднее эти тексты были объединены в изд.: *Марич М. Д.* Ссылочный невольник: [Рассказы об А. С. Пушкине]. М.: Журнально-газетное объединение, 1937.

¹⁸ Измененная цитата из стихотворения «Моя родословная» (1830) (см.: III, 261).

¹⁹ Цитата из стихотворения «Поэт и толпа» (1928) (см.: III, 142).

²⁰ Измененная цитата из статьи Д. И. Писарева «Лирика Пушкина» (опубл.: Русское слово. 1865. № 6), входящей в цикл «Пушкин и Белинский».

²¹ Михаил Иосифович Беккер (1900—1942) — литературный критик и литературовед, автор ряда работ о советской литературе (в основном о пролетарских писателях): «Поэты и писатели красной молодежи: (Опыт характеристики комсомольской художественной литературы)» (М.; Л.: Гудок, 1925), «Пролетарский литературный молодняк» (М.: Огонек, 1928), «Писатель за работой» (М.: ВОКП, 1928), «Ленин в художественной литературе» (М.: Огонек, 1929), «Поэтессы: Литературно-критические очерки» (М.: Огонек, 1929), «Художественная литература в агитации» ([М.]: Московский рабочий, 1940), «Художественная литература в антифашистской агитации» (М.: Госполитиздат, 1941; то же: Казань: Татгосиздат, 1942), а также ряда статей по смежным вопросам. Руководил литературными кружками с 1928 года. Подробнее о деятельности руководителя см.: Беккер М. О. Учетная карточка руководителя, 3 февраля 1933 г. // ОР ИМЛИ, ф. 41, оп. 1, № 599, л. 4. См. также упоминание Беккера в документе: Списки членов актива МАПП, списки лиц, могущих быть руководителями литкружков, консультантов [1932] // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 370, л. 1.

²² Неточная цитата с пропусками из письма К. Ф. Рылеева А. С. Пушкину от июня 1825 года — ср.: «Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь ради отца, Пушкиным. Ты сам по себе молодец» (XIII, 183).

²³ Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли, публицист, переводчик, автор ряда работ о творчестве А. С. Пушкина. В протоколе допущена ошибка. В работе «Мудрость Пушкина», к которой, очевидно, апеллирует Беккер, читаем: «На другой стороне того же листка оказался перебеленный текст “Делибаша”, — он и его исправил уже заодно, и подписал “7 сент.” уже без обозначения места. Затем в этот же день он написал “Бесов”, подписав под ними полностью: “1830 7 сентября Болдино”. Итак, “Бесы” написаны в начале сентября, когда нет никаких метелей, ни снега, когда вообще в помине не было той реальной обстановки, которая изображена в этом стихотворении» (Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 130).

²⁴ Дмитрий Николаевич Овсянко-Куликовский (1853—1920) — литературовед, языковед, историк культуры, психолог. Беккер отсылает к положению из статьи Овсянко-Куликовского «Лирика как особый вид творчества» (опубл.: Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1910. Т. 2. Вып. 2) — ср.: «...именно совокупность <...> эмоций ритма, сопутствующих человеку на всех путях его, и образует то, что мы называем лирикой» (Овсянко-Куликовский Д. Н. Лирика как особый вид творчества // Вопросы теории и психологии творчества. С. 192).

²⁵ Иван Сергеевич Рукавишников (1877—1930) — писатель, поэт-символист, переводчик украинской поэзии. Отмеченное в протоколе соображение Рукавишникова основано на этимологии термина «хорей» — от др.-греч. χορεύς — «плясовой».

²⁶ Иван Алексеевич Сикорский (1842—1919) — психиатр, публицист. Приведенная в тексте протокола типология была выработана Сикорским в процессе наблюдения над особенностями детской психики, — ее обоснование было предложено ученым в ряде специальных работ, среди которых: Сикорский И. А. 1) Воспитание в возрасте первого детства. СПб., 1884; 2) Три возраста: Психологический очерк, посвященный юношам и старцам. Киев, 1901; 3) Всеобщая

психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении. Киев, 1904; 4) Психологические основы воспитания и обучения. Киев, 1909; 5) Душа ребенка: С кратким описанием души животных и души взрослого человека. 2-е изд., доп. Киев, 1909; 6) Основы теоретической и клинической психиатрии с кратким очерком судебной психологии. Киев, 1910.

2.

ПРОТОКОЛ № 8
ЗАНЯТИЙ ПОДОЛЬСКОГО ЛИТКРУЖКА «МОТОР»
ПРИ ПОДОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
МЕХАНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ

*Разбор повести «Капитанская дочка»
А. С. Пушкина*

4 января 1930 года

Доклад В. Шуршина.¹

Социальная значимость повести «Капитанская дочка».

Это произведение историческое.

Написал его А. С. Пушкин после тщательного изучения материалов о тех событиях, которые он в нем разворачивает.

Главным героем повести является Е. Пугачев, этот, так сказать, лидер крестьянской революции; вторым — Гринев.

В то время, о котором пишет А. С. Пушкин, Оренбургскую губернию населяли некультурные, дикие племена. Под тяжестью управления российского государства среди этих племен начались волнения, которые в 1773 году вылились в крестьянскую революцию. Возглавлял эту революцию Е. Пугачев.

Любовь в повести «Капитанская дочка» протекает только как аккомпанемент главному — историческим событиям.

Начинается повесть с того, что у отставного премьер-майора уже большой сын. Он живет с отцом в деревне, и отец боится, что деревня может сына избаловать, а то и совсем испортить. Поэтому он отправляет его в сопровождении слуги Савельича, который должен смотреть за ним, как за дитятей, с письмом в Оренбург к своему другу-служаке, чтоб тот сделал из него офицера. По пути в Оренбург Гринев останавливается в Симбирске, где он встречается с ротмистром Зуриным, который его учит пьянке и игре на бильярде, и выигрывает или чуть ли не отнимает у него сто рублей. Потом Гринев едет в Оренбург. Из Оренбурга товарищ и друг его отца отправляет его в Белогорскую крепость. Главой этой крепости формально является капитан Миронов, но на деле управляет ей его жена Василиса: она вмешивается во все ее, так сказать, «стратегические

дела». У них дочь — Мария. В нее влюблен офицер Швабрин, который выслан сюда за убийство. Из-за дочери капитана у Гринева с Швабриным дело доходит до дуэли.

Но тут доходят известия о приближении Е. Пугачева. В крепости созывается совет и, готовятся к отпору. Но несмотря на это, Пугачев взял крепость. Расправился с побежденными под кличкой Петра III, которой он надеялся привлечь к себе не только крестьянскую массу, но и дворян, как лицом авторитетным. Он повесил коменданта Миронова и Ивана Игнатьевича. Гринева Савельич отнял... Здесь произошла поистине трагедия человеческой души: Пугачев отпустил Гринева на все четыре стороны, и виною тому был заячий тулупчик. Гринева уезжает в Оренбург. — Швабрин уже был в стане Е. Пугачева.

В повести очень хорошо даны типы. В словах Е. Пугачева: «Слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек» (он говорит про сторону) чувствуется твердая натура, натура большого полководца-революционера, которая ему нужна, чтобы пойти против царя и дворянства. Ему противопоставляется Швабрин.

Также хороши Василиса, жена Миронова, «этот надкомендант», и их дочь — Мария, которая живет, как в клетке, и которой жизнь не мила от Швабрина.

Савельич настоящий тип раба. Его раболепие характеризуется его же письмом к отцу Гринева: «Государь, Андрей Петрович, отец наш милосердный!» и т. д.

Гринева показан как человек, из которого не могло выйти никакого вояки, как его отец этого ни желал. Он только и делает, что «ерзает» с Марией.

И вообще нужно сказать, что повесть написана очень хорошо, художественно. Но Пушкин — барин, засорил своим классовым ограничением главный смысл вещи. Он не показал в Е. Пугачеве революционера и в восстании крестьян — революции.

Прения по докладу.

В. И. Шапошникова.²

Относительно классовости установка правильная. В повести даны очень яркие, живые типы. Например: Пугачев, Гринева, Савельич — и все совершенно не похожи друг на друга. Пушкин — мастер цельности личности. Этого нам пока не дают советские писатели. т. <И. С.> Еремеев.³

Заключение Шуршина неправильно. Почему Пугачев объявил себя Петром III? Чтобы привлечь к себе дворянство? Но дворяне все равно не пошли бы за ним: они сами убили Петра III. Здесь не

было никакого политического течения, — был бунт. «Бабу уберу с трона, а сам сяду», — говорил Пугачев.

Екатерина у Пушкина, несмотря на такой его талант, сделана фальшиво. Точно так же фальшива встреча в саду с собачкой.

Надо полагать, что это сделано по социальному заказу.⁴

т. <Д.> Долинин.⁵

Пушкинская проза очень яркая. Про нее говорят, что «это золотая проза».

т. Шуршин говорит, что Пугачев присвоил себе имя Петра III для того, чтобы привлечь к себе массы. Почему это было нужно? Неужели крестьяне, которые шли с ним, были на таком низком культурном уровне?

т. Еремеев.

Нет. Екатерина потому и не дала Петру управлять государством, что он не мог сдерживать вольность свободных племен.

А какие же там были дикие племена, т. Шуршин? Там было казачество и уже не такие «некультурные, дикие племена», как вы говорите.

т. Шуршин.

Я не говорю, что они были на самом деле дикими. Но по сравнению с настоящим временем они были дикари.

М. И. Беккер.⁶

Доклад вполне удовлетворительный, добросовестный и обстоятельный. Чувствуется непосредственность. Все замечания ценны. Но это далеко не все, чтобы охватить вещь полностью. Надо прежде всего стереть желание Пушкина заставить забыть, уйти подальше от беспощадности царей, от революционных тревог. Это наивный подход Пушкина. Надо помнить, что он своей целью ставил оправдание монархического строя. И недаром Пушкин сказал, что <Н. М.> Карамзин — «Колумб по отношению к [русскому] российскому государству».⁷ В повести «Капитанская дочка» Пушкин остается все так же верным самому себе, тем же дворянином.

Пугачевский бунт надо рассматривать как движение революционное беднейшего крестьянского населения.

Правда, Пугачев любил выпить, он был нечистоплотным, но у него все-таки был свой идеал. Есть декларация прав Пугачева, в которой провозглашается воля крестьянству, и оно противопоставляется барам и боярам. У него была четкая классовая установка. Впоследствии эти элементы как-то стусеивались, но вначале это было так.

У Пушкина Пугачев показан тенденциозно, явно по-дворянски.

Савельич — это не только образ раба, холопа, это — образ идей. Савельичем он защищает свою точку зрения. Савельич оберегает Гринева, заботится о благополучии его родителей.

Выводится à la Савельич.

В нашей литературе такие типы встречаются. Такие à la Савельич есть у Л. Толстого.

Тулупчик в литературе сыграл очень большую роль. Сколько было спору в марксистской критике по поводу этого тулупчика.

Воронский говорит об общечеловеческой ценности этой детали.

«Вот, посмотрите, — говорит он, — какую роль сыграла эта деталь».

«Пугачев продал свою классовую совесть за этот тулупчик».⁸

Чехов сказал: «Если в первом действии дано ружье, то во втором оно должно выстрелить».⁹

Тулупчик не заставил себя ждать, он на самом деле выстрелил и попал в цель. Это деталь высокого качества. В этом великая заслуга Пушкина.

Следует заметить, что пушкинская проза какая-то сухая.

Вот возьмите «Днепр»¹⁰ Гоголя. Здесь она плавная, переливается золотым потоком, но зато в ней много лишних слов. У Пушкина — сжатая, вся из деталей чистого золота, и это не золотой фонд, а живой капитал в действии.

Я теперь не читал повести, читал ее еще, когда учился в гимназии, но хорошо помню ее до сих пор, и ни в коем случае не хочу отнести это за счет моей хорошей памяти. Наоборот, нахожу, что это объясняется большой художественностью повести. Помню ее с самого начала.

Вот сидит отец Гринева за чтением Придворного календаря, который он перечитывает несколько раз, и всегда с большим удовольствием. И однажды он бросает этот календарь и обращается к жене: «А сколько лет Петруше?» Та отвечает: «Семнадцать». Тогда отец заявляет, что «пора ему на службу». Мать это так трогает, что она роняет ложку в кастрюльку, в которой она варит варенье, и у нее из глаз потекли слезы, потому что она знает, что раз отец сказал — он сделает. Он, как видно, — человек твердый и не изменяет своим [намерениям] решениям. Напротив, Гринев очень рад, он знает, что ему будет свободнее.

В этом отрывке опять золотые детали. Вот хотя бы ложка, которую мать роняет в кастрюльку.

Сейчас для нас является большой задачей написать исторические вещи в марксистском освещении. У нас уже есть удачные опыты в этом отношении. Например, «Золотой клюв»¹¹ <А. А.> Караван-

своей, «Стенька Разин»¹² <А. П.> Чапыгина. Но необходимо переписать, перевести на марксистские рельсы «Капитанскую дочку», но так, чтобы не осрамиться, чтобы вместо «Капитанской дочки» не получилась какая-нибудь Марья Ивановна.

Мы знаем, что <С. И.> Малашкина в этом деле постигла неудача. Он хотел из «Войны и мира» сделать «Две войны и два мира»,¹³ но только запутал Л. Толстого в его же бороде, сам в ней запутался и повесился на этой бороде.

«Пугачев показан в повести живым человеком», — говорит Варвара Ивановна <Шапошникова>. Совсем не так выводят героев наши писатели. У них обязательно герой — крепкий мужик, с зычным голосом, и он никогда ни в чем не ошибается.

У Пушкина герои со всеми их хорошими и плохими качествами.

Но для того, чтобы написать исторический роман, «для этого, мы говорим, нужно иметь крепкую часть сиденья, так как, чтобы его написать, нужно тщательное изучение исторических документов». Кроме того, нужно обладать способностью перевоплощаться.

Об удивительном перевоплощении Пушкина еще заметил <Ф. М.> Достоевский.¹⁴

Вот какие выводы я хотел сделать из всего этого.

ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 307, л. 3—5 об. Рукопись. На л. 5 приписка: «Запротоколировал В. Рыбаков».

¹ См. примеч. 13 к документу № 1.

² См. примеч. 14 к документу № 1.

³ Игорь Степанович Еремеев (1903—?) — член литературного кружка «Мотор», статистик текстильной Фабрики имени 1 мая (в 1929 году известна как «Рязановская») Подольского района. С 1914 года обучался в реальном училище в Хабаровске. В 1921 году получил среднее образование и поступил в Институт восточных языков во Владивостоке. С 1926 по 1929 год жил в Нижнем Новгороде, где работал в Акционерном обществе «Рудметалторг». С августа 1921 года жил в Подольске. С 1928 года — член Всероссийского Союза поэтов. Подробнее см.: *Еремеев И. С.* Автобиография с приложением заявления [1929] // ОР ИМЛИ, ф. 158, оп. 1, № 135, л. 1—2 об.

⁴ В № 2 за 1928 год журнала «Литература и марксизм» И. М. Нусинов напечатал статью «Социальный заказ», в основу которой лег текст доклада, прочитанного 19 марта 1928 года в Комакадемии. Именно эта публикация и положила начало широкой дискуссии по вопросу о «социальном заказе», пришедшейся на самое начало 1929 года. Этому обсуждению был почти целиком посвящен номер журнала «Печать и революция» (1929. № 1), где в разделе «Спор о социальном заказе» печатались статьи О. М. Брига, Г. Е. Горбачева, Н. И. Замошкина, П. С. Когана, И. М. Нусинова, В. Ф. Переверзева, Вяч. П. Полонского, и др. (с. 19—65), а в разделе «Писатели о социальном заказе» — материалы Ф. В. Гладкова, А. А. Караваевой, Л. М. Леонова, Б. А. Пильняка, И. Л. Сельвинского и К. А. Федина (с. 65—75). Подробнее см.: *Очерк истории русской советской журналистики, 1917—1932.* М., 1966. С. 128; *История русской ли-*

тературной критики: Советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. А. Добренко и Г. Тиханова. М., 2011. С. 186—189.

⁵ См. примеч. 8 к документу № 1.

⁶ См. примеч. 21 к документу № 1.

⁷ Имеется в виду следующая фраза из автобиографических записок Пушкина: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом» (XII, 305).

⁸ В статье «Полемические заметки» (опубл.: Красная новь. 1924. № 5) А. К. Воронский, полемизируя со статьей Г. Лелевича «Наши литературные разногласия» (опубл.: Звезда. 1924. № 3), писал: «Народное движение в повести действительно искажено, верно о сочувствии Екатерине II, но Лелевич пропустил одну “мелочь” в повести: *заячий тулупчик*. Выбросьте эту “мелочь” из повести — и ее нет как целого. Она вся рассыпется и станет мертвой. Будут: Гриневы, Мироновы, Екатерина II, Пугачев, искаженное народное движение, будет, словом, мертвый костяк повести. Главная мысль повести, ее основной стержень — в этом тулупчике, который появляется во всех трагических и странных обстоятельствах жизни молодого Гринева. Он выручает его из бед, он сводит его с Пугачевым по-настоящему, он приводит к тому, что Пугачев на плахе, пред тем как сложить свою голову, кивком прощается с Гриневым, находящимся в толпе, тут не сюжет только, а подлинное сердце произведения. Писать о повести в целом, помянуть “Капитанской дочкой”, как *целое* гармонирует со своими *частями*, какое *общее* эмоциональное “заражение” оно производит, и пропустить там и сям мелькающий заячий тулупчик, значит ничего не понять в основном художественном замысле автора — значит сосредоточить внимание на второстепенном. Лелевич не понял повести. Искажение пугачевского движения, Екатерину II и т. д. он принял за главное. Он все называет повесть гениальной. С его точки зрения повесть просто вредна, ибо заражает, в конце концов, дворянскими эмоциями. Собственно, это и сказал Лелевич, заявив, что ее нужно “изучать” как образец того, как в повести сказывается дворянская подоплека. На самом деле гениальность Пушкина в повести сказалась не только в мастерских типах: Гриневы, Мироновы и т. д., но главным образом в том, что при помощи тулупчика писатель действительно гениально вскрыл общечеловеческое и этим общечеловеческим осветил все “странные” обстоятельства жизни Гринева. “Капитанская дочка” действительно образец, но совсем не того, что хотел доказать наш критик: она показывает, как вопреки дворянской подоплеке, которая, конечно, есть в повести, Пушкин поднялся до высоких художественных обобщений. “Капитанская дочка” — совсем не бытовая, историческая повесть, хотя этот элемент в ней, конечно, есть. В силу этого и несмотря на искажение пугачевщины, повесть до сих пор положительно в целом заражает читателя» (*Воронский А. К. Полемические заметки // Красная новь. 1924. № 5. С. 312—313*). Позднее на эту полемику откликнулся В. Б. Шкловский: «Тов. Воронский, человек разочарованный и волнолюбивый. Он в Иерусалиме поколеблен. Рассматривая “Капитанскую дочку”, он нашел, что “заячий тулупчик” — факт внеклассовый, что здесь Пушкин как бы перестал быть дворянином. Очевидно, Воронский хотел объяснить хотя бы тулупчиком тот факт, что “Капитанскую дочку” можно читать и сейчас» (*Шкловский В. Б. В защиту социологического метода // Новый Лепф. 1927. № 3. С. 22*). Для точности отметим, что у нас нет сведений, смотрели ли кружковцы фильм «Капитанская дочка» («Гвардии сержант», 1928; реж. Ю. В. Тарич — стенограммы и протоколы обсуждения сценария см.: РГАЛИ, ф. 2647, оп. 1, № 103) по сценарию Шкловского (см.: *Тарич Ю. В., Шкловский В. Б. Капитанская дочка:*

[Киносценарий, монтажные листы, либретто, список литературы, сводка работы по фильму] // РГАЛИ, ф. 2647, оп. 1, № 45; Шкловский В. Б. Капитанская дочка: Комментированный сценарий. [М.], 1929; ср. также в изд.: Бюллетень ГАХН. 1927—1928. № 10. С. 60—61 — информация о докладе Шкловского «Сценарий “Капитанская дочка” и методы кинематографической интерпретации исторического материала» в ГАХН 29 декабря 1927 года) — в подавляющем числе случаев такая культмассовая работа (особенно мотивированная руководством кружка) фиксируется в протоколе или специально оговаривается в сопроводительных документах к занятиям. Однако в этом случае мы такой информацией не располагаем, но в то же время подчеркиваем важность этой контекстуальной подробности для понимания общего контекста приведенного обсуждения.

⁹ А. П. Чехов неоднократно описывал свой драматургический принцип, прибегая к метафоре с висаящим на стене ружьем; ср., например, в письме к А. С. Лазареву (Грузинскому) от 1 ноября 1889 года: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него. Нельзя обещать» (Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 273; письмо к А. С. Лазареву (Грузинскому) от 1 ноября 1889 г.; см. также: Там же. С. 464).

¹⁰ Имеется в виду отрывок «Чуден Днепр при тихой погоде...» из повести «Страшная месть», входящей во вторую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1832) — см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2003. Т. 1. С. 205—207.

¹¹ Каравеева А. А. Золотой ключ: Повесть. М.; Л., 1927.

¹² Чапыгин А. П. Разин Степан: Исторический роман: В 3 т. М., 1927.

¹³ Малашкин С. И. Две войны и два мира: Роман. М., 1927. Кн. 1.

¹⁴ Имеется в виду следующее утверждение Ф. М. Достоевского из так называемой «Пушкинской речи», произнесенной 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности: «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 145—146). В «Объяснительном слове» к речи Достоевский писал: «Третий пункт, который я хотел отметить в значении Пушкина, есть та особая характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения — способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, и перевоплощения почти совершенного. Я сказал в моей речи, что в Европе были величайшие художественные мировые гении: Шекспир, Сервантес, Шиллеры, но что ни у кого из них не видим этой способности, а видим ее только у Пушкина. Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения. Эту способность, понятно, я не мог не отметить в оценке Пушкина, именно как характернейшую особенность его гения, принадлежащую из всех всемирных художников ему только одному, чем и отличается он от них от всех» (Там же. С. 130).

V. ХРОНИКА

ОНЛАЙН-СЕМИНАР «ПУШКИН И ЕГО ЭПОХА»

В 2021 году Отделом пушкиноведения ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и Пушкинской комиссией РАН был организован онлайн-семинар «Пушкин и его эпоха» (руководитель — О. С. Муравьева, секретарь — П. В. Бояркина). За 2021—2025 годы состоялось 36 заседаний, посвященных самым разным вопросам, связанным с творчеством Пушкина и его современников, а также ряду сюжетов литературной жизни первой половины XIX века. Лекции, в которых высокий научный уровень сочетается с увлекательной манерой изложения, интересны как профессиональной, так и более широкой аудитории. В семинаре принимают участие исследователи из разных городов, слушатели знакомятся с докладами и обсуждениями в прямом эфире или в записи в группе Пушкинского Дома «ВКонтакте»: <https://vk.com/pushkinskijdom>. Каждое заседание смотрят в среднем 500 человек. Анонсы мероприятий размещаются на официальном сайте семинара: <http://pushkinlectures.tilda.ws>.

Семинар открылся в 2021 году двумя лекциями, посвященными фундаментальным проблемам пушкиноведения.

Алексей Юрьевич Балакин (С.-Петербург) в своем сообщении, названном «Как издавали и как издают Пушкина» (28 апреля), показал, как в разные эпохи издавали сочинения Пушкина и как со временем менялось представление об этой работе. Современному читателю произведения Пушкина предлагаются в готовом виде: разложенные по полочкам и красиво упакованные в разноцветные обложки. Состав и тексты его собраний сочинений кажутся стабильными и определенными раз и навсегда. Между тем каждое новое поколение текстологов-пушкинистов проводит ревизию решений своих предшественников, и результаты этой работы отражаются в новых изданиях, которые иногда полны новаций и резко полемичны по отношению к предшественникам. А. Ю. Балакин убедитель-

но продемонстрировал необходимость таких новаций на конкретных примерах.

Сегодня в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), признанного «особо ценным объектом культурного наследия» России, находятся личная библиотека Пушкина и практически все — за редкими исключениями — подлинные рукописи поэта.

Татьяна Ивановна Краснобородько (С.-Петербург) в лекции «“Сии листы всю жизнь мою хранят...”»: Пушкинские рукописи в Пушкинском Доме» (19 мая) рассказала о рукописном наследии Пушкина, об истории его собирания, научного описания, а также об уникальных факсимильных изданиях пушкинских рукописей.

Ольга Сергеевна Муравьева (С.-Петербург) посвятила свою лекцию проблеме литературных салонов, назвав ее «Расцвет и распад литературных салонов Золотого века» (17 июня).

Литературный салон — яркое культурное явление эпохи Золотого века. Салон был формой самоорганизации дворянской культурной элиты, позволявшей объединить ее высокие интеллектуальные запросы с культом «элегантной жизни». Рассказ о знаменитых салонах Москвы и Санкт-Петербурга (Волконской, Голицыной, Карамзиной, Смирновой-Россет, Хитрово-Фикельмон и др.) позволил слушателям представить себе не только художественные и литературные интересы людей того времени, но и их поведенческие, бытовые традиции и привычки. Русские салоны невольно оказались втянутыми в литературно-общественную борьбу и уже в 1850-х годах вынужденно отступили в область приватного, семейного быта. Судьба салона прослеживалась как в личных столкновениях и конфликтах, так и в общих закономерностях российской действительности.

Лекция Ольги Борисовны Лебедевой (Томск) «Театральность в романе “Евгений Онегин”» (21 сентября) была посвящена трем аспектам театральной поэтики романа. Театральные впечатления Пушкина, его размышления о судьбах русского театра, создание его драматических произведений сопутствовали работе поэта над романом «Евгений Онегин». Комплекс писавшихся параллельно роману драматургических и драматизированных замыслов и произведений тесно корреспондирует с мотивом театра, который в «Евгении Онегине» становится всепроникающим, поскольку он представлен на трех уровнях поэтики: как сюжетный мотив (театральные эпизоды романа), как модель бытового поведения персонажей (характерологический аспект) и как эстетическая категория повествования (драматургичность структуры романа и некоторых его эпизодов).

В лекции Натальи Ивановны Михайловой (Москва) «Пушкин: Реминисценции и прототипы, пространство и время» (21 октября) было рассказано о некоторых чертах пушкинской поэтики.

В известных текстах Пушкина — стихотворении «Заклинание», «маленькой трагедии» «Каменный гость», повестях «Капитанская дочка» и «Пиковая дама» — выявляются неожиданные связи и переключки с другими литературными явлениями и историческими персонажами. Например, в «Заклинании» обнаруживаются цитаты и реминисценции из стихотворений Карамзина и Державина. Некоторые типические черты князя Н. Б. Юсупова находят отражение в образе пушкинского Дон Гуана. Судьба и черты характера И. И. Дмитриева сопоставляются с историей и характером Петруши Гринева. Анализ «Пиковой дамы», проделанный Н. И. Михайловой, продемонстрировал литературные приемы, с помощью которых в повести создается иллюзия движения в пространстве и времени.

Сергей Александрович Фомичев (С.-Петербург) посвятил свое выступление «Владимир Иванович Даль — писатель, врач, фольклорист» (29 ноября) рассказу о жизни и творчестве этого деятеля русской культуры.

Юбилей В. И. Даля стал хорошим поводом вспомнить об удивительном человеке, в высшей степени достойном нашей благодарной памяти. Жизненный путь Даля необычен и богат событиями. Дарования и увлечения Даля были разнообразны, но во всем ему сопутствовал успех. Особое внимание было уделено в лекции его писательской деятельности, сегодня почти забытой, но имевшей большое историко-литературное значение.

Екатерина Евгеньевна Дмитриева (Москва) выступила с лекцией «Пушкин, европейский романтизм и русский Байрон» (24 декабря).

Творчество Пушкина было рассмотрено здесь в широком литературном контексте. Увлечение Байроном в пушкинскую эпоху было повальным, и даже его суровые критики видели в юной тогда еще русской словесности влияние — во благо или во зло — британского гения (вариант: британского демона). И все же как в сознании людей пушкинской эпохи, так и в нашем современном сознании вхождение Байрона в русскую литературу связывалось и связывается именно с Пушкиным — с его южными поэмами («Цыганы», «Бахчисарайский фонтан») и «Евгением Онегиным». Причем если первые стали «проводниками» в русскую литературу восточных поэм Байрона, то «Евгений Онегин» надолго закрепил славу истинно романтического героя за Чайльд-Гарольдом, русским «аналогом» которого всем казался Евгений Онегин.

Этой лекцией завершился первый год пушкинского семинара.

Следующий, 2022 год открывался двумя лекциями Марии Наумовны Виролайнен (С.-Петербург) — «Золотой век как литературный феномен» (17 февраля и 29 марта)

В лекциях шла речь о том, что традиционное представление о литературных направлениях не годится для понимания творчества ведущих авторов Золотого века. В это время классицизм, сентиментализм и романтизм активно взаимодействуют на литературной арене, но творчество Пушкина и писателей его окружения не укладывается в рамки ни одного из этих направлений (и тем более не соответствует параметрам реализма). Уникальные черты эстетики и поэтики ведущей литературной школы эпохи все еще недостаточно ясно поняты и описаны. М. Н. Виролайнен предложила новый подход к изучению этих явлений.

Александр Владимирович Дубровский (С.-Петербург) выступил с лекцией «Мнимый Пушкин, или Стихотворная псевдопушкиниана» (21 апреля).

Феноменальный интерес к личности первого поэта России стал причиной появления громадного количества псевдопушкинских текстов. Это собрание, получившее название «Мнимый Пушкин», составляет более трехсот произведений. В лекции рассказывалось, когда и при каких обстоятельствах появился на свет литературный двойник Пушкина; чьи стихи под именем Пушкина напечатаны в журналах, сборниках и альманахах 1820—1830-х годов; какую роль в создании псевдопушкинианы сыграл Жуковский. Наконец, выступающий поставил вопрос: как же отличить «мнимого Пушкина» от подлинного? Имея в виду большое количество псевдопушкинских текстов, наводнивших сегодня интернет, этот вопрос приобретает несомненную актуальность.

В лекции Нины Львовны Дмитриевой (С.-Петербург) «Из наблюдений над культурой двуязычия пушкинской эпохи: Казусы и закономерности» (19 мая) рассматривались вопросы, необычайно важные для понимания культурной жизни пушкинской эпохи.

Сфера внутренней, интимной и духовной жизни русского дворянского общества XVIII — первой трети XIX века широко использовала «западнические» формы выражения. Прежде всего, речь идет о французском языке: на французском вели дневники, писали мемуары, письма, заметки для себя. Французский язык использовали и на государственной службе, и при общении в свете. В пушкинскую эпоху он присутствует фактически во всех сферах жизни образованных кругов общества. Однако картина неоднозначна: французский не господствует безраздельно, русский язык не исчез

и не пропал, языки сосуществуют, взаимодействуют и соперничают — рукописи и письма, дошедшие до нас, представляют весьма разнообразный материал, свидетельствующий как об особенностях общей билингвистической ситуации, так и об индивидуальных возможностях и предпочтениях участников двуязычного культурного контекста.

Сергей Александрович Фомичев (С.-Петербург) в лекции «Проза Пушкина в журнале “Современник”» (4 июля) предложил новый подход к изучению прозаических произведений Пушкина.

Было показано, что Пушкин, выступая и как автор, и как редактор, помещал свои произведения в контекст содержания очередного номера журнала. При этом публицистические, на первый взгляд, сочинения Пушкина являются, по мысли С. А. Фомичева, прозаическими произведениями со своей поэтикой и художественной идеей.

Ольга Сергеевна Муравьева (С.-Петербург) в лекции «Читательская аудитория России первой половины XIX века» (27 сентября) обратилась к теме, обычно ускользающей от внимания исследователей.

Изучение российской читательской аудитории во всех посвященных этой теме исследованиях начинается со второй половины XIX столетия. Действительно, сведения о читателях первой половины века крайне скудны и разрозненны, социологических исследований в те годы не проводилось. Отчасти восполнить этот пробел может обращение к мемуарной литературе. На материале многочисленных воспоминаний современников, обнаруженных в журналах «Русский архив», «Русская старина» и других источниках, О. С. Муравьева попыталась воссоздать портреты читателей 1800—1840-х годов и дать общее представление о читающей публике того времени.

Ольга Борисовна Лебедева (Томск) поставила в своей лекции «Гоголь, Пушкин, Грибоедов: Интертекст комедии “Ревизор”» (18 октября) проблему укорененности комедии Гоголя в национальной литературной традиции.

Предметом исследования стали грибоедовские реминисценции в тексте «Ревизора» и изучение пушкинского влияния, проявившегося на всех стадиях работы Гоголя над комедией — от письма к Пушкину с просьбой о сюжете для комедии до пушкинской темы в ее тексте и «Приложениях». Анализируются также пушкинские мотивы в публицистических текстах Гоголя, близко соседствующих с периодом работы над «Ревизором» и «Приложениями»: «Несколько слов о Пушкине» из сборника «Арабески» и «В чем же, наконец,

существо русской поэзии и в чем ее особенность» из «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Лекция Сергея Викторовича Денисенко (С.-Петербург) «Рисунки Пушкина: Сюжеты и легенды» (29 ноября) была посвящена рисункам поэта, до сих пор остающихся для читателя во многом загадочными и таинственными. В ней были предложены ответы на целый ряд вопросов. Почему и зачем Пушкин рисовал в своих рукописях? Как можно интерпретировать эти рисунки? Нужно ли их интерпретировать? Почему рисунки Пушкина пользуются такой популярностью? С. В. Денисенко сам является хорошим художником, поэтому его анализ рисунков Пушкина был особенно интересен.

Последней лекцией второго года существования семинара стало выступление Натальи Ивановны Михайловой (Москва) «Евгений Онегин» в контексте словесной культуры пушкинского времени» (20 декабря).

В лекции было рассмотрено отражение в романе Пушкина ораторской, альбомной и эпистолярной культуры эпохи. Специальное внимание уделено жанрам проповеди и надгробного слова. Были показаны конкретные проявления в тексте «Евгения Онегина» жанров, тематики, мотивов и образов, характерных для рукописных альбомов. К изучению романа Н. И. Михайлова привлекла также «Письмовники» пушкинской эпохи.

Следующий, 2023 год начался с лекции Ольги Борисовны Лебедевой (Томск) «Грибоедовские мотивы в комедии Гоголя “Ревизор”» (2 февраля).

Лекция была посвящена исследованию грибоедовских реминисценций в комедии Гоголя. Слово как таковое вообще имеет в гоголевской комедии особый насыщенный смысл, поскольку весь ее сюжет и действие вытекают именно из слова — «ревизор». Поэтому реминисцентная насыщенность комедийного слова Гоголя очень важна для осознания плотной включенности новаторской комедии Гоголя в национальную драматургическую традицию. Предметом предыдущей лекции О. Б. Лебедевой о «Ревизоре» были пушкинские реминисценции, этой — грибоедовские. Грибоедовские мотивы рассмотрены на трех уровнях: это «экспозиция аборигенов», коллективный образ единой среды; «заезжий гость», перед которым эта экспозиция выстраивается, и единство вышеназванных аспектов, образующее конструктивный уровень текста, на котором функционально уже не столько само по себе слово, сколько обозначенный им эстетический принцип и связанная с ним жанровая ассоциация.

Следующая лекция — «Наследие Пушкина — основа понимания творчества Константином и Иваном Аксаковыми» (28 февраля) Сергея Николаевича Семенова (Уфа) была не вполне традиционной для семинара. С. Н. Семенов — не филолог, а философ, поэтому в его исследовании был предложен специфический подход к историко-литературному материалу.

В культурной и общественной жизни России XIX века большую роль играла семья Аксаковых, в особенности известные «славянофилы» Константин и Иван Аксаковы — младшие современники Пушкина. Большой интерес представляет их понимание литературного творчества, о котором размышлял и сам Пушкин. Обращение к его поэзии, явное или неявное, всегда присутствует в рассуждениях Аксаковых. С точки зрения С. Н. Семенова, выдвинутые Константином Аксаковым концепции «акта творчества» и «эпического созерцания» важны и для современных концепций творческого мышления и компьютерного моделирования общественных процессов.

Сергей Александрович Фомичев (С.-Петербург) сформулировал интересующий его вопрос в самом названии лекции: «Почему Пушкин не опубликовал болдинский драматический цикл?» (28 марта).

Единственным, но несомненным свидетельством намерения Пушкина издать четыре драмы, составившие так называемый болдинский драматический цикл как единое целое, является автограф ПД 1621. В лекции речь шла о причинах, по которым поэт отказался от этого намерения. «Опыт драматических изучений» был рассмотрен как феномен творческой лаборатории Пушкина.

Лекция Ольги Сергеевны Муравьевой (С.-Петербург) «Слава и драма Нестора Кукольника» (10 мая) была посвящена ныне забытому, а когда-то знаменитому литератору. Нестор Кукольник остался в истории как вполне одиозная фигура: посредственный писатель, глашатай самых консервативных и охранительных идей. Между тем личность и писательская судьба Кукольника не столь однозначны и в любом случае заслуживают историко-литературного анализа. В лекции были рассмотрены замыслы Кукольника и их часто неадекватное воплощение, истоки его прижизненной популярности и скорого забвения.

Нина Викторовна Цветкова (Псков) назвала свою лекцию «Шевырев: С Пушкиным по жизни» (20 июня).

Для С. П. Шевырева, консервативного мыслителя, философа, филолога, критика, журналиста, личность и творчество Пушкина оставались на протяжении всей жизни притягательными и имеющи-

ми глубокое значение для познания и объяснения русского человека и русской литературы и культуры. В 1830-е годы Шевырев каждое явление в литературе осмысляет в сравнении с Пушкиным, а после его смерти размышляет об особенностях его личности, говорит о пушкинском творчестве как основе всей будущей русской литературы, развивая и повторяя эту мысль в 1840-е годы. К началу сороковых Шевырев предвосхитил многие выводы о Пушкине Ап. Григорьева, Достоевского, Страхова. В 1850—1860-е годы он включает Пушкина в историю русской литературы, лекции о которой в последний раз читает в 1862 году в Париже.

Виталий Сергеевич Киселев (Томск), много лет занимающийся изучением творчества Жуковского, в своей лекции: «В. А. Жуковский в институциональной истории русской литературы пушкинской эпохи» (27 сентября) впервые предпринял попытку создания целостного представления об институционально значимой деятельности Жуковского. В первую очередь речь шла о ее роли в функционировании системы дружеских литературных обществ 1800—1840-х годов, а также взаимодействий с профессиональной литературной средой и институтами патронажа (придворным кругом).

В лекции Сергея Александровича Фомичева (С.-Петербург) «Сказка Петра Ершова “Конек-Горбунок”: Предпосылки блестящего литературного дебюта» (26 октября) рассматривался контекст, определивший литературный успех ершовского «Конька-Горбунка». По мысли исследователя, контекст этот должен учитывать народную основу сюжета (Ершову повезло встретить талантливого сказителя из породы скоморохов), влияние наставника (П. А. Плетнева) и, безусловно, плодотворно разработанную традицию русской литературной сказки.

Лекция Натальи Ивановны Михайловой (Москва) «Парнасский мой отец» (28 декабря) посвящалась Василию Львовичу Пушкину, известному в начале XIX века стихотворцу, дяде Александра Пушкина, его первому наставнику в поэзии. Речь шла о личности В. Л. Пушкина, его месте в литературной и культурной жизни своего времени. Творчество В. Л. Пушкина было представлено на материале единственного прижизненного сборника его стихотворений. Специальное внимание Н. И. Михайлова уделила его поэме «Опасный сосед», появление которой в 1811 году стало сенсацией. В лекции были также освещены некоторые страницы биографии и творческих связей дяди и племянника.

Илона Витаутасовна Мотеюнайте (Псков) посвятила свою лекцию «С. Н. Дурылин — исследователь Пушкина» (20 декабря)

интересному пушкинисту, к которому не часто обращаются современные исследователи.

В лекции был сделан обзор работ С. Н. Дурьлина (1886—1954), посвященных творчеству Пушкина. При этом обращалось внимание на исторический контекст их создания (главные работы были написаны в 1937 и 1951 годах), ракурсы исследовательского внимания. Особое внимание уделялось свойственному Дурьлину противопоставлению Пушкина Лермонтову, в чем, по мнению И. В. Мотеюнайте, проявляется его приверженность культурной традиции начала XX века, сформировавшей исследователя. Кроме того, был проанализирован остроумный водевиль Дурьлина «Пушкин в Арзамасе» (1928), к сожалению не увидевший сцены.

2024 год открылся лекцией Марии Наумовны Виролайнен (С.-Петербург) «Русский романтизм как проблема» (27 февраля).

Пушкинскую эпоху традиционно принято было считать временем перехода от классицизма и сентиментализма через романтизм к реализму. М. Н. Виролайнен задалась вопросом, так ли это на самом деле. Иначе говоря, существовал ли русский романтизм как автономное, полнокровное и самостоятельное направление? В этой связи важно, что называли романтизмом современники Пушкина. В лекции были предложены нетривиальные решения этих проблем.

Лекция Ольги Борисовны Лебедевой (Томск) «Неаполитанский миф А. С. Пушкина. (Меридиональная панорамная лирика 1820-х годов)» (20 марта) явилась опытом реконструкции одного из вариантов неаполитанского мифа Пушкина и попыткой описания имплицитного неаполитанского текста его меридиональной лирики на основании сквозных лексических мотивов и типологии пейзажа в стихотворениях, посвященных Крыму. Для выявления потенциально неаполитанских мотивов меридиональной лирики Пушкина были привлечены материалы русской периодики 1810—1830-х годов и русско-неаполитанские травелоги (Ф. П. Лубяновский, А. А. Шаховской, В. Б. Броневский, Н. В. Всеволожский, М. П. Погодин, Н. И. Греч и др.), а также эпистолярные свидетельства о Неполе русских писателей 1820-х годов.

Сергей Александрович Фомичев (С.-Петербург) назвал свою лекцию ««Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»: Композиция пьесы и система действующих лиц» (16 апреля). Само это название содержит краткий план выступления.

Исследователь исходил из тезиса, что фактически главным персонажем трагедии «Борис Годунов» выступает народ, суд и сила которого признается обоими враждующими станами. Действие в трагедии Пушкина неуклонно движется к сокрушению несправедливой

власти, основанной на крови ребенка. В финале произведения, однако, нет торжества справедливости. Вину в трагедии несут не только Борис и Гришка Отрепьев, но и их подлинный антагонист — народ. «Народ безмолвствует» — эта ремарка, появившаяся в окончательной редакции, в соответствии со всем смыслом пушкинской пьесы означает не только молчаливое осуждение несправедливой новой власти, не только предвестие падения Лжедмитрия, но и ужасную немоту собственной вины, когда грех уже осознан, а покаяние еще не наступило.

Татьяна Александровна Китанина (С.-Петербург) посвятила свое выступление, названное: «Николай Филиппович Павлов — литератор и литературный герой» (21 мая), интересному персонажу литературной жизни первой половины XIX века. В лекции речь шла о необычной для своего времени судьбе Николая Филипповича Павлова (1803—1864) и его литературной репутации. Было продемонстрировано, что биография Павлова своеобразно отразилась как на самом творчестве писателя, так и на восприятии современниками его литературных произведений.

Лекция «Пушкинская записка “О народном воспитании” и другие проекты о воспитании 1826 года» (4 апреля) Нины Викторовны Цветковой (Псков) была посвящена педагогическим и идеологическим проблемам.

«Записка» Пушкина была рассмотрена в лекции в соотношении с другими документами этого времени: «О цензуре в России и о книгопечатании вообще» (1826) и «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оногo» (1827) Ф. В. Булгарина, «Разные проекты» (1826) генерал-лейтенанта графа И. О. Витта, участника Наполеоновских войн (1807—1814) и Польской кампании (1831). В таком контексте в «Записке» Пушкина выявляются смыслы, выходящие за пределы своего времени.

Ирина Эдуардовна Васильева (С.-Петербург) в лекции «К истории формирования новогреческой пушкинианы» (24 сентября) рассказала о малоизвестных моментах восприятия Пушкина за рубежом.

В лекции рассматривалась специфика новогреческой пушкинианы, описывалась история ее формирования и основные труды по ее изучению. И. Э. Васильева охарактеризовала своеобразие грекорусских отношений второй половины и особенно последней трети XIX — начала XX века. Именно в этот период определился интерес к творчеству Пушкина со стороны греческой диаспоры юга России. В лекции были систематизированы сведения о первых грекоязычных материалах, посвященных биографии поэта, и ранним перево-

дам его произведений на греческий язык. Приведенный И. Э. Васильевой историко-культурный комментарий позволил охарактеризовать данные материалы и переводы. В итоге своеобразие «греческого Пушкина» было раскрыто в лекции как стремление тем или иным образом соединить «русского Пушкина» с греческой «великой идеей».

Несколько неожиданно в рамках семинара прозвучала лекция доктора физ.-мат. наук Владимира Дмитриевича Шильцева (США) «О новом подходе: составной синтезированный перевод “Евгения Онегина”» (23 октября).¹

История переводов «Евгения Онегина» на английский язык насчитывает 36 попыток передать богатство языка и поэтическое величие этого литературного шедевра. Однако ни один из переводов не передает читателю ничего, кроме основного сюжета и бледного отражения стиля Пушкина. В. Д. Шильцев представил новый подход — «синтезированный», или «отредактированный составной», перевод, основанный на тщательном отборе и комбинировании индивидуальных строк, слов и рифм из нескольких наиболее удачных существующих английских переводов, с внесением дополнительных корректировок.

Наталья Ивановна Михайлова (Москва) назвала свою лекцию «По страницам биографии И. П. Белкина» (20 декабря).

Н. И. Михайлова попыталась реконструировать «биографию» Белкина — вымышленного автора пушкинских «Повестей Белкина». Обширный историко-бытовой комментарий помог исследовательнице представить себе отдельные страницы жизни литературного персонажа. Реконструкция имела, разумеется, гипотетический характер, но содержала массу сведений о жизни людей того времени, подобных пушкинскому Белкину.

Заключительной в 2024 году стала лекция Илоны Витаутасовны Мотеюнайте (Псков) «Пушкин через десять поколений» (24 декабря), где был предложен социологический аспект изучения творчества Пушкина.

Лекция была посвящена восприятию Пушкина сегодня — в связи с проблемой панмедиатизации культуры. Материалом исследования стали: онлайн-опрос студентов, киноверсии биографии поэта, результаты русско-белорусской пушкинской олимпиады, а также материалы конференции «Пушкин в культуре: к 225-летию со

¹ На основе этой лекции была подготовлена публикация: Шильцев В. Д. Новый подход к переводу «Евгения Онегина» на английский язык: Составной синтезированный перевод // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2025. Вып. 39. С. 295—300.

дня рождения» (Псков, 10—12 октября). И. В. Мотеюнайте отметила очевидные противоречия между научным пониманием Пушкина и его интерпретациями в массовой культуре.

Следующий, 2025 год открылся лекцией Ольги Борисовны Лебедевой (Томск): «“Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре?”» (11 февраля).

Лекция представляла собой реконструкцию обширного контекста стихотворения Жуковского «Лалла Рук». По мысли исследовательницы, в напряженной духовной деятельности поэта в период первого заграничного путешествия 1820—1822 годов можно выделить своеобразный фокус восприятия жизненных впечатлений. За каждым отдельным днем-мгновением и за каждым отдельным стихотворением — фрагментом поэтической книги Жуковского открывается единый эмоционально-эстетический и биографический субстрат — универсум всей его жизни и всей поэзии: сама душа поэта-романтика в ее неисповедимых движениях. Этот момент «откровения» и «видения», как называл его сам поэт, — знаменитый и неоднократно описанный великолепный берлинский придворный праздник в честь русской великокняжеской четы на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук»: он-то и послужил стимулом прилива поэтического вдохновения, плодами которого стали все эстетические тексты 1821 года, среди которых первое место принадлежит стихотворению «Лалла Рук».

Лекция Сергея Александровича Фомичева (С.-Петербург) «“Через Пушкина умнеет все, что может поумнеть”» (11 марта), как и недавняя лекция И. В. Мотеюнайте, была связана с социологическими проблемами.

В лекции были проанализированы юбилейные пушкинские торжества в контексте актуальных политических проблем. Рассмотрены современные каналы информации о Пушкине: издательский, педагогический, музейный. Речь шла также об интерпретации личности и творчества Пушкина в других видах искусств: живописи, театре, кинематографе.

Виталий Сергеевич Киселев (Томск) в лекции «“Чудо, сотворенное тобою, удивительнее чуда Орфея”»: Репутация В. А. Жуковского в контексте формирования литературного пантеона предпушкинской эпохи (1800—1810-е годы)» (29 апреля) продолжил темы, начатые в его предыдущей лекции.

Предметом этой лекции стал ключевой период в складывании литературной репутации В. А. Жуковского — 1800—1810-е годы. Выделены произведения, успех которых обеспечил выдвижение поэта на первое место в отечественной словесности, определены

стратегии авторского поведения и взаимодействия с институтами дружеских обществ (круг Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, младокарамзинисты, «Арзамас» и др.), профессиональной литературы (книгоиздатели, журналистика) и системой протектирования (придворный круг). Особое внимание уделено отзывам родных и друзей, «цеховым» мнениям неоднородной литературной среды, читательским рецепциям, газетным и журнальным откликам на события писательской карьеры В. А. Жуковского. Это позволило полнее понять процессы складывания литературных репутаций и формирования литературного пантеона предпушкинской эпохи.

Лекция Вениамина Тимофеевича Золотухина (С.-Петербург) «Поздняя лирика Е. А. Баратынского: Жанровый аспект» (10 июня) была посвящена поэтике жанров в лирике Баратынского. Согласно традиционному мнению, в зрелые годы поэт отказывается от отчетливой дифференциации лирических форм. Однако эта точка зрения неоднократно ставилась под сомнение. Лектор привел наиболее интересные высказывания, в которых сформулирована альтернативная позиция, и предложил слушателям свой жанровый анализ поздних текстов поэта.

Нина Викторовна Цветкова (Псков) снова обратилась к теме, затронутой в ее первой лекции. На этот раз лекция «Пушкинская записка “О народном воспитании” и другие проекты о воспитании 1826 года» (24 июля) была посвящена отношению Пушкина к Карамзину и влиянию на него идей историографа, как оно проявилось в трагедии «Борис Годунов» и в записке «О народном воспитании». Показано, что для Пушкина большое значение имеют философские аспекты «Истории государства Российского», в которой господствует «моральный закон, непреложный для власти» (Ю. М. Лотман) и для всего народа. Карамзин впервые в России писал о значении вопросов духовного и нравственного развития человека, должных стать основой русского просвещения. По мысли лектора, эта концепция сближает позиции Пушкина и Карамзина.

Анна Александровна Полякова (С.-Петербург) совмещает работу в Пушкинском Доме с преподаванием литературы в лицее. В своей лекции «Как говорить со школьниками о Пушкине: Опыт одного учителя» (17 сентября) она поделилась собственным опытом работы в 8—9 классах средней школы — той аудитории, где одно только имя Пушкина по разным причинам зачастую вызывает скорее раздражение и скуку, — и рассказала, возможно ли пробудить у четырнадцатилетних подростков искренний интерес к произведениям, которые при первом прочтении кажутся им непонятными и не имеющими к ним никакого отношения.

Итак, за три года работы семинара наши слушатели имели возможность познакомиться со многими исследователями, предлагавшими в своих лекциях разные подходы к изучению творчества Пушкина и его эпохи. Мы очень дорожим постоянными участниками семинара и в то же время всегда рады предоставить слово новым лекторам. Надеемся на продолжение сотрудничества с филологами разных городов и стран, объединенных интересом к Золотому веку русской культуры, тесно связанному с именем Пушкина.

О. С. Муравьева

СЛОВАРЬ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ПУШКИНА

В изучении пушкинской лексикографии отечественная наука сделала многое, а вершиной ее достижений остается четырехтомный «Словарь языка Пушкина», вышедший в 1956—1961 годах (далее — СЯП). В работе над ним принимали участие такие авторитетные пушкинисты, как С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Б. В. Томашевский. В 1982 году вышли «Новые материалы к словарю А. С. Пушкина» (около 1000 лексем), где была учтена лексика вариантов и других редакций произведений Пушкина, а в 2000 году словарь был переиздан вместе с «Дополнениями» к нему, то есть «Новыми материалами...», и теперь мы знаем, что лексическое богатство Пушкина составляет примерно 22 000 слов.

Но каких слов? Откроем последнее письмо Пушкина к Чаадаеву, от 19 октября 1836 года: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» (XVI, 393).

И чуть ниже: «...наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко» (XVI, 393).

Но ведь этих слов, хорошо известных большинству любителей и знатоков Пушкина, Александр Сергеевич не писал! А не писал потому, что с Чаадаевым (и не с ним одним, конечно) общался преимущественно по-французски. Между тем в «Словаре языка Пушкина» — заметьте: в заглавии не сказано «...русского языка Пушкина» — лексика оригинального текста этих по-своему классических строк отсутствует. Иначе говоря, значительный пласт пушкинских текстов для отечественной писательской, или, как чаще говорят, авторской лексикографии просто не существует, и величайший ее памятник, СЯП, тому подтверждение.

Здесь, конечно, мы выходим на интереснейшую тему: французский и русский языки в России XIX века и, конкретнее, соотноше-

ние этих языков в сознании и творчестве Пушкина. В глубочайшей «русскости» Пушкина сомневаться невозможно, но ведь не зря Томашевский назвал французский «вторым родным языком» Пушкина,¹ *вторым*, конечно, но — *родным*.

Между тем для изучения того уникального синтеза двух языковых стихий, который явил собой величайший русский гений и при этом величайший «француз» русской литературы, абсолютно необходим надежный лексикографический фундамент — а он до сих пор отсутствует.

Для заполнения этой очевидной лакуны мы и решили составить Словарь французского языка Пушкина, включив в него всю лексику французских текстов Александра Сергеевича, иначе говоря, представив *все* случаи употребления *каждого* слова, притом в виде *прямых цитат*, а не простых ссылок. Понятное и неизбежное, как нам кажется, отступление от принципа абсолютной полноты — это артикли, некоторые местоимения и союзы. Работа давно вышла из стадии планов, и общий ее объем уже превысил 265 авторских листов. Всего же у Пушкина набралось примерно 3800 французских слов (число их может увеличиться, максимум на несколько десятков).

В структуре словарной статьи мы, разумеется, ориентируемся на СЯП, но с учетом специфики нашего словаря как двуязычного, переводного. В отношении орфографии мы следуем принципу, заявленному редакцией «большого» академического Полного собрания сочинений, — «иноязычные тексты Пушкина воспроизводятся в современной орфографии» (I, xiii), — но в отдельных (редчайших) случаях не осуществленному. Это касается прежде всего диакритического знака *tréma* (две точки над гласной). Например:

Je suis dans la meilleure position possible pour achever mon roman poétique, mais l'ennui est une froide Muse — et mon **poème** n'avance guère Я нахожусь в наилучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах, но скука — холодная муза, и поэма моя не двигается вперед (XIII, 114; 107.28²)

(les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pourquoi il est si facile [au **poète**] de les [créer] peindre) у женщин нет характера, у них бывают страсти в молодости, вот почему [поэту] так легко [воссоздавать] изображать их (XIII, 197; 193a.2)

¹ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 62.

² Как и в «Словаре языка Пушкина», арабские цифры указывают на порядковый номер и строку письма.

tous les recueils de **poésies** nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature française все сборники новых стихов, именуемых романтическими, — позор для французской литературы (XIII, 102; 91.15)

В «большом» академическом издании — везде 'ë'.

Впрочем, оговоренный редакцией этого издания отход от принципа полной модернизации — «в отступление от общепринятых орфографических норм сохранены некоторые особенности, отражающие живой язык Пушкина, с точки зрения его произношения, грамматической и лексической системы» (I, xi; здесь речь идет о русских текстах) — мы сочли возможным применить и к текстам французским, например, здесь:

Sous le nom d'**Ukraine** ou de *Petite Russie* l'on entend une grande étendue de terrain réunie au colosse de la Russie et qui comprend les gouvernements de Tchernigov, Kioy, Harkov, Poltava et Kamenez-Podolsk. Под именем Украины или *Малороссии* разумеют большую территорию, соединенную с колоссом России, и заключающую в себе губернии Черниговскую, Киевскую, Харьковскую, Полтавскую и Подольскую (XII, 196).

Пушкинское **Ukraine** точно передает произношение [аи], в отличие от «правильного» **Ukraine**, без tréma, где читается [э].³

А теперь в качестве примера приведем в полном виде одну небольшую словарную статью:

bout *m* (7) 1) конец d'un bout à l'autre от одного конца до другого Un grand principe vient de surgir du sein des révolutions de 1830: le principe de la non-intervention qui remplacera celui de la légitimité, violé d'un bout de l'Europe à l'autre. Из недр революций 1830 г. возник великий принцип — принцип невмешательства, который заменит принцип легитимизма, нарушенный от одного конца Европы до другого (XIV, 150; 573.13) au bout de... Maria fut recueillie chez les H<arlins> pendant une année. Elle y mena une vie assez misérable. **Au bout de** ce temps A<nne> tomba malade. Марья находила приют у Гарлинов в течение года. Она вела

³ Подробнее о пушкинской французской орфографии см. небольшую, но чрезвычайно содержательную статью Томашевского «Французская орфография в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» в изд.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927. С. 362—372 (Труды Пушкинского Дома. Вып. 48).

там весьма убогую жизнь. В конце года Анна заболела (VIII, 943—944). **Au bout de 7 mois** Mickiewicz fut mis en liberté et envoyé dans les provinces russes В конце семи месяцев Мицкевич был освобожден и отправлен в русские области⁴ 2) кончик S. qui passait pour avoir des goûts anti-physiques l'a à passer un fil par le trou d'une aiguille en mouillant le **bout** — А. dit de lui qu'il excellait partout où il fallait de la patience et de la salive. С., который слыл за человека с противоестественными склонностями — просовывать нитку сквозь ушко иглки, смачивая кончик — А. говорит о нем, что он отличался всюду, где были нужны терпение и слюна (XIII, 77; 68.35) Je baise le **bout** de vos ailes, comme disait Voltaire à des gens qui ne vous valaient pas. Целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили (XIV, 116; 526.30) se trouver au bout de plume сорваться с пера Je voudrais bien savoir pourquoi M^r votre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de votre plume dans votre lettre à moi? Я очень хотел бы знать, почему ваш двоюродный братец уехал из Риги только 15-го числа сего месяца и почему имя его в письме ко мне трижды сорвалось у вас с пера? (XIII, 212; 207.19) 3) petit bout кусочек Je n'ai qu'une idée — celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait ce bon homme de poète, le **petit bout** de vie qui me reste... У меня лишь одно желание — снова вернуться к вашим ножкам и посвятить вам, как говаривал милейший поэт, тот кусочек жизни, который мне еще остается (XIII, 77; 68.12).

Каким же разным предстает перед нами Пушкин даже в этом, казалось бы, заведомо «скучном» лексикографическом измерении, на пространстве одной-единственной словарной статьи! Здесь он и политический мыслитель, по крайней мере — обозреватель (XIV, 150; 573.13), и дамский угодник (XIII, 77; 68.12), и очаровательный собеседник (XIII, 212; 207.19), порой неудобочитируемый (XIII, 77; 68.35), и нежный жених (XIV, 116; 526.30).

И еще одна статья, совсем маленькая:

résignation *f* безропотная покорность Nous n'avons pas de mot pour exprimer celui de **résignation**, quoique cet état d'âme, ou, si vous l'aimez mieux cette vertu, soit tout à fait russe. Le mot de *столбняк* est encore ce qui le reproduit avec le plus de fidélité. У нас нет слова для выражения понятия безропотной покорности, хотя

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1979. Т. 10. С. 496.

это душевное состояние, или, если вам больше нравится, эта добродетель чрезвычайно свойственна русским. Слово <столбняк>, пожалуй, передает его с наибольшей точностью (XIV, 225; 679.35).

Коснемся еще одной проблемы — русских переводов французских текстов Пушкина. Некоторые ставят вопрос о необходимости нового их перевода и даже предлагают собственные версии, порой просто обескураживающие. По нашему же твердому убеждению, перевод академического собрания сочинений выполнен мастерами своего дела и нуждается самое большее в «косметическом ремонте» — исправлении немногочисленных смысловых неточностей и стилистических шероховатостей. Пример подобной шероховатости возьмем из приведенной выше статьи:

Au bout de 7 mois Mickiewicz fut mis en liberté et envoyé dans les provinces russes В конце семи месяцев Мицкевич был освобожден и отправлен в русские области⁵

Здесь, конечно, «в конце» следует заменить на «через», «спустя» или, стилизуя канцелярский слог официальной записки, «по прошествии».

Пример неточности смысловой — ниже:

bourse f coupeur de bourse карманный воришка de Constantinople — <un t>as<?> de gueux [de courtiers, pires que des juifs de **coupeurs de bourse**] timides, voleurs et vagabonds из Константинополя — толпа трусливой сволочи [маклеров, худших чем евреи, биржевых мошенников [карманных воришек⁶]] воров и бродяг (XIII, 105; 95a.2)

Здесь — и это редчайший случай — перевод из первого тома писем под редакцией Б. Л. Модзалевского точнее версии академического издания: именно «карманные воришки» (букв.: «резатели кошельков»), и биржа здесь ни при чем.

Попутно отметим, что наш словарь может быть интересен не только литературоведам-пушкинистам, но и языковедам-«французам». Ведь, как бы странно это ни звучало, это самый большой по объему французско-русский словарь «в природе» — за счет установки на полноту примеров, а не по количеству словарных статей,

⁵ Там же.

⁶ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 324.

разумеется.⁷ Хотя, рискнем утверждать, подробностью разработки многих статей он эти словари превосходит.

В Приложение к словарю предполагается включить два указателя. Первый, вполне традиционный, — указатель вошедших в него слов. Второй, на наш взгляд, гораздо интереснее — указатель французских слов и выражений, использованных Пушкиным (или мелькнувших в черновиках, но оказавшихся ему ненужными) на пути к русскому тексту. В терминах Томашевского — от второго родного языка к первому. Соответственно судьбе этих слов он делится на две части:

1. Французское слово (выражение, «полуфраза») появляется оттого, что автору не сразу приходит на ум русский эквивалент — в окончательном же тексте (в широком смысле это может быть и «продвинутый» черновик), в той или иной форме «русифицировавшись», иногда с заметным сдвигом значения, оно исчезает;

2. Французское слово появляется по той же причине, но в окончательный текст не попадает: автор просто отказывается от выражаемой этим словом (оборотом) мысли, отчего и необходимость поиска русского эквивалента отпадает. Несколько примеров:

<Гости съезжались на дачу...>

VIII, 4.1 *Варианты черного автографа* — VIII, 539

Вы так откровенны и снисходительны, сказ<ал> Исп<анец>, что осмелюсь просить вас разрешить мне одну задачу — я скитался по всему свету, представлялся во всех Евр<опейских> дворах, то везде посещал высшее общество, но нигде не чувствовал себя* так связанным, так неловким, как в проклятом вашем Аристокр<атическом кругу>

* но нигде не чувствовал себя | а. *Начато*: но нигде не был б. но нигде не чувствовал **cette gêne** этого стеснения

VIII, 42. *Варианты черного автографа* — VIII, 542

Я скажу на пример, продолжал русск<кий> [с] видом самодовольного небрежения,* корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах Ист<ории> нашей.

* Я скажу на пример, продолжал русск<ий> [с] видом самодовольного небрежения | а. Я на пример не знаю моего б. Я на при-

⁷ В словаре Ганшиной 50 тысяч слов (см.: Ганшина К. А. Французско-русский словарь. М., 1936), а в словаре Гака и Ганшиной — 70 тысяч (см.: Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М., 1997).

мер не знаю начальника рода моего, в. На пример Предки мои сражались по<...> г. *Начато исправление:* На пример начальники д. Я на пример, продолжал русск<ий> с заметным удовольств<вием> е. Я на пример продолжал русск<ий> с видом **nonchalant** небрежным

<Роман в письмах>

VIII, 45. *Варианты чернового автографа* — VIII, 556

Когда являлись мы на бале, одетые одинаково, я досадовала не видя на ее шее жемчугов. Я чувствовала, что она не носила их для того только чтоб не отличаться от меня, и эта внимательность уж оскорбляла меня.*

* и эта внимательность уж оскорбляла меня | а. и это **attention** меня сердило б. и это меня сердило в. и это меня оскорбляло г. и уж это оскорбляло меня внимание

<Рославлев>

VIII, 157. *Варианты чернового автографа* — VIII, 739

Ты не знаешь? сказала мне Полина с видом вдохновенн<ым>.* — Твой брат... он счастлив, он не в плену — радуйся: он убит за спасение России.

* сказала мне Полина с видом вдохновенн<ым> | а. сказала мне Полина б. сказала мне Полина **exaltée** в. сказала мне вдохновенная Полина восторженная

<Дубровский>

VIII, 209. *Варианты автографа* — VII, 813

Они поехали по озеру, около островов — посещали некоторые из них — на одном находили мраморную статую, на другом уединенную пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марьи Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворенное учтивыми недомолвками* князя

* учтивыми недомолвками | учтивыми **réticences** умолчаниями

Таковы в общих чертах замысел нашего словаря, его структура и нынешнее состояние.

А. А. Васильев, О. В. Марченко

VI. IN MEMORIAM

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФОМИЧЕВ 14.06.1937 — 2.10.2025

Для пушкинистики нескольких десятилетий Сергей Александрович Фомичев был научным лидером, ярким, единодушно признанным не только потому, что он руководил Отделом пушкиноведения Института русской литературы. Вокруг него объединялись исследователи, работавшие в самых разных концах России и далеко за рубежом. Они съезжались на международные Пушкинские конференции, проводимые Фомичевым, всегда многочисленные по составу участников, которые здесь знакомились, обменивались планами и идеями, радовались встречам. Научная атмосфера конференций была праздничной и осталась в памяти всех, кто в нее погружался.

Не менее масштабной была деятельность Фомичева в самом Пушкинском Доме, где он прослужил почти шесть десятилетий. Задуманные и начатые им проекты определяют деятельность Отдела пушкиноведения и осуществляются до сих пор, а те, что уже реализованы, составляют ценнейшее наследие научной деятельности Института.

Благодаря его решимости было начато новое академическое Полное собрание сочинений Пушкина, работа над которым продолжается и будет продолжаться (из печати вышли четыре книги лирики, том драматургии и том прозы). На пользу изданию идет целый ряд проектов, инициированных Фомичевым. Один из них — научные описания рабочих тетрадей Пушкина, начало которым положили статьи В. Б. Сандомирской «Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838): (История заполнения)» (1982) и самого Сергея Александровича: «Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений)» (1983) и «Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832: (Из текстологических наблюдений)» (1986). В этих статьях рукописное наследие Пушкина рассматривалось под новым углом зрения. Рабочая тетрадь Пушкина впервые была представлена как уникальный предмет исследования, позволяющий совер-

шенно иначе увидеть развитие творческой мысли поэта. В процессе исследования реконструировалась история заполнения тетради, далеко не очевидная при обращении к отдельным автографам вошедших в нее произведений. Уточнялись их датировки, обнаруживались новые смысловые связи, восстанавливался ход творческого процесса. Аналитические описания рабочих тетрадей стали самостоятельным направлением деятельности пушкинистов ИРЛИ. В него внесли свой вклад Я. Л. Левкович, Р. В. Иезуитова, Н. Н. Петрунина, В. Д. Рак, С. В. Березкина. Этот материал неизбежно стал востребованным, когда началась работа над новым академическим собранием сочинений Пушкина. Полученные прежними исследователями выводы, конечно, корректировались, поскольку точкой отсчета для комментаторов снова стали отдельные произведения. Но уточнение полученных предшественниками результатов — дело значительно менее трудное, чем обращение к не изученному никем материалу.

В ходе описания рабочих тетрадей обнаруживались новые строки, незамеченные творческие и биографические пометы, спорные прочтения. Все это требовало публикации, комментария, — и Фомичев организовал небольшую серию «Неизданный Пушкин» (1996—2000). В результате тех же научных штудий возникла необходимость корректировки ряда материалов, вошедших в опубликованный в 1935 году том «Рукою Пушкина». Его переработанное издание вышло в 1997 году под редакцией С. А. Фомичева и Я. Л. Левкович. Оно составило 17-й (дополнительный) том к подготовленному издательством «Воскресенье» репринтному переизданию «большого» академического собрания сочинений Пушкина 1937—1949 годов.

В том же издании годом раньше вышел еще один дополнительный том — 18-й, с рисунками Пушкина, подготовленный Фомичевым совместно с коллегами. Его интерес к Пушкину-рисовальщику был унаследован от крупнейших исследователей пушкинского графического наследия — А. М. Эфроса и Т. Г. Цвяловской и вылился в целую серию исследований. Первая статья Фомичева на эту тему появилась в 1988 году, через пять лет вышла его небольшая монография «Графика Пушкина». В 2001 году в соавторстве с С. В. Денисенко он выпустил книжку «Пушкин рисует». Когда Р. Г. Жуйковой был подготовлен каталог атрибуций портретных рисунков Пушкина (1996), Фомичев выступил его научным редактором.

Сохранение и изучение рукописей Пушкина стало для Фомичева делом жизни, которое увенчалось выходом двух поистине великолепных факсимильных изданий — всех рабочих тетрадей поэта

и всех автографов Болдинской осени 1830 года. Первое из них было осуществлено в 1995—1997 годах при активном содействии Д. С. Лихачева и финансовой поддержке Форума лидеров бизнеса под эгидой Принца Уэльского. Оно вышло в восьми томах и включало 17 рабочих тетрадей Пушкина и его «Дневник 1833—1835 годов». К описанию представленных в них материалов Фомичев привлек всех сотрудников своего отдела. Мечта Сергея Александровича о факсимильном издании автографов первой Болдинской осени осуществилась в 2013 году, когда в петербургском издательстве «Альфарет» при финансовой поддержке Постоянного Комитета Союзного государства вышло в свет трехтомное издание «А. С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года» с предисловием С. А. Фомичева и научным описанием рукописей, подготовленным Т. И. Краснобородько и С. Б. Федотовой. Еще один факсимильный альбом, многообразно и широко представляющий талант Пушкина-рисовальщика — «Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой», подготовленный при активном участии Фомичева, — был опубликован в 1999 году в издательстве «Logos».

Текстологией Фомичев занимался страстно и увлеченно с середины 1970-х годов и до конца жизни. В этой области он выступал и как скрупулезный исследователь, и как человек смелого воображения. Некоторые его выводы оспаривались, вызывали бурные и весьма продуктивные дискуссии, другие решения становились классическими. К числу последних относится доказанное им равноправие двух разных редакций «Бориса Годунова», позволяющее совершенно иначе увидеть и текст драмы, и ее творческую историю.

Проект «Пушкин в прижизненной критике» был инициирован Фомичевым совместно с В. Э. Вацуро в начале 1990-х годов. Замысел заключался не только в издании полного свода прижизненной критики сочинений Пушкина, но и в подготовке молодого научного коллектива для работы над ним. С этой целью был организован специальный семинар, и к 2008 году, когда четырехтомное издание, прокомментированное и подготовленное в лучших академических традициях, было завершено, о его участниках можно было говорить как о сформировавшихся исследователях.

Собственные пушкиноведческие труды Фомичева, создававшиеся в течение полувека, охватывают едва ли не все творчество Пушкина. Он писал о «Евгении Онегине», «Борисе Годунове», «Сцене из Фауста», «маленьких трагедиях», «Домике в Коломне», «Андже-ло», «Подражаниях Корану», «Песнях западных славян», «Песнях о Стеньке Разине», «Памятнике», «Бесах», «Повестях Белкина»,

«Истории села Горюхина», о сказках, лирических циклах, незавершенных произведениях, границах между документальной, публицистической и художественной прозой и еще о многом, многом другом. С течением лет его труды объединялись в монографии, посвященные творчеству Пушкина и выходявшие одна за другой: «Поэзия Пушкина: (Творческая эволюция)» (1986), «Служенье муз: О лирике Пушкина» (2001), «“Евгений Онегин”: Движение замысла» (2005), «Пушкинская перспектива» (2007), «Творчество Пушкина: Рукописи и тексты, интерпретации и толкования» (2016), «Миф и словесность: Статьи разных лет» (2017). Не менее активной была деятельность Фомичева как научного редактора, имя которого стоит на трудах М. П. Алексева, Я. Л. Левкович, Л. С. Сидякова, В. А. Кошелева и многих других.

Кроме Пушкина, Фомичев много занимался другими русскими классиками: А. С. Грибоедовым (достаточно упомянуть его Полное собрание сочинений, Летопись жизни и творчества и Грибоедовскую энциклопедию), К. Ф. Рылеевым (два комментированных собрания сочинений — 1983 и 1987 годов), И. А. Крыловым (два издания — «Почта духов» (2008) и «Басни» (2011)). Исследователь писал и об авторах Золотого века (К. Н. Батюшков, А. А. Дельвиг, Е. А. Баратынский, А. С. Хомяков, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, В. И. Даль), и о писателях XX столетия (А. А. Блок, Б. Л. Пастернак, А. М. Ремизов, И. С. Шмелев, Д. И. Хармс, В. В. Набоков, В. Т. Шаламов, А. Терц), и о связях новой и древнерусской литератур.

С. А. Фомичев неутомимо работал сам, готовил учеников, не скупясь дарил научные темы коллегам, направляя их исследовательские интересы. По отношению к нему бюрократический термин «организатор науки» получает свой полновесный смысл.

Завершить портрет Сергея Александровича Фомичева — историка литературы, пушкиниста, текстолога, талантливого организатора — невозможно, не упомянув его необыкновенную душевную щедрость, исключительную доброту, сочетание резкости суждений и широты взглядов, созидательную природу деятельной энергии, в избытке отпущенной этому человеку. Память о нем бесконечно дорога множеству людей, которым посчастливилось встретиться с ним на жизненном и профессиональном пути.

*М. Н. Виролайнен,
Т. И. Краснобородько*

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ С. А. ФОМИЧЕВА
(2017—2024)*

Составил А. Ю. Балакин

Монография

Миф и словесность / Отв. ред. С. В. Денисенко. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. 229 с.

Содерж.: Вместо вступления; Княгиня Ольга; «Слово о полку Игореве»: *Поэтическая обработка исторического сюжета*; Притча о злой жене в «Слове Даниила Заточника»; «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма и новая русская литература; Первая поэма А. С. Пушкина [«Монах»]; От «Панчатантры» до современности; *Метаморфозы пословицы о синице*; Басня И. А. Крылова «Волк на псарне»; «Сказка о золотом петушке» А. С. Пушкина: «*Добрый молодцам урок*»²; Живое русское слово в произведениях В. И. Даля; О плане пьесы А. С. Грибоедова «1812 год»: *Античные контуры*; «Мертвые души»: Инерция сюжета и динамика откровений; Поэтическое завещание К. Ф. Рыльева; Баллада А. С. Пушкина о рыцаре бедном; «Ветка Палестины» М. Ю. Лермонтова: *Библейский подтекст*; «Идиллия» А. С. Хомякова; Набоковское окончание драмы о русалке («Как вы думаете — донесем, а?»); «Свеча горела на столе...»

Статьи и заметки

«О бедность! Затвердил я наконец...»; <О вечном мире>; «О ты, который сочетал...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2017. Вып. 3. С. 383—384, 385—387, 483—484.

Парадокс таинственного в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина // Все секреты мира: Тайны в литературе и искусстве: Сб. ст. / Сост. А. О. Дёмин. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 20—25 (Неканоническая эстетика. Вып. 4).

* Библиографию за предыдущие годы см.: 1) Список научных трудов С. А. Фомичева [1963—1996] / Сост. Т. В. Евдокимова // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичева. Новгород, 1997. С. 331—352; 2) Список научных трудов С. А. Фомичева [1997—2017] / Сост. Т. В. Евдокимова // Пушкин и другие: (Двадцать лет спустя): Сб. ст. к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. СПб., 2017. С. 455—467.

- Служебные зловключения поэта, сказочника, писателя Владимира Даля // Чины и музыки: Сб. ст. / Отв. ред. С. Н. Гуськов. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 266—273.
- Письмо А. С. Грибоедова к неизвестной // Пушкинский музей: Альманах. СПб., 2017. Вып. 8 / Отв. ред. Р. В. Иезуитова; Науч. ред. С. М. Некрасов. С. 293—298 (совместно с В. С. Фомичевой).
Письмо к актрисе Е. С. Семеновой от 17 ноября 1820 г.
- Повесть Н. В. Гоголя «Нос»: Реальность абсурда // Русская литература. 2017. № 3. С. 189—196.
- О томе 2 (книга 2) полного собрания сочинений А. С. Пушкина. СПб., 2017. 39 с.
На правах рукописи.
- Легенда про княгиню Ольгу // Проблеми теорії і історії древньої літератури східних слов'ян: [Мат-лы междунар. научно-практ. конф., посвящ. Д. С. Лихачеву]. Ізмаїл, 2018. С. 46—49. (Text et culture: Зб. наук. прац; Вип. 3).
- Обман и его восприятие // Все обманы мира: Ложь в литературе и искусстве: Сб. ст. / Сост. А. Ю. Сорочан. СПб.; Тверь: Изд-во Альфа-Пресс, 2019. С. 149—153 (Неканоническая эстетика. Вып. 6).
- «Минувшее проходит предо мною...» [Предисловие] // Будылин И. Т. «Тот уголок земли...»: Пушкинский заповедник. СПб.: Европейский Дом, 2019. С. 6—8.
- Табу в судьбе А. С. Пушкина: (Одесский эпизод) // Все запреты мира: Табу в литературе и искусстве: Сб. ст. / Сост. А. О. Дёмин. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. С. 9—14 (Неканоническая эстетика. Вып. 7).
- Мой друг Александр Гдалин // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2020. Вып. 34. С. 275—277.
- «Душа в заветной лире...» // Пушкин А. С. Малое собр. соч. СПб.: Азбука, 2020. С. 5—38.
Впервые: 2011; перепечатка: 2022.
- Сказка Пушкина о добром мужике и злой старухе // Вся ненависть мира: Насилие в литературе и искусстве: Сб. статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.; М.: Сам Полиграфист, 2021. С. 105—111 (Неканоническая эстетика. Вып. 8).

Дополнения к «Грибоедовской энциклопедии» // Культура и текст. 2021. № 3 (46). С. 70—79.

Тип беспокойного человека в русской литературе // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 246—260.

Роман В. И. Даля о судьбе беспокойного человека // Далевский код современной культуры: Мат-лы Международной науч.-практ. конф., посвященной 220-й годовщине со дня рождения В. И. Даля (Казака Луганского) (24—25 ноября 2021 г.). Луганск, 2021. С. 99—114.

Откровение преломленного хлеба: (О поэтике произведений В. Т. Шаламова) // Все озарения мира: Анагноризис в литературе и искусстве: Сб. статей / Сост. А. О. Дёмин. СПб.; М.: Сам Полиграфист, 2022. С. 199—207 (Неканоническая эстетика. Вып. 9).

Таинство жизни человека в повести В. И. Даля о правосторонней прогулке // «Чужое: мое сокровище!»: Сб. статей памяти В. А. Кошелева / Отв. сост. А. В. Кошелев. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. С. 148—158.

«Твоя от твоих!»: Сказочники Казак Луганский и Александр Пушкин // Прекраснейшей: Сб. памяти Елены Душечкиной / Отв. ред. Е. А. Белоусова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 91—97.

Репа в русском фольклоре и литературе // Русский фольклор. СПб.: Нестор-История, 2022. Т. 39: Наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова и современная фольклористика / Отв. ред. Н. Г. Комелина. С. 175—182.

В. И. Даль и словесность Древней Руси // Словесность и история. 2022. № 2. С. 62—80.

Физиологический очерк В. И. Даля «Уральский казак» // Народность творческого наследия В. И. Даля: Мат-лы Международной науч.-практ. конференции, посвященной 150-летию со дня кончины В. И. Даля (25 октября 2022 г.) / Отв. ред. Ю. П. Фесенко. Луганск, 2022. С. 25—35.

«Что-то слышится родное...»: О пушкинских стилизациях народных песен; Р. S. // Временник Пушкинской комиссии: Спец. выпуск в честь Т. И. Краснобородько / Отв. ред. А. Ю. Балакин, В. В. Турчаненко. СПб.: Росток, 2023. С. 150—157; 213—215.

- Тревожная баллада А. С. Пушкина «Песнь о Вещем Олеге» // Все тревоги мира: Беспокойство в литературе и искусстве: Сб. статей / Сост. А. Ю. Сорочан. СПб.; М.: Сам Полиграфист, 2023. С. 26—33 (Неканоническая эстетика. Вып. 10).
- «Грибоедовский эпизод» во второй главе «Путешествия в Арзрум» // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2023. Вып. 37. С. 106—118.
- Вавилонское столпотворение в вишневом саду // Все связи мира: коммуникация в литературе и искусстве: Сб. ст. / Сост. С. А. Васильева, И. В. Мотеюнайте. СПб.; М.: Сам Полиграфист, 2024. С. 11—17 (Неканоническая эстетика. Вып. 11).
- «Сводня грустно за столом...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб.: Нестор-История, 2024. Вып. 5. С. 22—24.
- Почему Пушкин не опубликовал болдинский драматический цикл? // «...И не кончается строка»: Сб. в честь Марии Наумовны Виролайнен / Отв. ред. С. Б. Федотова. СПб.: Росток, 2024. С. 9—19.
- Басня о споре различных органов человека в русской традиции // Fado vadio: Сб. статей и материалов к 60-летию Сергея Викторовича Денисенко / Сост. С. Б. Федотова. СПб.; М.: Сам Полиграфист, 2024. С. 44—53.
- Метаморфозы литературного образа: (От подпоручика Кижее до капитан-лейтенанта Берды Онже) // Русская литература. 2024. № 2. С. 194—200 (совместно с А. К. Михайловой).
- Новые книги на страницах пушкинского «Современника» // А. С. Пушкин и книга: Сб. статей: К 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Под общ. ред. Н. И. Михайловой и др. М.: Пашков дом, 2024. [Вып. 3]. С. 117—125.

Редактирование, составление и комментирование

Пушкин А. С. Художественно-документальная проза последних лет / Сост., предисл. и коммент. С. А. Фомичева. М.; СПб.: Пальмира, 2023. 415 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АРАН — Архив Российской Академии наук (Москва)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГМП — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва)
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва)
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (С.-Петербург)
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург)
РО ИРЛИ. НСА — Научно-справочный аппарат Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург)

SUMMARY

Татьяна Ивановна Краснобородько
*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

tak204@yandex.ru

Владимир Владимирович Турчаненко
*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

vladimir.turchanenko@mail.ru

НОВОЕ О БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНА
Дополнения к каталогу
Б. Л. Модзалевского

Статья хранителей Пушкинского фонда посвящена описанию «новых» материалов, присоединенных к фонду в 2025 году. Так, на полки личной библиотеки Пушкина (ф. 244, оп. 38) встали «Российский атлас» 1800 г. и подшивка «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1769 г., поступившие в ИРЛИ в составе фондов Государственного музея А. С. Пушкина; а комплект автографов Пушкина (ф. 244, оп. 1) пополнила закладка с записями цифр, не замеченная ранее исследователями книжного собрания поэта.

Tat'yana Ivanovna Krasnoborod'ko
*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

Vladimir Vladimirovich Turchanenko
*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-5-18

**NEW ABOUT PUSHKIN'S PERSONAL
LIBRARY**
Additions to the catalog compiled
by Boris Modzalevsky

This article by the curators of the Alexander Pushkin Fund is devoted to describing the “new” materials added to the fund in 2025. Thus, Pushkin’s personal library (f. 244, inv. 38) now includes the 1800 Atlas of Russia and a bound volume of the St. Petersburg Gazette for 1769, which came to the Institute of Russian Literature as part of the collections of the Pushkin State Museum. Additionally, the collection of Pushkin’s autographs (f. 244, inv. 1) was supplemented with a bookmark with numerical notes, previously unnoticed by researchers of the poet’s book collection.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, С. Д. Полторацкий, личные библиотеки, «Российский атлас» 1800 г., «Санкт-Петербургские ведомости», книжная закладка, записи цифр.

Keywords: Alexander Pushkin, Sergei Poltoratsky, personal libraries, Atlas of Russia, 1800, St. Petersburg Gazette, bookmark, numerical records

Список литературы

- Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А. С. Пушкина: Аннотированный каталог / Сост. О. В. Аснина, Ю. Ю. Гречихова, С. Н. Тихомирова. М., 1988.
Avtografy sovremennikov Pushkina na knigah iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya A. S. Pushkina: Annotirovannyj katalog / Sost. O. V. Asnina, Yu. Yu. Grechihova, S. N. Tihomirova. M., 1988.
- Васильев В. И.* Издательская деятельность Академии наук в ее историческом развитии (от зарождения до наших дней). М., 1998. Кн. 1.
Vasil'ev V. I. Izdatel'skaya deyatel'nost' Akademii nauk v ee istoricheskom razvitii (ot zarozhdeniya do nashih dnei). M., 1998. Kn. 1.
- Великодная И. Л.* Пушкиниана библиотеки Московского университета // Болдинские чтения / Под ред. Н. М. Фортунатова. Нижний Новгород, 2004.
Velikodnaya I. L. Pushkiniana biblioteki Moskovskogo universiteta // Boldinskie chteniya / Pod red. N. M. Fortunatova. Nizhnij Novgorod, 2004.
- Дарский Д.* Географический атлас из библиотеки Пушкина // Правда. 1935. № 38 (6284). 8 февр.
Darskij D. Geograficheskij atlas iz biblioteki Pushkina // Pravda. 1935. № 38 (6284). 8 fevr.
- Долгова С. Р.* Экземпляр из библиотеки Пушкина // В мире книг. 1972. № 11.
Dolgoval S. R. Ekzempljar iz biblioteki Pushkina // V mire knig. 1972. № 11.
- Крамер В. В. С. Д.* Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970.
Kramer V. V. S. D. Poltorackij v bor'be za nasledie Pushkina // Vremennik Pushkinskoj komissii. 1967—1968. L., 1970.
- Краснобородько Т. И.* По следам Б. Л. Модзалевского: Неизвестные пушкинские записи на закладках в книге Джона Кука из личной библиотеки поэта // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017.
Krasnoborod'ko T. I. Po sledam B. L. Modzalevskogo: Neizvestnye pushkinskie zapisi na zakladdkah v knige Dzhona Kuka iz lichnoj biblioteki poeta // Ezhegodnik Rukopisnogo ot-dela Pushkinskogo Doma na 2016 god. SPb., 2017.
- Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В.* От Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года к Государственному музею А. С. Пушкина (1938—1948): Директивная концентрация пушкинского рукописного наследия // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху: (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025.
Krasnoborod'ko T. I., Turchanenko V. V. Ot Vsesoyuznoj Pushkinskoj vystavki 1937 goda k Gosudarstvennomu muzeyu A. S. Pushkina (1938—1948): Direktivnaya koncentraciya pushkinskogo rukopisnogo naslediya // Turchanenko V. V., Tsyganov D. M. «Pushkin nash,

sovetskij]»: Oчерki po istorii filologicheskoi nauki v stalinskoi epohu: (Idei. Proekty. Persony). М., 2025.

Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979.

Kinin V. V. Bibliofily pushkinskoj porj. М., 1979.

Летописи Государственного литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин.

Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya. М., 1936. Кн. 1: Pushkin.

Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910.

Modzalevskij B. L. Biblioteka A. S. Pushkina: (Bibliograficheskoe opisanie). SPb., 1910.

Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18.

Modzalevskij L. B. Biblioteka Pushkina: Novye materialy // Literaturnoe nasledstvo. М., 1934. Т. 16—18.

Ободовская И. М., Дементьев М. А. Пушкин в Яропольце. М., 1982.

Obodovskaja I. M., Dement'ev M. A. Pushkin v Jaropol'se. М., 1982.

Памятная книжка Московской губернии на 1899 год / Сост. под ред. помощника правителя Канцелярии московского губернатора А. В. Аврорина. М., 1899.

Pamyatnaja knizhka Moskovskoj gubernii na 1899 god / Sost. pod red. pomoshchnika pravitelya Kanceljarii moskovskogo gubernatora A. V. Avrorina. М., 1899.

Пушкин. Письма. 1831—1833 / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935. Т. 3.

Pushkin. Pis'ma. 1831—1833 / Pod red. i s primech. L. B. Modzalevskogo. М.; L., 1935. Т. 3.

Розанов И. Н. «Атлас Пушкина?» // Известия. 1935. № 7. 8 янв.

Rozanov I. N. «Atlas Pushkina?» // Izvestiya. 1935. № 7. 8 yanv.

Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937.

Rukopisi Pushkina, hranyashchiesya v Pushkinskom Dome: Nauchnoe opisanie / Sost. L. B. Modzalevskij i B. V. Tomashevskij. М.; L., 1937.

В. А. Рышков и его дневник / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982.

V. A. Ryshkov i ego dnevnik / Publ. V. P. Stepanova // Pushkinskij Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografija. L., 1982.

Сидяков Л. С. Библиотека Пушкина и ее описание // Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина: (Библиографическое описание). Приложение к репринтному изданию. М., 1988.

Sidyakov L. S. Biblioteka Pushkina i ee opisanie // B. L. Modzalevskij. Biblioteka Pushkina: (Bibliograficheskoe opisanie). Prilozhenie k reprintnomu izdaniyu. М., 1988.

Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1.

Slovar' russkijh pisatelej XVIII veka. L., 1988. Vyp. 1.

Сорокин В. «От А. Пушкина» // Известия. 1935. № 50 (5603). 26 февр.

Sorokin V. «Ot A. Pushkina» // Izvestiya. 1935. № 50 (5603). 26 fevr.

Сорокин В. Собрание «Ведомостей» С. Д. Полторацкого // Книжные новости. 1937. № 23—24.

Sorokin V. Sbranie «Vedomostej» S. D. Poltorackogo // Knizhnye novosti. 1937. № 23—24.

Список лицам, служащим в Министерстве народного просвещения. 1868 г. [СПб., 1868].

Spisok licam, sluzhashchim v Ministerstve narodnogo prosveshcheniya. 1868 g. [SPb., 1868].

Толстяков А. П. Из библиотеки Пушкина // Книжное обозрение. 1967. № 11 (45). 10 марта.

Tolstyakov A. P. Iz biblioteki Pushkina // Knizhnoe obozrenie. 1967. № 11 (45). 10 marta.

Университетская Пушкиниана: Прижизненные публикации и издания А. С. Пушкина: Каталог / Сост. И. Л. Великодная. М., 1999.

Universitetskaya Pushkiniana: Prizhiznennye publikacii i izdaniya A. S. Pushkina: Katalog / Sost. I. L. Velikodnaya. M., 1999.

Светлана Богдановна Федотова

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

sverdlik@yandex.ru

Svetlana Bogdanovna Fedotova

*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-19-37

**«МИХАЙЛОВСКИЕ» ТЕКСТЫ ЛЕТА—
ОСЕНИ 1827 ГОДА В РАБОЧИХ
ТЕТРАДЯХ ПУШКИНА ПД 833
и ПД 836**

**PUSHKIN'S TEXTS WRITTEN
IN MIKHAILOVSKOYE FROM THE
SUMMER—AUTUMN OF 1827
IN HIS WORKING NOTEBOOKS
PD 833 AND PD 836**

В статье сделана попытка определить границы «михайловских» текстов лета—осени 1827 года, написанных в рабочих тетрадях Пушкина ПД 833 (так называемой Третьей кишиневской) и ПД 836 (Третьей масонской). Небольшое количество авторских дат в этих тетрадях в обозначенный период (их всего шесть) привело к различным мнениям исследователей, касающихся данного вопроса. В результате палеографического анализа цвета чернил, которые Пушкин использовал в 1825—1827 годах, а также хода заполнения названных тетрадей можно предположить, что тексты, находящиеся на

The article attempts to define the boundaries of Pushkin's texts written in Mikhailovskoye in the summer—autumn of 1827 in his working notebooks PD 833 (the so-called Third Kishinev notebook) and PD 836 (Third Masonic notebook). The small number of dates in these notebooks during the designated period (there are only six) has led to different opinions among researchers regarding this issue. As a result of paleographic analysis of the color of the ink that Pushkin used in 1825—1827, as well as of the progress of filling in the aforementioned notebooks, it can be assumed that the texts found on sheets 1—1 verso,

л. 1—1 об., 20—36 в тетради ПД 836 и на л. 37 об. — 48 об., 83 об. — 74 об. в тетради ПД 833, написаны в Михайловском летом—осенью 1827 года.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Михайловское, рабочие тетради Пушкина, палеография, цвет чернил, датировка произведений, черновик, рукопись.

20—36 in notebook PD 836 and on sheets 37 verso — 48 verso, 83 verso — 74 verso in notebook PD 833 were written by Pushkin in Mikhailovskoye in the summer—autumn of 1827.

Keywords: Alexander Pushkin, Mikhailovskoye, Pushkin's working notebooks, paleography, ink color, dating of works, draft, manuscript.

Список литературы

- Бонди С. М. Статьи Пушкина о Баратынском // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931.
Bondi S. M. Stat'i Pushkina o Baratynskom // Bondi S. M. Novye stranicy Pushkina: Stihy, proza, pis'ma. M., 1931.
- Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978.
Vacuro V. E. «Severnye cvety»: Istoriya al'manaha Del'viga—Pushkina. M., 1978.
- Виролайнен М. Н., Дмитриева Н. Л. Португальский Андрей Шенье // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32.
Virolajnen M. N., Dmitrieva N. L. Portugal'skij Andrej Shen'e // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2016. Vyp. 32.
- Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996.
Zhujkova R. G. Portretnye risunki Pushkina: Katalog atribucij. SPb., 1996.
- Иезуитова Р. В. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11.
Iezuitova R. V. K istorii dekabristskih zamyslov Pushkina 1826—1827 gg. // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1983. T. 11.
- Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14.
Iezuitova R. V. Rabochaya tetrad' Pushkina PD, № 836: (Istoriya zapolneniya) // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1991. T. 14.
- Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15.
Iezuitova R. V. Rabochaya tetrad' Pushkina PD, № 833: (Istoriya zapolneniya) // Pushkin: Issledovaniya i materialy. SPb., 1995. T. 15.
- Китанина Т. А. Пушкин и виселицы: «И я бы мог...» // Прекраснейшей: Сборник памяти Елены Душечкиной. СПб., 2022.
Kitanina T. A. Pushkin i viselicy: «I ya by mog...» // Prekrasnejšej: Sbornik pamyati Eleny Dushechkinoj. SPb., 2022.
- Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В. Новое о библиотеке Пушкина: Дополнения к каталогу Б. Л. Модзалевского // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2026. Вып. 40.
Krasnoborod'ko T. I., Turchanenko V. V. Novoe o biblioteke Pushkina: Dopolneniya k katalogu B. L. Modzalevskogo // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2026. Vyp. 40.

Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 5 т. / Сост. Н. А. Тархова. СПб., 2024. Т. 2: 1825—1828.

Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 5 t. / Sost. N. A. Tarhova. SPb., 2024. T. 2: 1825—1828.

Старк В. П. А. С. Пушкин в работе над историей Украины // Русская литература. 2002. № 4.

Stark V. P. A. S. Pushkin v rabote nad istoriej Ukrainy // Russkaya literatura. 2002. № 4.

Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. М., 1974. Т. 10.

Cyavlovskaya T. G. «Hrani menya, moj talisman...» // Prometej. M., 1974. T. 10.

Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд. М., 1980.

Cyavlovskaya T. G. Risunki Pushkina. 2-e izd. M., 1980.

Мария Наумовна Виrolайнен

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН

(Санкт-Петербург)

virolainen@mail.ru

Maria Naumovna Virolainen

The Institute of Russian Literature

(Pushkin House) of the Russian

Academy of Sciences

(Saint Petersburg)

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-38-81

**ПУШКИНСКИЕ ЗАГЛАВИЯ
КАК ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

В статье обсуждается проблема пушкинских заглавий и подзаголовков, утраченных в двух последних академических собраниях сочинений Пушкина. Такая утрата явилась следствием решения П. А. Плетнева, который при подготовке сборников «Стихотворений Александра Пушкина», изданных в 1826, 1829 и 1832 годах, перенес все подзаголовки и часть заглавий из корпуса текстов в оглавления. Это решение касалось не состава текстов, а их издательского оформления. Результаты анализа (к которому привлечены автографы и авторизованные копии произведений, их публикации в периодических изданиях, Цензурная рукопись сборника 1832 года и рукопись незавершенного собрания стихотворений 1836 года, а также собрания сочинений Пушкина XIX—XX веков) пока-

**PUSHKIN'S TITLES
AS A TEXTUAL PROBLEM**

This article discusses the problem of Pushkin's titles and subtitles, which were lost in the last two academic editions of Pushkin's works. This loss resulted from a decision made by Pyotr Pletnyov, who, while preparing "The Poems of Alexander Pushkin," published in 1826, 1829, and 1832, transferred all subtitles and some titles from the body of the texts to the tables of contents. This decision concerned not the content of the texts but their editorial presentation. The results of the analysis (which incorporates autographs and authorized copies of the works, their publications in periodicals, the censored manuscript of the 1832 collection, and the manuscript of the unfinished 1836 collection of poems, as well as collected editions of Pushkin's works from the 19th and 20th centuries) show that in a critical edition, the titles and subtitles

зывают, что в критическом издании заглавия и подзаголовки, перенесенные Плетневым в оглавления, должны быть восстановлены в составе основного текста.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, П. А. Плетнев, заглавие, подзаголовок, основной текст.

moved by Pletnyov to the tables of contents should be restored as part of the main text.

Keywords: Alexander Pushkin, Pyotr Pletnyov, title, subtitle, main text.

Список литературы

- Виrolайнен М. Н.* «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»: (От автографа к поэтике) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2022. Вып. 36.
- Virolajnen M. N.* «Na holmah Gruzii lezhit nochnaya mгла...»: (От автографа к поэтике) // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2022. Вып. 36.
- Гречаная Е. П.* Пушкин и А. Шенье: (Две заметки к теме) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1988. Вып. 22.
- Grechanaya E. P.* Pushkin i A. Shen'e: (Dve zametki k teme) // Vremennik Pushkinskoj komissii. L., 1988. Вып. 22.
- Ларионова Е. О.* Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М., 2001.
- Larionova E. O.* Neosushchestvlennoe sobranie stihotvorenij Pushkina 1836 goda // Pushkinskaya konferenciya v Stenforde. 1999: Materialy i issledovaniya. M., 2001.
- Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910.
- Modzalevskij B. L.* Biblioteka Pushkina: Bibliograficheskoe opisanie. SPb., 1910.
- Рак В. Д.* Заметки к теме «Пушкин и Байрон». I. Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. статей. СПб., 2003.
- Rak V. D.* Zametki k teme «Pushkin i Bajron». I. Rannee znakomstvo Pushkina s proizvedeniyami Bajrona // Rak V. D. Pushkin, Dostoevskij i drugie: (Voprosy tekstologii, materialy k kommentariyam): Sb. statej. SPb., 2003.
- Словарь языка А. С. Пушкина. М., 2000. Т. 4.
- Slovar' yazyka A. S. Pushkina. M., 2000. T. 4.
- Томашевский Б. В.* Капнистовская тетрадь // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1 / Под ред. В. Э. Вацуро и Е. О. Ларионовой.
- Tomashevskij B. V.* Kapnistovskaya tetrad' // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. T. 2. Kn. 1 / Pod red. V. E. Vacuro i E. O. Larionovoj.
- Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1.
- Tomashevskij B. V.* Pushkin. M.; L., 1956. Kn. 1.
- Яковлев Н. В.* К вопросу об английских источниках стихотворения Пушкина «Цыганы» («Над лесистыми брегами») // Пушкин и его современники. Пб., 1923. Вып. 36.
- Yakovlev N. V.* K voprosu ob anglijskih istochnikah stihotvoreniya Pushkina «Cygany» («Nad lesistymi bregami») // Pushkin i ego sovremenniki. Pb., 1923. Вып. 36.

Sadzińska E. XLI Международная научная конференция «Болдинские чтения» // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica. 2013. № 6.
Sadzińska E. XLI Mezhduнародnaya nauchnaya konferenciya «Boldinskie chteniya» // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica. 2013. № 6.

Оксана Аркадьевна Якименко

*Университет им. Лоранда Этвёша
(Будапешт, Венгрия)*

oxana.yakimenko@gmail.com

Oksana Arkad'evna Yakimenko

*Eötvös Loránd University
(Budapest, Hungary)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-82-87

**ПУШКИН КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТА:
О книге Жофии Калавски «Тотальный
Пушкин: Популярные жанры
в формировании культа Пушкина»**

В статье приведен обзор на книгу Жофии Калавски «Тотальный Пушкин: Популярные жанры в формировании культа Пушкина» («A totális Puskin: Populáris műfajok a Puskin-kultuszban», 2024).

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Жофия Калавски, жанр, литературный канон, венгерская культура.

**PUSHKIN AS A SUBJECT
OF ADMIRATION:
A review of the book by Zsófia Kalavszky,
“Total Pushkin: The popular genres that
shaped the cult of Alexander Pushkin”**

The article provides a review of the book “Total Pushkin: The popular genres that shaped the cult of Alexander Pushkin” (“A totális Puskin: Populáris műfajok a Puskin-kultuszban,” 2024) by Zsófia Kalavszky.

Keywords: Alexander Pushkin, Zsófia Kalavszky, genre, literary canon, Hungarian culture.

Список литературы

- Калавски Ж.* Главы из пушкинского романа. «Последний текст» и «Шпага щекотливого дворянина» Андрея Битова — культурные механизмы и поэтика текста // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 3.
Kalavski Zh. Glavy iz pushkinskogo romana. «Poslednij tekst» i «Shpaga shchekotlivogo dvoryanina» Andreya Bitova — kul'tovye mekhanizmy i poetika teksta // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 3.
- Калавски Ж.* Равнодушная природа как пушкинский мотив в романе Сергея Довлатова «Заповедник» // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 2011. Т. 56. № 2.
Kalavski Zh. Ravnodushnaya priroda kak pushkinskij motiv v romane Sergeya Dovatova «Zapovednik» // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 2011. Т. 56. № 2.
- Левитт М. Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. И. Н. Владимировой, М. Б. Кутеевой, В. Д. Рака. СПб., 1994.
Levitt M. Ch. Literatura i politika: Pushkinskij prazdnik 1880 goda / Per. s angl. I. N. Vladimirova, M. B. Kuteevoy, V. D. Raka. SPb., 1994.
- Kalavszky Z.* A totális Puskin: Populáris műfajok a Puskin-kultuszban, 1837—1937. Budapest, 2024.

Андрей Добрицын

*Университет им. Лучиана Благи
(Сибю, Румыния);
Лозаннский университет
(Лозанна, Швейцария)*

andrei.dobritsyn@unil.ch

**ЭПИГРАММА ПУШКИНА
«НЕ ЗНАЮ ГДЕ, НО НЕ У НАС...»
И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ**

В заметке указаны французские параллели к нескольким мотивам эпиграммы «Не знаю где, но не у нас...» и к рассуждениям, сопровождающим эту эпиграмму в пушкинских «Отрывках из писем, мыслей и замечаний». Обсуждаются пассажи из французской поэзии, «Мемуаров» Сен-Симона, морального трактата Дюкло и других текстов. Знание семантических оттенков французских понятий, относящихся к светскому поведению, позволяет уточнить смысл соответствующих русских слов в произведениях Пушкина.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, эпиграмма, мотив, сатирический портрет, французское влияние, заимствованные коннотации, Сен-Симон, Мармонтель, Дюкло.

Andrei Dobritsyn

*Lucian Blaga University
(Sibiu, Romania);
l'Université de Lausanne
(Lausanne, Switzerland)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-88-99

**PUSHKIN'S EPIGRAM "I DON'T KNOW
WHERE, BUT NOT IN OUR COUNTRY..."
AND SEMANTIC GALLICISMS**

This article identifies French parallels to several motifs in the epigram "I don't know where, but not in our country..." and to the discussions accompanying this epigram in Pushkin's "Excerpts from Letters, Thoughts, and Remarks." Passages from French poetry, Saint-Simon's "Memoirs", Duclos's moral treatise, and other texts are discussed. Understanding the semantic nuances of French concepts related to social behavior allows us to clarify the meaning of the corresponding Russian words in Pushkin's works.

Keywords: Alexander Pushkin, epigram, motif, satirical portrait, French influence, borrowed connotations, Saint-Simon, Marmontel, Duclos.

Список литературы

- Добрицын А. А.* О сюжетных истоках четырех сказок И. И. Дмитриева // Русская литература. 2007. № 2.
Dobricyn A. A. O syuzhetnyh istokah chetyrekh skazok I. I. Dmitrieva // Russkaya literatura. 2007. № 2.
- Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910.
Modzalevskij B. L. Biblioteka A. S. Pushkina: (Bibliograficheskoe opisanie). SPb., 1910.
- Муравьева О. С.* Политика сквозь призму поэзии // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 16—17.
Murav'eva O. S. Politika skvoz' prizmu poezii // Pushkin: Issledovaniya i materialy. SPb., 2004. T. 16—17.
- Муравьева О. С.* «Не знаю, где, но не у нас...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2017. Вып. 3: Л—О.

Mirav'eva O. S. «Ne znayu, gde, no ne u nas...» // Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2017. Вып. 3: L—O.

Муравьева О. С. «Полу-милорд, полу-купец...» // Пушкинская энциклопедия. Вып. 3: L—O. СПб., 2017.

Mirav'eva O. S. «Polu-milord, polu-kupec...» // Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2017. Вып. 3: L—O.

Elden D. J. H. van. Esprits fins et esprits géométriques dans les portraits de Saint-Simon: Contribution à l'étude du vocabulaire et du style. La Haye: Nijhoff, 1975.

Mazon A. L'abbé Gabriel Girard, grammairien et russisant // Revue des Études Slaves. 1958. Т. 35. Fasc. 1.

Татьяна Александровна Китанина

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

tkitanina@gmail.com

Tatyana Alexandrovna Kitaniina

*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-99-106

**ОБ ОПРАВДАНОСТИ НАРУШЕНИЯ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЭДИЦИОННОЙ
ПРАКТИКИ:**

Казус «Моей родословной»

Пушкинское стихотворение «Моя родословная», дошедшее до нас в двух беловых автографах (раннем неполном и позднем полном, посланном Бенкендорфу) и ряде копий, всегда печатается по наиболее позднему автографу. Такова обычная эдиционная практика, отдающая приоритет автографу и последней авторской редакции. Однако выполненный в статье анализ разночтений копий с автографом и истории бытования не опубликованного при жизни Пушкина текста приводит к выводу о том, что в данном случае предпочтение должно быть отдано редакции, отраженной в копиях, и именно по ней нужно печатать пушкинский текст.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Моя родословная», автограф, редакция, копия, бытование текста.

**ON THE JUSTIFICATION FOR
VIOLATING ACADEMIC TRADITIONS
OF PUBLISHING:
The Case of “My Ancestry”**

Pushkin's poem “My Ancestry”, which has survived in two autograph manuscripts — an early incomplete version and a later complete one sent to Benken-dorf — as well as in several copies, is traditionally published according to the most recent autograph. This practice aligns with standard editorial conventions that prioritize the autograph and the final authorial revision. However, the analysis presented in this article of the discrepancies between the copies and the autograph, as well as the historical context of the poem not published during Pushkin's lifetime, leads to the conclusion that, in this case, the version reflected in the copies should be preferred, and published editions should be based on it.

Keywords: Alexander Pushkin, “My Ancestry”, autograph, version, copy, context of the text.

Список литературы

- Замков Н. К. Архивные мелочи о Пушкине. IV. К истории пушкинской заметки о «Записках Видока» // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29—30.
Zamkov N. K. Arkhivnye melochi o Pushkine. IV. K istorii pushkinskoy zametki o «Zapiskakh Vidoka» // Pushkin i ego sovremenniki. Pg., 1918. Vyp. 29—30.
- Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000.
Proskurin O. A. Literaturnye skandaly pushkinskoy epokhi. M., 2000.
- Савенко И. Г. «Родословная» Александра Сергеевича Пушкина // Русская старина. 1880. № 6.
Savenko I. G. «Rodoslovnaya» Aleksandra Sergeevicha Pushkina // Russkaya starina. 1880. № 6.
- Сидяков Л. С. Вокруг «Моей родословной»: Проблемы изучения и комментирования стихотворения А. С. Пушкина // Philologia: Рижский филол. сб. Рига, 2002. Вып. 4.
Sidyakov L. S. Vokrug «Moyey rodoslovnoy»: Problemy izucheniya i kommentirovaniya stikhotvoreniya A. S. Pushkina // Philologia: Rzhskiy filol. sb. Riga, 2002. Vyp. 4.
- Сидяков Л. С. Распространение «Моей родословной» в списках: Из истории раннего восприятия стихотворения Пушкина // Русская литература. 2005. № 4.
Sidyakov L. S. Rasprostranenie «Moyey rodoslovnoy» v spiskakh: Iz istorii rannego vospriyatiya stikhotvoreniya Pushkina // Russkaya literatura. 2005. № 4.
- Шур Л. Списки стихотворений Пушкина в архиве И. С. Гагарина // *Révue des études slaves*. 1987. Т. 59. Fasc. 1—2.
Shur L. Spiski stikhotvoreniy Pushkina v arkhive I. S. Gagarina // Révue des études slaves. 1987. T. 59. Fasc. 1—2.
- Щеголев П. Е. Неизданное письмо к Пушкину и неизданный автограф Пушкина // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38—39.
Shchegolev P. E. Neizdannoe pis'mo k Pushkinu i neizdannyy avtograf Pushkina // Pushkin i ego sovremenniki. L., 1930. Vyp. 38—39.

Елена Валерьевна Кардаш

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

ekar4@yandex.ru

**«ИНТЕРЕСНАЯ БЛЕДНОСТЬ»:
О комментировании поэтической
фразеологии**

Статья посвящена проблеме комментирования устойчивых поэтических

Elena Valerievna Kardash

*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-106-133

**“INTERESTING PALLOR”:
On Commenting on Poetic Phraseology**

The article addresses the challenge of commenting on stable poetic “formulas”

формул с эпитетом «бледный» в творчестве А. С. Пушкина. Поводом к исследованию послужила методологически спорная попытка В. С. Непомнящего интерпретировать подобные колокации как проявление имманентной семантической константы. На примере анализа нескольких «формульных» репрезентаций бледности в ранней лирике Пушкина («бледный страх», «бледная зависть», «бледнеющий мятеж») автор демонстрирует, что блуждающие «лексемы» поэтического языка, несмотря на их очевидную кодификацию, в каждом конкретном случае заново реконструируются из конкретного историко-литературного контекста, как текстуального, так и визуального. В заключении делается вывод о том, что для комментатора ключевой интерес представляет не сам факт использования клише, а путь его ситуативной актуализации в тексте, выявляющий скрытые связи и смыслы.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, поэтическая фразеология, историко-литературный комментарий, литературное клише, язык русской поэзии XIX века.

featuring the epithet “pale” in the works of Alexander Pushkin. The research was prompted by a methodologically controversial attempt by V. S. Nepomnyashchy to interpret such collocations as a manifestation of an immanent semantic constant. Using the analysis of several “formulaic” representations of paleness in Pushkin’s early lyrics (“pale fear”, “pale envy”, “paling revolt”) as examples, the author demonstrates that the wandering “lexemes” of poetic language, despite their obvious codification, are reconstructed anew in each specific case from the concrete historical-literary context, both textual and visual. In conclusion, it is argued that for the commentator, the key point of interest is not the mere use of a cliché, but the path of its situational actualization within the text, which reveals hidden connections and meanings.

Keywords: Alexander Pushkin, poetic phraseology, historical-literary commentary, literary cliché, 19th-century Russian poetic language.

Список литературы

- Бицилли П. М. Пушкин и Вяземский: К вопросу об источниках пушкинского творчества // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. София, 1939. Т. 35. Вып. 13.
Bitsilli P. M. Pushkin i Vyazemsky: K voprosu ob istochnikakh pushkinskogo tvorchestva // Godishnik na Sofijskiya universitet. Istoriko-filologicheski fakultet. Sofiya, 1939. T. 35. Vyp. 13.
- Вацуро В. Э. В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас»: Сб. в 2 кн. М., 1994. Кн. 1.
Vatsuro V. E. V preddverii pushkinskoj epokhi // «Arzamas»: Sb. v 2 kn. M., 1994. Kn. 1.
- Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.
Vinogradov V. V. Stil' Pushkina. M., 1941.
- Вольперт Л. И. «Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами...» («Любовные похождения кавалера Фобласа» Луве де Кувре) // Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. Тарту, 2010.

- Volpert L. I.* «Okhota tebe korchit' g. Foblasa i vechno vozit' sya s zhenshchinami...» («Lyubovnyye pokhozhdeniya kavallera Foblasa» Luve de Kuvre) // *Volpert L. I. Pushkinskaya Frantsiya. Tartu, 2010.*
- Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.*
Gillelson M. I. P. A. Vyazemsky. Zhizn' i tvorchestvo. L., 1969.
- Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969.*
Grigorieva A. D., Ivanova N. N. Poeticheskaya frazeologiya Pushkina. M., 1969.
- Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Несколько статей Я. Грота с присоединением и других материалов. СПб., 1897.*
Grot Ya. K. Pushkin, ego litseyskie tovarishchi i nastavniki. Neskol'ko statey Ya. Grota s priyodineniem i drugih materialov. SPb., 1897.
- Ивинский Д. П. Пушкин и 1812 год: Лицейские стихотворения // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 6.*
Ivinsky D. P. Pushkin i 1812 god: Litseyskie stikhotvoreniya // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2012. T. 71. № 6.
- Ивинский Д. П. Вяземский и «Арзамас»: Из комментария к письмам А. С. Пушкина // Литературный факт. 2016. № 1–2.*
Ivinsky D. P. Vyazemsky i «Arzamas»: Iz kommentariya k pis'mam A. S. Pushkina // Literaturnyj fakt. 2016. № 1–2.
- Краснобородко Т. И. О второй стихотворной вставке в пушкинской «<Повести из римской жизни>» («Что с тобой, скажи мне, братец?..») // Русская литература. 2020. № 2.*
Krasnoborodko T. I. O vtoroy stikhotvornoy vstavke v pushkinskoj «<Povesti iz rimskoy zhizni>» («Chto s toboy, skazhi mne, bratets?..») // Russkaya literatura. 2020. № 2.
- Мазур Н. Н. «Пора, мой друг, пора!...»: Источники и контексты // Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. СПб., 2005. Вып. 4 (43).*
Mazur N. N. «Pora, moy drug, pora!...»: Istochniki i konteksty // Pushkin i ego sovremenniki: Sb. nauchnykh trudov. SPb., 2005. Vyp. 4 (43).
- Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008.*
Mayofis M. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossiyskiy modernizatsionnyy proekt 1815—1818 godov. M., 2008.
- Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: Пушкинский вариант «наполеоновской» легенды // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14.*
Muravyeva O. S. Pushkin i Napoleon: Pushkinskiy variant «napoleonovskoy» legendy // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1991. T. 14.
- Непомнящий В. С. Из дневника пушкиниста // «Литературоведение как литература»: Сборник в честь С. Г. Бочарова / Отв. ред. И. Л. Попова. М., 2004.*
Nepomnyashchiy V. S. Iz dnevnika pushkinista // «Literaturovedenie kak literatura»: Sbornik v chest' S. G. Bocharova / Otv. red. I. L. Popova. M., 2004.
- Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989.*
Peskov A. M. Bualo v russkoy literature XVIII — pervoy treti XIX veka. M., 1989.
- Пильщиков И. А. Язык классической элегии: лексика, фразеология, формулы и клише: (Предварительные замечания) // Славянский стих. VII. Лингвистика и структура стиха. М., 2004.*

- Pilshchikov I. A. Yazyk klassicheskoy elegii: leksika, frazeologiya, formuly i klishje: (Predvaritel' nye zamechaniya) // Slavyanskiy stikh. VII. Lingvistika i struktura stikha. M., 2004.*
- Томашевский Б. В. Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926.*
- Tomashevskiy B. V. Pushkin i Bualo // Pushkin v mirovoy literature: Sb. statey. L., 1926.*
- Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6.*
- Yakubovich D. P. Antichnost' v tvorchestve Pushkina // Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii. M.; L., 1941. [Вып.] 6.*
- Barnett D. The Art of Gesture: The Practices and Principles of 18th Century Acting / With assistance of J. Massy-Westropp. Heidelberg, 1987.*
- Beecher D. The Lover's Body: The Somatogenesis of Love in Renaissance Medical Treatises // Renaissance and Reformation / Renaissance et Réforme, New Series / Nouvelle Série. 1988. Vol. 12. № 1: Sexuality in the Renaissance / La Sexualité à la Renaissance.*
- Butrica J. L. P. Attis and the «Palestinian» Goddesses (Ov. fast. 4.236) // Exempla Classica. 2004. Vol. 8.*
- Kivistö S. Medical Analogy in Latin Satire. N. Y., 2009.*
- McKenzie A. T. The Countenance You Show Me: Reading the Passions in the Eighteenth Century // The Georgia Review. 1978. Vol. 32. № 4.*
- Montagu J. The Expression of the Passions: The Origin and Influence of Charles Le Brun's «Conférence sur l'expression générale et particulière». New Haven, 1994.*
- Smith M. The Influence of French on Eighteenth-Century Literary Russian: Semantic and Phraseological Calques. 2006.*
- Sobol V. Nerves, Brain, or Heart? The Physiology of Emotions and the Mind-Body Problem in Russian Sentimentalism // The Russian Review. 2006. Vol. 65. № 1.*
- Vila A. C. Enlightenment and Pathology. Sensibility in the Literature and Medicine in Eighteenth-Century France. Baltimore (Md.); London, 1998.*

Александр Валентинович Курочкин
Всероссийский музей А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург)

alkurochkin@mail.ru

Alexander Valentinovich Kurochkin
The National Pushkin Museum
(Saint Petersburg)

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-133-145

Е. М. Хитрово в дуэльной истории Пушкина

ELIZAVETA KHITROVO'S ROLE IN PUSHKIN'S DUEL

В статье освещается роль Е. М. Хитрово в дуэльной истории Пушкина. Свидетельства, содержащиеся в письмах Дантеса к Е. Н. Гончаровой, позволяют пересмотреть утвердив-

The article highlights the role of Elizaveta Khitrovo in Pushkin's duel. The information provided in Dantes' correspondence with Ekaterina Goncharova allows us to reconsider the prevailing view

шеся мнение о равнодушии Хитрово к положению поэта в последние месяцы его жизни.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Е. М. Хитрово, Н. Н. Пушкина, Е. Н. Гончарова, Ж. Дантес, Л. Геккерн, дуэль, письма.

about Khitrovo's indifference to the poet in the last months of his life.

Keywords: Alexander Pushkin, Elizaveta Khitrovo, Natalia Pushkina, Ekaterina Goncharova, Georges d'Anthès, Jacob van Heeckeren, duel, letters.

Список литературы

- Витале С., Старк В. П.* Черная речка: До и после: К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. СПб., 2000.
Vitale S., Stark V. P. Chernaya rechka: Do i posle: K istorii dueli Pushkina. Pis'ma Dantesa. SPb., 2000.
- Орлов В. Е.* Наука самая занимательная... Следуя за мыслями Пушкина. Нижний Новгород; Большое Болдино, 2025.
Orlov V. E. Nauka samaya zanimatel'naya... Sleduya za myslyami Pushkina. Nizhnij Novgorod; Bol'shoe Boldino, 2025.
- Старк В. П.* Наталья Гончарова. М., 2009. (Жизнь замечательных людей).
Stark V. P. Natal'ya Goncharova. M., 2009. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudej).
- Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М., 1987.
Shchegolev P. E. Duel' i smert' Pushkina: Issledovanie i materialy. M., 1987.

Илья Винницкий

*Принстонский университет
(Принстон, Нью-Джерси; США)*

ivinitisk@gmail.com

Илья Vinitsky

*Princeton University
(Princeton, NJ; USA)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-146-164

ПУШКИН И ПОГРОМ: (История «устной эпиграммы» поэта)

В статье рассматривается генеалогия и аппликации приписываемой А. С. Пушкину эпиграммы «Господи Иисусе Христе! / Ты спас вора на кресте...». Показано, что эту эпиграмму, связываемую в литературном предании с Михайловским периодом жизни поэта, следует отнести к ряду «мнимых» или «устных» поэтических высказываний поэта, восходящих к традиции «тенденциозного» или «оскорбительного» (во фрейдовской интерпретации) французского острословия и приобретающих «реальность» в практической

PUSHKIN AND THE POGROM: The Story of the Poet's "Oral Epigram"

The article reconstructs the genealogy and applications of the epigram attributed to A. S. Pushkin, "Lord Jesus Christ! / You saved the thief on the cross...". The author shows that this epigram — traditionally associated in literary lore with the Mikhailovskoye period of the poet's life — should be regarded as one of the "spurious" or "oral" poetic statements attributed to Pushkin. These belong to the tradition of "tendentious" or "offensive" (in the Freudian sense) French witticism and acquire "reality" through the practical (ideological, political, or "thievish") in-

(идеологической, политической, «воровской») инструментализации пушкинского имени и творчества.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, эпиграмма, атрибуция текста, культурная мифология.

strumentalization of Pushkin's name and creative legacy.

Keywords: Alexander Pushkin, epigram, text attribution, cultural mythology.

Список литературы

- Берков П. Н., Лавров В. М.* Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1886—1899. М.; Л., 1949.
Berkov P. N., Lavrov V. M. Bibliografija proizvedenij A. S. Pushkina i literatury o nem. 1886—1899. M.; L., 1949.
- Вересаев В. В.* Пушкин в жизни. 6-е изд., значит. доп. М., 1936. Т. 1.
Versaev V. V. Pushkin v zhizni. 6-e izd., znachit. dop. M., 1936. T. 1.
- Виницкий И. Ю.* Остроумие Пушкина, или Самая фрейдовская шутка поэта // Новое литературное обозрение. 2018. № 6.
Vinickij I. Yu. Ostroumie Pushkina, ili Samaya frejdovskaya shutka poeta // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 6.
- Виницкий И. Ю.* Призраки Пушкина: Национальный поэт на rendez-vous. М., 2025.
Vinickij I. Yu. Prizraki Pushkina: Nacional'nyj poet na rendez-vous. M., 2025.
- Волков С. В.* Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1.
Volkov S. V. Generalitet Rossijskoj imperii: Enciklopedicheskiy slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaya II. M., 2009. T. 1.
- Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006.
Ganin A. V. Ataman A. I. Dutov. M., 2006.
- Киселев В. С.* Друзья, поэзия, политика: Переписка В. А. Жуковского и А. фон Мальтица 1822—1851 гг. // Переписка В. А. Жуковского и А. фон Мальтица, 1822—1851. Томск, 2022.
Kiselev V. S. Druz'ya, poeziya, politika: Perepiska V. A. Zhukovskogo i A. fon Mal'tica 1822—1851 gg. // Perepiska V. A. Zhukovskogo i A. fon Mal'tica, 1822—1851. Tomsk, 2022.
- Киселев Г. С.* Такая жизнь: Воспоминания, размышления, поэзия, научные статьи. Житомир, 2006.
Kiselev G. S. Takaya zhizn': Vospominaniya, razmyshleniya, poeziya, nauchnye stat'i. Zhitomir, 2006.
- Кошко А. Ф.* Розовый бриллиант: Очерки уголовного мира царской России. М., 2015.
Koshko A. F. Rozovyy brilliant: Oчерki ugolovnoogo mira carskoj Rossii. M., 2015.
- Ларионова Е. О.* Мелочи о Пушкине. 3. Устные экспромты Пушкина и их место в собраниях сочинений // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2013. Вып. 31.
Larionova E. O. Melochi o Pushkine. 3. Ustnye ekspromty Pushkina i ih mesto v sobraniyah sochinenij // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2013. Вып. 31.

- Мейлах Б. С. Пушкин в восприятии и сознании дореволюционного крестьянства // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1967. Т. 5.
Mejlakh B. S. Pushkin v vospriyatii i soznanii dorevolucionnogo krest'yanstva // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1967. T. 5.
- Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб., 2014.
Mindlin A. B. Gosudarstvennaya дума Rossijskoj imperii i evrejskij vopros. SPb., 2014.
- Проскурин О. А. Чужие остроты: (Из заметок о культуре острословия в эпоху Пушкина и Гоголя). Беззубая собака // Замечательное шестидесятилетие: Ко дню рождения Андрея Немзера. [Б. м.], 2017. Т. 1.
Proskurin O. A. Chuzhie ostroty: (Iz zametok o kul'ture ostrosloviya v epohu Pushkina i Gogolya). Bezzubaya sobaka // Zamechatel'noe shestidesyatiletie: Ko dnyu rozhdeniya Andrey a Nemzera. [B. m.], 2017. T. 1.
- Псковская земля: История в лицах. М., 2006. Т. 1.
Pskovskaya zemlya: Istoriya v licah. M., 2006. T. 1.
- Рапорт и «Записка о Пушкине» А. К. Бошняка... // Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007.
Raport i «Zapiska o Pushkine» A. K. Boshnyaka... // Aleksandr Sergeevich Pushkin: Dokumenty k biografii. 1799—1829. SPb., 2007.
- Торошина Т. Г. Фаду как объект лингвокультурологического и лингвостилистического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
Toroshchina T. G. Fadu kak ob'ekt lingvokul'turologicheskogo i lingvistilisticheskogo issledovaniya: Avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. M., 2015.
- Vaughtman E. W. Type and Motif-Index of the Folktales of England and North America. The Hague, 1966.

Абрам Ильич Рейтблат

*Российская государственная
библиотека искусств (Москва)*

reitblat@nlobooks.ru

Abram Ilyich Reitblat

*Russian State Art Library
(Moscow)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-165-182

**КТО СКРЫВАЛСЯ ЗА ЛИТЕРАМИ Ж. К.
И Д. Р. К. В «СЫНЕ ОТЕЧЕСТВА»
И «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЕ» (1823—
1827)?**

В 1823—1827 годах в журнале «Сын отечества» и газете «Северная пчела» был помещен ряд подписанных криптонимами «Ж. К.» и «Д. Р. К.» статей, в которых затрагивались актуальные проблемы литературы и журналистики, причем немало внимания было

**WHO WAS HIDING BEHIND
THE LETTERS J. K. AND D. R. K.
IN “SON OF THE FATHERLAND”
AND “NORTHERN BEE” (1823—
1827)?**

Between 1823 and 1827, the journal “Syn Otechestva” (*Son of the Fatherland*) and the newspaper “Severnaya Pchela” (*Northern Bee*) published a series of articles signed with the cryptonyms “Zh. K.” and “D. R. K.”, which addressed current issues of literature and

уделено Пушкину. Они вызвали повышенный интерес у современников и большое число откликов. Историки литературы нередко указывали, кто за ними стоял, при этом высказывались абсолютно противоположные мнения, причем если приводились аргументы, то они были достаточно случайными и не очень убедительными. В статье предпринята попытка систематического изучения статей Ж. К. и Д. Р. К. с целью поиска следов («улик») возможных авторов и атрибуции статей на этой основе.

Ключевые слова: «Сын отечества», «Северная пчела», криптоним, статья, атрибуция текста.

journalism, with considerable attention paid to Pushkin. They provoked intense interest among contemporaries and a large number of responses. Literary historians have often conjectured as to who was behind them, but they have expressed completely opposite opinions and presented rather arbitrary and not very convincing arguments. This article attempts to systematically study the articles by Zh. K. and D. R. K. with the aim of searching for traces (“clues”) of possible authors and attributing the articles on this basis.

Keywords: “Syn Otechestva”, “Severnaya Pchela”, cryptonym, article, attribution of the text.

Список литературы

- Архипова А. В. Эстетические воззрения и литературная критика декабристов // Очерки истории русской литературной критики. СПб., 1999. Т. 1: XVIII — первая четверть XIX в.
- Arhipova A. V. Esteticheskie vozzreniya i literaturnaya kritika dekabristov // Ocherki istorii russkoj literaturnoj kritiki. SPb., 1999. T. 1: XVIII — pervaya chetvert' XIX v.
- Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.
- Bazanov V. G. Vol'noe obshchestvo lyubitelej rossijskoj slovesnosti. Petrozavodsk, 1949.
- «Благо разрешился письмом...»: Переписка Ф. В. Булгарина / Сост. А. И. Рейтблат; Подгот. текста и коммент. Н. Н. Акимовой и А. И. Рейтблата. М., 2025.
- «Blago razreshilsya pis'mom...»: Perepiska F. V. Bulgarina / Sost. A. I. Rejtblat; Podgot. teksta i komment. N. N. Akimovoj i A. I. Rejtblata. M., 2025.
- Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978.
- Vacuro V. E. «Severnye cvety»: Istoriya al'manaha Del'viga—Pushkina. M., 1978.
- Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история / Пер. с ит. С. Л. Козлова. М., 2004.
- Ginzburg K. Primety. Ulikovaya paradigma i ee korni // Ginzburg K. Mify — emblemy — primety: Morfologiya i istoriya / Per. s it. S. L. Kozlova. M., 2004.
- Гинзбург К. Судья и историк: Размышления на полях процесса Софры / Пер. с ит. М. Б. Велижева. М., 2021.
- Ginzburg K. Sud'ya i istorik: Razmyshleniya na polyah processa Sofri / Per. s it. M. B. Velizheva. M., 2021.

- Лапкина Г. А. Театральная критика в 1810—1820-е годы // Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая половина XIX века. Л., 1975.
Lapkina G. A. Teatral'naya kritika v 1810—1820-e gody // Ocherki istorii russkoj teatral'noj kritiki: Konec XVIII — pervaya polovina XIX veka. L., 1975.
- Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Иван Крылов — Superstar: Феномен русского баснописца. М., 2024.
Lyamina E. E., Samover N. V. Ivan Krylov — Superstar: Fenomen russkogo basnopisca. M., 2024.
- Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983.
Meshcheryakov V. P. A. S. Griboedov: Literaturnoe okruzhenie i vospriyatie (XIX — nachalo XX v.). L., 1983.
- Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
Mordovchenko N. I. Russkaya kritika pervoj chetverti XIX veka. M.; L., 1959.
- Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. СПб., 1996.
Pushkin v prizhiznenoj kritike. 1820—1827. SPb., 1996.
- Селезнев М. Б. Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825—1827 годах // Ф. В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик: Сб. статей. М., 2019.
Seleznev M. B. Literaturnaya polemika F. V. Bulgarina i N. A. Polevogo v 1825—1827 godah // F. V. Bulgarin — pisatel', zhurnalist, teatral'nyj kritik: Sb. statej. M., 2019.
- Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813—1824).
Tomashevskij B. V. Pushkin. M.; L., 1956. Kn. 1: (1813—1824).
- Флейшман Л. С. Из истории элегии в пушкинскую эпоху // Пушкинский сборник. Рига, 1968.
Flejšman L. S. Iz istorii elegii v pushkinskuyu epohu // Pushkinskij sbornik. Riga, 1968.
- Mejszutowicz Z. Powieść obyczajowa Tadeusza Bułharyna. Wrocław a.o., 1978.

Михаил Юрьевич Эдельштейн

*Независимый исследователь
(Иерусалим, Израиль)*

edel72@gmail.com

Mikhail Yurievich Edelstein

*Independent researcher
(Jerusalem, Israel)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-183-194

**ИЗ ПЕРЕПИСКИ Л. П. ГРОССМАНА
И П. П. ПЕРЦОВА**

**FROM THE CORRESPONDENCE
OF LEONID GROSSMAN AND PYOTR
PERTSOV**

В публикации вводится в научный оборот та часть переписки Леонида Гроссмана и Петра Перцова второй половины 1920-х годов, которая посвящена обсуждению работ обоих корре-

This publication introduces into academic circulation the part of the correspondence between Leonid Grossman and Pyotr Pertsov from the second half of the 1920s that is devoted to discussing

спондентов о Пушкине. Разбираются и оцениваются также труды о Пушкине их предшественников и современников.

Ключевые слова: Л. П. Гроссман, П. П. Перцов.

both correspondents' works on Pushkin. Works on Pushkin by their predecessors and contemporaries are also analyzed and evaluated.

Keywords: Leonid Grossman, Pyotr Pertsov.

Список литературы

Богомолов Н. А. Другое литературоведение: Занятия подсекции истории русской литературы ГАХН 1925—1929 // *Русская литература и философия: Пути взаимодействия.* М., 2018.

Bogomolov N. A. *Drugoe literaturovedenie: Zanyatiya podsekcii istorii russkoj literatury GAHN 1925—1929 // Russkaya literatura i filosofiya: Puti vzaimodejstviya.* M., 2018.

Соболев А. Л. Эпизод из истории московской пушкинистики // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 2022. Вып. 36.

Sobolev A. L. *Epizod iz istorii moskovskoj pushkinistiki // Vremennik Pushkinskoj komisii.* SPb., 2022. Vyp. 36.

Спивак М. Л. Андрей Белый: Между мифом и судьбой. М., 2023.

Sпивак M. L. *Andrej Belyj: Mezhdumifom i sud'boj.* M., 2023.

Яков Вениаминович Слепков

*Российская национальная
библиотека*

(Санкт-Петербург)

iakovslepков@gmail.com

Iakov Veniaminovich Slepков

*National Library of Russia
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-195-210

**АННА АХМАТОВА В РАБОТЕ
НАД КОММЕНТАРИЕМ К РУКОПИСЯМ
ПУШКИНА**

В статье с опорой на архивные источники прослеживается хронология привлечения Анны Ахматовой к одному из проектов Пушкинской комиссии АН СССР — комментированному фототипическому изданию рабочей тетради Пушкина № 2374 (ПД 845). По инициативе Т. Г. Цвяловской в конце 1932 года Ахматовой было предложено прокомментировать рукопись «Сказки о золотом петушке»; готовый комментарий Ахматова сдала уже в конце марта следующего года. Такая скорость

**ANNA AKHMATOVA AT WORK
ON A COMMENTARY ON PUSHKIN'S
MANUSCRIPTS**

This article, based on archival sources, traces the chronology of Anna Akhmatova's involvement in a project of the Pushkin Committee of the USSR Academy of Sciences — the annotated phototype edition of Pushkin's workbook No. 2374. At the suggestion of T. G. Tsyavlovskaya, in late 1932, Akhmatova was asked to comment on the manuscript of "The Tale of the Golden Cockerel"; Akhmatova submitted the completed commentary by the end of March of the following year. This rapid pace of work is explained by

работы объясняется тем, что в основу комментария была положена ранее написанная ею статья «Последняя сказка Пушкина». Фрагменты комментария остались в черновиках; дорабатывая позднее свою статью, Ахматова планировала включить их в основной текст статьи.

Ключевые слова: А. Ахматова, Пушкинская комиссия АН СССР, «Сказка о золотом петушке», научная биография, текстология.

the fact that the commentary was based on her previously written article, “Pushkin’s Last Fairy Tale”. Fragments of the commentary remained in draft form; when later revising her article, Akhmatova planned to incorporate them into the main text.

Keywords: Anna Akhmatova, Pushkin Committee of the USSR Academy of Sciences, “The Tale of the Golden Cockerel”, scientific biography, textology.

Список литературы

- Балакин А. Ю., Турчаненко В. В.* Анна Ахматова и Пушкинская комиссия Академии наук СССР // Литературный факт. 2025. № 1 (35).
Balakin A. Yu., Turchanenko V. V. Anna Akhmatova i Pushkinskaya komissiya Akademii nauk SSSR // Literaturnyj fakt. 2025. № 1 (35).
- Рак В. Д.* Как текстологи создавали и разрушали пушкинский шедевр: (О тексте чернового наброска «Царь увидел пред собою...») // *Рак В. Д.* Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. статей. СПб., 2003.
Rak V. D. Как tekstologi sozdavali i razrushali pushkinskij shedevr: (O tekste chernovogo nabroska «Car’ uvidel pred soboyu...») // *Rak V. D.* Pushkin, Dostoevskij i drugie: (Voprosy tekstologii, materialy k kommentariyam): Sb. statej. SPb., 2003.
- Слепков Я. В.* Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»: История создания // Литературный факт. 2025. № 1 (35).
Slepkov Ya. V. Stat’ya Ahmatovoj «Poslednyaya skazka Pushkina»: Istoriya sozdaniya // Literaturnyj fakt. 2025. № 1 (35).
- Слепков Я. В.* Статья Ахматовой «Последняя сказка Пушкина»: Восприятие и критика в 1930—1960-е гг. // *Studia Litterarum* (в печати).
Slepkov Ya. V. Stat’ya Ahmatovoj «Poslednyaya skazka Pushkina»: Vospriyatie i kritika v 1930—1960-e gg. // *Studia Litterarum* (v pechati).
- Соболев А. Л.* «Постояла в золотой пыли»: Пенсионное дело Анны Ахматовой // *Соболев А. Л.* Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017.
Sobolev A. L. «Postoyala v zolotoj pyli»: Pensionnoe delo Anny Ahmatovoj // *Sobolev A. L.* Turgenev i tigrj: Iz arhivnyh razyskanij o russkoj literature pervoj poloviny XX veka. M., 2017.
- Турчаненко В.* Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: Штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата...»: Сб. статей и материалов к 70-летию Наталии Ивановны Крайневой / Сост. и ред. Я. В. Слепков. М., 2023.
Turchanenko V. Anna Akhmatova i Dmitrij Yakubovich: Shtrihi k portretam pushkinistov // «Odna velikolepnaya citata...»: Sb. statej i materialov k 70-letiju Natalii Ivanovny Krajnevoj / Sost. i red. Ya. V. Slepkov. M., 2023.

Турчаненко В. В. Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931—1936 гг.: (По материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 34. СПб., 2020.

Turchanenko V. V. Nauchnye zasedaniya, organizacionnye sobraniya i soveshchaniya Pushkinskoj komissii Akademii nauk SSSR v Leningrade v 1931—1936 gg.: (Po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva RAN) // Vremennik Pushkinskoj komissii. Vyp. 34. SPb., 2020.

Турчаненко В. В. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина как научная проблема: Идеи, концепции, реализация (1930-е—1950-е гг.): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2025.

Turchanenko V. V. Polnoe sobranie sochinenij A. S. Pushkina kak nauchnaya problema: Idei, koncepcii, realizaciya (1930-e—1950-e gg.): Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2025.

Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Бобаевская и С. И. Панов. М., 2000.

Cyavlovskij M., Cyavlovskaya T. Vokrug Pushkina / Izd. podgot. K. P. Bogaevskaya i S. I. Panov. M., 2000.

Владимир Владимирович Турчаненко

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

vladimir.turchanenko@mail.ru

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА
МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ:**

**Докладная записка В. Д. Бонч-
Бруевича С. И. Вавилову**

Публикуемая докладная записка заведующего Редакцией В. Д. Бонч-Бруевича к Президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову восстанавливает хронологию работы над академическим изданием сочинений Пушкина в период с июня 1941 года по октябрь 1946 года, обнаруживая многолетнее непримиримое противостояние Редакции и Издательства АН СССР, усилившееся на фоне попыток вмешательства Издательства в работу редакторов ПСС.

Vladimir Vladimirovich Turchanenko

*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-211-235

**ACADEMIC EDITION OF PUSHKIN'S
WORKS CAUGHT BETWEEN
TWO FIRES:**

**Vladimir Bonch-Bruevich's
Memorandum to Sergei Vavilov**

The published memorandum by Vladimir Bonch-Bruevich, Head of the Editorial Office, to Sergey Vavilov, President of the USSR Academy of Sciences, restores the chronology of work on the academic edition of Pushkin's works in the period from June 1941 to October 1946, revealing the long-term irreconcilable confrontation between the Editorial Board and the Publishing House of the USSR Academy of Sciences, which intensified against the background of attempts by the Publishing House to interfere in the work of the editors of the complete works.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, полное собрание сочинений, Издательство Академии наук СССР, В. Д. Бонч-Бруевич, С. И. Вавилов, А. И. Корчагин.

Keywords: Alexander Pushkin, Complete Works, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Vladimir Bonch-Bruevich, Sergey Vavilov, Alexander Korchagin.

Список литературы

- Богавевская К. П.* Рядом с Цявловскими // Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. М., 2000.
Bogaevskaya K. P. Ryadom s Cyavlovskimi // Cyavlovskij M., Cyavlovskaya T. Vokrug Pushkina. M., 2000.
- Васильев В. И.* Становление и развитие издательского комплекса РАН: К 270-летию академического книгоиздания // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 4.
Vasil'ev V. I. Stanovlenie i razvitie izdatel'skogo kompleksa RAN: K 270-letiyu akademicheskogo knigoizdaniya // Vestnik RAN. 1998. T. 68. № 4.
- Краснобородько Т. И.* «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания: (По материалам архива Редакции академического издания собрания сочинений А. С. Пушкина) // Русская литература. 1989. № 1.
Krasnoborod'ko T. I. «Netvorcheskie» teksty A. S. Pushkina: Problemy izdaniya: (Po materialam arhiva Redakcii akademicheskogo izdaniya sobraniya sochinenij A. S. Pushkina) // Russkaya literatura. 1989. № 1.
- Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В.* Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930—1940-е годы): По архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3.
Krasnoborod'ko T. I., Turchanenko V. V. Pushkinskij Dom i process koncentracii v SSSR rukopisej Pushkina (1930—1940-e gody): Po arhivnym istochnikam // Russkaya literatura. 2023. № 3.
- Турчаненко В. В.* «Жалко и странно, что приходится это делать в порядке частной инициативы»: К истории выдвижения академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина на Сталинскую премию // Турчаненко В. В., Цыганов Д. М. «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху: (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025.
Turchanenko V. V. «Zhalko i stranno, chto prihoditsya eto delat' v poryadke chastnoj iniciativy»: K istorii vydvizheniya akademicheskogo izdaniya Polnogo sobraniya sochinenij A. S. Pushkina na Stalinskuyu premiyu // Turchanenko V. V., Tsyganov D. M. «Pushkin nash, sovetskij!»: Oчерki po istorii filologicheskoy nauki v stalinskuyu epohu: (Idei. Proekty. Persony). M., 2025.
- Устинов А. В.* Материалы по истории русской науки о литературе: Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Стэнфорд, 1994.
Ustinov A. V. Materialy po istorii russkoj nauki o literature: Pis'ma Yu. G. Oksmana k L. L. Domgeru // Temy i variacii: Sb. statej i materialov k 50-letiyu Lazarya Flejshmana. Stenford, 1994.

Наталья Юрьевна Бакшаева
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
(Москва)

nobresova@gmail.com

Дмитрий Михайлович Цыганов
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
(Москва)

tzyganoff.mitia@yandex.ru

**ПУШКИН И МУЖИКИ REVISITED:
К социологии пушкинской народности
и истории массового чтения классики
в 1920-е годы**

В центре настоящего исследования — проблема освоения классического литературного наследия социалистической («пролетарской») культурой 1920—1930-х годов. В разные годы она характеризовалась разной же степенью теоретического и методологического плюрализма в подходе к ее решению. Однако к концу 1920-х годов политико-идеологическая динамика привела к тому, что изначальное многообразие стратегий апроприации классики было подавлено производственной установкой теоретиков РАПП. Существенный вклад в формирование официальной доктрины внесла и концепция А. В. Луначарского, интерпретировавшего классику как источник технического мастерства для пролетарских авторов. Параллельно осуществлялась масштабная работа по внедрению классических текстов — и прежде всего пушкинских — в культурный обиход через систему массовых библиотек и литературных кружков, действовавших при крупных промышленных предприятиях. Предпринятый в статье анализ деятельности кружка «Мотор»

Natalia Yurievna Bakshayeva
*A. M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy
of Sciences (Moscow)*

Dmitry Mikhailovich Tsyganov
*A. M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy
of Sciences (Moscow)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-236-264

**PUSHKIN AND THE MUZHIKS
REVISITED:
Towards the sociology of the Pushkin's
Narodnost and the History of the Mass
Reading of Classics in the 1920s**

This article focuses on the problem of appropriating classical literary heritage within socialist (“proletarian”) culture in the 1920s and 1930s. Over the years, this problem was characterized by varying degrees of theoretical and methodological pluralism in approaches to its resolution. However, by the late 1920s, political and ideological dynamics led to the initial diversity of strategies for appropriating the classics being suppressed by the industrialist orientation of Russian Association of Proletarian Writers (RAPP) theorists. A. V. Lunacharsky’s conception of the classics as a source of technical mastery for proletarian authors also made a significant contribution to the formation of official doctrine. At the same time, extensive efforts were underway to introduce classical texts — especially Pushkin’s — into cultural circulation through a system of public libraries and literary circles operating within large industrial enterprises. The article’s analysis of the activities of the “Motor” circle at the Podolsk Mechanical Plant demonstrates the hybrid nature of this work — the appendix includes two records of lessons entirely devoted to Push-

при Подольском механическом заводе демонстрирует гибридный характер этой работы — в приложении приводятся два протокола занятий, целиком посвященных творчеству Пушкина. Особое внимание в этой связи уделяется представлению о народности пушкинского творчества, истоки которого обнаруживаются в предельно идеологизированной и полностью контролируемой партийными органами сфере «массового» чтения и в том числе в оргработе с начинающими писателями в литературных кружках.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, пролетарский литературный проект, классика и классическое, массовое чтение, народность, литературные кружки, РАПП, МАПП.

kin's texts. Particular attention is paid to the notion of the popular nature of Pushkin's work, the origins of which are found in the highly ideological and completely party-controlled sphere of "mass" reading, including in organizational work with aspiring writers in literary circles.

Keywords: A. Pushkin, proletarian literary project, classics and the classical, mass reading, nationality, literary circles, RAPP, MAPP.

Список литературы

- Балина М. Р.* Идейность — классовость — партийность // Соцреалистический канон: Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера и Е. А. Добренко. СПб., 2000.
Balina M. R. Idejnost' — klassovost' — partijnost' // Socrealisticheskij kanon: Sb. statej / Pod red. H. Gyuntera i E. A. Dobrenko. SPb., 2000.
- Гюнтер Х.* Тоталитарная народность и ее истоки // Соцреалистический канон: Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера и Е. А. Добренко. СПб., 2000.
Gyunter H. Totalitarnaya narodnost' i ee istoki // Socrealisticheskij kanon: Sb. statej / Pod red. H. Gyuntera i E. A. Dobrenko. SPb., 2000.
- История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. А. Добренко и Г. Тиханова. М., 2011.
Istoriya russkoj literaturnoj kritiki: Sovetskaya i postsovetskaya epohi / Pod red. E. A. Dobrenko i G. Tihanova. M., 2011.
- Московская Д. С.* Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171).
Moskovskaya D. S. Proletarskaya literatura kak proekt // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. № 5 (171).
- Московская Д. С., Бакшаева Н. Ю., Романова О. В.* Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4.
Moskovskaya D. S., Bakshaeva N. Yu., Romanova O. V. Massovost' i «massovizacija» v rannesovetskom literaturnom processe // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 4.
- Московская Д. С., Романова О. В.* Лозунг «одемянивание» как программа воспитания пролетарского писательства // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72.

Moskovskaya D. S., Romanova O. V. Lozung «odem'yanivanie» kak programma vospitaniya proletarskogo pisatel'stva // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2024. T. 72.

O'Konnor T. E. Anatolij Lunacharskij i sovetskaja politika v oblasti kul'tury. M., 1992.

O'Konnor T. E. Anatolij Lunacharskij i sovetskaja politika v oblasti kul'tury. M., 1992.

Turchanenko V. V. Podvodya itogi sovetskogo pushkinovedeniya: Doklad N. K. Piksanova na Pushkinskoj konferencii 1937 goda // Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. № 5 (177).

Turchanenko V. V. Podvodya itogi sovetskogo pushkinovedeniya: Doklad N. K. Piksanova na Pushkinskoj konferencii 1937 goda // Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. № 5 (177).

Turchanenko V. V., Cyganov D. M. «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории пушкиноведения сталинской эпохи: (Идеи. Проекты. Персоны). М., 2025.

Turchanenko V. V., Cyganov D. M. "Pushkin nash, soveteskij!": Ocherki po istorii pushkinovedeniya stalinskoj epohi: (Idei. Proekty. Persony). M., 2025.

Cyganov D. M. «Надо, чтоб каждый в Союзе читал...»: Читатель как институция советской культуры // Slověne = Slověne. 2022. T. 11. № 2.

Cyganov D. M. «Nado, chtob kazhdyj v Soyuze chital...»: Chitateľ' kak instituciya sovet-skaj kul'tury // Slověne = Slověne. 2022. T. 11. № 2.

Cyganov D. M. От самокритики к самоуничтожению: Реорганизация советского эстетического канона в эпоху позднего сталинизма // Новое литературное обозрение. 2022. № 4 (177).

Cyganov D. M. Ot samokritiki k samounichtozheniyu: Reorganizaciya sovetskogo esteticheskogo kanona v epohu pozdnego stalinizma // Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. № 4 (177).

Cyganov D. M. «Классика» и «классическое» в советской науке о литературе: Формалисты и компаративисты: (Заметки к теме) // Codex manuscriptus. M., 2024. Вып. 5.

Cyganov D. M. «Klassika» i «klassicheskoe» v sovetskoj nauke o literature: Formalisty i komparativisty: (Zametki k teme) // Codex manuscriptus. M., 2024. Вып. 5.

Cyganov D. M. «Учитесь у величайших гениев проклятого прошлого»: Идеи «классики» и «классического» в эстетической теории и литературной практике пролетарской культуры 1920-х годов // Slověne. 2026 (в печати).

Cyganov D. M. «Uchites' u velichajshih geniev proklyatogo proshlogo»: Idei «klassiki» i «klassicheskogo» v esteticheskoi teorii i literaturnoj praktike proletarskoj kul'tury 1920-h godov // Slověne. 2026 (v pečati).

Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). М., 1990.

Shklovskij V. B. Gamburgskij schet: Stat'i — vospominaniya — esse (1914—1933). M., 1990.

O'Connor T. E. The Politics of Soviet Culture Anatolii Lunacharskii. Ann Arbor, 1983.

Ольга Сергеевна Муравьева
*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

olga_muraveva@list.ru

**ОНЛАЙН-СЕМИНАР
«ПУШКИН И ЕГО ЭПОХА»**

Хроника заседаний семинара «Пушкин и его эпоха», проводившегося в ИРЛИ РАН в 2021—2025 годах.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, пушкинская эпоха, научно-популярное знание.

Алексей Алексеевич Васильев
*Независимый исследователь
(Москва)*

ferfaix45@gmail.com

Олег Викторович Марченко
*Российский государственный
гуманитарный университет,
Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского
(Москва)*

o.v.marchenko@mail.ru

**СЛОВАРЬ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
ПУШКИНА**

Настоящая статья посвящена замыслу «Словаря французского языка Пушкина», призванного послужить продолжением и завершением классического «Словаря языка Пушкина» (1956—1961). В статье обосновывается необходимость заполнения явной лакуны в пушкинской лексикографии и создания прочной лексикографической

Olga Sergeevna Muravyova
*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-265-278

**ONLINE-SEMINAR:
“PUSHKIN AND HIS ERA”**

Chronicle of the meetings of the seminar “Pushkin and his Era,” held at the Institute of Russian Literature from 2021 to 2025.

Keywords: Alexander Pushkin, the Pushkin era, popular science knowledge.

Alexey Alekseevich Vasiliev
*Independent researcher
(Moscow)*

Oleg Viktorovich Marchenko
*Russian State University for the
Humanities; Moscow
State Tchaikovsky Conservatory
(Moscow)*

DOI 10.31860/0236-2481-2026-40-279-285

**DICTIONARY OF PUSHKIN’S
FRENCH**

The present paper deals with the project of the Dictionary of Pushkin’s French, intended to continue and to complete the classical Dictionary of Pushkin’s Language (1956—1961). We explain the necessity of filling this evident gap in Pushkin’s lexicography, thus laying a firm foundation to study “the second native language” (Tomashevsky) of the greatest

базы для изучения «второго родного языка» (Б. Томашевский) величайшего русского поэта. Описывается структура Словаря, даются примеры словарных статей.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Словарь языка Пушкина», «Словарь французского языка Пушкина», лексикография.

Russian poet. The general structure of the projected Dictionary is described, and several examples of lexical entries are provided.

Keywords: Alexander Pushkin, Dictionary of Pushkin's Language, Dictionary of Pushkin's French, lexicography.

Список литературы

- Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М., 1997.
Gak V. G., Ganshina K. A. Novyj francuzsko-russkij slovar'. М., 1997.
- Ганшина К. А. Французско-русский словарь. М., 1936.
Ganshina K. A. Francuzsko-russkij slovar'. М., 1936.
- Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1956—1961.
Slovar' yazyka Pushkina: V 4 t. / Otv. red. V. V. Vinogradov. М., 1956—1961.
- Томашевский Б. В. Французская орфография в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927.
Tomashevskij B. V. Francuzskaya orfografiya v pis'mah Pushkina k E. M. Hitrovo // Pis'ma Pushkina k Elizavete Mihajlovne Hitrovo. 1827—1832. Л., 1927.
- Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960.
Tomashevskij B. V. Pushkin i Franciya. Л., 1960.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарне (Aarne) А. А. 55
Авербах Л. Л. 240, 245
Аверинцев С. С. 190
Аврорин А. В. 9
Азадковский М. К. 244
Акимов И. (И. И.) 108
Акимова Н. Н. 169, 178
Аксаков И. С. 246, 271
Аксаков К. С. 271
Аксаков С. Т. 151
Аксаковы 271
Александр I, имп. 189, 250
Александр II, имп. 150
Александра Федоровна, имп. 141
Александров (наст. фам. Келлер) В. Б.
242, 244
Алексеев М. П. 3, 202, 289
Алкивиад 189, 190
Альфьери (Alfieri) В. 23, 33, 35, 56,
57, 59
Амбодик-Максимович Н. М. 108
Амфитеатров А. В. 159
Анакреон (Анакреонт) 39, 41, 45, 53,
56, 57, 59, 61, 63, 74
Андреев Н. П. 244
Анненков П. В. 32, 61, 62, 64
Антоний Вольинский, архиеп. 161
Арина Родионовна 20
Архипов В. А. 171
Архипова А. В. 166
Аснина О. В. 7
Атаров Н. С. 160
Афеней 54, 56, 60, 63, 79
Ахматова А. А. 4, 195–210
Ашукин Н. С. 202
Б. Р. 201
Бабст И. К. 13
Базанов В. Г. 167, 171, 173
Байков И. И. 102
Байрон (Вугол) Дж. Г. 29, 30, 33, 36,
37, 39, 40, 49, 50, 58, 66, 267
Бакшаева Н. Ю. 236, 241
Балакин А. Ю. 40, 198, 290, 292
Балина М. Р. 242
Балш Т. 5
Баранов Е. З. 85
Баратынский Е. А. 22, 25, 28, 29, 36,
45, 277, 289
Барклай де Толли М. Б. 134
Бархатцев С. 171
Батюшков К. Н. 113, 125, 128, 289
Бедный Демьян (наст. имя и фам.
Е. А. Придворов) 32
Бек А. 238
Беккер М. И. 237, 247, 248, 253,
257, 260
Белинский В. Г. 186, 244, 246, 257
Беллини В. 138
Белоусов А. Ф. 83, 85

- Белоусова Е. А. 292
 Бельй А. 193, 194
 Бельчиков М. Ф. 202
 Беляев М. Д. 229
 Бен Г. 158
 Бенкендорф А. Х. 21–23, 99–102, 104–106, 139
 Березкина С. В. 20, 22, 55, 64, 287
 Беринг В. И. 172
 Берков П. Н. 152
 Берковский Н. Я. 245
 Берх В. Н. 172
 Бестужев (Бестужев-Марлинский) А. А. 34, 166, 171, 172, 174
 Бетеа Д. М. 125
 Битобе (Bitaubé) П.-Ж. 109
 Битов А. Г. 82
 Биццали П. М. 130
 Благой Д. Д. 197, 202, 203, 214, 226, 227, 236
 Блок А. А. 183, 289
 Богаевская К. П. 196, 234
 Богомоллов Н. А. 194
 Боднарский М. С. 10
 Бодрова А. С. 10
 Бойчевский В. 244
 Бонди С. М. 196–198, 200, 203, 204, 207, 209, 214, 222, 226, 235, 279
 Бонч-Бруевич В. Д. 4, 22, 211, 213–215, 225, 227, 232, 233, 235
 Боулз (Bowles) У. Л. 44
 Боуман Э. 147
 Бочаров С. Г. 107
 Бошняк А. К. 153
 Бояркин 250, 252, 256
 Бояркина П. В. 265
 Брик О. М. 262
 Броневский В. Б. 273
 Брусиловский Н. Е. 227
 Брюсов В. Я. 106, 183, 185, 255
 Буало (Voileau-Despréaux) Н. 130, 131
 Будылин И. Т. 291
 Булатов В. Э. 8
 Булгарин Ф. В. 30, 100–103, 146, 165, 166, 169–182, 274
 Булич Н. Н. 151, 183, 185, 255
 Бурлюк Д. Д. 237
 Бутурлин Д. П. 172
 Бутурлин М. П. 31
 Бюргер (Bürger) Г.-А. 55
Вавилов С. И. 4, 211, 213–215
 Вадим Новгородский 42, 58, 61, 67
 Валленроде (Валенрод) (Wallenrode) К. фон 41, 44, 53, 56, 59, 72
 Валуев П. А. 144
 Васильев А. А. 285
 Васильев В. И. 15, 233
 Васильева И. Э. 274, 275
 Васильева С. А. 293
 Васнецов Ап. М. 190, 191, 288
 Васселье (Vasselier) Ж. 90
 Вацуро В. Э. 29, 48, 64, 126, 166
 Велижев М. Б. 167
 Великодная И. Л. 13
 Великопольский И. Е. 34
 Вергилий 7, 39, 114
 Вересаев В. В. 164, 192, 194, 251, 256
 Верховский Ю. Н. 193, 194
 Видок (Vidocq) Э. Ф. 103
 Виленкин В. Я. 198
 Вильборг А. 234
 Вильбрехт А. М. 8
 Вильруа (Villeroi) Ф. де Нёвиль 93
 Вильсон (Wilson) Дж. 41, 44, 53, 55, 57, 60, 77
 Виницкий И. Ю. 4, 146, 164
 Виноградов В. В. 108, 122, 125, 279
 Виноградов И. А. 244
 Винокур Г. О. 19, 214, 226
 Виппер Б. Р. 240
 Виппер Р. Ю. 189, 190
 Виролайнен М. Н. 4, 34, 38, 46, 64, 268, 273, 289, 293
 Витале С. 138, 141, 143, 144
 Витт И. О., гр. 153, 274
 Владимиров И. Н. 84

- Вовенарг (Vauvenargues) Л. де Клапье де 91
- Воейков А. Ф. 174, 177, 179–181
- Вожик Е. И. 4
- Воздвиженский В. 160
- Войтоловский Л. Н. 187
- Волков С. В. 147
- Волкова М. А. 127
- Волконская Э. А. 41, 49, 59, 71, 266
- Волконский С. М. 246
- Вольперт Л. И. 109, 123
- Вольтер (Voltaire) 6, 11, 15, 122–124, 179, 188, 282
- Воронский А. К. 261, 263
- Воронцов М. С. 91, 92, 94
- Всеволожский Н. В. 65, 273
- Вульф А. Н. 25, 28, 33, 34
- Вульффы 24, 35
- Вяземская В. Ф., кн. 140, 144
- Вяземская М. П., княж. 144
- Вяземский П. А., кн. 21, 30, 31, 34, 35, 100, 125–131, 137, 140–142, 144, 165, 166, 168, 179, 181, 243
- Г. А. 208
- Габричевский А. Г. 185
- Гагарин И. С. 101
- Гак В. Г. 284
- Галич А. И. 181
- Ганин А. В. 160
- Ганнибал А. П. 26
- Ганшина К. А. 284
- Гаршин В. М. 242
- Гаспаров М. Л. 113, 190
- Гафиз (Хафиз), Шеме-Эддин-Мухаммед 38, 41, 46, 53, 56, 57, 59, 61, 63, 74
- Гдалин А. Д. 291
- Геккерн Л. 135, 137, 139, 140
- Геннади Г. Н. 32, 33, 61
- Георгиевский Г. П. 197, 198
- Геродот 189
- Герцен А. И. 241
- Гершензон М. О. 186, 187, 254, 257
- Герштейн Э. Г. 204
- Гёте (Goethe) И. В., фон 41, 179
- Гиллельсон М. И. 128, 166
- Гинейко Б.-Л. Л. 147, 162
- Гинзбург К. 167
- Гиппиус В. В. 214, 216, 222, 223, 233, 244
- Гиппиус Э. Н. 193
- Гиппиус Ф. И. 233
- Гладков Ф. В. 262
- Глебов А. П. 89
- Глинка М. И. 48
- Глинка С. Н. 172
- Глинка Ф. Н. 29
- Гнедич Н. И. 39, 41, 179
- Гоголь Н. В. 146, 193, 194, 216, 223, 261, 264, 269, 270, 289, 291
- Годунов Борис Федорович, царь 6, 23, 24, 273, 274, 277, 288
- Голенищев-Кутузов Л. И. 133
- Голенищев-Кутузов П. В. 180
- Голик Р. 234
- Голицына Е. И. 266
- Гомер (Homère) 39, 124
- Гонзага (Gonzaga) Т. А. 34, 35
- Гонто Ш. де, герцог 94
- Гончаров Д. Н. 138, 139
- Гончаров И. А. 241
- Гончарова Е. И. 184
- Гончарова Е. Н. 135, 137, 140, 142–145
- Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
- Гончаровы 12, 15
- Гораций (Horace) 110, 114, 179
- Горбачев Г. Е. 245, 262
- Горнунг Л. В. 192, 194
- Горький М. 234, 238, 240
- Гоффеншефер В. Ц. 238
- Грей (Gray) Т. 41
- Греч Н. И. 103, 146, 166, 169–182, 273
- Гречаная Е. П. 45
- Гречихова Ю. Ю. 7
- Грибоедов А. С. 167, 178–180, 242, 269, 289–291
- Григорьев Ап. А. 185–187, 189, 272

- Григорьева А. Д. 125
 Гроссман Л. П. 4, 183–194, 202
 Грот К. Я. 149
 Грот Я. К. 109, 149
 Грушкин А. И. 244
 Гудзий Н. К. 192
 Гунст Е. А. 184
 Гурштейн А. Ш. 244
 Гус М. С. 244
 Гуськов С. Н. 291
 Гюнтер Х. 242
- Давидхази** П. 83
Давыдов А. Л. 58
Д'Аламбер (D'Alembert) Ж.-Б. ле Ронд
 95, 98
Даль В. И. 241, 267, 289–292
Данте Алигьери (Dante Alighieri) 60
Дантес Ж. 135, 137–145, 192
Дарский Д. С. 10
Д'Аршиак О. 192
Декарт (Descartes) Р. 116
Дельвиг А. А. 21, 24, 27–30, 32–34,
 36, 37, 53, 59, 61, 63, 71, 104,
 105, 166, 243, 289
Дельвиг А. И. 28
Дементьев М. А. 12
Дёмин А. О. 290–292
Денисенко С. В. 270, 287, 290, 291,
 293
Державин Г. Р. 109, 248, 254, 267
Дидро (Diderot) Д. 95, 120
Димитрий, царевич 6
Дмитриев И. И. 31, 89, 114, 129,
 130, 178, 179, 267, 277
Дмитриев М. А. 39, 41, 45
Дмитриева Е. Е. 267
Дмитриева Н. Л. 34, 45, 268
Дмитрий Самозванец 273, 274
Добренко Е. А. 263
Добролюбов Н. А. 242, 246
Добрицын А. А. 4, 88, 89, 99
Добрынин Я. А. 14, 18
Довлатов С. Д. 82
Долгова С. Р. 13
- Долинин** А. С. 202
Долинин Д. 251, 253, 256, 260
Домгер Лидия Леопольдовна 233, 234
Домгер Людвиг Леопольдович 216,
 217, 228, 233, 234
Домгеры 234
Доранж (Dorange) П. 124
Дорошенко (семья) 12
Достоевский Ф. М. 50, 184–187,
 194, 210, 237, 242, 246, 262,
 264, 272
Дружинин П. А. 15
Дубровский А. В. 268
Думиника И. 163
Дубин Б. В. 83
Дурьлин С. Н. 272, 273
Дутов А. И. 160
Духанина 252, 253, 256
Душечкина Е. В. 20, 292
Дюкло (Duclos) Ш. П. 97, 98
- Евдокимова** Т. В. 290
Евтушенко Е. А. 152
Еголин А. М. 245
Екатерина II, имп. 189, 260, 263
Елгерхейс (Jelgerhuis) Й. 120, 121
Елизавета Алексеевна, имп. 137, 189
Еремеев И. С. 259, 262
Ермилов В. В. 237, 245, 246
Ермолай-Еразм 290
Ермолов А. П. 31, 32
Ершов П. П. 272
Ефремов П. А. 32, 33, 61, 100, 101,
 104, 106
- Жанна д'Арк** (Jeanne d'Arc) 84
Жданов Н. 244
Жиран (Girard) Г. 97
Жирмунский В. М. 240
Жихарев С. П. 25
Жуйкова Р. Г. 25, 287
Жуковский В. А. 7, 34, 39, 41, 45,
 48, 51, 54, 56, 58, 61, 66, 69, 122,
 123, 125–127, 131, 132, 135,

- 136, 140, 157, 165, 168, 179, 268, 272, 276, 277
 Журавский К. 158, 159
- Загряжская** Е. И. 136, 138, 139
 Загряжские 12
 Загряжский А. А. 12, 14, 18
 Загряжский И. А. 12
 Замков Н. К. 103
 Замошкин Н. И. 262
 Заозерский А. И. 217, 234
 Зеленый П. А. 150, 151
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
 Знаменский М. В. 247
 Золотарев М. А. 149
 Золотухин В. Т. 277
 Зоценко М. М. 83, 86, 87
- Ибрагимов** Н. М. 151, 152, 159
 Иванов Вяч. И. 190
 Иванов С. В. 190, 191
 Иванова Н. Н. 125
 Ивинский Д. П. 122, 128, 131
 Иезуитога Р. В. 19, 22, 23, 27, 32, 35, 287, 291
 Измайлов А. Е. 171, 173
 Измайлов В. В. 22, 29
 Измайлов Н. В. 209, 214, 217, 228, 234
 Иконникова М. Н. 198
 Иловайский Д. И. 189, 190
 Иоанн, игум. 153
 Иона, игум. 160
 Ирвинг (Irving) В. 195, 204, 205, 207
 Исбах А. А. 238
- Казанский** Б. В. 202
 Калавски (Kalavszky) Ж. 4, 82–87
 Калмыкова В. В. 194
 Кантемир А. Д. 248
 Капнист В. В. 109
 Капнист П. И. 46–49, 53, 66–69
 Караваева А. А. 261, 262, 264
 Карамзин Александр Н. 142–144
 Карамзин Андрей Н. 142–144
 Карамзин Н. М. 125–128, 131, 140, 177, 260, 263, 267, 277
 Карамзина Е. А. 140, 142, 266
 Карамзина Е. Н. 25, 35
 Карамзина С. Н. 140
 Карамзины-Мещерские 144
 Кардаш Е. В. 4, 111
 Карпантье (Carpentier) Л.-Ж.-М. 108
 Кастель (Castel) Р.-Р. 108
 Катанская Л. А. 230
 Катенин П. А. 34, 39, 41
 Квинтилан 114
 Керзон (Curzon) Дж. Н. 157, 158
 Керн А. П. 252–254
 Кипренский О. А. 30, 32, 37
 Киселев В. С. 157, 272, 276
 Киселев Г. С. 150, 151
 Китанина Т. А. 4, 20, 274
 Клейнмихель П. А. 149
 Клеопатра VII Филопатор 29
 Княжевич А. М. 173
 Княжевич В. М. 173
 Княжевич Д. М. 167, 173
 Княжнин Я. Б. 109
 Коган П. С. 237, 262
 Козлов И. И. 7, 41, 49, 59, 62, 70
 Козлов С. Л. 167
 Козмин Н. К. 197, 203
 Козьмин Б. П. 186
 Колумб Х. 260, 263
 Комаров В. Л. 218, 234
 Комарович В. Л. 216, 234
 Комелина Н. Г. 292
 Кондакова Т. И. 15
 Кони Ф. А. 150
 Констан (Constant) Б. 208
 Константин Павлович, вел. кн. 180
 Коншин Н. М. 100, 101, 104–106
 Коплан Б. И. 217, 234
 Корнилович А. О. 172
 Корнуолл (Cornwall) Б. 44, 46, 53, 56, 57, 60, 63, 78
 Коробкова Э. 238
 Короленко В. Г. 242
 Корф М. А. 149

- Корчагин А. И. 211, 216, 233
 Коссов К. 238
 Косьяненко Н. Е. 4
 Кочубей В. П. 102
 Кошанский Н. Ф. 114
 Кошелев А. В. 292
 Кошелев В. А. 289, 292
 Кошко А. Ф. 159, 160
 Крайнева Н. И. 195
 Крамер В. В. 13
 Краснобородько Т. И. 3, 5, 7, 23, 27, 57, 132, 234, 235, 266, 288, 289, 292
 Красулин, владелец магазина в Костроме 185
 Кржевский Б. А. 205
 Кривцов Н. И. 6
 Крупская Н. К. 190
 Крученых А. Е. 237
 Крушеван П. А. 162, 163
 Крылов И. А. 170, 289, 290
 Крюкова Т. Н. 234
 Ксенофан Колофонский 54, 56, 60, 63, 79, 80
 Кук Дж. 5
 Кукольник Н. В. 271
 Кунин В. В. 12, 135
 Курочкин А. В. 4, 133, 145
 Курт А. В. 198
 Кутепова М. Б. 84
 Кутузов М. И. 133
 Кюхельбекер В. К. 173, 253

 Лабзин А. Ф. 102
 Лавров А. В. 185
 Лавров В. М. 152
 Лагарп (La Harpe) Ж.-Ф. 124
 Лазарев (Грузинский) А. С. 264
 Лайкевич (урожд. Мудрова) С. А. 102
 Лакомб де Презель (Lacombe de Prezel) О. 108, 117
 Ламот-Лангон (Lamothe-Langon) Э. Л. де 155
 Ланская В. А. 127

 Лапкина Г. А. 166
 Ларионова Е. О. 29, 51, 52, 55, 64, 127, 154
 Ларошфуко (La Rochefoucauld) Ф. де 96
 Латуш (Latouche) (наст. имя Табо А. де) 45, 46, 53
 Лафар (La Fare) Ш.-О. маркиз де 45
 Лафонтен (La Fontaine) Ж., де 108
 Лашева А. С. 4
 Лебедева О. Б. 266, 269, 270, 273, 276
 Лебрен (Le Brun) Ш. 115–119, 121
 Левитт М. Ч. 84
 Левицкая А. 238
 Левкович Я. Л. 171, 287, 289
 Лелевель И. 182
 Лелевич Г. 263
 Ленин В. И. 213, 257
 Леонов Л. М. 262
 Лересс (Lairresse) Ж. де 121
 Лермонтов М. Ю. 157, 193, 194, 242, 289, 290
 Лернер Н. О. 202
 Линцер Р. И. 120
 Литвин Е. Ю. 187
 Лихачев Д. С. 3, 234, 288, 291
 Лихтенштейн Е. С. 221–223, 227, 235
 Лобачевский Н. И. 151
 Лобойко И. Н. 179
 Ломоносов М. В. 248
 Лонле (Lonlay) Э. де 156
 Лорченков В. В. 164
 Лотман Ю. М. 83, 86, 277
 Лубяновский Ф. П. 273
 Луве де Кувре (Louvet de Couvray) Ж.-Б. 109
 Лудилова Е. В. 165, 167, 175
 Луначарский А. В. 32, 196, 197, 200, 201, 239, 240
 Людовик XIII 122
 Людовик XIV 122
 Лямина Е. Э. 170

- Мазур** Н. Н. 112
Майков В. И. 109
Майков Л. Н. 62
Майофис М. Л. 129
Малашкин С. И. 262, 264
Мальтиц (Maltitz) А. фон 156–167
Мандрыкина Л. А. 204
Мансветов В. 208
Маргочи И. 83
Марич (наст. фам. Чернышева) М. Д. 253, 256
Маркиш С. П. 190
Мармонтель (Marmontel) Ж.-Ф. 95
Маро (Марот) (Marot) К. 41, 42, 48, 58, 61, 64, 65
Мартынов А. Ф. 152
Мартынов И. А. 212, 233
Марченко О. В. 285
Масанов И. Ф. 167
Маскевич С. 177
Маяковский В. В. 237, 240
Медведева-Томашевская И. Н. 234
Мейлах Б. С. 148, 152, 154, 237, 244
Мережковский Д. С. 186, 187
Мерсье (Mercier) Л.-С. 109
Мещанинов И. И. 213, 214, 235
Мещеряков В. П. 167, 178
Мильтон (Milton) Дж. 255
Миנדлин А. Б. 150
Михаил Павлович, вел. кн. 140
Михайлова А. К. 4, 293
Михайлова Н. И. 267, 270, 272, 275, 293
Мицкевич (Mickiewicz) А. 41, 44, 53, 54, 56, 57, 59–62, 72, 80, 81, 199, 282, 283
Мнишек М. 177
Модзалевский Б. Л. 5–7, 12, 15, 23, 45, 94
Модзалевский Л. Б. 6–8, 10–13, 15, 23, 203, 214, 283
Модников М. 250, 255
Молотов В. М. 226
Моммзен (Mommsen) Т. 189, 191
Монтень (Montaigne) М. де 97
Мордвинов Н. С. 30–32, 37
Мордовченко Н. И. 166, 167, 175, 233
Моро де Бразе (Moreau de Brasey) Ж. 212
Морозов П. О. 32, 34, 61, 62
Московская Д. С. 239, 241, 247
Мосх (Moschus) 41, 47, 48, 58, 67
Мотеюнайте И. В. 272, 273, 275, 276, 293
Моцарт В. А. 252, 255
Мур (Moore) Т. 276
Муравьев Вл. 244
Муравьева О. С. 89, 91, 94, 122, 265, 266, 269, 271, 278
Мурзакевич Н. Н. 159
Мусоргский М. П. 190
Муханов В. А. 165, 166
Муханов Н. А. 166
Муханов П. А. 178
Набоков В. В. 289
Наполеон I Бонапарт 121, 122, 155
Нарбут В. И. 241
Некрасов С. М. 291
Нелединский-Мелецкий Ю. А. 127
Немзер А. С. 146
Немировский И. В. 22
Непомнящий В. С. 107, 110–112
Нефедьева А. И. 136
Нешумова Т. Ф. 192
Николаевский Б. И. 234
Николай I, имп. 31
Николай II, имп. 105, 147
Николев П. И. 109
Никольский А. С. 114
Никольский В. В. 187
Новиков И. А. 192
Новиков-Прибой А. С. 160
Новосильцов Н. Н. 180
Нусинов И. М. 262
Ободовская И. М. 12
Овидий 39, 108

- Овсянко-Куликовский Д. Н. 242, 255, 257
 Огарев Н. П. 100
 Оделькоп Е. И. 21
 О'Коннор (O'Connor) Т. Э. 239
 Оксман Ю. Г. 32, 63, 166, 197, 198, 202, 203, 234
 Оленин А. Н. 127
 Олин В. Н. 174
 Омудевский И. В. 242
 Ончуков Н. Е. 85
 Орлов А. Н. 8–10, 16
 Орлов А. С. 244
 Орлов В. Е. 135
 Осипова П. А. 252
 Осиповы 24, 35
 Отрепьев Г. см. Дмитрий Самозванец
 Охотин Н. Г. 111, 128, 133
- Павел I**, имп. 8, 103, 147
 Павлицев Н. И. 48
 Павлов Н. Ф. 274
 Палладин И. 250, 251, 253, 256
 Панаев В. И. 151
 Панов С. И. 196
 Панченко А. М. 86
 Парни (Paru) Э.-Д. 53, 68
 Пастернак Б. Л. 289
 Пеньковский И. М. 143
 Переверзев В. Ф. 262
 Персий 109, 113
 Перцов П. П. 4, 183–194
 Перцова М. П. 186
 Перцов Э. П. 173
 Песков А. М. 131
 Пестель П. И. 25
 Петефи Ш. 83
 Петр I, имп. 24, 26, 35, 36, 191, 212
 Петр III, имп. 259, 260
 Петров В. П. 31
 Петрокас Л. 235
 Петрунина Н. Н. 287
 Пещуров А. Н. 176
 Пикар (Picart) Б. 115, 116
 Пиксанов Н. К. 167, 201, 202, 244, 246
- Пильняк Б. А. 262
 Пильщиков И. А. 112
 Пиндемонте (Pindemonte) И. 56, 57, 60
 Писарев Д. И. 254, 257
 Плетнев П. А. 31, 34, 38–40, 42–44, 46–50, 52–55, 57, 60–64, 69, 71, 74–78, 272, 273
 Плутарх 189, 190
 Погодин М. П. 6, 23, 24, 26, 34, 127, 173, 175
 Полевой Н. А. 165, 169, 174, 178, 180–182
 Поливанов К. М. 198
 Полонский Вяч. П. 262
 Полторацкий С. Д. 11–15, 18, 100, 165
 Поляк Л. М. 238
 Полякова А. А. 277
 Померанская Т. В. 184
 Пономарев С. И. 166
 Попов В. 149
 Попович А. И. 14
 Потенба А. А. 246, 247
 Поуп (Pore) А. 109, 129, 130
 Правилова Е. А. 147, 161
 Приселков М. Д. 217, 234
 Прокофьева А. П. 176
 Пролет Е. В. 9
 Проскурин О. А. 102, 103, 125, 146
 Протопопов М. А. 143
 Прянишников Н. 238
 Пугачев Е. И. 212, 216, 218, 244, 258–261, 263
 Путилов Б. Н. 292
 Пушкин А. А. (внук) 5
 Пушкин В. Л. 31, 58, 66, 125, 127, 128, 272
 Пушкина (урожд. Гончарова) Н. Н. 12, 135, 138, 139, 144, 145
 Пушкина О. С. 243
 Пушин И. И. 25
- Радищев А. Н.** 6
 Раевский Н. Н. (старший) 32
 Разин С. Т. 262, 264, 288

- Рак В. Д. 26, 50, 84, 210, 287
 Ранке (Ranke) Л. фон 189, 191
 Расин (Racin) Ж. 179
 Рейтблат А. И. 4, 169, 170, 178, 179
 Рейх Б. 245
 Ремизов А. М. 289
 Рише (Richer) А. 90
 Рогова А. И. 4
 Родионова А. Е. 15
 Рождественский С. В. 246
 Розанов В. В. 184, 185, 193, 194
 Розанов И. Н. 8, 10
 Романова О. В. 241, 247
 Росси К. И. 191
 Ростопчина Е. П. 145
 Руайу (Rouou) Ж. К. 96, 98
 Рубо (Roubaud) П.-Ж.-А. 98
 Рукавишников И. С. 255, 257
 Румянцева В. Ф. 198
 Руссо (Rousseau) Ж.-Б. 91, 92
 Рыбаков В. 253, 256, 262
 Рыбникова М. А. 244
 Рылеев К. Ф. 25, 166, 170–172, 174,
 179, 254, 257, 289, 290
 Рылеева Н. М. 176
 Рьшков В. А. 5
 Рябушкин А. П. 190, 191
- Савенко И. Г. 105
 Сайтов В. И. 131
 Сакулин П. Н. 32
 Салинка В. 165
 Салтыков Н. И. 127
 Салуччи А. 155
 Сальери А. 252, 255
 Самовер Н. В. 170
 Самсонов Т. П. 229, 235
 Сандомирская В. Б. 286
 Сапфо (Сафо) 42
 Светоний 189
 Свистунова М. П. 127
 Севера М. 156
 Селезнев М. Б. 174
 Сельвинский И. Л. 262
 Семенов В. Н. 146
- Семенов С. Н. 271
 Семенова Е. С. 291
 Сенковский О. И. 171
 Сен-Симон (Saint-Simon) А. 92–96
 Сербинович К. С. 29
 Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) М. де 264
 Сергиевский И. В. 202
 Сиддонс Г. 120, 121
 Сидяков Л. С. 5, 99, 101, 289
 Сикорский И. А. 255, 257
 Силады М. 82
 Сим М. 238
 Синявский А. Д. см. Терц А.
 Скотт (Scott) В. 39, 173
 Слепков Я. В. 195, 198, 207
 Сленин И. В. 28
 Словохотов Л. А. 241
 Слонимский А. Л. 244
 Смирдин А. Ф. 146
 Смирнова-Россет А. О. 266
 Собаньская К. А. 46
 Соболев А. Л. 194, 208
 Соболевский С. А. 21, 34
 Соколов Ю. М. 244
 Соллогуб В. А. 134, 140
 Соловьев В. И. 32
 Сомов О. М. 29, 173
 Сорокин В. В. 12
 Сорочан А. Ю. 291, 293
 Спивак М. Л. 194
 Станкевич А. И. 8
 Старк В. П. 138, 141, 143, 144
 Стеллецкий Д. С. 190, 191
 Степанов В. П. 5
 Степняк-Кравчинский С. М. 241
 Страхов Н. Н. 186, 187, 272
 Строганов М. В. 31
 Стукалов А. 162
 Суворин А. 166
 Суворов А. В. 181
 Суворов П. П. 152
 Сукач В. Г. 193
 Суриков В. И. 190, 191

- Сухарев А. 250, 253, 256
 Сырф В. 163
- Т**
 Таллар (Tallard) К. д'Отён 93
 Тарич Ю. В. 263
 Тацит 30, 189
 Тепляков В. Г. 137
 Терпигорев Н. Н. 146
 Терц А. (Синявский А. Д.) 289
 Тессе Рене де Фруле 93
 Тизенгаузен Е. 136, 141
 Тимирязев К. А. 150, 233
 Тит Ливий 189
 Тиханов Г. 263
 Тихомирова С. Н. 7
 Толстой Л. Н. 187, 193, 237, 242, 261, 262
 Толстяков А. П. 14
 Томашевский Б. В. 15, 22, 27, 31, 32, 46, 48, 50, 63, 64, 123, 131, 166, 197, 198, 202, 203, 209, 214, 236, 244, 245, 279–281, 284
 Томпсон С. 55
 Томсон (Томпсон) (Thomson) Дж. 41
 Топоров А. М. 86, 238
 Торощина Т. Г. 156
 Трубицын Н. Н. 246
 Туманский В. И. 22
 Тургенев А. И. 127, 128, 136
 Тургенев И. С. 193, 208, 242
 Тургенев Н. И. 127
 Турчаненко В. В. 3, 5, 7, 23, 195, 196, 198–201, 203, 211, 214, 234, 246, 292
 Тынянов Ю. Н. 83, 202
 Тютчев Ф. И. 157, 185, 242, 246
- У**
 Уваров С. С. 127
 Ульянова-Елизарова А. И. 152
 Урусов С. Д., кн. 149
 Ушаков В. А. 173
 Ушакова Е. Н. 53, 59, 288
- Ф**
 Фабр д'Эглантин 97
 Фадеев А. А. 240
- Файбисович В. М. 114
 Фаргат-бек 74
 Федин К. А. 262
 Федоров Иван 219, 220, 234
 Федотова С. Б. 3, 19, 29, 288, 293
 Федута А. И. 178
 Феокрит 46, 59
 Фесенко Ю. П. 292
 Фетисенко О. Л. 184
 Фикельмон Д. Ф., гр. 136, 142, 266
 Фикельмон К. Л., гр. 137
 Филиппов В. Г. 160
 Флейшман Л. С. 167, 173, 234
 Фок М. Я. фон 31
 Фомин А. Г. 202
 Фомичев С. А. 3, 50, 267, 269, 271–273, 276, 286–293
 Фомичева В. С. 291
 Фревилль (Fréville) А.-Ф.-Ж. 96
 Фрейд З. 147
 Фролов М. А. 192
 Фуко М. 83
- Х**
 Хармс Д. И. 83, 86, 87, 289
 Херасков М. М. 31, 109
 Хитрово (урожд. Кутузова-Смоленская) Е. М. 4, 21, 133–145, 266, 281
 Хлебников В. 237
 Хомяков А. С. 289, 290
- Ц**
 Цветкова Н. В. 271, 274, 277
 Цвиркун В. 163
 Цейтлин А. Г. 179
 Цицерон 113
 Цыганов Д. М. 7, 211, 236–238, 246
 Цявловская (Зенгер) Т. Г. 11, 19, 21, 23, 27, 32, 63, 134, 135, 196–199, 213, 214, 218, 220, 224, 229, 234, 287
 Цявловские 199, 200, 234
 Цявловский М. А. 10, 11, 13, 14, 23, 32, 62, 63, 100, 196, 197, 199–201, 203, 209, 213, 214, 217–221, 224–226, 230, 231, 234

- Чаадаев (Чедаев) П. Я.** 58, 134, 250, 255, 279
Чакир М., прот. 163
Чапыгин А. П. 262, 264
Чарльз, принц Уэльский, ныне король Карл III 288
Чернавин И., прот. 161
Черных В. А. 198
Чернышев В. И. 55, 86
Чехов А. П. 242, 261, 264
Чешихина В. Е. 148
Чистов К. В. 292
Чихачев М. Н. 148, 152–154, 161
Чихачев П. А. 157
Чуковская Л. К. 209
Чулков Г. И. 192
- Шаламов В. Т.** 289, 292
Шапошникова В. И. 252–254, 256, 259
Шафир Я. М. 238
Шаховской А. А. 182, 273
Шевырев С. П. 182, 271, 272
Шекспир У. 264
Шенье (Chénier) А. 21, 34, 39, 41, 42, 45–47, 56, 57, 59–61, 63, 69–71
Шервинский С. В. 192
Шиллер Ф. 264
Шильцев В. Д. 275
Шишкин А. Б. 14
Шкловский В. Б. 240, 241, 263, 264
Шляпкин И. А. 27
Шмелев И. С. 289
Шолье (Chaulieu) Г.-А., аббат де 45
Штиглиц Л. И. 31
Шульгин В. В. 161
Шур Л. 101
Шуршин В. 252, 253, 256, 258–260
- Щеголев П. Е.** 32, 106, 140, 186, 187, 192, 236
Щербина В. Р. 244
Щукин П. И. 166
- Эдельштейн М. Ю.** 183
Эдлинг (урожд. Стурдза) Р. С. 137
Эйхенбаум Б. М. 202, 214, 217
Элден (Elden) Д. ван 93, 96
Энгель И. Я. 121
Этвеш Л. 82
Эттингер Ф. А. фон 14
Эфрос А. М. 197, 202, 203, 287
- Ювенал** 43, 110
Юдин С. С. 217, 234
Юксель (Nuxelles) Н.-Ш. дю Бле 92, 94
Юсупов Н. Б. 267
Юхименко Е. М. 9
- Якименко О. А.** 82
Яковкин И. Ф. 151, 152
Яковлев Н. В. 44, 202
Яковлев П. Л. 171
Якубович Д. П. 114, 115, 195–201, 203, 214, 244, 262
Якушкин В. Е. 62
- Alfieri V. см. Альфьери В.**
Aubert-Audet J.-В.-D. 124
- Barnett D.** 120, 121
Beecher D. 111
Bieliński J. 171
Bignicourt S. de 94
Boiste P. C. V. 96
Butrica J. L. P. 114
- Caballero F.** 156
Calvalho P. de 156
Carey Ch. S. 155
Chalas P. 34
Cornwall В. см. Корнуолл Б.
Curzon of Kedleston G. N. см. Керзон Дж. Н.
- Deffant M., marquise du** 94
Delaplace Fr. 124

Demandre A. 124
Dorange P. 124

Hordyński Z. 171

Imbert G. 90
Isnard A. N. 94

Le Brun Ch. *см.* Лебрен III.

Mazon A. 97
Mazzini G. 155
McKenzie A. T. 120
Mejszutowicz Z. 171
Mercier L.-S. 109
Milman H. 44
Monglave E. de 34
Montagu J. 116
Musset A. 56

Noël Fr. 124

Picart B. 116, 118, 119
Pope A. 109

Reeve I. J. 155

Sadzińska E. 40
Siddons H. 120, 121
Skwarczyński Z. 171
Smith M. 110
Sobol V. 111
Sonis F. de 136
Stanhope Ph. D., 4th Earl of Chester-
field 108

Vila A. C. 111
Voltaire *см.* Вольтер

Walpole H. 94
Weber F. P. 155
Wilson J. 44

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной 25, 35

Амур и Гиленей 42

Анджело 196, 201, 203, 208

<Арап Петра Великого> 24, 25, 26, 33, 35, 36

Арион 23, 32

«Байрон говорил...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания

Бахчисарайский фонтан 267

Бесы 252, 254, 255, 288

«Блажен в золотом кругу вельмож...» 33, 36

«Близ мест, где царствует Венеция золотая...» 23, 24, 29, 36, 41, 45, 59, 63

Борис Годунов 23, 24, 107, 191, 273, 277, 288

«Браните мужчин вообще...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...» 41, 46, 59, 61, 75, 252, 255

Будрыс и его сыновья 54, 56, 60, 62, 80

«Буря мглою небо кроет...» см. Зимний вечер

В альбом («Что в имени тебе моем...») см. «Что в имени тебе моем...»

В альбом («Я не люблю альбомов модных...») см. И. В. Слëнину

В альбом (Е. Н. У<шако>вой) («Вы избалованы природой...») см. Е. Н. У<шако>вой

«В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера...» 33, 36

«В часы забав иль праздной скуки...» 41, 46, 52, 60, 61, 76

<Вадим> («Свод неба мраком обложился...») 42, 53, 57, 58, 61, 67

«Весна, весна, пора любви...» 20, 21, 22, 27

«Вечерня отошла давно...» 107, 111

«...Вновь я посетил...» 107

«Во глубине сибирских руд...» 251

Воевода 54, 56, 60, 62, 81

Вольность 251

Вольтер 15

«Ворон к ворону летит...» 41, 47, 48, 59, 61, 73

«Всем красны боярские конюшни...» 33, 35

Вурдалак см. Песни западных славян

Гл<инке> 29

«Гордиться славою своих предков...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания

«Гости съезжались на дачу...» 284

Граф Нулин 34

Д<авыдов>у («Нельзя, мой толстый Аристип...») 41, 43, 58, 68

Два ворона см. «Ворон к ворону летит...»

Деревня 251, 256

Домик в Коломне 288

<Дубровский> 285

Евгений Онегин 20, 21, 24, 26, 27, 29, 33–35, 38, 165, 212, 218, 252, 254, 255, 266, 267, 270, 275, 288

Египетские ночи 186

«Едва уста красноречивы...» 20

Езерский 196

«Если звание любителя отечественной литературы...» 29, 36

«Есть различная смелость...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания

Жених 41, 43, 54, 55, 59, 70

Жуковскому («Когда, к мечтательному миру...») 41, 48, 58, 61, 64, 66

Загадка см. «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...»

Заклинание 267

Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова 212

<Замечания на «Анналы» Тацита> 30, 32

Записки бригадира Моро-де-Бразе 212

Земля и море 40, 47, 48, 58, 67

Зимнее утро 46, 252

Зимний вечер 255

«И я бы мог...» 20, 21, 22

И. В. С*** см. И. В. Слёнину

Из Анакреона («Кобылица молодая...») см. «Кобылица молодая...»

Из Анакреона. Отрывок («Узнают коней ретивых...») 56, 57, 60

Из Афenea 54, 56, 60, 63, 79

Из Гафиза 38, 41, 46, 52, 53, 56, 57, 59, 61, 63, 74

Из «<Конрада> Валленрода» см. «Сто лет минуло, как тевтон...»

Из Ксенофана Колофонского 54, 56, 60, 63, 79, 80

Из Пиндемонти 56, 57, 60

Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью...») 56, 60

Из Alfieri 23, 33, 35, 56, 57, 59

Из Barry Cornwall 41, 46, 53, 56, 57, 60, 63, 78
«Иностранцы, утверждающие...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания
Испанский романс см. «Ночной зефир...»
История Петра 212
История Пугачева см. История Пугачевского бунта
История Пугачевского бунта 212, 216, 218
История села Горюхина 289

К *** («Я помню чудное мгновенье...») 252–254
К А. П. Керн см. К *** («Я помню чудное мгновенье...»)
К вельможе 52
К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени...») 107, 125–131
К Лидию см. Лидию
К поэту см. Поэту
К Чедаеву («Любви, надежды, тихой славы...») 250, 255
К Языкову («Издревле сладостный союз...») 41, 49, 52, 53, 58, 68, 69
К Яз<ыкову> («Яз<ыков>, кто тебе внушил...») 22, 29
Кавказский пленник 21, 165
«Как сатирой безымянной...» 41, 46, 59, 74
«Какая ночь! мороз трескучий...» 20–22
«Каков я прежде был, таков и ныне я...» 41, 47, 59, 70, 71
Каменный гость 267, 271, 288, 293
Капитанская дочка 196, 200, 203, 258–264, 267
<Кипренскому> («Любимец моды легкокрылой...») 30, 32, 37
Клеопатра 29
Княгине Э. А. Волконской 41, 49, 59, 71
«Кобылица молодая...» 41, 45, 53, 56, 59, 61, 72
«Когда за городом, задумчив, я брожу...» 106, 107, 132
Козлову 41, 49, 59, 62, 70
Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве см. Борис Годунов
Красавица 42, 54, 60, 63, 78, 79
«Кс. [доказывающая глупость]...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания
«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...» 41, 46, 54, 59, 61, 74

Лидию 40, 42, 43, 58, 64, 65

Мадонна 41, 44, 51, 54, 57, 60, 77, 252
«М<илостивый> г<осударь> N N, вы не знаете правописания...» см. Отрывки
из писем, мысли и замечания
Медный всадник 190, 196, 197, 201
Метель см. Повести покойного Ивана Петровича Белкина
«Мне пришла в голову мысль...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания
Молдавская песня см. Черная шаль
<Мордвинову> («Под хладом старости угрюмо угасал...») 30, 37
Море и земля см. Земля и море

Москва см. Евгений Онегин
Моцарт и Сальери 252, 255, 271, 288, 293
Моя родословная 3, 99–106, 253, 256
Мысли см. Отрывки из писем, мысли и замечания

Н. Н. При посылке ей «Невского альманаха» («Примите “Невский альманах”...») 41, 43, 59, 62, 64, 69, 70

«На небесах печальная луна...» 110

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...» 38, 41, 46, 60, 61, 75

Наполеон на Эльбе 107, 121–125

«Не знаю где, но не у нас...» 88, 89, 91, 92, 95, 97

«Не пленяйся бранной славой...» см. Из Гафиза

«Не то беда, что ты поляк...» 103

«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» 42

«Ночной зефир...» 41, 45, 59, 61, 69

«О бедность! Затвердил я наконец...» 290

<О вечном мире> 290

О Гавр<иле> Григ<орьевиче> Пушк<ине> 32, 37

«О дева-роза, я в оковах...» 40, 42, 47, 59, 63, 70

<О драмах Байрона> 29

<О записках Видока> («В одном из № “Лит<ературной> газеты” упоминали о Записках парижского палача...») 103

О народном воспитании 20, 34, 274, 277

О ничтожестве литературы русской 48

О поэзии классической и романтической 48

«О ты, который сочетал...» 290

<Об альманахе «Северная лира»> 21

Ода вольность см. Вольность

«Одна из причин жадности...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания

Орион см. Арион

Отрывки из писем, мысли и замечания 26, 28–30, 33, 35–37, 88, 97

Отрывок см. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

Отрывок из Андрея Шенье («Каков я прежде был, таков и ныне я...») см. «Каков я прежде был, таков и ныне я...»

Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году) («Свод неба мраком обложился...») см. <Вадим>

П***ну см. П<ушки>ну

Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Перевод неизданных стихов Андрея Шенье см. «Близ мест, где царствует Венеция золотая...»

Песни западных славян 38, 133, 288

Песни о Стеньке Разине 288

Песнь о вещем Олеге 165, 288

- Песня («Пью за здоровье Мери...») см. Из Barry Cornwall
 Пиковая дама 267
 Пир во время чумы 41, 44, 55, 56, 60, 77, 78, 271, 288, 293
 Повести покойного Ивана Петровича Белкина 111, 245, 275, 288, 290
 <Повесть из римской жизни> 132
 «Повторенное острое слово...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания
 «Погасло дневное светило...» 40, 49, 58, 66
 «Под небом голубым...» 24, 34
 Подражание Анакреону см. «Кобылица молодая...»
 Подражание Байрону см. «Погасло дневное светило...»
 Подражание турецкой песне см. «О дева-роза, я в оковах...»
 Подражание А. Шенье см. «Ты вынешь и молчишь; печаль тебя сдает...»
 Подражания Корану 288
 «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...» 41, 46, 59, 61, 75
 Полководец 134, 200, 201
 Полтава 23
 «Полу-милорд, полу-купец...» 91
 «Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит...» 112
 Послание в Сибирь см. «Во глубине сибирских руд...»
 Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг, он...») 24, 28, 32, 33, 36, 37, 41, 43, 52, 53, 59, 63, 71
 Послание к Чаадаеву см. К Чаадаеву
 Поэт («Пока не требует поэта...») 28
 Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной...») 29, 53, 59, 63, 73, 252, 253, 257
 Поэт и чернь см. Поэт и толпа
 Поэту 41, 44, 51, 54, 60, 62, 77
 «Проза кн<язя> В<яземского>...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания
 Прозерпина 53, 57, 58, 68
 Пророк 253, 254
 Путешествие в Арзрум 293
 <Путешествие из Москвы в Петербург> 48
 Путешествие Онегина см. Евгений Онегин
 П<ушки>ну («Что восхитительней, живей...») 49, 53, 58, 66
- Разговор Книгопродавца с Поэтом** 38
 «Рифма, звучная подруга...» 33, 35, 36
 <Роман в письмах> 285
 <Рославлев> 285
 Русалка («Над озером, в глухих дубровах...») 42
 Руслан и Людмила 7, 255
- С португальского** («Там звезда зари взошла...») 33–36
 «С таковыми глубок<ими> суждениями...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания

Сафо 42

«Сводня грустно за столом...» 26, 35, 293

Сказка о золотом петушке 55, 195, 196, 198–200, 207–209

Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 55

Сказка о рыбаке и рыбке 55

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 55

Скупой рыцарь 252, 255, 271, 288, 293

И. В. Слѣнину 53, 59, 72

Соловей и роза 52, 59, 63, 71

Сон 107, 112–121

Сон. (Отрывок из Новгородской повести: Вадим) см. <Вадим>

Сонет 41, 44, 51, 54, 57, 60, 76

Станцы («Брожу ли я вдоль улиц шумных...») см. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

Станцы («В часы забав иль праздной скуки...») см. «В часы забав иль праздной скуки...»

Старик. Из Марота 41, 42, 58, 61, 64, 65

<Стихотворения Евгения Баратынского> 28, 29, 36

«Сто лет минуло, как тевтон...» 41, 44, 53, 56, 59, 61, 72

Сцена из Фауста 288

<Тазит> 111

«Ты вынешь и молчишь; печаль тебя снедает...» 41, 42, 46, 47, 59, 61, 69

Ты и я 110

Утопленник 41, 44, 54, 55, 59, 73

«Ученый без дарования...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания

Е. Н. У<шако>вой («Вы избалованы природой...») 41, 49, 53, 59, 74

«Храни меня, мой талисман...» 19

Христос воскрес 164

Цыганы 19–21, 33, 34, 255, 267

Цыганы («Над лесистыми берегами...») 41, 44, 60, 78

«Чем более мы холодны...» см. Отрывки из писем, мысли и замечания

Череп см. Послание Дельвигу

Черная шаль 40, 43, 58, 61, 62, 66, 67

Чернь см. Поэт и толпа

«Что в имени тебе моем...» 41, 46, 60, 76

«Что с тобой, скажи мне, братец?..» см. <Повесть из римской жизни>

Шотландская песня см. «Ворон к ворону летит...»

Элегический отрывок с.м. «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...»

Эпиграмма («Как сатирой безымянной...») с.м. «Как сатирой безымянной...»

Юноша с.м. Сафо

«**Я** памятник себе воздвиг нерукотворный...» 251, 288

«Я помню чудное мгновенье...» с.м. К *** («Я помню чудное мгновенье...»)

Еx ungue leonem («Недавно я стихами как-то свистнул...») 52

«**P**rude, coquette...» с.м. Отрывки из писем, мысли и замечания

«**T**out les genres sont bons...» с.м. Отрывки из писем, мысли и замечания

«**U**n sonnet sans défaut...» с.м. Отрывки из писем, мысли и замечания

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. И. Краснобородько, В. В. Турчаненко. Новое о библиотеке Пушкина. <i>Дополнения к каталогу Б. Л. Модзалевского</i> ..	5
С. Б. Федотова. «Михайловские» тексты лета — осени 1827 года в рабочих тетрадях Пушкина ПД 833 и ПД 836	19
М. Н. Виролайнен. Пушкинские заглавия как текстологическая проблема	38

II. ОБЗОРЫ

Оксана Якименко (Венгрия). Пушкин как объект культа. <i>О книге Жофии Калавски «Тотальный Пушкин: Популярные жанры в формировании культа Пушкина»</i>	82
---	----

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Андрей Добрицын (Швейцария). Эпиграмма Пушкина «Не знаю где, но не у нас...» и семантические галлицизмы	88
Т. А. Китанина. Об оправданности нарушения академической эдиционной практики. <i>Казус «Моей родословной»</i>	99
Е. В. Кардаш. «Интересная бедность». <i>О комментировании поэтической фразеологии</i>	106
А. В. Курочкин, Е. М. Хитрово в дуэльной истории Пушкина ..	133
Илья Виноцкий (США). Пушкин и погром. <i>(История «устной эпиграммы» поэта)</i>	146
А. И. Рейтблат. Кто скрывался за литератами Ж. К. и Д. Р. К. в «Сыне отечества» и «Северной пчеле» (1823—1827)?	165

IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Из переписки Л. П. Гроссмана и П. П. Перцова. <i>Публикация Михаила Эдельштейна (Израиль)</i>	183
Я. В. Слепков, Анна Ахматова в работе над комментарием к рукописям Пушкина	195
Академическое Полное собрание сочинений Пушкина между двух огней: Докладная записка В. Д. Бонч-Бруевича С. И. Вавилову. <i>Публикация В. В. Турчаненко</i>	211
Н. Ю. Бакшаева, Д. М. Цыганов. Пушкин и мужики revisited. <i>К социологии пушкинской народности и истории массового чтения классики в 1920-е годы</i>	236

V. ХРОНИКА

О. С. Муравьева. Онлайн-семинар «Пушкин и его эпоха»	265
А. А. Васильев, О. В. Марченко. Словарь французского языка Пушкина	279

VI. IN MEMORIAM

М. Н. Виролайнен, Т. И. Краснобородько. Сергей Алек- сандрович Фомичев	286
Библиография работ С. А. Фомичева (2017—2024). <i>Составил А. Ю. Балакин</i>	290
Условные сокращения	294
Summary	295
Указатель имен	323
Указатель произведений А. С. Пушкина	335

CONTENTS

Foreword.....	3
---------------	---

I. MATERIALS AND PUBLICATIONS

Tat'yana Krasnoborod'ko, Vladimir Turchanenko. New about Pushkin's personal Library. <i>Additions to the catalog compiled by Boris Modzalevsky</i>	5
Svetlana Fedotova. Pushkin's Texts Written in Mikhailovskoye from the Summer — Autumn of 1827 in His Working Notebooks PD 833 and PD 836	19
Maria Virolainen. Pushkin's Titles as a Textual Problem.	38

II. REVIEWS

Oksana Yakimenko. Pushkin as a Subject of Admiration. <i>A review of the book by Zsófia Kalavszky, "Total Pushkin: The popular genres that shaped the cult of Alexander Pushkin"</i>	82
--	----

III. ARTICLES AND NOTES

Andrei Dobritsyn. Pushkin's Epigram "I don't know where, but not in our country..." and Semantic Gallicisms.	88
Tatyana Kitanina. On the Justification for Violating Academic Traditions of Publishing: The Case of "My Ancestry"	99
Elena Kardash. "Interesting pallor". <i>On Commenting on Poetic Phraseology</i>	106
Alexander Kurochkin. Elizaveta Khitrovo's Role in Pushkin's Duel	133
Ilya Vinitzky. Pushkin and the Pogroms. <i>The Story of the Poet's "Oral Epigram"</i>	146
Abram Reitblat. Who was hiding behind the Letters J. K. and D. R. K. in "Son of the Fatherland" and "Northern Bee" (1823—1827)?	165

IV. FROM THE HISTORY OF PUSHKIN STUDIES

Mikhail Edelstein. From the Correspondence of Leonid Grossman and Pyotr Pertsov.	183
Iakov Slepkov. Anna Akhmatova at Work on a Commentary on Pushkin's Manuscripts	195
Vladimir Turchanenko. Academic Edition of Pushkin's Works Caught between Two Fires. Vladimir Bonch-Bruevich's Memorandum to Sergei Vavilov.	211

Natalia Bakshayeva, Dmitry Tsyganov. <i>Pushkin and the Muzhiks Revisited. Towards the sociology of the Pushkin's Narodnost and the History of the Mass Reading of Classics in the 1920s</i>	236
--	-----

V. CHRONICLES

Olga Muravyova. Online-Seminar: "Pushkin and His Era"	265
Alexey Vasiliev, Oleg Marchenko. <i>Dictionary of Pushkin's French</i>	279

VI. IN MEMORIAM

Maria Virolainen, Tat'yana Krasnoborod'ko. <i>Sergey Fomichev</i>	286
<i>Bibliography of Sergey Fomichev's works (2017–2024). Compiled by Alexey Balakin</i>	290
List of Abbreviations	294
Summary	295
Index of Names	323
Index of Pushkin's Works	335

Главный редактор

Алексей Юрьевич Балакин
Кандидат филологических наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Редакционная коллегия

Всеволод Евгеньевич Багно
Член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Мария Наумовна Виролайнен
Член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Елена Николаевна Григорьева
Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Екатерина Евгеньевна Дмитриева
Член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Александр Анатольевич Карпов
Доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Татьяна Ивановна Краснобородько
Кандидат филологических наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ольга Борисовна Лебедева
Доктор филологических наук, профессор
Томский государственный университет

Адрес редакции:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
E-mail: irliran@mail.ru

Научное издание

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

Выпуск 40

Сборник научных трудов

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
при Отделении историко-филологических наук
Российской академии наук*

Учредитель: Федеральное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Издание зарегистрировано
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-64948 от 24 февраля 2016 г.

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс издания — ВН019073
по каталогу агентства «Урал-Пресс».
Цена свободная

Редактор издательства *О. Э. Карпеева*
Корректор *А. С. Лобанова*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*

Сдано в набор 01.09.2025. Подписано к печати 24.11.2025.
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Академическая. Заказ №
Усл. печ. л. 21,69. Тираж 300 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: <http://www.rostokbooks.ru>
197755, Санкт-Петербург, пос. Лисий Нос, пр. Раздельный,
д. 10, литера А.

По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 937-98-70

Отпечатано в типографии ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4